

А 361886

СЕМИНАРІЙ

ПО

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Проф. И. И. Замотинъ).

Рефераты по группѣ
народной словесности

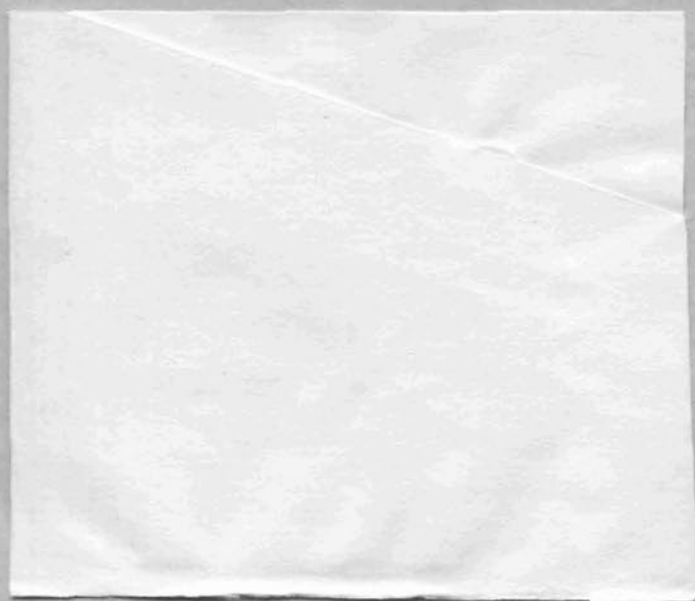
1911-12 акад. годъ.

ВАРШАВА.

Типо-литографія Т-ва Б. А. БУНАТЫ, Вспульная 46.

А.П. СКАФ'ЫМС/ВА

С Е М И Н А Р И Й.

по истории русской литературы

/проф. И. Замотинъ./

1.

Рефератъ по группѣ народной

С Л О В Е С Н О С Т И

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Саратовскаго
Университета

А361886

Варшава 1911 - 12 акад. год.

Лит. В. А. Букалы Вспульная 46.

РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ

О. И. Буслаева.

/по статьямъ Буслаева: "Русскій богатырскій эпосъ" и
"Бытовые слои русскаго эпоса:"/

"Народный Эпосъ, какъ въ
зеркалѣ, отражаетъ истори-
ческія судьбы страны и ея
интересы!"

О. И. Буслаевъ.

Эти слова вполне могутъ быть поставлены эпи-
графомъ къ сочиненіямъ Буслаева о русскомъ быле-
вомъ эпосѣ. Отраженіе историческихъ судебъ страны
и ея интересовъ - вотъ что прежде всего, по мнѣнію
Буслаева, можно усмотрѣть во всякомъ народномъ эпо-
сѣ. Этотъ свой взглядъ Буслаевъ наиболѣе полно раз-
вилъ въ двухъ вышезначенныхъ статьяхъ, причемъ вто-
рая изъ нихъ - "Бытовые слои русскаго эпоса" яв-
ляется рецензіей на книгу О. Миллера: "Илья Муро-
мецъ и богатырство кіевское". Не раздѣляя вполне
взглядъ Миллера на "слоевый" составъ народнаго рус-
скаго эпоса, Буслаевъ въ своей статьѣ высказываетъ,
между прочимъ, нѣкоторыя соображенія въ пользу

I/Эти статьи помѣщены въ "Сборн. отд. рус. яз. и слов.
И. А. Н. 1887г. т. 42, №2; въ этомъ изданіи онѣ здѣсь и
цитируются.

своего историко-бытового толкованія русских былинъ. Поэтому мы и начнемъ изложеніе взглядовъ Буслаева съ разбора этой второй статьи.

О. Ө. Миллеръ является въ исторіи народной словесности, какъ извѣстно, представителемъ миеологической теоріи. По его мнѣнію, въ основѣ народнаго эпоса дежитъ миеологія природы, т. е. всѣ выводимыя въ былинахъ лица и событія г. Миллеръ смотритъ не какъ на выразителей историческихъ судебъ народа, а какъ на миеологическія образы, созданные обожествленіемъ силъ и явленій природы. Такъ, напр. если въ былинѣ разсказывается какое либо событіе — похищеніе невесты, единоборство богатырей и т. п. то это не что иное, какъ тепло или холодъ, свѣтъ или тьма, солнце и мѣсяць съ звѣздами, небо и земля, громъ и туча съ дождемъ; если въ былинѣ поется о горѣ, то это не гора, а облако; если богатырь поражаетъ Горыню, то это означаетъ молнію, прорывающую тучу. Второй существенной чертой теоріи Миллера является созданная имъ общая формула, прилагаемая при объясненіи почти всѣхъ былинъ.

"Если вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, — говоритъ онъ, то въ ней непременно должны оказаться три существа, столько тутъ необходима, какъ для предложенія необходимы три его составныя части"; Это: "свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго; б/ темное существо, кото-

рое... въ концѣ концовъ непременно должно быть по-
бѣждено; в/существо, изъ за котораго и дѣлается
нападеніе на злую силу". Эта формула, по мнѣнію г.
Миллера, лежитъ въ основѣ большинства былинъ; наи-
болѣе же типичной въ этомъ отношеніи является тотъ
эпизодъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ говорится,
какъ онъ, покоривъ Соловья - Разбойника, привозитъ
ого связаннаго и раненаго въ Кіевъ къ князю Влади-
миру. Ильа Муромецъ, Соловей - Разбойникъ и князь
Владимиръ и являются тѣми главными существами, о
которыхъ говоритъ упомянутая формула; въ примѣне-
ніи же къ этой былинѣ миеологическаго толкованія
она будетъ имѣть такой смыслъ: громовникъ - молніе-
носецъ /Ильа Муромецъ/ поражаетъ черную тучу /Соло-
вья - Разбойника/, которая заложила путь къ крас-
ному солнышку /Владимиру./

Возражая противъ исключительно-миеологичес-
каго толкованія Миллеромъ былинъ и притомъ съ
т.ар. означенной формулы, Буслаевъ отмѣчаетъ прежде
всего тотъ недостатокъ послѣдней, что она "слиш-
комъ обща, потому что все, что угодно, можно вста-
вить въ ея широкія рамы". Такое общее объясненіе
скорѣе приложимо къ сказкѣ, которая "можетъ цѣлк-
комъ состоять изъ какаго-нибудь миеа природы, не
пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому
она и не любитъ собственныхъ именъ." Въ нѣкоторомъ

Ср. о жидовских сказках и легендах у Саломеи
и мусульманских легендах, легендах, легендах

Всеподобно - 4 -
Ср. также в Русской литературе о жидовских сказках и легендах

царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь",
говорить она вообще..... Напротивъ того, былина
помѣщаетъ своего князя Владимира въ Кіевъ, ведетъ
своего Илью Муромца изъ села Качарова, черезъ лѣса
Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города
Чернигова и т. д. Однимъ словомъ, помимо общаго
большинству былинъ внѣшняго построенія, онѣ заклю-
чаютъ въ себѣ много частныхъ, которыя окрашены,
"въ мѣстный, бытовой колоритъ", и которыя требуютъ
того или иного объясненія. Почему, напр. извѣст-
ное чудище "названо соловьемъ и разбойникомъ, по-
чему самъ онъ живетъ на деревьяхъ, а семья его въ
хоромахъ, окруженныхъ дворомъ и т. д." Наконецъ, заклю-
чаютъ Буслаевъ, прилагать къ былинамъ исключитель-
но миеологическое толкованіе, игнорируя лежащій
на нихъ историко-бытовой отпечатокъ, значитъ "отка-
зать народному эпосу въ его національномъ интере-
сѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ
герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя,
болѣе человѣческое, нежели устарѣлыя мненіа о солн-
цѣ, дождѣ или громѣ". I/ Въ пользу того, что дальне
ранній народный эпосъ не чуждъ характера историчес-
каго говоритъ фактъ заимствованія лѣтописью нѣко-
торыхъ былинныхъ эпизодовъ; таковы лѣтописныя ска-
занія о Кіѣ, Щекѣ и Хоровѣ, о лишеніи Ольги, о под-

I/ Сборн. Ак. Н. 1887 г. м 42. №2, стр. 250.

выгала Александра Поповича, о Могути, объ Евпатіи Коловратѣ, наконецъ, самое испытываніе вѣроисповѣданій, съ такою увѣренностью выдаваемое лѣтописцемъ за историческій фактъ, носятъ въ себѣ явный характеръ легендарнаго вымысла, болѣе свойственнаго народной фантастикѣ, нежели исторической дѣйствительности. Все это, по мнѣнію г. Буслаева, свидѣтельствуеъ о томъ, что "уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться исторически къ всему прошедшему".

Итакъ исключительное миеологическое толкованіе русскаго народнаго эпоса, по мнѣнію Буслаева, не имѣетъ за собой достаточныхъ основаній. Для болѣе полнаго усвоенія его необходимо "прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ". 2/ Правда, самъ Буслаевъ не чуждъ того, чтобы усматривать миеологическіе элементы въ народномъ эпосѣ, но только на самой ранней ступени его зарожденія; онъ соглашается съ тѣмъ, что "былина своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ миеологическими возрѣніями на природу". 3/ Но уже на этой первоначальной стадіи своего развитія былины отразили на себѣ мѣстный колоритъ, такъ какъ на миеологию природы, которая давала содержаніе былинѣ, оказывали вліяніе самая мѣстность, гдѣ народъ жилъ, а также образъ жизни и занятій его. Свой

разборъ русскаго былевого эпоса г. Буслаевъ и начинается съ установленія между миеологическимъ содержаніемъ древнѣйшихъ былинь отъ бытовыхъ факторовъ жизни русскаго народа въ доисторическій періодъ.

Въ послѣдовательномъ развитіи богатырскихъ типовъ Буслаевъ, какъ и другіе историки, различаетъ двѣ эпохи: эпоху богатырей старшихъ и младшихъ. Въ свою очередь эпоха старшихъ богатырей также не является однородной по характеру своихъ героевъ, т.е. старшіе богатыри на болѣе ранней ступени являлись существами стихійными, татанческими, олицетворявшими миеическія представленія русскихъ о предметахъ природы и о различныхъ явленіяхъ; затѣмъ, по мѣрѣ развитія исторической жизни народа, и богатыри стали запечатлѣвать на себѣ и нѣкоторыя историко-бытovyя черты. На такой различный характеръ старшихъ богатырей указываютъ и самыя имена ихъ. Одни изъ этихъ именъ имѣютъ миеологическій смыслъ, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Зміевичъ, Дунай, Донъ; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напр. Самсонъ богатырь, Идолице поганое. Старчище, Пилигримище; нѣкоторые заимствованы изъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ, а такой богатырь, какъ Микула Селянановичъ уже носитъ въ

себѣ явные слѣды преданій о первобытныхъ судьбахъ славянъ.

Преимущественное вліяніе на созданіе типа старшаго богатыря въ образѣ стихійнскаго миеологическаго существа оказали рѣки, такъ какъ послѣднія имѣли существенное значеніе въ жизни древнихъ русскихъ. Лѣтописецъ несторъ, говоря о славянскихъ племенахъ, описываетъ ихъ расселеніе по рѣкамъ. Да и въ самомъ дѣдѣ, для первобытнаго чловѣка, имѣвшаго еще мало средствъ для борьбы за существованіе, рѣки давали въ этомъ отношеніи чрезвычайно много: они являлись для него удобными путями переселенія и сообщенія, а также служили преградой и защитой отъ нападенія враговъ; рѣки предоставляли чловѣку пищу, а рѣчные берега являлись самымъ пригоднымъ мѣстомъ для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Въ виду огромнаго значенія рѣкъ въ жизни первобытнаго чловѣка, у послѣдняго естественно являлась мысль принимать имъ элементъ сверхъестественнаго, миеическаго и установить родственную связь ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ былинахъ мы и находимъ сказанія о миеологическомъ происхожденіи рѣкъ. Отъ великановъ, титаническихъ существъ и олицетвореніи ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Такъ, рѣки Донъ и Днѣстръ, по русскому эпосу, произошли отъ

богатыря Дона и его вѣщей супруги Нипры Короле-
вичны, т.е. Днѣстры /зм. м.р. Днѣстръ/ Последняя
отличалась воинственнымъ характеромъ и мѣтко

стрѣляла изъ лука. Дону стало досадно, что жена
его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ изъ
лука, и онъ рѣшилъ устроить съ ней сотоаніе въ
стрѣльбѣ на пиру у князя Владимира. И здѣсь Нѣпра
удивила всѣхъ своею опытною стрѣльбою. Тогда Донъ
съ досады стрѣлялъ въ жену и убилъ ее. Распластавъ
убитую жену, онъ нашелъ въ ея утробѣ необычайнаго
сына. У него:

По колѣнъ-то ноженъки въ серебрѣ,

По локоть-то рученьки въ золотѣ и т.д.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не бу-
дучи выношено въ утробѣ матери, должно было погиб-
нуть, Донъ убилъ и себя, и вотъ тутъ отъ нихъ
и протекала рѣка Донъ, а отъ Днѣпры Королевичны
потекла рѣка Днѣстръ. То же рассказывается и о
Дунаѣ, только вмѣсто Днѣпры онъ женатъ на воинст-
венной Настасѣ Королевичнѣ, и сестрѣ Апраксѣевны,
супруги князя Владимира.

"Гдѣ пала Дунаева Головушка,

Протекала рѣчка Дунай рѣка," поется въ
былинѣ. Рѣку Волховъ русскій эпосъ также произво-
дитъ отъ какого то божества, которое въ болѣе
позднюю эпоху воплощается въ богатырской личнос-

сти Волха Всеславича /причемъ названіе Волховъ является формой прилагательнаго къ слову Волкъ, подобно тому какъ отъ Кія образовано слово Кіевъ/. Такимъ образомъ мислогическое представленіе древнихъ русскихъ о рѣкахъ нашло себѣ отраженіе о былинахъ.

Въ связи съ значеніемъ рѣкъ въ древней Руси находилось и значеніе перевоза черезъ рѣку и рѣчного брода. Здѣсь происходили вражескія стучки и возники города. Такъ, лѣтописецъ, упоминая о походе Владимира на печенѣговъ, говоритъ, что Владимиръ "срѣте и на Трубежи на бродѣ, гдѣ нынѣ Переяславль". Начало Кіева лѣтопись объясняетъ такимъ образомъ:

"У Кіева бо быше перевозъ тогда съ оной стороны Дунае, тамъ плылоу на перевозѣ, на Кіевѣ; т. е. сначала говорили перевозъ Кіевъ, а потомъ стали говорить просто Кіевъ, одно прилагательное безъ существительнаго. Отсюда возникло преданіе, что Кій былъ перевозчикомъ. Таково же и псковское преданіе объ Ольгѣ, именно что послѣдняя была перевозчицею на рѣкѣ Великой. Отсюда мы можемъ заключить, что званіе перевозчика въ древней Руси было довольно почетно. Указаніе на это мы находимъ въ былинахъ, которыя приписываютъ это званіе лицамъ богатырскаго происхожденія, именно: старшая дочь Соловья Разбойника была перевозчи-

цей на Дунаѣ рѣкѣ. Дальше, въ лѣтописи и у Карзина жители на бродѣ навываються бродниками; того же происхожденія и значенія и былинныя названія - Збородовичи, братья Збородовичи, съ отеческимъ окончаніемъ - ичъ.

Довольно значительное вліяніе, хотя и в меньшей степени, чѣмъ рѣки, оказали на содержание былинъ миеологическія представленія русскихъ о горахъ. Если рѣки и вообще прибрежныя мѣста имѣли значеніе, главнымъ образомъ, въ обыденное, мирное время, то горы являлись наиболее выгоднымъ стратегическимъ пунктомъ во время войны, почему они занимались предводителями племенъ, основавшими тамъ свою державу. Такъ, о 3-хъ братьяхъ Кіѣ, Ще и Хоривѣ лѣтопись рассказываетъ, что они сѣли на горахъ. "Сидяше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ увезъ Боричевъ, а Щекъ сѣдыше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвая Хорезица." Горы же были признаны первобытнымъ человѣкомъ наиболее достойнымъ "подножіемъ" божества, почему и на горахъ и ставились статуи боговъ и храмы. Поэтому истуканъ Перуна стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, на горѣ также стояло капище. Волосу въ предѣлахъ Владимирскихъ. Въ связи съ такимъ представленіемъ о горахъ находится и легендарное преданіе о водруженіи апосто-

Ломъ Андреевъ креста на горахъ Кіевскихъ. Такимъ образомъ съ представленіемъ о горахъ въ сознаниі древнихъ русскихъ соединялась мысль, какъ о явленіи необычномъ, исключительномъ, почему онѣ и получили мѣгическую окраску. Это исключительное представленіе о горахъ сказалось и на содержаніи былины, которая такъ или иначе связываютъ горы съ чудовищами и богатырями. Такъ, извѣстный былинный Змѣй названъ Горыничемъ, потому что живетъ въ горѣ или на горѣ, поэтому же и исполинская городѣйка прозывается Бабою - Горынянкой. Но наиболѣе истиннымъ мѣгическимъ представителемъ горныхъ силъ является въ былинахъ богатырь Святогоръ. Уже самое имя указываетъ на связь съ горою: онъ живетъ на Святыхъ Горахъ, потому что "его и земля на себѣ черезъ силу носить", говорятъ о немъ калики переходяіе Ильѣ Муромцу. Въ былинѣ о Святогорѣ интересенъ конецъ быliny, рисующій гибель этого богатыря. Онъ хотѣлъ поднять тягу земную, но его силы на то не хватило. Съ натури

По колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,...

Гдѣ Святогоръ угрызъ тутъ и встать не могъ

Тутъ ему было и кончаніе.

То - есть этотъ богатырь превратился въ гору, явился какъ бы родоначальникомъ горы, подобно тому какъ богатыри Донъ и Дунай дали начало одноимен-

нымъ рѣкамъ Такова же тѣсная связь съ горою и великана, о которомъ упоминается въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ. Однажды услышалъ Илья Муромецъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомерной, котораго и земля не держитъ, и захотѣлъ съ нимъ силой померяться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, самъ какъ гора. Илья Муромецъ сталъ наносить ему удары, но послѣдніе были почти нечувствительны для великана. Обращаясь онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: "А это ты, Илья Муромецъ, Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а сомною нечего мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ. Меня и земля не удержитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней. Итакъ, этотъ великанъ сросся съ горой и представляетъ съ ней нераздѣльное цѣлое. Но не только эти два богатыря оканчиваютъ свое существованіе превращеніемъ въ горы. Былина о томъ, "отъ чего перевелись витязи на се- той Руси!" приписываетъ такую же судьбу и всѣмъ богатырямъ. Правда, въ этой былинѣ говорится о гибели младшихъ богатырей, но г. Буслаевъ находитъ возможнымъ распространить ея содержаніе и на богатырей старшихъ и видимъ въ ней указаніе на міровыя катастрофы, постигавшія нашу планету, память о чемъ сохранилась въ сказаніяхъ другихъ народовъ / напр., въ греческомъ сказаніи о возстаніи титановъ противъ

англійскихъ боговъ/. Однажды богатыри, рассказыва-
етъ былина, возгордившись своей побѣдой надъ
татарами, стали вызывать на бой силу нездѣшнюю,
небесную. Явилась небесная сила, и богатыри вступи-
ли съ ней въ бой. Но отъ каждаго удара богатырей
сила противниковъ не уменьшалась, а увеличивалась
вдвое. Тогда испугались могучіе витязи:

Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры..

Какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣть

Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть....

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на Святой

Руси.

Такимъ образомъ, миеологическія представленія
русскихъ о горныхъ богатыряхъ, поскольку они отра-
зились на былинахъ, разрѣшаются сказаніемъ о пре-
ращеніи этихъ богатырей въ дѣйствительныя реаль-
ныя горы.

Итакъ, народный Эпосъ успокаиваетъ запуган-
ное воображеніе человѣка, превращая страшныя тита-
ническія существа въ рѣки и горы и тѣмъ"наглядно
убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхестественныхъ
силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса,
въ которой онѣ на всегда улеглись!

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной

природн, чловкъ перенесъ элементъ сверхъестественнаго, миеческаго на животныхъ - звѣрей, птицъ, и особенно змѣй. Миеческія преданія о чудовищныхъ змѣяхъ и волнахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища у Славянъ восходятъ къ глубокой древности. Геродотъ, говоря о Неврахъ подъ которымъ нужно разумѣть славянъ, рассказываетъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ принимаетъ опять свой прежній видъ. Далѣе среди самихъ славянъ одно имя называлось Волками или Лютичами, т.е. потомками Люта или Лютаго, эпитета волна и вообще звѣря. Наконецъ, народы дикіе и воинственные, наводившіе страхъ на славянъ, получили имена Змievъ, Волно..., Лютыхъ Звѣрей. Такимъ образомъ съ представленіемъ древнихъ славянъ о звѣряхъ соединилась мысль, какъ осуществѣ странномъ и въ тоже время необычномъ, миеческомъ. Воплощеніе такого представленія о звѣряхъ мы видимъ и въ нѣкоторыхъ былинныхъ чудовищахъ. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего Тугарина Змievича, который поражаетъ своимъ исполинскимъ ростомъ и прозорливостью.

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,

Промень плечей косая сажень,

Промежду главъ калена стрѣла

А вотъ какой у него аппетитъ:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть....

По цѣлой чашѣ охлестываетъ,

Котора чаша въ полтретя ведра.

Подобнаго характера и Идолице Поганое, которое также хвалится своимъ непомѣрнымъ обжорствомъ.

Но самымъ характернымъ чудовищемъ звѣремъ является въ былинѣ Соловей Разбойникъ.

Это чудовище представляется еще со всѣми свойствами древняго мифологическаго существа, однако на немъ уже ясно виденъ историко бытовой налетъ, почему онъ и дѣйствуетъ въ эпоху позднѣйшую - эпоху Владимира и младшихъ богатырей.

Какъ чудовище, существо странное, Соловей Разбойникъ шипитъ по вѣиному, рывкаетъ по звѣриному и живетъ въ гнѣздѣ на семи дубахъ; и въ то же время отъ, какъ обыкновенный человѣкъ, имѣетъ семью, которая живетъ въ палатахъ, на широкомъ дворѣ. Это страшное существо заняло дорогу изъ Муромъ въ Кіевъ.

По объясненію г. Миллера, это туча съ вѣтромъ и дождемъ, которая заслонила красное солнышко. Но г. Буслаевъ находитъ возможнымъ видѣть въ типѣ Соловья - Разбойника воплощеніе нашими предками одного существеннаго явленія ихъ бытовой жизни. Для этого онъ составляетъ характерную черту Соловья - Разбойника - его древолазненіе съ однимъ

мѣстомъ муромской легенды о Петрѣ и Февроніи. Последняя, тогда еще была крестьянскою дѣвицею, въ разговорѣ съ княжимъ отрокомъ такъ указываетъ на занятіе своего отца: "Отець мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсахъ бо отъ древія медъ емлютъ"... Опираясь на это мѣсто, г. Буслаевъ заключаетъ, что въ типѣ Соловья Разбойника отразилось занятіе древне-русскихъ пчеловодствомъ, бартничествомъ, которое, какъ важная сторона ихъ быта, было возведено до апофеоза, подобно тому какъ земледѣльческій бытъ создалъ героическій типъ Микулы Селяниновича.

Но какъ бы ни притягивали всѣхъ разсмотрѣнныхъ богатырей и чудовищъ къ историко бытовой почвѣ русскихъ славянъ, всеже миеологическій элементъ въ нихъ беретъ перевѣсъ. Созданіе этихъ образовъ относится къ эпохѣ еще совмѣстной жизни славянскихъ и даже индо-европейскихъ народовъ, почему эти образы находятъ себѣ параллели въ сказаніяхъ послѣднихъ. Гораздо больше бытовыхъ чертъ мы находимъ въ былинахъ, создавшихся въ ту эпоху, когда славянскія племена, обособившись другъ отъ друга, предалися "мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію". Какъ главное занятіе славянъ, земледѣліе было освящено цѣлымъ рядомъ миеологическихъ преда-

ній. Такъ, напр., мекенческое чествовање земледѣлія выразилось, между прочимъ, въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга. Этотъ мифъ находимъ еще у скиевъ земледѣльцевъ. Последніе вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался у нихъ князь колесницы kola - кваів Только этотъ князь, по вѣрованію скиевъ успѣлъ владѣть сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба, такъ что, когда другіе два его брата - князь - цетъ / Илеіро - кваів и князь - стрѣла (Агро - кваів) захотѣли коснуться ея, то обожгли себѣ руки, потому что, какъ воины и кочевники, они не знали тайны земледѣлія, которая самымъ небомъ была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата. I/ Первобытное русское преданіе о происхожденіи плуга связывается съ христіанскими именами Бориса и Глѣба / по другому варианту - Космы и Даміана /. Вотъ что разсказываетъ это преданіе. Нѣкогда опустошала русскую Землю чудовищный Змій. Въ умиловительную жертву ему приносили по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ

/ или Косма и Даміанъ / ковали первый плугъ для людей. Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣдце кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ, изготовленный ими для людей, и провели по землѣ боровду, которая и теперь зовется Зміевымъ валомъ. I/ Такимъ образомъ, огораживаніе поля валомъ въ знакъ собственности и осѣдлости, совпадаетъ съ преданіемъ объ изобрѣтеніи плуга и началѣ земледѣлія. Кстати здѣсь можно упомянуть еще, что и Чехи въ своей легендѣ о началѣ чешскаго государства ведутъ происхожденіе своихъ князей отъ пахаря-земледѣльца. Послы, отправившіеся, по указанію своей княжны Любуши, искать ей жениха, нашли такого въ лицѣ Премысла - пахаря, котораго они застали въ полѣ за работой.

Такое чествованіе земледѣлія и всего, что съ нимъ связано, отразилось и на русскомъ народномъ. Здѣсь мы знаемъ мифическій образъ пахаря въ лицѣ Миклулы Селяниновича. Хотя онъ принадлежитъ еще къ ^{и Змій} старшимъ богатырей - великановъ, однако является младшимъ ея членомъ; онъ - сынъ Селянина, хозяина осѣдлой собственности и, какъ представитель эпохи болѣе молодой, смѣнившей древ-

ною, мнѣологическую, Микула Селяниновичъ въ своихъ столкновѣніяхъ съ другими старшими богатырями обнаруживаетъ предъ ними свое преимущество въ силѣ могуществѣ. Однажды Вольга Святославовичъ, рассказываетъ былина, поѣхалъ собирать дань со своихъ владѣній.

И вотъ дорогой онъ "Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ,

Омешки по камешкамъ почеркиваютъ":...

Бдетъ Вольга цѣлый день и никакъ не можетъ догнать ратая, потому что послѣдній - съ края въ край бороздки пометываетъ,

Въ край онъ уѣдетъ, другою не видаеть.

Наконецъ Вольга настигаетъ ратая и проситъ его, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай соглашается, но съ условіемъ, чтобы кто-нибудь изъ дружины Вольги выдернулъ изъ земли его сошку и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Но оказывается, что не только отдѣльные дружинники, вся дружина ничего не можетъ подѣлать съ сошкой.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повывдернути.

Тогда подѣхалъ къ ней самъ ратай ратаюшко:-

Бралъ-то онъ сошку одной рукой,

Сошку съ земельки повывдернулъ,

Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

По другому эпизоду Микюла Селяниновичъ является хранителемъ тяги земной; ее пытался, но не могъ поднять Святогоръ, для котораго эта попытка была причиной смерти.

Поднялъ Святогоръ сумочку съ тягой земной повыше колѣнъ и по колѣна въ землю угрязъ, и

Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончаніе.

Отдавъ въ сеей былинѣ предпочтеніе представителю земледѣльческаго быта народъ тѣмъ самымъ показалъ, что этотъ бытъ для него ближе и дороже, чѣмъ древняя фантастическая эпоха мифическихъ богатырей.

Дальнѣйшимъ развитіемъ Микюла Селяниновича является

самый популярный въ былинахъ герой Илья Муромецъ.

Онъ уже отражаетъ на себѣ моментъ вступленія Россіи на историческій путь и зарожденія въ ней государственной жизни. Характерною особенностью въ изображеніи Ильи Муромца, объясняемою до нѣкоторой степени историческимъ характеромъ его эпохи, является точность указанія на его происхожденіе. Онъ былъ сынъ крестьянина Ивана Тимоеева изъ села Карачарова, Муромской области. Однако этотъ герой еще носитъ нѣкоторыя черты, свойственныя древнимъ мифическимъ героямъ; онъ является какъ бы переходной ступенью отъ старшихъ богатырей къ младшимъ. Прежде всего,

самое зарождение богатырской силы въ Ильѣ Муромцѣ совершается сверхъестественнымъ образомъ. Объ этомъ существуетъ два преданія; по одному, - эту силу сообщаютъ ему калики перехожіе, вмѣстѣ съ вылитымъ имъ ведромъ воды; по другому варианту, онъ получаетъ силу отъ самого Свитогора, т.е. является прямымъ потомкомъ старшихъ богатырей. Свою богатырскую силу Ильѣ Муромецъ примѣняетъ прежде всего къ крестьянскому труду: онъ "валять топоръ и началъ пожни чистить", или по другому варианту, пошелъ "копать въ лѣсъ", т.е. стала расчищать мѣсто подъ пашню, освобождая его отъ лѣса; онъ накопалъ столько лѣсу, что народъ и родители его ужаснулись и увидѣли въ этомъ великое чудо. Другой его титанической подвигомъ на родинѣ заключался въ томъ, что онъ, упершись плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутого берега и завалилъ Оку. Этими подвигами почти ограничивается дѣятельность муремскаго героя въ своемъ родномъ краю. Далѣе онъ попадаетъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ покидаетъ родину, бросаетъ свою наследственную соху и ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ уже зародилась эта новая государственная жизнь, гдѣ началось собираніе Руси и объединеніе разрозненныхъ племенъ вокругъ одного центра Кіева, и также и сосредоточеніе сильной власти въ рукахъ ласковаго князя Владимира. Есть мо-

ментъ исторической жизни древней Руси представлялся настолько важнымъ въ сознаниі народа, что послѣдній ваставилъ своего любимаго героя похертво вать его наслѣдственнымъ заніятіемъ - земледѣліемъ, чтобы принять участіе въ строительствѣ новой государственной жизни.

Здѣсь должно замѣтить, что явившійся къ князю Владимиру, какъ представитель известной области-земли Муромской, Илья Муромскій въ продолженіе всей своей дѣятельности не остается какъ бы вастѣвшимъ въ этомъ своемъ первоначальномъ значеніи. Въ былинахъ онъ рисуется въ непрерывномъ внутреннемъ развитіи, соответствующемъ "историческому движенію быта и сознаниа народнаго". Цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ наложили на него свой отпечатокъ. Поэтому, помимо своего значенія, какъ и областного представителя, онъ является и представителемъ цѣлаго сословія - крестьянскаго, выхлопачивавшимъ для него известныя права; далѣе, онъ участвуетъ и въ нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ, раздѣленныхъ большимъ промежуткомъ времени: онъ, напр. защищаетъ Кіевъ отъ нашествія татаръ, стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской ваставѣ, воюетъ противъ Мамаю на Куликовомъ полѣ. Наконецъ, какъ въ любимомъ своемъ героѣ, народъ воплотилъ въ немъ свой нравственный идеаль.

Когда Илья Муромецъ приѣхалъ въ Кіевъ, тамъ уже была въ сборѣ вся богатырская дружина князя Владимира; не доставало только представителя крестьянскаго сословія, муромскій герой и восполнилъ этотъ пробѣлъ.

Какъ крестьянинъ по происхожденію и притомъ неизвѣстный при дворѣ, Илья Муромецъ былъ неласково встрѣченъ Владимиромъ и обиженъ имъ на своемъ пиру низкимъ мѣстомъ. Оскорбленный этимъ, Илья оставилъ княжескую дружину, находя ее не по своему вкусу, и дружится съ простонародьемъ, именуемымъ въ былинѣ голь кабацкой, пируя съ нимъ въ кабакѣ. И только послѣ того, какъ къ нему принесъ извиненіе отъ самого князя Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ соглашается идти во дворецъ, но съ условіемъ, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю приѣзда въ Кіевъ великаго богатыря:

"Чтобы отворены были:

Кабаки всѣ и пивоваренія,

На трои на сутки отворены,

Чтобъ весь народъ пилъ да зелено вино."

Владимиръ долженъ былъ уступить, и вотъ на пиру мы видимъ "голь кабацкую".

Но и послѣ примиренія Илья Муромецъ не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Какъ

честный и благородный герой, онъ не могъ мириться съ несправедливостью и насиліемъ, царившими при дворѣ; противъ всего этого онъ энергично протестовалъ, чѣмъ естественно навлекалъ на себя гнѣвъ князя. Такъ онъ одинъ изъ всѣхъ богатырей высказался противъ безчестнаго поступка князя Владимира - завладѣть Василисой Микулишней, пославъ на вѣрную смерть ея мужа, черниговскаго князя Данилу Денисьевича. Признавая въ Ильѣ Муромцѣ довольно внушительную силу и желая привлечь его на свою сторону, Владимиръ пытается задобрить его почетной должностью:

"Ты изволь у насъ да пожить - поѣсть,
Ты изволь у нашей милости
Да воеводой жить"

Но муромскій герой съ негодованіемъ отвергаетъ эту честь: онъ не хочетъ служить при дворѣ князя, гдѣ царитъ атмосфера лести, угодничества и всякой несправедливости. Всю свою дѣятельность онъ переноситъ на заставу, гдѣ защищаетъ русскую землю отъ шашествія враговъ, представленнхъ въ былинѣ въ видѣ различныхъ чудовищъ.

При сопоставленіи Ильи Муромца съ другими младшими богатырями, явно бросается въ глаза его первенствующее значеніе и нравственное превосходство надъ ними. Уже самый возрастъ и внѣшній видъ Муромца ставятъ его на первое мѣс-

по в ряду оставшихся богатырей. В то время
какъ эти послѣдніе - народъ молодой, безбородый,
Илья величается старимъ, матернымъ казакомъ, съ
почтенною сѣдою бородой; потому онъ начальст-
вуетъ надъ ними, какъ атаманъ, и называетъ ихъ со-
своими "ребятушками"; ничто великое не соверша-
ется богатырями безъ участія Муромца. Онъ
ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому
дѣло по силѣ, напр. онъ выбираетъ богатыря для
борьбы съ Жидовиномъ. Какъ человекъ, много по-
жившій на свѣтѣ, мур^{омецъ} крестьянинъ опытнѣе и бла-
горазумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей и пото-
му является руководителемъ въ ихъ личныхъ пос-
тупкахъ и дѣйствіяхъ: онъ умѣряетъ ихъ излиш-
нюю запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, воз-
мущается противъ несправедливости и зла, кото-
рыя въ нихъ замѣтитъ, но и снисходительно про-
щаетъ имъ вину. Столь же симпатиченъ и правот-
венный обликъ Ильи Муромца. Мы уже отличали его
прямодушіе: онъ не боится сказать правду самому
князю и упрекнуть его въ безчестномъ поступкѣ.
Но особенно выдѣляется его любовь къ бѣдствующе-
му человечеству; онъ заступается за вдовъ и си-
ротъ и, какъ истинный рыцарь, защищаетъ слабую
женщину отъ грубаго насилія. Встрѣтивъ равъ въ
полѣ красную дѣвушку, ^{дѣвушку} отъ насмѣшкина Алеша Попо-

веча, онъ говоритъ ей: "Давно бы ты мнѣ сказала это: я бы съ Алешей перебрѣдался, снялъ бы съ него буйную голову". По отношенію къ врагамъ Ильѣ Муромецъ отличается великодушіемъ и безкорыстіемъ. Однажды разбойники, будучи побѣждены муромскимъ героемъ, предлагали ему въ качествѣ выкупа, золото, цвѣтное платье и коней; соглашались даже идти къ нему въ вѣковечное холодство, лишь бы онъ оставилъ имъ жизнь, но Ильѣ Муромецъ все это великодушно отвергаетъ, безвозмездно отпускаетъ ихъ на волю и велитъ только рассказать..... Чуриль, сыну Пленковичу

Про стараго казака Ильѣ Муромца.

Наконецъ въ довершеніе идеальнаго образа Ильѣ Муромца, народъ призналъ его святымъ. Буслаевъ говоритъ, что въ 17 вѣкѣ въ числѣ угодниковъ кіево-печерскихъ печатался гравированный образъ Ильѣ Муромца съ подписью: Преподобный Ілія Муромскій, иже вселился въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, гдѣ же донинѣ нетлѣнень пребываетъ.

Таковъ этотъ богатырь - народникъ воплотившій въ себѣ нравственный идеалъ и политическіе взгляды народа. Сущность этихъ взглядовъ сводится къ тому, что хотя въ строительствѣ, новой государственной жизни должны принимать всѣ слои населенія, но руководящая роль въ

этомъ должна быть предоставлена, крестьянству, какъ существенному принципу твердо и постоянно пребывающему въ русской жизни.

Илья Муромецъ выводитъ насъ въ историческую область младшихъ богатырей. Говоря о послѣднихъ, необходимо коснуться самого князя Владимира, вокругъ котораго они группируются. Относительно его нужно прежде всего замѣтить, что былинный Владимиръ, это еще Владимиръ язычникъ. Христіанство ничего не прибавило къ тому образу кievскаго князя, какой вырисовался въ сознаніи народа еще въ эпоху языческую. "Народная фантазія, - говоритъ Буслаевъ, объясняя по-своему связь исторіи съ мѣстомъ, видѣла въ князѣ Владимирѣ не просвѣтителя Руси христіанствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чулось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно-солнышко". I/ Буслаевъ допускаетъ, что Владимиръ смѣнилъ собою божество солнца Дажь-бога или Сварога, почему эпитетъ красное солнышко до того сросся съ именемъ князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напр.

Завелся у солнышка почестень пирь

На всѣхъ, на князей, на боярь.

Мало того, даже историческій идеаль князя Владимира въ народномъ эпосѣ мало выработался, не

развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то, что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ". Это, по мнѣнію Буслаева, объясняется тѣмъ, что "государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи одними внѣшними формами покоренія и налоговъ", а также и тѣмъ, что "князь и дружина, набранная изъ авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси". 2/ Поэтому въ былинахъ ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями, да посылаетъ ихъ на разные подвиги, самъ не принимаетъ участія ни въ какой опасности и сидитъ дома со своею супругой Апраксѣвной. Съ особеннымъ удареніемъ былины указываютъ только на двѣ выдающіяся черты въ его характерѣ: на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастье, такъ что уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владимира вошло между богатырями въ поговорку. Однимъ словомъ, образъ князя Владимира, какъ государственнаго дѣятеля, представленъ въ былинахъ довольно блѣднымъ и ^{не} отвѣчающимъ исторической правдѣ и, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы съ большей яркостью оттѣнить дѣятельность его сподвижниковъ-богатырей. Младшіе богатыри, какъи Илья Муромецъ являются при князѣ Владимирѣ представителями мѣстныхъ, провинціаль-ныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси.

Эти богатыри порвали уже всякую связь съ одряхлѣвшей, миеологической стариной, а живутъ и дѣйствуютъ въ эпоху вполне историческую. Они истребляютъ все ужасное и зловерное для челоѣчинскаго общества, очищая Русскую землю отъ страшилищъ миеической старины, обладавшихъ непомерной, разрушительной силой; богатыри губятъ, поражаютъ этихъ послѣднихъ представителей миеической эпохи, какъ бы доказывая тѣмъ, что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя уже ожидать ничего совдательнаго теперь, а эпоху молодую, вполне реальную. Новизнѣ и свѣжести этой эпохи соответствуютъ и юношескіе типы богатырей: всѣ они - народъ молодой, бѣзбородный; почти они всѣ являются ко Владимиру холостыми, а если и женатыми, то только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще бѣздѣтными. Вліяніе молодой, исторической эпохи сказалось и на нравахъ и характерѣ младшихъ богатырей.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, они даже неохотно проливаютъ кровь въ бою со врагами; въ ихъ отношеніяхъ къ послѣднимъ слышится голосъ любви и состраданія.

Дѣятельность богатырей была довольно разнообразна: они несли придворную службу въ разныхъ званіяхъ причемъ особенно въ этомъ отличался Добрыня Никитичъ, который по три года столничалъ у насни

чалъ, у воротъ стоялъ и даже пословничалъ, т.е. служилъ въ княжескихъ послахъ; кромѣ того, богатыри засѣдали въ княжеской думѣ, т.е. участвовали въ государственномъ управленіи страной, а также и помагали Владимиру своими совѣтами въ его частныхъ семейныхъ дѣлахъ; но главная служба богатырей состояла въ охраненіи Кіева и въ борьбѣ съ различными чудовищами. Эта послѣдняя дѣятельность богатырей полная подвиговъ и приключеній воспроизводила тревожную эпоху княжескихъ междоусобій, которая заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. "Сбѣлись и росли тогда междоусобія; говорить "Слово о полку Игоревѣ", погибала тогда жизнь Дажьборовыхъ внуковъ; въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышимъ, чтобы подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто воронье граяли, дѣла между собою трупы". Вотъ эту грозную, воинскую эпоху, исполненную бѣдствій и ужасовъ, и воспроизводитъ, по мнѣнію г. Буслаева богатырскій эпосъ въ лицѣ своихъ младшихъ богатырей. I/

Въ жизненномъ обиходѣ богатырей останавливаетъ на себѣ вниманіе слѣдующая подробность. Какъ извѣстно, пришлые Варяги были отличные искрабелъщики, и самые ранніе походы на Русь совер-

шались на ладьяхъ по рѣкамъ. Между тѣмъ въ былинахъ осталось очень мало слѣдовъ древне-русскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Въ жизни богатыря главную роль играетъ не корабль, а конь; причемъ послѣдній отличается необычнымъ свойствомъ: онъ поражаетъ своей силой, быстротой и выносливостью; богатырь съ нимъ бесѣдуетъ, какъ съ товарищемъ, и онъ отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; кромѣ того, конь даже имѣетъ вѣщую силу: чувствуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Исходя изъ преобладающаго значенія коня въ жизни богатыря, г. Буславъ дѣлаетъ то заключеніе, что "или вообще незначительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе измѣнилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ расселившихся по необозримымъ равнинамъ. 1/ Съ другой стороны въ этомъ же можно видѣть отраженіе на народной мысли" о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дѣбрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшихъ поселенія древней Руси". 2/

Что касается оружія, то богатыри употребляютъ: мечъ, стрѣлы, копья, палицы, ножи, кинжалы; на себя надѣваютъ куякъ, панцирь, кольчугу. Изъ всего этого обращаетъ на себя вниманіе то об-

обстоятельство, что богатыри употребляют мечь, оружіе западное, но они не знают еще сабли, котору лѣтопись считаетъ оружіемъ восточныхъ кочевниковъ.

Помимо историческаго интереса общей дѣятельности, младшихъ богатырей, каждый изъ нихъ представляетъ значительный интересъ, какъ носитель характеристическихъ чертъ своего сословія. Надѣливъ богатырей рѣзкими, характерными чертами, народъ тѣмъ самымъ выразилъ свой взглядъ и отношеніе къ опредѣлившимся уже въ то время сословіямъ. Послѣ Ильи Муромца наиболѣе симпатичнымъ изъ богатырей выставленъ въ былинахъ Добрыня Никитичъ, представитель боярскаго сословія. Соотвѣтственно своему княжескому происхожденію, Добрыня отличается вѣжливостью и образованностью.

У него рѣчи привѣтливы,

У него рѣчи умильныя,

Онъ прельститъ и уговоритъ, —

замѣчаетъ о немъ былина. Какъ умный и образованный, Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и delicate переговоровъ, потому что онъ говоритъ горавдъ, въ рѣчахъ разуменъ, съ гостями почетливъ и грамотенъ востеръ I/ Кроме того, Добрыня отличается великодушіемъ; онъ напр.

Стр. 170.

охотно прощает Алешу Поповича, который соблазнил его жену.

Далеко не свѣтлыми чертами рисуется въ былинахъ образъ другого богатыря - Алеша Поповича, сына ростовскаго соборнаго попа. Онъ хотя и смѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, задоренъ и запальчивъ, онъ "варивчатъ" - говорить о немъ былина; помимо того, онъ является иногда сутягой, лгуномъ клеветникомъ; въ то время какъ другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами, Алеша норовитъ убить украдкою. Но особенно печальную извѣстность приобрѣлъ Алеша своими интригами съ женскимъ поломъ; при княжескомъ дворѣ онъ прослылъ "бабьимъ пересмѣшникомъ" издѣваться надъ женщиной и срамить ее было страстью Алеша. Сверхъ того, Илья Муромецъ, протестуя противъ того, чтобы отпустить Алешу Поповича на единоборство съ Жидовиномъ, указываетъ на его жадность, какъ составную черту духовенства:

Поповскіе глаза завидушіе,

Поповскія руки загребушія;

Увидитъ Алеша на нахвальщинѣ

Много злата - серебра:

Злату Алеша позавидуетъ -

Погибнетъ Алеша по - напрасному.

Но г. Буслаевъ не склоненъ всё отрицательныя черты Алеши Поповича переносить на его сословіе.

Алеша не истинный представитель духовенства, а его отщепенецъ; если личность его изображается въ былинахъ не въ выгодномъ свѣтѣ, то это слѣдуетъ приписать той причинѣ, что Алеша", покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣняетъ званіе церковно-служителя на бродяжничество". Что это такъ подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Ростовъ родина Алеши, какъ извѣстно, издавна славится своими церковными преданіями. Въ 13 и 14 вѣкахъ этотъ городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, въ 15 вѣкѣ даже самъ Новгородъ, знаменитый въ то время свою образованностью, заимствовался книжными соговорищами изъ Ростова.

Между тѣмъ Алеша не воспользовался выгодами своего происхожденія и не выучился у своего отца даже грамотѣ. Однимъ словомъ, по мнѣнію г. Буслаева, Алеша Поповичъ является въ былинахъ не представителемъ духовнаго сословія, а "представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ духовнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго рода" I/

Но такъ полно, какъ Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ, обрисованы въ былинахъ другіе младшіе богатыри. Послѣдніе характеризуются какою нибудь

одной преобладающей чертой. Такъ, Чурилу Пленковича былины стмѣчаютъ походною щепливой и щегольствомъ, интересующимъ женскій полъ; Дюка Степановича - имѣніемъ - богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самаго князя Владимира; Потока Михайлу Ивновича - богатырскою побѣдкой на добромъ конѣ и т. п.

женщины - богатыр
Говоря о младшихъ богатыряхъ, необходимо коснуться ихъ женъ, дочерей и вообще женской половины богатырства, которая принимаетъ дѣятельное участие въ жизни и судьбѣ героев-мущинъ. Какъ родственницы богатырей, и женщины народнаго эпоса отличаются необычными чертами. Это героини воинственныя; какъ богатыри, онѣ ѣдутъ на коняхъ отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука; многія изъ нихъ обладаютъ непомерной силой; помимо того, нѣкоторыя женщины имѣютъ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнія и премудрости. Съ другой стороны, помимо величественнаго характера богатырскихъ женщинъ, народный эпосъ придаетъ имъ и "краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровыя нравы эпохи, то нѣжныя качества женской природы. Въ ихъ существѣ замѣчается два противоположныхъ элемента, какъ добро и зло: то онѣ прекрасны, нѣжны и преданны.

своимъ мужьямъ, то самолюбивы, измѣнчивы и преступны. Но особенно интересно то обстоятельство, что во время, какъ "младшіе богатыри, окружающіе князя Владимира, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей просто людей, ихъ жены и вообще дѣвы и женщины входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются мѣическимъ родомъ - племенемъ и вѣщею натурой". Такой сложной натурѣ богатырской женщины г. Буслаевъ даетъ тройное толкованіе. Обладая сверхъестественными свойствами, эти женщины тѣмъ самымъ хранятъ въ себѣ народную память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мѣической; далѣе какъ носительницы бытовыхъ чертъ, онѣ воплощаютъ въ себѣ "идеалы священной родной старины", положительнымъ и отрицательнымъ образомъ народъ выразилъ въ нихъ свой взглядъ на идеалъ женщины вообще и жены въ частности. То же обстоятельство, что уже вполне историческій герой - мужчина вступаетъ въ сношеніе съ еще мѣической женщиной, содержитъ по мнѣнію г. Буслаева тотъ смыслъ, что "мужина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа, какъ лицо историческое, подчиненное известнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой всѣ

детъ исторію впередъ, женщина остается позади съ своею домашнею стариною, съ своими народными преданіями, которыя на досугъ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь новизною смѣняющихся другъ друга событій".

Помимо отраженія внутреннего быта древней Руси, былины содержатъ и указанія на сношенія Руси съ иноземными государствами. Такія памятники, какъ лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ, Поученіе Владимира Мономаха, Кіевскій Патерикъ свидѣтельствуютъ, что эти сношенія были довольно развиты. Соответственно указанію историческихъ памятниковъ и былины отмѣчаютъ сближеніе русскихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами. Съ одной стороны, былины знаютъ важныхъ богатырей изъ чужихъ странъ, какъ напр. Соловей Будимировичъ; съ другой стороны былины заставляютъ и русскихъ богатырей совершать отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай "много земель знавалъ", потому онъ и "говорить гораздъ"; Добрыня ѣздилъ въ Царь-градъ ^{на Мемелѣ} и т.д. Особенно часто встрѣчается въ былинахъ на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Литвою и съ Волинцемъ Галицкимъ. Сопоставляя иноземныя страны съ Кіевскою Руссю, былины отличаютъ ихъ культурное и матеріальное превосходство предъ послѣдней

А 361886

Въ этомъ отношеніи наиболѣе интересны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Джекѣ Степановичѣ. Описывая Чурилу, богатыря изъ Малаго Кіевца, былины отмѣчаютъ его щегольство и богатство. Онъ носитъ модныя сапоги, востроносые и на высокихъ каблукахъ; одежда у него драгоценная:

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ.

Другая строчена краснымъ золотомъ;

Въ пуговицы воплетено по доброму по молодцу

Въ петелки воплетено по красной по дѣвушкамъ:

Какъ застегнутся, такъ обоймутся,

А разстегнутся, и поцѣлуются.

Своею красивою наружностью и щегольской одеждой онъ такъ поразилъ кіевлянокъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ-заборы трещать,

Гдѣ молодушки глядятъ-лишь оконницы

звенять,

Гдѣ стары глядятъ-манать / манти на

себя деруть...

Какъ стары старухи костыли грызуть -

Все глядячись на молодого Чурилу Пленковича.

Особенно богатой выставляется въ былинахъ земля Галицкая, родина богатыря Дюка Степановича; по богатству и роскоши она даже смѣшивается съ Индіей.

Прибывъ въ Кіевъ Джекъ Степановичъ поражается его убожествомъ; онъ находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы и церкви не такія, какъ на Волннн. "Въ Кіевѣ у Васъ не по нашему, - говоритъ онъ: - церкви у васъ все деревянныя, маковки на церквахъ осинозныя. Мостовыя у васъ черною землей засыпаны: пошло ихъ дождевой водою, стала грязь до колѣна - вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ".

Даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему невкусно послѣ роскошнаго житія у себя дома. Возьметъ онъ калачъ, верхнюю корочку отломитъ, съѣстъ, а нижнюю броситъ, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лоханью. Одну чару вина выпьетъ другую выльетъ за окно: "ваши напитки, - говоритъ онъ, затхлые, пить неприятны"; между тѣмъ, какъ дома -

Чару пьешь, другу пить душа горитъ,

Другу пьешь-третья съ ума нейдетъ.

Прельстившись богатствомъ Дюка Степановича, Владиміръ отправилъ къ нему пословъ описывать, въ кавану его имущество. Когда послы, прибывши во дворъ Дюка, начали описывать его имѣнье-богатство, то послѣднее оказалось столь несмѣтнымъ, что въ теченіи цѣлыхъ трехъ дѣвъ не успѣли они описать

только сбрую лошадиную, дальше будто бы не хватило у нихъ бумаги, ни чернилъ. Поэтому Дюкова мать говорила княжескимъ посламъ съ насмѣшкой: "А вы скажите - ка князю Владимиру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ-городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ цѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣньяца".

Въ ряду русскихъ былинъ особое мѣсто занимаютъ былины новгородскія, соотвѣтственно обособленному положенію, которое занялъ Новгородъ въ древне - русской жизни. Въ то время, какъ кіевскія былины отражаютъ событія общерусской жизни, былины новгородскія не выходятъ за предѣлы мѣстныхъ интересовъ. Изъ новгородскихъ былинъ особенно ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ былины о Садкѣ и Василии Буслаевѣ. Первая былина рассказываетъ о томъ, какъ купецъ Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новгородѣ. Но сколько онъ не окупалъ, товару въ гостинномъ дворѣ не только не уменьшалось, а все увеличивалось вдвойнѣ, да втройнѣ; въ концѣ концовъ онъ сознается въ своемъ безсиліи преизойти въ богатствѣ цѣлый Новгородъ - и говоритъ:

Не я видно, купецъ богатъ новгородскій
По богатѣ меня славный Новгородъ.

Такимъ образомъ, единичная личность, которая вздумала было тататься со всѣмъ Новгородомъ, изнемогла въ своей борьбѣ и должна была смирить свою гордость "передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины". Въ этомъ эпизодѣ съ садко выразилось общесамосознаніе Новгородцевъ, что "всѣ они гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу". Здѣсь, по мнѣнію г. Буслаева ;заключается "глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ, . . . любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ передъ священной идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины". I/ Историко бытовой характеръ носить и сказаніе былины о построеніи Садко нѣсколькихъ церквей: во имя архидіакона Стефана, Софіи премудрости т.е. Премудрости и Николая Можайскаго. "Эта подробность, - говоритъ Буслаевъ, - согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось тамъ много церквей простыми гражданами, какъ въ Новгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства".

Былины о Василии Буслаевѣ воспроизводятъ нѣкоторыя черты политической жизни Новгорода. Здѣсь нашли свое отраженіе и борьба новгородскихъ пар-

тій, и столкновеіе двухъ сторонъ Новгорода, раз-
раздѣленныхъ рѣкой Волховомъ, а также и борьба съ
княжескою властью-партіи народноі и городскоі.

Василій Буслаевъ и является въ былинахъ предста-
вителемъ новгородскоі вольности, потому онъ и опро-
славляютъ его, какъ богатыря.

Изъ представленнаго изложенія взгляда Ф. И. Буслае-
ва на русскія былины можно вывести то заключеніе,
что онъ занимаетъ примиряющее положеніе въ ряду
другихъ теорій объ этомъ предметѣ. Такъ онъ допус-
каетъ иногда мифологическое толкованіе русскихъ
былинъ, видя въ нихъ отраженіе мифологическихъ
воззрѣній русскаго народа на природу. Поэтому въ
заключеніи своей рецензіи на книгу Миллера онъ
говоритъ, что его замѣчанія "не противорѣчатъ
взглядамъ почтеннаго профессора, а только выяс-
няютъ то, что иной разъ приходится понимать у не-
го между строками". I/

Съ другой стороны, не отрицаетъ онъ теоріи куль-
турныхъ заимствованій, или точнѣе онъ признаетъ
общность сюжетовъ русскихъ былинъ и сказаній дру-
гихъ народовъ, что онъ объясняетъ родственнымъ
происхожденіемъ индоевропейскихъ племенъ. Но глав-
ный центръ тяжести толкованія Буслаевымъ русска-
го богатырскаго эпоса заключается въ томъ, что-
бы отыскать для былинныхъ сказаній реальныя ос-

основы въ историко бытовой жизни русскаго народа. Онъ убѣжденъ, что въ былинахъ "народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самознаніе,"-2/ что былины являются для народа "неписанною, традиціонную лѣтописью.... о важнѣйшихъ событіяхъ его прошедшей жизни".3/Исходя изъ такого взгляда на былины, Буслаевъ придаетъ большое практическое значеніе собранію и изученію продуктовъ народнаго творчества:"Это, говоритъ онъ, - одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ мифическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для отращки профановъ".

I/

Тезисы.

1. Наиболее полно свой взгляд на русскія былины О. И. Буслаевъ развилъ въ статьяхъ: "Русскій богатырскій эпосъ" и "Бытовые слои русскаго эпоса", послѣдняя является рецензией на книгу О. Э. Миллера: "Илья Муромецъ и богатырство кievское".

2. О. Э. Миллеръ является въ исторіи народной словесности представителемъ мифической теоріи; сущность взгляда г. Миллера сводится къ слѣдующему:

- а/ всѣ выводимыя въ былинахъ лица и событія не что иное, какъ мифическія образы, созданныя обожествленіемъ силъ и явленій природы;
- б/ почти всѣ былины построены по одной формулѣ: главными дѣйствующими лицами почти каждой былины являются три существа - 1/свѣтлое, ополчающееся противъ темнаго, 2/темное, съ которымъ борется свѣтлое 3/существо, изъ-за котораго происходитъ борьба между свѣтлымъ и темнымъ существами.

По мнѣнію г. Буслаева, исключительно - мифологическое толкованіе народнаго эпоса не имѣетъ за собою достаточныхъ основаній. Хотя "былина, по выраженію Буслаева, своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ мифическими возрѣніями на природу", однако и на этой первоначальной стадіи свое-

го развитія былинъ отразили на себѣ мѣстный колоритъ, т. к. на миеологию природы, которая давала содержаніе былинъ, оказывали вліяніе самая мѣстность, гдѣ народъ жилъ, а также образъ жизни и занятій его.

4. Богатырей былевого эпоса Буслаевъ дѣлитъ на старшихъ и младшихъ. Первые являются стихійными, титаническими существами, олицетворявшими миеологическія представленія русскихъ о различныхъ предметахъ и явленіяхъ природы.

На созданіе типа старшаго богатыря въ образѣ стихійнаго, миеологическаго существа сказали вліяніе:

а/ рѣки / богатыри Донъ и Нѣпра Королевична; братья **Збродовичи**/;

б/ горы / Змѣй Горынычъ, Баба - Горныянка, Святогоръ/;

в/ животныя / Тугаринъ Зміевичъ, Соловей - Разбойникъ/.

6. Болѣе ярко бытовья черты выступаютъ въ былинахъ, создавшихся въ ту эпоху, когда славянскія племена, обособившись другъ отъ друга, предались "мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію". Какъ главное занятіе славянъ, земледѣліе было освящено цѣлымъ рядомъ миеологическихъ преданій. Миео-

ческое чувство земледѣлія выразилось:

а/въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга,;

б/въ созданіи мифическаго образа пахаря въ лицѣ Микулы Селяниновича.

7. Дальнѣйшее развитіе Микулы Селяниновича мы видимъ въ Ильѣ Муромцѣ, который является какъ бы переходной ступенью отъ старшихъ богатырей къ младшимъ.

8. Былинный образъ Ильи Муромца довольно сложенъ: помимо своего значенія, какъ областного и сословнаго представителя при княжескомъ дворѣ, Ильѣ Муромецъ является выразителемъ политическихъ взглядовъ и нравственнаго идеала народа.

9. На созданіе былиннаго образа князя Владимира оказало вліяніе христіанство; да и образъ его, какъ государственнаго дѣятеля, представленъ въ былинахъ довольно блѣднымъ и не отвѣчающимъ исторической правдѣ.

10. Младшіе богатыри, подобно Ильѣ Муромцу, являются въ былинахъ представителями провинціальнаго силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Главная ихъ дѣятельность состоитъ въ служеніи при княжескомъ дворѣ и въ борьбѣ съ различными чудовищами.

Послѣдняя дѣятельность младшихъ богатырей воспроизводитъ тревожную эпоху княжескихъ междоусобій.

нимаютъ близкое участіе жены, дочери и вообще женская половина богатирства. Богатырскія женщины, во первыхъ, хранятъ въ себѣ народную память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мифической; во вторыхъ, являются воплощеніемъ народнаго идеала женщины и, главнымъ образомъ, жены.

12. Помимо отраженія внутренняго быта древней Руси былины содержатъ и указанія на сношенія Руси съ иноземными государствами /напр. былины о Чуримѣ Пленковичѣ и Джикѣ Степановичѣ./ Сопоставляя иноземныя страны съ Кіевскою Русью, былины отмѣчаютъ ихъ культурное и матеріальное превосходство предъ послѣдней.

13. Въ ряду русскихъ былинъ особое мѣсто занимаютъ былины Новгородскія /о Садкѣ и Василии Буслаевѣ/. Эти былины воспроизводятъ черты внутренняго быта и политической жизни Новгорода.

14. Взглядъ Буслаева на русскія былины занимаетъ примиряющее положеніе въ ряду другихъ теорій объ этомъ предметѣ. Признавая мифологическое толкованіе русскихъ былинъ и не отрицая теорій культурныхъ заимствованій, Буслаевъ, однако главное вниманіе при толкованіи былинъ обращаетъ на то, чтобы отыскать для былинныхъ сказаній реальныя основы въ историко - бытовой жизни русскаго народа.

Былины о Самсонѣ-Святогорѣ въ освященіи теоріи культурныхъ заимствованій.

/И. Н. Ждановъ. "Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи"

А. Н. Веселовскій. Къ разбору труда Жданова /"Къ литер. истр. р. б. поэзіи"/.

Обычнымъ и основнымъ героемъ нашего былевого эпоса, какъ извѣстно, является князь Владимиръ съ его богатырями и съ его кievской обстановкой. Этыхъ кievскихъ временъ, несомнѣнно, касается и начало большинства эпическихъ пѣсень, но съ тѣхъ поръ прошло почти цѣлое тысячелѣтіе и, за исключеніемъ немногихъ записей 17 и 18 вѣка, впервые пѣсня записана только въ самое недавнее время. Не будетъ, поэтому, страннымъ, если первоначальная тема на протяженіи столь долгаго промежутка времени окажется осложненной какими либо новыми чертами. Научныя изслѣдованія нашихъ былинь и указали намъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ народномъ эпосѣ мы имѣемъ дѣло съ весьма сложнымъ историческимъ явленіемъ, въ которомъ, дѣйствительно, накопились наслоенія разныхъ эпохъ и настроеній. При чемъ эти наслоенія не только исторически - бытоваго характера, но они могутъ быть и собственно литературныя. "Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинь", говоритъ проф. И. Н. Ждановъ/ въ предисловіи къ доктор. дис. "Рус. былевой эпосъ", - "вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ

нашего эпоса и о тѣхъ замѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ?

Посмотримъ же, какими путемъ и съ помощью какихъ средствъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ проф. Едановъ при изученіи напр. былинь о Самсонѣ и Святогорѣ? Это тѣмъ болѣе интересно, что нѣкоторые изъ слѣдователи, какъ, напримѣръ, Ор. Миллеръ, съ полной рѣшительностью говорятъ о тожествѣ Самсона и Святогора /"Илья Муромца".../, стр. 217/. Въ пересказахъ одной и той же былины мы, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаемъ взаимное замѣненіе въ именахъ этихъ богатырей и далѣе соединеніе ихъ именъ въ одно: Самсонъ - Святогоръ. Какъ же объяснить подобное явленіе, вызванное, если не тожествомъ названныхъ богатырей, то, во всякомъ случаѣ, ихъ сходствомъ.

Былины о Святогорѣ проф. Едановъ дѣлитъ на слѣдующіе эпизоды: "1; Встрѣча Святогора съ Ильей Муромцемъ". Въ одномъ изъ пересказовъ упоминается здѣсь еще Святогорова жена, но другіе пересказы объ ней не говорятъ.

"2; Подниманіе тяжелыхъ сумокъ. Этотъ эпизодъ одинаково передается и въ былинь о Самсонѣ... 3; Женитьба Святогора въ поморскомъ царствѣ; то же

въ былинѣ о Самсонѣ. 4; Смерть Святогора: гробъ въ подпизью; примѣриваніе гроба, заключеніе богатыря въ гробу" / Соч. И. Н. Еданова, т. I, СПб., 1904 г. стр. 611 - 12/. Въ былинѣ о Самсонѣ, кромѣ указанныхъ уже эпизодовъ, мы встрѣчаемъ еще два разсказа, не извѣстные по былинамъ о Святогорѣ: "а/ остригеніе волосъ Самсона, послѣ чего богатырь теряетъ свою силу; в/ смерть Самсона подъ развалинами разрушеннаго имъ зданія".

Въ дальшѣйшемъ изложеніи Едановъ шагъ за шагомъ выясняетъ намъ истинное происхожденіе каждаго отдѣленнаго эпизода. Прежде всего онъ останавливается на характерныхъ разсказахъ былинъ о Самсонѣ: остриженіе волосъ, и гибель подъ развалинами. Казалось бы, что эти разсказы допустить прямое и непосредственное сопоставленіе нашей былины въ данномъ мѣстѣ съ библейскимъ разсказомъ, находящимъ въ "Книгѣ Судей". Однако внимательное сличеніе открыло въ былинной передачѣ такія особенности, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены изъ одного только библейскаго разсказа. Вотъ былинная передача. — На вопросъ жены: "отчего ты силенъ". Самсонъ отвѣчаетъ, что у него "на головѣ семь волосъ ангельскихъ". "И сдѣлался Самсонъ имяинщикомъ", и палился онъ

"пуше всѣхъ". А жена его съ своими друзьями остригла ему голову и выколола глаза. Когда онъ проснулся, то пала ему "крѣпостную слушаночку" скитаться между дворами.

Если мы обратимся теперь къ библейскому разсказу, то увидимъ, что Самсонъ, какъ Назорей, никогда не пилъ вина и открылъ Далилъ секретъ своей силы только лишь потому, что чрезмѣрно любилъ филистимлянку. Разногласіе, какъ видите, существенное, и для объясненія его Идановъ считаетъ нужнымъ допустить, что "на нашу былинку имѣла вліяніе какая то особая редакція сказанія о Самсонѣ, редакція нѣсколько отличная отъ "Книжки Судей". Въ краткой Палей есть глава "Сказаніе о Самсонѣ богатырѣ". Содержаніе этой главы таково: Самсонъ не слушался своей матери, сталъ пьянствовать съ иноплемениками; пьянаго и остригла его Далида. - "Далида възвѣсти вся иноплеменикомѣ и улучше время благопотребно, унизшуся ему вина, остриже ему главу, а въставишу ему отъ сна обрѣтѣся иначе всякаго челоуѣка немощнѣйше. . . . Отсюда ясно, кажется, само собой, что наша былинный разсказъ стоитъ въ прямой связи именно съ этимъ апокрифнымъ сказаніемъ. На еще большую связь былинки и апокрифа указываетъ по

инѣнію Иданова, разсказъ о смерти Самсона: Въ книгѣ Судей" объ этой смерти говорится слѣдующее. Владѣльцы Филистимскіе собрались однажды принести жертву Дагону и повеселиться. Они для забавы призывали Самсона, который попросилъ, сопровождавшаго отрока, подвести его къ столбамъ, на которыхъ былъ утвержденъ домъ. Отрокъ такъ и сдѣлалъ. И свинулъ Самсонъ съ мѣста два среднихъ столба и сказалъ: "умри, душа моя, съ филистимлянами". Домъ обрушился на владѣльцевъ и на весь народъ, бывшій въ немъ. Въ краткой Палатѣ подробности, предшествующія смерти Самсона, совершеннаго характера. Пируютъ не филистимляне, а жена Самсона съ своимъ любовникомъ въ палатѣ, которую построилъ самъ Самсонъ и такъ хитро, что вся палата держалась на одномъ столбѣ. Самсонъ, у котораго уже отросли волосы, просить опять-таки своего проводника, чтобы тотъ привелъ его къ палатѣ, рушить столбъ и такимъ образомъ губить себя, жену и всѣхъ бывшихъ въ палатѣ". Что былина повторяетъ не библейскій, а именно апокрифическій разсказъ, видно изъ слѣдующихъ ея строкъ:

Приотростимъ /Самсона/ на голову желты кудри,
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:....
"Бѣди; - ко во свой великой градъ...."

У меня ли были полаты построены

На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ?"

И когда олужанка привела его "во великой градъ",

Уодышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:

Сидитъ его жена любимая,

Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.

Славный богатырь свято - русскій

Подошелъ къ столбу ко каменному,

Подъ самый подъ большой уголъ,

Схватилъ ручкамъ бѣлыми,

Поразсыпалъ полаты бѣлокаменны,

И тутъ убило Самсона богатыря.

Но составъ былины о Самсонѣ не исчерпывается, какъ мы раньше видѣли, только этими рассказами - объ остриженіи волосъ и о смерти подъ развалинами.

Не меньшій интересъ возбуждаютъ къ себѣ и другіе эпизоды былины, какъ - то: подниманіе Самсономъ тяжелыхъ сумочекъ, женитьба его въ поморскомъ царствѣ. Появленіе въ былинѣ о Самсонѣ рассказа о подниманіи сумочекъ уже не можетъ быть объяснено заимствованіемъ изъ Библии или Палей: тамъ этого рассказа совершенно нѣтъ. Быть можетъ, допустимо проникновеніе его изъ былины о Святогорѣ, гдѣ, какъ известно онъ есть. Разъ Самсонъ и Святогоръ стали смѣшиваться въ

народной повви, то естественно, что и рассказ о сумкахъ сталъ общимъ достояніемъ былины объ этихъ богатыряхъ. Съ подобнымъ предположеніемъ проф. Идановъ согласиться, однако, не можетъ.

Онъ указываетъ, во первыхъ, на тотъ фактъ, что "похвальбу Самсона, составляющую веро всего рассказа о подниманіи земной тяги, мы знаемъ не по однимъ только подлиннымъ былиннымъ пересказамъ. Мы читаемъ эту именно похвалу въ "Прѣніи Живота и Смерти" въ рукописяхъ 16 - 17 вѣка." Но допустимъ даже, говоритъ исследователь "что преданія о Святоторѣ и Самсонѣ стали смѣшиваться еще въ 16 и 17 вѣкѣ", причемъ смѣшеніе происходило въ пользу Самсона. Святоторъ, значитъ, забивался. На самомъ же дѣлѣ мы находимъ совсѣмъ не то: "Самсонъ почти забитъ въ былинахъ, а имя Святоторъ передается въ значительномъ числѣ пересказовъ". И вотъ проф. Идановъ высказываетъ здѣсь такую остроумную догадку: "не скрывается ли и въ тѣхъ отдѣлахъ былины о Самсонѣ, которые не имѣютъ соответствующихъ себѣ извѣстій въ Библии и Псалмѣ, вліянія какихъ-нибудь еще не указанныхъ апокрифныхъ сказаній". Въ подтвержденіе этой мысли онъ указываетъ на похвалу Самсона въ "Прѣніи", которая, по его мнѣнію, представляетъ довольно ясный "намекъ" на

одно изъ такихъ апокрифныхъ сказаній. "Смерть" говоритъ въ "Прѣніи": "Не былъ - ли силенъ Самсонъ. Онъ говорилъ: если бы было кольцо въ землѣ, я повернулъ бы вселенную; но я и его взяла." Какъ бы высказанное предположеніе не было близко къ истинѣ, на немъ проф. Идановъ не считаетъ, однако, достаточнымъ остановиться.

Онъ обращается снова къ "Книгѣ Судей" и подробно анализируетъ извѣстный рассказъ объ избіеніи Самсономъ ослиной челюстью тысячи филистимлянъ и о чудесномъ появленіи воды. Приведя этотъ рассказъ, профессоръ сравниваетъ его съ сообщеніемъ Иосифа Флавія и у послѣдняго находитъ такія новыя подробности. - "Самсонъ послѣ избіенія челюстью тысячи человѣкъ слишкомъ зазнался; это убіеніе онъ сталъ приписывать не божьей помощи, а собственной силѣ. Жалда... Самсонъ раскаивается: ему хотѣлось бы, чтобы "ничто изъ сказаннаго" имъ не было поставлено ему въ вину, чтобы Богъ не прогнѣвался на него за нечестивыя рѣчи". Къ сожалѣнію, о содержаніи этихъ рѣчей ничего не сказано Иосифомъ Флавіемъ, хотя, какъ полагаетъ Идановъ "то поэтическое сказаніе, которое было источникомъ для Иосифа, конечно, знало и передавало эти рѣчи". Народный эпосъ не ограничился бы однимъ

только упоминаніемъ, онъ привелъ бы и самыя рѣчи. Приходится, словомъ, констатировать тотъ фактъ, что въ сообщеніи Іос. Флавія, какъ и въ разсказѣ Библии, есть что-то недосказанное. Проф. Ждановъ и пытается восполнить этотъ пробѣлъ такимъ путемъ. "Въ нашихъ памятникахъ", говоритъ онъ, "Самсонъ хвалится повернуть землю, притянуть небо къ землѣ, смѣшать земное съ небеснымъ: онъ сдѣлалъ бы все это, если бы былъ столбъ отъ земли до неба, если бы въ этомъ столбѣ было кольцо, за которое можно было бы ухватиться". Конечно, такая похвальба является для насъ по меньшей мѣрѣ странной. Самсонъ требуетъ того, чего на самомъ дѣлѣ и быть не можетъ, сравниваетъ свою мощь съ тѣмъ, что не существуетъ. Ключъ къ пониманію такой былинной передачи и даетъ намъ проф. Ждановъ. "Въ этомъ упоминаніи кольца земли, столба до неба", говоритъ онъ, "сохранилось, очевидно, какое то смутное, отрывочное воспоминаніе въ области такого міропредставленія которое знало какія - то опоры неба и земли, при колебаніи которыхъ потряслась бы вся вселенная". Указанія на такое именно міровоззрѣніе профессоръ видитъ въ словахъ Іеговы, обращенныхъ къ Іову: "гдѣ былъ ты, когда я полагалъ основанія земли... На чемъ утверждены основанія ея / въ с

славян. пер. - на чемъ же столпи ея утверждены
оуть/или кто положили краеугольный камень ея" ..

"Столпы небеса проколетъ и утасаетъ отъ верховъ
его" / см. у М. Н. Жданова, соч. т. I, стр. 628/ ..

Пользуясь вотъ этимъ библейско - апокрифичнымъ
языкомъ, Ждановъ находитъ возможнымъ представить
похвальбу Самсона въ такомъ видѣ: "моя сила неиз-
мѣрима: я могъ бы поколебать столбы неба, я могъ
бы сдвинуть краеугольный камень земли". Если мы
примемъ теперь во вниманіе тотъ долгій литератур-
ный путь сказанія о Самсонѣ отъ древняго еврейс-
каго эпоса до русской былины нашихъ дней, то
уже не покажутся намъ странными всѣ тѣ измѣненія,
которыя мы найдемъ въ былинной передачѣ. Именно
къ позднѣйшимъ наслоеніямъ Ждановъ съ вѣроятнос-
тью относитъ тѣ сумочки переметныя, которыя
упоминаются въ былинѣ о Самсонѣ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не со-
гласиться съ мнѣніемъ нашего изслѣдователя, что
"библейско - апокрифичный Самсонъ, преувеличиваю-
щій свои силы и потомъ доведенный до раскаянія,
и нашъ богатырь, который хвалится своей силой, а
потомъ убѣждается въ своемъ малосиліи, предста-
вляютъ значительныя черты сходства".

Переходя далѣе къ рассказамъ о ко-
нитѣбѣ Святагора и Самсона, Ждановъ говоритъ,

что такіа незначительныя измѣненія, какъ "крѣ-
постная служаночка" вмѣсто библейско - апокриф-
наго "отрока", именины Самсона, суть подновленія
бытовыхъ чертъ и легко отдѣлимы. Но памятники
народно - былевой поэзіи могутъ подвергаться
инымъ, труднѣе распознаваемымъ перемѣнамъ. Къ
числу такихъ перемѣнъ профессоръ относитъ влія-
ніе сказочнаго матеріала на былины - вліяніе,
такъ сказать, "литературнаго оссѣдства". Нагляд-
нымъ примѣромъ къ тому, по его мнѣнію, и могутъ
служить рассказы о женитьбѣ Святогора и Самсона.
Святогоръ въ "побывальщинѣ" спрашиваетъ Микулу:
"...какъ мнѣ узнать судьбину Божию." Микула совѣ-
туетъ поѣхать къ кузнецу, что у "Сиверныхъ
горъ". Святогоръ ѣдетъ и видитъ: "куетъ кузнецъ
два тонкіихъ волоса". На вопросъ богатыря: "А
что ты куешь, кузнецъ" - послѣдній отвѣчаетъ: "Я
кую судьбину, кому на какомъ жениться". - А мнѣ
на комъ жениться " "А твоя невѣста въ царствѣ
Поморскомъ... тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ".
Задумался богатырь: "дай - ^{въ} ка я поѣду тне царст-
во Поморское и убью тую невѣсту". Нашелъ онъ ее
въ "Домашечкѣ убогомъ"... "лежитъ дѣвка во гно-
ищѣ; тѣло у ней точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ
пятьсотъ рублей и положилъ на столъ ... и билъ

ее мечомъ по бѣлой груди... и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулася дѣвка и смотритъ: съ нея точно еловая кора спала... стала она красавицей"... На пятьсотъ рублей" нажила она безсчетну золоту казну"... "Приѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про нея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству". Пришелъ и Святогоръ, влюбился и сталъ "сватать но за себя". А "какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди". Жена рассказала ему обо всемъ, что съ ней было, и "тутъ дозналъ Святогоръ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь". Если мы перейдемъ теперь къ разсказу о женитьбѣ Самсона, то невольно замѣтимъ въ немъ, прежде всего сжатость изложенія при отсутствіи какихъ - либо подробностей, - "Самсонъ, подобно Святогору наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ жениться въ Поморскомъ царствѣ, на дочери Луки Калѣки, которая 30 лѣтъ лежала въ гноищѣ". Самсонъ багатырь послѣ свободы долженъ былъ признать, что "Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати". Видимо, народные пѣвцы не въ состояніи были отчетливо припомнить и воспроизвести содержание разсматриваемаго эпизода.

Отрывочность и спутанность въ изложеніи еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. При такомъ положеніи вещей легко возможны въ быліи весьма значительныя часленія. Для доказательства проф. Идановъ приводитъ нѣсколько справокъ. Святоторъ пріѣзжаетъ къ кузнецу, который куетъ два золотыхъ волоса. Мы вправѣ ждать, "что эти два волоса должны будутъ получить какое нибудь значеніе... Но въ дальнѣйшемъ рассказѣ нѣтъ и помину объ этихъ волосахъ". Непонятно такъ - же къ чему тѣ деньги, которыя Святоторъ кладетъ на столъ, а потомъ рѣшается на убійство. "Въ изображеніи состоянія дѣвицы," - продолжаетъ исследователь, - "тоже есть какая то путаница. - Кузнецъ говоритъ, что она лежитъ во гробѣ, и только. Но далье сказывается, что невеста Святотора спала очарованнымъ сномъ". Какъ объяснить всѣ эти противорѣчія и недомолвки. Идановъ предлагаетъ обратиться къ сказкамъ и приводитъ цѣлый рядъ ихъ для сопоставленія съ побывальщинами. Предварительно онъ дѣлитъ побывальщины о женитбѣ Святотора и Самсона на двѣ части: а/ разузнаваніе судьбы и в/ приключеніе въ Поморскомъ царствѣ. Чрезвычайное сходство подробностей первой части обнаруживается при сравненіи ихъ сказками с судьбѣ. Вотъ, на примѣръ, сербская сказка. - Жили два брата: одинъ лѣнивый,

но богатый, а другой работающий, но бедный. Доля первого представлена в образе красавицы, которая прядет золотую нитку. Доля второго слепая старуха, которая говорит брату - бедняку: "ты родился в сиротинскую ночь, такова и доля твоя". С этой сказкой по словам проф. Еданова, сравнивается у Афанасьева южно - русский рассказ о людской доле. - Кавказ в лесу увидя старика, который "вязавъ лыка - одно добре, а другое кепьске"... Эти лыка "есть добри и не добри, то треба ихъ такъ винчати, щобъ були вли в добрыми, а добры со злыми"... Нельзя не признать, что прядение золотой нитки или скручивание двух лык ~~близко напоминает сказание о двух золотых золотых~~ "Здѣсь и тамъ" сближение судьбы с женитьбой". Еще ближе, по мнѣнію Еданова, къ былинѣ сказка о Невѣстѣ - горбунѣ. - Ищетъ человекъ невѣсту. Въ церкви одинъ старикъ подводитъ его горбатой нищей и говоритъ: "вотъ твоя судьбина: не обойдешь, не объедешь"... Рассудивши человекъ и при первомъ удобномъ случаѣ ударилъ нищую тесакомъ, а самъ ушелъ. Горбунья отъ удара только лишилась горба и похорошѣла. Снова встрѣча. Женитьба. Мужъ видитъ рубцы на спинѣ жены и узнаетъ, "отчего онѣ". Выводъ: "суженой не обойдешь, не объедешь".

При изученіи второй части побывальшинъ о Самсонѣ и Святогорѣ / приключеніе въ Помор. царствѣ / нужно обратиться къ сказкамъ о добываніи "живой воды". Множество вариантовъ этихъ сказокъ приведено Идановымъ въ своемъ трудѣ. Есть здѣсь и русскія сказки, сербская, греческая, нѣмецкая, италянская, аварская. Не будемъ приводить ихъ всё. Достаточно ознакомитсѣя съ ихъ общимъ содержаніемъ, которое таково. - Живеть больной / слѣпой / царь. Нужно достать ему "живой воды". Изъ трехъ сыновей только младшій имѣетъ успѣхъ. Онъ при помощи вѣщей женщины или старика, которые, обыкновенно, даютъ ему совѣты и "чуднаго коня", проникаетъ въ городъ, гдѣ хранится "живая вода". При этомъ, въ нѣкоторыхъ сказкахъ передаются такія подробности: вокругъ города натянуты струны, которыя при малѣйшимъ прикосновеніи начинаютъ звучать и будятъ спящую красавицу. На пути въ городъ чудный конь переноситъ царевича благополучно. Вода добыта, но красота спящей дѣвицы поражаетъ смѣльчака. Любовь. На память оставляется перстень, записки и т. п. Обратный скачекъ черезъ стѣны, но уже не столь удачный: конь за дѣваетъ за струны. Красавица просыпается, замѣчаетъ, что съ ней было, и пускается въ погоню.

Царевичу удается спастись от преслѣдованій.

"Живая вода" доставлена, и царь становится здоровъ. Красавица все еще ищетъ своего суженаго. Въ концѣ концовъ она его находитъ и вступаетъ съ нимъ въ бракъ.

Привлеченіе столь обширнаго сказачнаго матеріала для сравненія съ побывальщинами о женитьбѣ Святогора и Самсона дало возможность проф. Жданову притти къ весьма цѣннымъ выводамъ. Прежде всего, онъ установливаетъ тотъ фактъ, что "сказка о живой водѣ и сказка о горбунѣ родственны одна другой. Это - сказки о суженой". Намъ не должно смущать то обстоятельство, что въ одной сказкѣ мы имѣемъ дѣло съ горбатой, а въ другой - со спящей красавицей. "Чудесный сонъ и болѣзнь или уродство", по мнѣнію Жданова; только два варианта тѣхъ превращеній, о которыхъ такъ часто говорится въ сказкахъ. Въ устно - передаваемыхъ сказкахъ эти разнообразныя превращенія могутъ замѣняться одни другими, или даже соединяться одни съ другими. Примѣръ такого соединенія и представляетъ побывальщина о Самсонѣ - Святогорѣ. Въ побывальщинѣ смѣшаны два ряда сказочныхъ подробностей. Одинъ рядъ совпадаетъ со сказкой о Горбунѣ: болѣзнь суженой, желаніе богатыря отдѣлаться отъ нея, ударъ

мечемъ; другой рядъ напоминаетъ сказку о "живой водѣ": сонъ невѣсты; деньги, оставляемые богатыремъ " въ сказкахъ - перстень, записки и т.п. /

Разсмотрѣвъ теперь самый рассказъ о женитьбѣ Самсона - рассказъ, ничего общаго не имѣющій ни съ библіей, ни съ апокрифомъ, мы все таки еще не знаемъ какимъ путемъ онъ могъ войти въ былинну. На этотъ вопросъ проф. Едановъ считаетъ возможнымъ отвѣтить только " гадательными соображеніями". Онъ высказываетъ ту мысль, что гибель Самсона отъ жены еще поминалась народными пѣвцами, но обстоятельства его женитьбы уже почезли изъ ихъ представленія. Оставалась въ памяти только самая идея библейско апокрифнаго рассказа о неизбежности этой женитьбы - идея, которая повторяется и въ сказкахъ. "Подъ вліяніемъ ихъ", полагаетъ Едановъ, " и сложился рассказъ о томъ, какъ Самсонъ добывалъ себѣ невѣсту въ Поморскомъ царствѣ"... Интересно прослѣдить тотъ путь отъ памятниковъ библейско-апокрифныхъ черезъ сказки къ былинѣ, который весьма удачно намѣчаетъ намъ исследователь. "Въ какомъ нибудь поучительномъ памятникѣ", говоритъ онъ, "могло быть сказано, что Самсонъ, служитель истиннаго Бога, женится на женщинѣ,

покрытой струпами нечестія и грѣха. Такой переносный смыслъ легко могъ забываться; сравненіе стало принимать характеръ реальности. Въ силу этого народная поэзія уже безпрепятственно могла замѣнить нечестіе болѣзнью.

Создается образъ невѣсты Святогора, лежащей "тридцать лѣтъ во гноищѣ... тѣло у ней точно аловая кора". Такимъ же образомъ можно объяснить и появленіе въ былинѣ сказочнаго кузнеца, который "куетъ два тонкіихъ волоса". Въ некоторыхъ преданіяхъ Самсонъ надѣленъ, оказывается, золотыми волосами. "Эти золотые волосы" — думаетъ проф. Идановъ — какъ "источникъ силы и причина гибели Самсона, и могли дать поводъ къ внесенію въ былинну о Самсонѣ подробностей, напоминающихъ сказки о судьбѣ".

Изъ составныхъ частей былинны о Святогорѣ остались не рассмотрѣнными: встрѣча съ Ильей Муромцемъ, примѣриваніе гроба. Въ былинѣ о Самсонѣ — Святогорѣ рассказъ о встрѣчѣ съ Ильей передается такъ: Илья наѣхалъ на Самсона и ударилъ его трижды "палицей", а Самсонъ схватилъ Илью и посадилъ въ карманъ. Конь отказывается вести двухъ богатырей. Тогда Самсонъ вынимаетъ Илью и отправляется съ нимъ "ко Свя-

тымъ герамъ". Встрѣча богатырей совершенно сходно передается и въ пересказахъ съ однимъ только именемъ Святогора. Только одинъ вариантъ дополненъ нѣкоторыми подробностями. Илья наѣзжаетъ на шатеръ и въ немъ засыпаетъ. Ѣдетъ Святогоръ и беретъ съ собою жену въ хрустальномъ ларцѣ. Отъ испуга Илья влѣзаетъ на дубъ, а Святогоръ ложится на его мѣсто и засыпаетъ. Жена, замѣтивъ Илью, проситъ его "любовь съ ней сотворить", а потомъ сакаетъ его, къ мужу во глубокъ карманъ". Святогоръ просыпается и Ѣдетъ дальше, но конь спотыкается. Святогоръ вытаскиваетъ Илью и узнаетъ объ измѣнѣ жены. Ее онъ убиваетъ, а съ Ильей мѣняется крестомъ и называетъ его "меньшимъ братомъ". При объясненіи происхожденія этого разсказа о богатырской женѣ проф. Едановъ ссылается на рядъ свидѣтельствъ другихъ изслѣдователей. Такъ, по словамъ, Ор. Миллера, разсказъ о Святогоровѣ женѣ оказался сходнымъ съ сказкой "Туть - ти - наме", а по мнѣнію **Naumbaud** - съ одной изъ сказокъ "Тысячи и одной ночи". А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, "что этотъ эпизодъ включенъ въ былинну позднѣе и нѣсколько внѣшнимъ образомъ"....

Въ большинствѣ случаевъ въ рассмотрѣнныхъ эпизодахъ / встрѣча двухъ богатырей / въ

бышинѣ о Святогорѣ соединяется рассказъ о при-
мѣриваніи гроба и о смерти старшала богатыря. -
Приѣзжаютъ Илья и Святогоръ на "святныя горы и
здѣсь находятъ великій гробъ. На немъ подпись:
"Кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ля-
жетъ". Легъ сначала Илья; гробъ для него оказал-
ся слишкомъ великъ. Легъ Святогоръ; гробъ пришел-
ся по немъ. Богатырь взялъ крышку и самъ закрылъ
его гробъ". Поднять обратно крышку онъ не можетъ,
какъ "не силится"; не можетъ этого и сдѣлать и
Илья. Тогда Святогоръ говоритъ Ильѣ: "возьми мой
мечъ кладенецъ и ударь поперекъ крышки". Илья не
въ силахъ поднять мечъ. Святогоръ дохнулъ изъ
гроба, и у Ильи сразу прибыло силъ. Онъ поднялъ
мечъ и ударилъ по гробу: выросла полоса желѣзная
Еще дохнулъ на него Святогоръ, еще ударъ, и еще
полоса". Хотѣлъ Святогоръ еще дохнуть на Илью, но
тотъ отказался. "Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ
промолвилъ Святогоръ, что не послушалъ моего
последняго наказа; я дохнулъ бы на тебя мертвымъ
духомъ, и ты бы легъ мертвымъ подлѣ меня"...
"Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился
Илья съ Святогоромъ".... Интересно, между про-
чимъ, отмѣтить тотъ, указанный Ждановымъ, фактъ,
что подобный же рассказъ существуетъ и объ Ильѣ
"Муромѣ", Добрынѣ и Алешѣ - Поповатѣ, при чемъ

Илья оказывается въ положеніи Святогора. Область распространенія этого разсказа о примѣриваніи гроба, однако, далеко не ограничивается только лишь русскимъ народнымъ эпосомъ. Мы находимъ подобные же разсказы въ сказаніяхъ разныхъ народовъ. Древнѣйшимъ изводомъ, по мнѣнію Жданова, является мифъ объ Озирисѣ. Вотъ что передаетъ Плутархъ: Тифонъ тайно снялъ мѣрку съ Озириса и сдѣлалъ по ней пышно украшенный ящикъ. На пиру онъ показывалъ этотъ ящикъ гостямъ и общалъ его отдать тому, кому онъ придется впору. Ящикъ пришелся по росту только Озирису, котораго единомышленники Тифона закрыли крышкой, а потомъ бросили въ рѣку. Варианты этого разсказа, болѣе близкіе къ нашей билинѣ, Ждановъ усматриваетъ а/алскрифныхъ преданіяхъ мусульманскихъ и еврейскихъ, в/ въ сказкахъ. Weil въ "Biblische gegendern der Muselmänner" приводитъ, по словамъ нашего изслѣдователя, слѣдующее мусульманское преданіе о смерти Аарона. - По повелѣнію ангела Моисей и Ааронъ отправились на гору и тамъ нашли гробъ съ надписью: "Я назначенъ для того, кому буду впору". Ложится сначала Моисей, но гробъ для него оказывается малъ. Легъ тогда Ааронъ; гробъ пришелся какъ разъ по его росту. Ааронъ умеръ... Это му-

сульманское преданіе представляетъ, по словамъ Weil'a только лишь повтореніе подобнаго же еврейскаго сказанія. Но проф. Эдановъ указываетъ среди мусульманскихъ преданій точно такой же самостоятельный рассказъ о смерти Моисея. Моисей идетъ въ горы. Тамъ роютъ могилу. Онъ спрашиваетъ: "для кого эта могила". Ему отвѣчаютъ: для человѣка, котораго Богъ хочетъ взять къ себѣ на небо". "Но сняли ли вы мѣрку съ умершаго". - спросилъ опять Моисей. - "Нѣтъ... но онъ былъ какъ разъ такого же росту, какъ ты; не откажись лечь въ могилу, чтобы видѣть, вѣрно ли она сдѣлана". Когда Моисей легъ, предъ нимъ предсталъ Ангелъ смерти. Моисей умираетъ. Этотъ же вариантъ воспроизводится, по словамъ Эданова, въ одномъ южно-русскомъ преданіи, которое приурочено впрочемъ не къ Моисею, а къ Соломону. Желающіе познакомиться съ содержаніемъ могутъ найти его въ I т соч. Эданова, стр. 656/.

Что касается теперь сказокъ, то примѣриваніе гроба упоминается въ нихъ также нерѣдко. Вотъ, на примѣръ, сербская сказка. Царевичъ дѣлаетъ гробъ въ саду дракона, которому говоритъ, что этотъ гробъ назначается для недавно умершаго турка. Драконъ изъ любопытства ложитъ-

ся самъ. Гробъ заколоченъ и доставленъ царю. Тѣ же подробности повторяются въ сказкахъ итальянской, греческой, аварской. Обманомъ заколачиваются людоѣдъ, дракъ, чудовище Картъ. Изъ русскихъ сказокъ въ этомъ отношеніи интересна связка о Солдатѣ и Смерти. — Солдатъ не умѣетъ лечь въ гробъ: ложится на одинъ гробъ: ложится то на одинъ бокъ, то на другой, то на грудь, Смерть, желая научить солдата, ложится сама; ее солдатъ закрываетъ крышкой и бросаетъ въ рѣку.

Не трудно теперь убѣдиться, что нашъ былинный рассказъ о примѣриваніи гроба и о смерти старшаго богатыря особенно близокъ къ еврейско - мусульманскимъ преданіямъ о смерти Аарона. "Гробница, надгробье на ней, примѣриваніе гроба Моисеемъ, смерть Аарона" — все это такія подробности, которыя мы видѣли и въ былинѣ о Святогорѣ / имена въ счетъ неидутъ /.

Вмѣстѣ съ этимъ не будемъ, впрочемъ, отрицать и вліянія сказокъ. "Въ сказкахъ" говоритъ проф. Ждановъ, — "гибнетъ въ гробу злое, чудовищное существо"... И умирающій Святогоръ тоже рисуется какимъ — то стралинымъ, губящимъ существомъ. Онъ хочетъ дохнуть на Илью "мертвымъ духомъ".

Послѣ столь подробнаго разсмотрѣнія-

эпизодовъ былины о Самсонѣ и Святоторѣ проф. Ждановъ приводитъ къ одному цѣлому всѣ тѣ частичные выводы, съ которыми мы уже имѣли возможность познакомиться. Итакъ, — говоритъ онъ, — "основа былины о Самсонѣ библейско - апокрифная легенда. Въ двухъ эпизодахъ / остриженіе волосъ и смерть подъ развалинами зданія / былинные пересказы только повторяютъ то "сказаніе о Самсонѣ", которое находится въ краткой Псалѣ. Похвальба Самсона..., повидимому, также представляетъ остатокъ какого то / пока еще не извѣстнаго намъ вполне / апокрифнаго преданія. Позднѣйшее измѣненіе основнаго сказанія опредѣлилось вліяніемъ литературнаго сосѣдства. Библейско - апокрифное сказаніе всего легче, конечно, допускало примѣсь изъ памятниковъ одного съ нимъ рода. Это и мы видимъ въ рассказѣ о примѣриваніи гроба, повторяющемъ еврейско - мусульманское преданіе о смерти Аарона и Моисея - Сказаніе, ставшее достояніемъ русскаго народнаго эпоса, не могло уединиться отъ вліянія самыхъ извѣстныхъ, самыхъ распространенныхъ памятниковъ русской словесности - сказокъ. Рассказы о Святоторовой жемчужинѣ, носимой въ ларцѣ, о женитьбѣ богатыря въ Поморскомъ царствѣ служатъ подтвержденіемъ этого вліянія. Измѣненіе шло дальше. Заносное сказаніе дало матері-

риаль для русской былевой пѣсни. Самсонъ вступилъ въ ряды русскихъ могучихъ богатырей. . . . Измѣненіе коснулось, наконецъ, самаго имени Самсона. У Самсона отыскался какой - то странный двойникъ который то сливается съ нимъ въ одинъ поэтический образъ / Самсонъ - Святогоръ /, то отдѣляется отъ него какъ особое эпическое лицо". . . .

Интересна гипотеза, выставленная здѣсь Идановымъ, о происхожденіи имени Эпического богатыря Святогора. Дѣло въ томъ, что имя "Святогоръ" соединяется еще въ былинахъ съ именемъ Егорія Храбраго. Профессоръ и полагаетъ, что, какъ въ былинномъ - Егоръ - Святогоръ послѣднее слово имѣетъ значеніе дополнительнаго прозвища къ первому, потому что сходства между двумя этими эпическими образами нѣтъ никакого, такъ одинаковое значеніе слово "Святогоръ" или "Святогорскій" имѣло при имени "Самсонъ". "Правда," оговаривается исследователь, - "въ былинахъ "Самсонъ" и "Святогоръ" употребляются иногда какъ самостоятельныя личныя имена, но это только позднѣйшее измѣненіе, позднѣйшее раздвоеніе одного эпического образа, давшее намъ богатырей двойниковъ". Любопытенъ, при этомъ, и тотъ фактъ, что въ былинахъ Святогоръ является въ какой той постоян-

ной связи съ "Святыми горами". Не есть - ли самое имя "Святгорь", какъ утвердительно думаетъ Едановъ - "выраженіе смутнаго воспоминанія о библейско - апокрифномъ происхожденіи богатыря

Въ заключеніи остановимся на тѣхъ данныхъ, собранныхъ нашимъ исследователемъ, которыя говорятъ за широкую извѣстность сказанія о Самсонѣ среди христіанскихъ народовъ. Мы уже видѣли, что въ русскомъ былевомъ эпосѣ Самсонъ зачисляется въ ряды могучихъ богатырей.

Имя Самсона, по словамъ Еданова, встрѣчается и въ памятникахъ старо - французскаго эпоса, какъ имя одного изъ перовъ Карла Великаго, и въ древне - Сѣверныхъ сагахъ / Въ книгѣ Рассмана "Deutsche Heldensage" "приведенъ даже цѣлый переводъ датской пѣсни о Самсонѣ - см. прим. Еданова стр. 664/. Правдѣ, въ этихъ памятникахъ европейскаго эпоса Самсонъ, "мало напоминаетъ Самсона библіи", но тѣмъ не менѣе "едва ли можно допустить, что въ поэтическую память попало одно только имя". - Не имена, а сказанія занимаютъ народный эпосъ. Согласимся даже, что имя Самсона явилось путемъ подмѣна, но и для этого "должны были существовать", говоритъ проф. Едановъ, "основаніе въ какомъ то сходствѣ, которое открн

вала эпическая фантазія между древней національной сагой и преданіемъ изчужа".

Упомянемъ, наконецъ, о одѣланномъ проф. Ждановымъ опроверженіи мнѣнія Вольнера, что эпизодъ съ сумочкой напоминаетъ легенду о св. Христофорѣ. Послѣ весьма обстоятельнаго разбора этой легенды нашъ изслѣдователь рѣшительно отрицаетъ вліяніе ея вообще на какой либо изъ памятниковъ русской народной словесности. Въ частности объ отношеніи легенды къ нашей былинѣ Ждановъ выражается такъ: "оба памятника развивались каждый своимъ путемъ. Былина шла отъ библейско - апокрифнаго преданія и перерабаталась въ народную эпическую пѣсню. Въ основѣ легендарнаго разсказа лежалъ аллегорическій образъ христоносца, слившійся потомъ съ житіемъ св. Христофора".

На этомъ проф. Ждановъ и заканчиваетъ свой анализъ былинъ о Самсоѣ и Сятегорѣ. Для полноты картины будетъ не лишнимъ остаться на тѣхъ критическихъ замѣткахъ, которыя были высказаны по поводу нѣкоторыхъ положеній труда Жданова. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья ак. А. Н. Веселовскаго, помѣщенная въ журналѣ М. Н. Пр-ія за 1884 г. /Январь, 359 стр./ Отдавалъ въ ней должную дань точному и

и критическому методу проф. Эданава, ак. Веселовской не хочется, однако, согласиться съ нѣкоторыми построениями разбираемаго сочиненія. Прежде всего онъ считаетъ болѣе правильной слѣдующую точку отправленія въ изложеніи: "не отъ Самсона къ Святого ру, а на оборотъ". Въ былинахъ о Святогорѣ, говоритъ Веселовскій, мы не находимъ, "ни семи ангельскихъ волосъ, ни ихъ остриженія, ни гибели подъ развалинами дома, ни прозвища Манойловичъ", взятаго отъ Маноя - имени Самсонова отца по Книгѣ Судей"; на оборотъ что поется о Святогорѣ, встрѣчается отчасти и съ именемъ Самсона, но далеко не все. Если присоединить къ этому и цѣльность, въ которой представляется намъ пѣсенная біографія Святогора, то и будетъ оправдана названная точка отправленія! Въ частности, по поводу сближенія библейскаго разсказа о избіеніи Самсономъ ослиной челюстью съ былиннымъ эпизодомъ о подниманіи чудесныхъ сумочекъ Всеволодской вводитъ существенное добавленіе. Онъ ссылается на мнѣніе Шульце, что ослиная челюсть есть "позднѣйшее измѣненіе болѣе древняго европейскаго выраженія, означавшаго: сила земли". А разъ это такъ, то и параллель къ "земной тягѣ" въ былинныхъ сумочкахъ становится вполне естествен-

ной. - "Въ землѣ - сила, но вмѣстѣ и та страшная, увлекающая тяга, противъ которой не устоятъ чело-вѣку". Извѣстенъ изъ былинъ о Вольгѣ"; продол-жаетъ развивать свою мысль Веселовскій; "образъ Микулы, , грандіознаго пахаря, котораго сопоста-вляли съ Византійскимъ императоромъ Гугономъ. . . Гугонь пашеть правда, драгоцѣннымъ плугомъ, но пашеть не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму:" въ потѣ лица твоегои будетъ есть хлѣбъ. доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ"..... Помнить эти слова и пресвитерь Иоаннь, " передъ лицомъ котораго всегда носили сосудъ, наполненный землею: символъ смертности". Отсюда и значеніе не подъемныхъ сумокъ съ зем-лей / въ Талмудѣ вмѣсто нихъ мертвая голова, въ Александровскихъ сказаніяхъ - камень - глазь, въ нартской сказкѣ о Сосланѣ "лежитъ сумочка, въ которой что - то такое, величиной съ человѣчес-кую голову" / ясно само по себѣ:" За кощунствен-ною похвальбой богатыря онѣ являются, какъ напо-минаніе, о смертномъ часѣ, который тотчасъ и наступаетъ". Разбирая далѣе побывальщину о же-нитѣбѣ Святогора, Веселовскій такъ объясняетъ значеніе коры, которою покрыта "суженая" Святого-ра. Въ ново- греческихъ пѣсняхъ, говоритъ онъ,

есть упоминаніе о томъ, какъ обрастаетъ волосами
авыкъ отъ частыхъ распросовъ; въ русскихъ сти-
хахъ о Егоріи выводятся обросшія сестры - поло-
нянки, находящіяся въ мракѣ невѣрія; въ поэмѣ о
Вольфдитрихѣ выводятся обросшая Эльза. Быть мо-
жетъ, и "суженная" Святогора охарактеризована
такимъ же образомъ для того, чтобы указать на
ея "внутреннюю нечистоту, прирожденную пороч-
ность".

За это, повидимому, говорить и эпизодъ былины о
измѣнѣ Святогоровой жени съ Ильей Муромцемъ.
Нужно замѣтить, что Веселовскій въ рассматривае-
мой нами статьѣ уже отказывается отъ прежнего
своего взгляда, что рассказъ о невѣрной женѣ
Святогора "включенъ въ былинную поэзію и нѣсколь-
ко внѣшнимъ образомъ". Теперь онъ, наоборотъ,
склоненъ признать этотъ рассказъ "органическимъ
для былины о Святогорѣ", "продолженіемъ расска-
за о суженой". Извѣстенъ страхъ Святогора, когда
ему указана была его "суженая". Не ясно - чего
собственно боялся богатырь и почему такъ спѣ-
шилъ отдѣлаться отъ своей невѣсты. Убивать ее,
казалось, не было смысла, разъ она находилась въ
такомъ жалкомъ состояніи. Веселовскій и предпола-
гаетъ, что Святогору была предсказана измѣна же-

ны, о чемъ былина могла забыть. Желая "отвратить осуществленіе такого пророчества, Святгоръ и на- носить дѣвущкѣ смертельный, по его мнѣнію, ударъ; онъ она оставаясь въ живыхъ и послѣднѣ выхаживать за него замужъ. Тогда она возитъ се съ собою въ за- перти, въ ларцѣ, но и на этотъ разъ . . . ему не удается уйти своей судьбы"

- Въ заключеніи выводъ своей статьи -

Веселовскій высказываетъ тотъ взглядъ, что нужно "отдѣлить пока Святгора отъ Самсона, предоставивъ послѣднему остриженіе, ослѣпленіе, смерть подъ развалинами, семь волосъ и прозвище Манойловичъ, второму - же всѣ остальные эпизоды /суженая, невѣрность жены, похвальба и сумочки, не ободенный гробъ/. При этомъ" пѣсни и черты, общія тому и другому богатырю, придется объяснить перенесеніемъ, вполне понятнымъ при схожихъ другъ съ другомъ богатырскихъ типахъ. Оттуда и постоянная замѣна одного имени другимъ" Такое заключеніе обосновано на слѣдующихъ данныхъ. Во первыхъ, трудно съ образомъ библейско-апокрифнаго Самсона соединить эпизодъ о женитьбѣ въ Поморскомъ царствѣ: нужно въ такомъ случаѣ предположить полную предѣлку библейскаго разска-

ва. Во вторыхъ, хотя и можно сравнить невѣрность жены съ рассказомъ о предательствѣ Далилы, но такое сравненіе указывало бы лишь на близость общаго типа, а не положенія. Несравненно болѣе близки между собою былинный пересказъ и библейская легенда о Самсонѣ и его женѣ, о его семи волосахъ, но и здѣсь мы не должны забывать, что "этотъ /единичный/ пересказъ сохранился лишь съ именемъ Самсона, а не Святогора".

Таковы въ общихъ чертахъ рядъ возраженій, одѣланныхъ ак. Веселовскимъ по поводу, рассмотренной нами, работы проф. Жданова. Не отрицая научнаго значенія этихъ возраженій, трудно, въ свою очередь, не замѣтить той обширной начитанности, осмотрительной критики и нерѣдко весьма остроумныхъ сближеній, которыми отличается изслѣдованіе проф. Жданова. Своей работой Ждановъ, какъ достойный ученикъ ак. Веселовскаго, выводитъ изученіе русскаго былевого эпоса на широкую международную дорогу. Мы видѣли, что для сравненія, и не безъ успѣха, привлекается имъ обширный матеріалъ, не только русской, но и западно - европейской литературы; не забыты также образцы и восточнаго литературнаго богатства. Все это, безусловно, способствуетъ развитію глу-

бокаго интереса при изученіи русскаго эпоса. Разъ устанавливается общеніе нашего народнаго творчества еще въ древности съ Западомъ и Востокомъ, то невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ это общеніе вызывалось, при какихъ этнографическихъ условіяхъ оно возникало и развивалось? Нѣтъ - ли въ этомъ общеніи указаній на принадлежность древняго русскаго народа къ общему культу, распространенному на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ теперь встрѣчаются сходные сюжеты? Здѣсь нѣтъ уже мѣста узкому взгляду на нашъ былинный эпосъ, какъ продуктъ самостоятельнаго творчества русскаго народа; нѣтъ повода къ увлеченіямъ въ духъ русскаго народническаго романтизма. Научная мысль развилась свободнѣй и шире, сдѣлавъ изученіе русскаго эпоса частью общей европейской науки.

Т. Ж. З. И. С. И.

Народный эпосъ весьма сложное историческое явление, въ которомъ накопились наслоенія разныхъ эпохъ и настроеній.

Изученіе былинъ о Самсонѣ - Святогорѣ убѣждаетъ насъ въ томъ.

Составныя части былинны о Самсонѣ:

I; Остриженіе волосъ и гибель подъ развалинами. Сличеніе этого эпизода съ библейскимъ рассказомъ.

Рефер. по народ. слов. Листъ 6-ой.

/"Книга Судей"/ и съ "Сказаніемъ о Самсонѣ" краткой Цален указываетъ на большую связь былинной передачи именно съ апокрифнымъ "Сказаніемъ". 2; Подниманіе Самсономъ тяжелыхъ сумочекъ, соединенное съ похвалой богатыря. Этотъ эпизодъ одинаково передается и въ былинѣ о Святоторѣ, тѣмъ не менѣе онъ не заимствованъ отсюда былинной о Самсонѣ. Въ ней онъ возникъ подъ влияніемъ "какихъ - нибудь еще не указанныхъ апокрифныхъ сказаній". Похвальба Самсона въ "Прѣніи Живота и Смерти" представляетъ, по мнѣнію проф. Жданова, "намекъ" на одно изъ такихъ сказаній. Что касается Библии, то здѣсь мы находимъ лишь рассказъ объ изіеніи Самсономъ ослиной челюстью тысячи филистимлянъ и о чудесномъ появленіи воды - рассказъ, который дополняется сообщеніемъ Іосифа Флавія. Однако и въ этомъ сообщеніи, какъ и въ рассказѣ Библии, есть что-то недосказанное. Проф. Ждановъ воспоминаетъ пробѣлъ, находя возможнымъ представить похвальбу библейскаго Самсона въ опредѣленномъ видѣ. Сумочки же переметныя изслѣдователь относитъ къ позднѣйшимъ наслоеніямъ.

Отсюда - библейско - апокрифный Самсонъ и нашъ богатырь "представляютъ уже значительныя чер-

ти сходства".

3; Женидьба Самсона въ Поморскомъ царствѣ. Этотъ эпизодъ передается и въ былины о Святогорѣ, только въ болѣе распространенномъ видѣ. Происхождение его объясняется вліяніемъ сказочнаго матеріала. Въ разсказѣ о женидьбѣ Самсона и Святогора двѣ части: а/ разузнаваніе судьбы и в/ приключеніе въ Поморскомъ царствѣ. Чрезвычайное сходство подробностей первой части обнаруживается при сравненіи ихъ съ сказками о судьбѣ, а подробностей второй - съ сказками о "живой водѣ". Примѣрами служатъ сказки-русская, серб., греч., нѣмец., итальян., аварская. Путь для проникновенія въ былинную разсказъ о женидьбѣ Самсона представляется такъ: гибель библейскаго Самсона отъ жены помнилась народными пѣвцами, но обстоятельства женидьбы забылись. Оставалась въ памяти только идея о неизбѣжности этой женидьбы, а такая идея повторяется и въ сказкахъ. Переходъ къ нимъ отъ библейско-алокрифныхъ сказаній облегчался и переноснымъ смысломъ поучительныхъ памятниковъ.

Къ составнымъ частямъ былины о Святогорѣ относятся еще.

I; Встрѣча съ Ильей Муромцемъ, причемъ одинъ изъ

пересказовъ дополненъ подробностью о Святогоро-
вой женѣ.

2; Примѣриваніе гроба и смерть старшаго богатыря
Вариантами этого разсказа, болѣе близкими къ на-
шей былини, являются мусульманскія и еврейскія
преданія; рядъ сказокъ /рус., серб., итал., греч.,
авар.,./ о примѣриваніи гроба въ свою очередь ока-
залъ вліяніе на былину.

Общій выводъ. - "Основа былины о Самсонѣ-
библейско - апокрифная легенда". Позднѣйшее измѣне-
ніе основнаго сказанія произошло подъ вліяніемъ
"литературнаго сосѣдства".

Происхожденіе и значеніе имени "Святогоръ". Широ-
кая извѣстность сказанія о Самсонѣ среди христіан-
скихъ народовъ. Неосновательность мнѣнія Вольне-
ра, что эпизодъ съ сумочкой напоминаетъ легенду
о Христофорѣ".

Критика ак. А. Н. Веселовскаго на нѣ-
которыя положенія труда проф. А. Н. Жданова.

Нужно исходить въ изложеніи " не отъ Самсона
къ Святогору, а наоборотъ".

При сближеніи библейскаго разсказа о избіеніи
Самсономъ ослиной челюстью съ былиннымъ эпизо-
домъ о подниманіи сумочекъ необходимо имѣть въ
виду, что ослиная челюсть" есть измѣненіе бо-

лѣе древняго выраженія - "сила земли". Кора, которую покрывает "суженая" Святогора, символъ "внутренней нечистоты, прирожденной порочности". За это говорить и рассказъ о богатырской женѣ, который Веселовскій считаетъ уже "органическимъ для былинъ", продолженіемъ рассказа о суженой".

Въ, конечномъ выводѣ ак. Веселовскій предлагаетъ отдѣлить пока Святогора отъ Самсона, а черты, общія тому и другому богатырю, онъ считаетъ перенесеніемъ, вполне понятнымъ при схожихъ богатырскихъ типахъ.

Научное значеніе изслѣдованія проф. Еданова въ области изученія народнаго эпоса.

Нечаевъ Василій ст. 4-аго курса.

ТЕОРІЯ ВОСТОЧНАГО ВЛІЯ -
НІЯ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУС -
СКИХЪ БЫЛИНЪ ВЛАДИМИРА СТА -
СОВА, ЕЯ КРИТИКА И СУДЬБА.

/ Происхождение русских былинъ. Статья В. Ста-
сова въ " Вѣстникъ Европы " за 1868 г. Рѣчь, пре-
изнесенная привать - доцентомъ И. Некрасовымъ на
торжественномъ актѣ Императорскаго Новороссійскаго
Университета 30 августа 1869 г. Одесса 1869 г.
Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Ор. Миллеръ

О происхожденіи русских былинъ. Статья А.
Розова въ " Трудахъ Кіевской духовной Академіи " за
1871 г. Тома I, 2 и 3-ій. Восточныя основы
русскаго былиннаго эпоса. Статья Г. Потанина въ
" Вѣстникъ Европы " за 1896 г. Тома I и 2-ой. /
Съ тѣхъ поръ какъ ученые занялись изслѣдованіемъ
русскаго народнаго эпоса, вопросъ о происхожденіи
былинъ занималъ разныхъ изслѣдователей , рѣшав -
шихъ его каждый по своему. Не имѣя въ виду разма-
тривать всѣ существующія по этому вопросу мнѣнія,
остановлюсь только на мнѣніи В. Стасова, высказыван-

номъ имѣ въ " Вѣстникѣ Европы " въ его статьѣ
" Происхожденіе русскихъ былинъ ".

Не соглашаясь ни съ мифологической, ни съ исторической теоріями, Стасовъ путемъ сравненія былинъ съ разными восточными разсказами, вышедшими изъ Индіи, пришелъ къ заключенію, что русскія былины заимствованы ихъ составителями съ востока.

Для своего изслѣдованія Стасовъ беретъ только характерныя, согласно его мнѣнію, по своему содержанію былины. Поэтому онъ рассматриваетъ по одной былинѣ о старшихъ богатыряхъ такъ называемаго новгородскаго Цикла и нѣсколько о младшихъ богатыряхъ.

Прежде всего онъ изслѣдуетъ составъ русскихъ былинъ и соответственныхъ имъ восточныхъ разсказовъ и находитъ полное сходство между ними и въ цѣломъ и въ частяхъ. Притомъ онъ обратилъ вниманіе на странныя вставки въ былинахъ, не имѣющія никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ повѣствованіемъ былины. Онѣ становятся понятными, если мы признаемъ фактъ ихъ заимствованія. Такъ въ былинахъ о Добрынѣ и въ разсказахъ о Кришнѣ въ индійской повѣсти Гариваншѣ онъ указываетъ много точекъ соприкосновенія и сходства, очень близкихъ другъ къ другу, которыя, по его мнѣнію, ни вызываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ зависимости первыхъ отъ послѣднихъ. Добрыня это богъ Кришна; его крестовый братъ Иванъ Дубровичъ, или Маркопаробокъ - родной

братъ и сподвижникъ Кришны Баларама, или Санкаршана. Какъ Добрыня, такъ и Кришна рано и успѣшно учатся. Про Добрыню пророчили, что онъ убьетъ змѣя и про Кришну старецъ - отшельникъ предсказалъ, что онъ совершитъ великіе подвиги и убьетъ Канзу. Тотъ и другой проводятъ дѣтство въ играхъ и забавахъ Добрыня съ выбранными молодыми товарищами, а Кришна съ выбранными молодыми пастухами. Добрыня побѣждаетъ двѣнадцатиголоваго змѣя, а Кришна такимъ же образомъ пятиголоваго. При побѣдѣ того и другого присутствуютъ ихъ товарищи и т.д. Перечисливъ черты сходства, Стасовъ приводитъ далѣе и отличія пѣсенъ о Добрынѣ отъ разсказовъ Гариванзы о Кришнѣ и наоборотъ. Разницамъ въ былинахъ онъ находитъ параллели въ другихъ индійскихъ поэмахъ. Такъ напр. эпизоду о путешествіи трехъ русскихъ богатырей: Добрыни, Ивана Дубровича и Василія Казимировича въ орду нѣтъ соответствующаго въ разсказахъ Гариванзы, но зато есть въ Рамаянѣ, гдѣ повѣствуется о путешествіи богатыря царевича Рамы съ братомъ Лакшманомъ и съ отшельникомъ мудрецомъ Висвамитрой въ качествѣ наставника и руководителя. При свѣтѣ этого разсказа становится понятнымъ поведеніе Василія Казимировича въ ордѣ, къ которому всѣ обращаются хотя онъ и ни принимаетъ никакого участія въ подвигахъ. Также есть параллели и разсказу о сломанномъ богатыремъ лукѣ.

Много важных дополнений и разъяснений къ былинамъ о Добрынь въ Магабгаратѣ и въ пѣсняхъ телеутовъ и минусинскихъ татаръ.

Изъ разсмотрѣнія рассказовъ Гариванзы, Рамааны, Магабгараты и пѣсень телеутовъ и минусинскихъ татаръ сравнительно съ пѣснями о Добрынь Стасовъ заключаетъ, что въ Азіи издавна существовали рассказы о томъ, какъ одинъ герой очищаетъ воды извѣстной мѣстности отъ населяющаго ихъ чудовищя, а сушу отъ разныхъ страшилищъ въ образѣ людей, или животныхъ. Эти рассказы существовали иногда независимо другъ отъ друга. Послѣ долгихъ странствованій, которыя трудно прослѣдить во всей ихъ полнотѣ, попали къ русскимъ и здѣсь образовали пѣсни, которыя намъ извѣстны подъ именемъ пѣсень о Добрынь. Я не буду излагать подробно тѣхъ сравненій другихъ былинъ съ восточными рассказами, которыя продѣлываетъ Стасовъ. Приемы изслѣдованія ихъ тѣ же самыя. Я укажу только тѣ восточные рассказы, съ которыми Стасовъ сравниваетъ былины о разныхъ русскихъ богатыряхъ. Для былинъ о Потокѣ Михаилѣ Ивановичѣ онъ указываетъ параллели въ Магабгаратѣ о брахманѣ Руру и его невѣстѣ Прамадварѣ. Здѣсь онъ обращаетъ вниманіе на главный мотивъ пѣсни о Потокѣ - погребеніе живого съ его умершей женой. Это не капризъ Потока, или его жены, а исполненіе закона или обычая, о чемъ есть рассказъ напр. въ тибет-

ской поэмѣ " Дзанглуна ". Другую параллель пѣснямъ о Потокѣ составляетъ шестая глава поэмы о подви-гахъ среднеазиатскаго богатыря Богдо Гессерь - Ха-на. Былины объ Иванѣ Гостиномъ - сынѣ имѣютъ сходство съ разказами въ пѣсняхъ томскихъ шоровъ, ко-торые имѣютъ своимъ оригиналомъ разкавъ въ Магаб-гаратѣ. Былинамъ о Ставрѣ - бояринѣ соответствуетъ по содержанію пѣснь алтайскихъ татаръ на рѣкѣ Ка-тунѣ. Мотивъ этихъ былинъ - исканіе и выручка мужа, переодѣтаго въ мужское платье, женой встрѣчается въ повѣстяхъ Сомадевы и въ Магабгаратѣ. Пѣсни о Со-ловѣѣ Будимировичѣ, имѣющія совершенно противопо-ложное окончаніе двухъ пересказовъ, что не можетъ не вызвать удивленія и вопроса, покажутся претими и понятными, если посмотрѣть на нихъ при свѣтѣ двухъ разказовъ въ сборникѣ Сомадевы, называемомъ Котха - Сарить - Сагара. Здѣсь Стасовъ указываетъ на неслыханное въ жизни русской женщины сватовство со стороны Запавы, которое легко можетъ быть объяс-нено заимствованіемъ этой быliny съ востока. Въ древней Индіи въ законахъ Ману между другими форма-ми брака была форма брака по свободному выбору не-вѣсты. Былинамъ о Садкѣ Стасовъ указываетъ соответ-ствія въ разказахъ о происхожденіи поколѣнія Яда-вовъ въ Гариванѣ и Сомадевѣ, въ повѣсти " Дзанглу-на ", въ разказахъ Магабгараты и въ индійской ле-гендѣ о купцѣ Турнѣ. Былинѣ о сорока каликахъ со

калнкой соотвѣтствуетъ разсказъ о замужней женщи-
нѣ, безусловно соблазняющей молодого человѣка и
потомъ тщетно мстящей ему, очень распространенъ
по всему востоку съ древнѣйшихъ временъ. Затѣмъ со-
отвѣтствующій разсказъ находится въ Шахъ - Наме.
Эта былина и въ главныхъ и второстепенныхъ чертахъ
является отголоскомъ древневосточной жизни. Былины
объ Ильѣ Муромцѣ сходны съ повѣстями въ дейлонс-
комъ собраніи релігіозныхъ буддійскихъ книгъ " Ма-
гаванзи " и съ разсказомъ въ Шахъ - Наме. Той, или
иной ихъ части есть соотвѣтствія въ пѣснѣ черно-
лѣсныхъ татаръ, живущихъ у Телецкого озера /въ Юж-
ной Сибири/, въ телеутской легендѣ и въ монголо -
калмыцкой поэмѣ " Джангаріада ". Содержаніе былинъ
о Дунаѣ сходно съ содержаніемъ нѣкоторыхъ разска-
зовъ Гариванзы и одного Магабгараты. Наконецъ, бы-
линѣ о Ванкѣ Вдовкинѣ - сынѣ соотвѣтствуетъ раз-
сказъ четвертой главы восточноазиатской поэмы
" Гессеръ - Ханъ ". Причемъ обращеніе въ горностаю
обычный мотивъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ ижносибир-
скихъ народовъ. Разсмотрѣвъ составъ былинъ Стасова
ставить вопросъ, что такое былина? Былина, отвѣча-
етъ онъ на поставленный вопросъ, это такое созда-
ніе творчества русскаго народа, основой котораго
признаютъ что-то дѣйствительно случившееся, "быль".
Но что же дѣйствительно существовавшего, или су-
ществующаго содержать русскія былины? Разборъ со-

става былинь показаль, что въ былинахъ столь же мало дѣйствительности, были, историческихъ фактовъ какъ и въ сказкахъ. Далѣе, перейдя съ исторической почвы былинь на миеологическую, мы должны поставить себѣ вопросъ: русскія-ли онѣ по происхожденію или иновемныя. Разборъ состава былинь показаль, что ихъ коренная основа, скелеть, восточные. Отсюда возникаетъ вопросъ: въ какой степени наши былины нерусскія. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Стасовъ останавливается на разборѣ національности подробностей, личностей и характеровъ въ русскихъ былинахъ.

Прежде всего онъ ставитъ вопросъ: дають-ли былины хоть одинъ вѣрный историческій образъ? и отвѣчаетъ нѣтъ. Напрасно бы мы искали въ былинахъ образъ историческаго князя Владимира. Его не найдемъ. Владимиръ былинь противоположенъ лѣтописному. Другихъ же героевъ былинь никогда не найдемъ въ лѣтописяхъ какъ никогда несуществовавшихъ. Поэтому то и эпитеты богатырей въ былинахъ не соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Напрасно нѣкоторые стараются приписывать извѣстнымъ богатырямъ извѣтныя качества. Всѣ эти качества въ былинахъ одинаково ровно приписываются почти каждому богатырю. Стоитъ, напр. сравнить Дуная съ Ильей Муромцемъ. У обоихъ у нихъ довольно буйства. Всѣ качества богатырей заимствованы отъ ихъ первообразовъ.

Затѣмъ, географическія названія, встрѣчаемыя въ былинахъ, нисколько не говорятъ въ пользу національности былинъ. Упоминаемыя названія русскихъ городовъ: Кіевъ, Новгородъ и т.д., являются переводными, подставными. Они не обнаруживаютъ ни одной подробности противъ своихъ первообразовъ. Поэтому легко одно названіе замѣнить другимъ и смыслъ отъ этого нисколько не пострадаетъ. Еслибы былины были дѣйствительно историческими, русскими, то онѣ иначе отнеслись бы къ дѣйствительнымъ событіямъ и личностямъ и сумѣли бы прямо устремиться къ главнымъ чертамъ характера. Вспомнимъ " историческія " пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, Ермакѣ и др., гдѣ ни одна существенная и важная черта не утрачена. А что же мы находимъ въ былинахъ? Княжескія дружины слишкомъ неопредѣленны и очерчены такими общими чертами, что подойдутъ ко всякому двору, и не имѣютъ индивидуальнаго характера. Свое назначеніе богатыри выражаютъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ съ богатырями восточными. Заставы богатырскія, упоминаемыя въ былинахъ, заимствованы въ нихъ съ востока, гдѣ онѣ часто упоминаются въ поэмахъ и легендахъ. Составъ дружины какъ будто бы и разнообразенъ, но если всмотримся попристальнѣе, то не найдемъ на лицо ни одного древняго русскаго сословія. Илья Муромецъ представитель крестьянства, но въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая бы указы-

вала на русское крестьянство. Кроме того крестьянство Ильи Муромца не есть принадлежность его одного, но многих других. Затѣмъ, трудно предположить въ богатыряхъ ироническое отношеніе къ духовенству, какое мы находимъ въ богатыряхъ. Вѣдь христіанство только еще распространялось на Руси. Невозможно, далѣе, чтобы богатырь /Соловей Будимировичъ /, подданный князя, да еще купеческаго рода, женился на русской княжнѣ. Въ древней русской исторіи мы ничего подобнаго не знаемъ. А произошло это вслѣдствіе заимствованія содержанія этой былины изъ восточныхъ разсказовъ.

Былины не даютъ намъ изображенія татарской эпохи на Руси. Не даютъ онѣ также возможности заключать и о христіанствѣ на Руси во времена князя Владимира. Мы видимъ, что богатыри обращаются къ святымъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ это обращеніе находится въ оригиналахъ, а не изъ какого-либо внутренняго побужденія.

Былинныя описанія жилищъ и ихъ архитектуры заимствованы съ востока. Для примѣра приведемъ описаніе потолка и оконъ. Здѣсь мы читаемъ: "гридни покрыты сѣрымъ бобромъ, потолокъ черныхъ соболей, а окна обиты лисицами, куницами и соболями заморскими." Это описаніе заимствовано изъ описаній въ "Двангунѣ", гдѣ говорится о фигурахъ звѣрей, украшавшихъ потолокъ и окна, превратившихся въ русскихъ

былинахъ въ " бобровъ и соболей".

Также заимствовано и описаніе пира у ласковаго князя Владимира. Онъ описывается всегда такими чертами, которыя встрѣчаются въ каждомъ восточномъ разсказѣ въ подобныхъ случаяхъ. Описаніе вооруженія и способа борьбы взято съ востока. Причемъ является совершенно понятнымъ, почему въ былинахъ совсѣмъ не говорится про употребленіе щита и обоюдоостраго меча, которые, какъ извѣстно изъ лѣтописи, употреблялись русскими, и не говорится также о серьгахъ, которыя носили мужчины на Руси въ древнее время.

Одежды, описываемыя въ русскихъ былинахъ, тѣ же самыя, что и на востокѣ. Уже одни ея названія, какковы: епанча, кафтанъ, сарафанъ, туфли, чулки, кушакъ и т.д., достаточно говорятъ за восточное происхожденіе.

Подробности быта и дѣйствій богатырей таковы же, какъ и у богатырей восточныхъ разсказовъ. Богатыри семи годовъ садятся учиться грамотѣ. Седьмой годъ въ жизни восточнаго человѣка - годъ причисленія его, по предписаніямъ брахманскаго и зороастровскаго законовъ, къ индійскому и персидскому народу. До этого времени ребенокъ всецѣло находится на рукахъ родителей, которые отвѣтственны за всѣ его поступки. Семи лѣтъ его отдавали учителю для обученія чтенію, закону и обрядамъ.

Отправляясь на подвигъ, богатырь проситъ благословенія у родителей - эта черта изъ эпическихъ преданій азіатскихъ пѣсенъ и поэмъ.

Утромъ, поднявшись со сна, богатыри " чистой водой умываются, бѣлою ширинкой утираются " - эта черта не русская, а восточная. Она указываетъ на исполненіе закона, предписываемаго вѣрой, потому что объ этомъ упоминается только въ томъ случаѣ, когда богатырь собирается отправиться на подвигъ.

Обычай побратимства богатырей извѣстенъ издавна во всей Азіи.

Обычай вламываться въ княжескія палаты, не обращая вниманія на протесты стражи, - черта востока, гдѣ, какъ извѣстно, у царской или ханской палатки всегда стояли приворотники и придверники.

Послание княземъ Владимиромъ богатырей "справлять дани-выходы за старые годы и нынѣшніе" напоминаетъ такой же обычай хановъ и ихъ богатырей быть постоянно въ разъѣздахъ за сборомъ дани съ подвластныхъ народовъ.

Богатырь-побѣдитель бросаетъ своего врага "выше дерева стоячаго, ниже облака хѣдчаго", садится ему на грудь, распариваетъ ее и вынимаетъ сердце.

Также поступаютъ и восточные богатыри. Обычай вниманія сердца очень распространенъ былъ въ Азіи вслѣдствіе повѣрія, что кровь сердца излечиваетъ отъ болѣзней и даже возвращаетъ жизнь. Русскія

лины говорятъ только объ одиночномъ исполненіи въ музыкѣ и въ пѣніи, но ничего не говорятъ о хорсовомъ исполненіи, составлявшемъ характерную особенность у славянскихъ народовъ.

Камни самоцвѣтные, о которыхъ говорится въ русскихъ былинахъ, являются отголоскомъ тѣхъ чудодѣйственныхъ камней, разсказами о которыхъ наполнены азіатскія поэмы и повѣсти.

Многіе эпическіи приемы былинъ также заимствованы съ востока. Такъ напр. конь скачетъ " выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго;" когда богатырь выстрѣлилъ изъ лука, то "дрожитъ матушка сырая земля" и т. д.

Заимствованы самыя числа: 3, 7, 12, 40 и т. д. Русскаго, по мнѣнію Стасова, въ былинахъ немного. А именно: выборъ того или другого сюжета, сокращеніе разсказа, русскія географическія названія, тотъ, или иной родъ волхованія, безчисленные поклоны и почтительныя названія, нѣкоторое отсутствіе религіозности и набожности у богатырей, упоминаніе о косахъ дѣвицъ и волосахъ мужчинъ, упоминаніе о "питьяхъ медвяныхъ" и, наконецъ, упоминаніе объ употребленіи предметовъ полотняныхъ и деревянныхъ. Все это второстепенное.

Языкъ былинъ чисто народный.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Стасова, въ былинахъ все

главное и существенное заимствовано, а второстепенное национальное.

Отсюда онъ дѣлаетъ и другой выводъ. Разъ былины сложились подъ вліяніемъ востока и носятъ на себѣ черты восточныхъ разсказовъ и легендъ, то отсюда естественно заключеніе, что былины не произошли изъ миеовъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что у русскихъ, какъ арійцевъ, могли сохраниться ихъ первоначальныя вѣрованія и миеы и дѣйствительно сохранились въ сказкахъ, Стасовъ однако не допускаетъ мысли, чтобы эти миеы могли быть источникомъ былинь. Тогда, замѣчаетъ онъ, русскій народъ обработалъ бы совершенно иначе и сумѣлъ бы въ нихъ вполне выразить свои національныя черты. Тогда въ нихъ нашли себѣ мѣсто, напр. упоминанія о зимѣ и морозѣ и другія чисторусскія особенности страны. А между тѣмъ всего этого нѣтъ въ русскихъ былинахъ. Обстановка въ былинахъ не свойственна русской землѣ. Ясно, что всѣ подробности въ нихъ заимствованы изъ повднѣйшихъ произведеній народовъ востока.

Что касается времени происхожденія былинь, то такимъ Стасовъ считаетъ время нашествія на Россію монгольскихъ и тюрскихъ племенъ въ XIII вѣкѣ. Это свое заключеніе онъ строитъ на особенныхъ характерныхъ выраженіяхъ въ былинахъ. Такъ, напр. при встрѣчѣ богатыри спрашиваютъ другъ друга: "ты коей земли, коей орды, коей сибирской украины". Они воюютъ

противъ равныхъ ордъ, идутъ воевать въ сибирскія
украины, загорскія земли и т.п. За это время гово-
рить и то обстоятельство, что былины распространи-
лись только у русскихъ, но не распространились ни
у другихъ славянъ, ни у западныхъ народовъ, что бы-
ло бы невозможно, еслибы онѣ составились ранѣе.

Попытка Стасова объяснить происхожденіе рус-
скихъ былинъ вліяніемъ востока встрѣтила много воз-
раженій со стороны его противниковъ. Приватъ - до-
центъ Новороссійскаго Университета И. Некрасовъ въ
своей рѣчи на торжественномъ актѣ 30 августа 1869
года, имѣя въ виду статью Стасова "О происхожденіи
русскихъ былинъ", говорилъ, что нѣкоторые изслѣдо-
ватели русскаго народнаго творчества неправильно
примѣнили сравнительный методъ изслѣдованія по от-
ношенію къ произведеніямъ народнаго творчества.
Они забыли, что прежде чѣмъ примѣнять этотъ методъ
съ пользой для дѣла, необходимо всесторонне изучити
сравниваемые предметы. Иначе есть рискъ сдѣлать не-
правильныя заключенія. Кромѣ того, примѣняя этотъ
методъ къ изслѣдованію русскаго народнаго творчес-
тва, изслѣдователи допустили очень высокое развитіе
народной массы русскаго народа въ очень раннее вре-
мя, если эта масса могла превратить чужіе взятые
на лету сюжеты въ такіе, коими жила, какъ рдными.
Да кромѣ того и странно, почему русскіе ничего не
позаимствовали съ запада, не смотря на свое постоян-

ное общеніе съ западными народами, а именно съ востока. Затѣмъ они обратили исключительное вниманіе на сходства былинъ съ восточными разсказами, на ихъ краткость, отрывочность и на отсутствіе въ нихъ строгаго развитія въ описаніи дѣйствій, и на этомъ основаніи заключаютъ о заимствованіи. По мнѣнію Некрасова, нельзя дѣлать такого заключенія на этихъ основаніяхъ. Сходство могло произойти въ разсказахъ отъ единства человѣческаго рода и отъ одинаковыхъ условій умственнаго развитія. А краткость и отсутствіе послѣдовательности въ описаніи развитія дѣйствій скорѣе можетъ служить доказательствомъ ихъ болѣе древняго стиля сравнительно съ восточными сказаніями, такъ какъ цѣльность произведенія предполагаетъ болѣе искусственные приемы. Отсутствіе описаній природы въ былинахъ не можетъ говорить въ пользу заимствованія ихъ, ибо оно составляетъ отличительную черту поэзіи близкаго къ природѣ народа, обращающагося къ ней съ практической стороны и неумѣющаго еще ее идеализировать какъ-бымъ, можно думать, былъ русскій народъ въ древнее время.

Что касается поразительнаго на первый взглядъ сходства въ мелочахъ, указываемаго сторонниками восточнаго вліянія на происхожденіе русскихъ былинъ, то, по мнѣнію Некрасова, это нисколько не говоритъ въ ихъ пользу. Эти мелочи могли быть заимствованы и

изъ другихъ источниковъ. Для примѣра онъ указываетъ на число семь, которое встрѣчается въ массѣ жизнеописаній русскихъ святыхъ. Здѣсь постоянно почти разсказывается, что такой-то святой семи лѣтъ начинаетъ учиться грамотѣ. А въ житійной литературѣ находится болѣе всего заимствованій изъ древнехристіанской и византийской литературы. И, наконецъ, допуская характеръ русскаго духа вообще, но ничего русскаго, сторонники заимствованія народной поэзіи съ востока признають однако, что языкъ и обороты рѣчи въ ней заключаютъ по преимуществу тѣ особенности языка, въ которыхъ ярко выражается духъ народной мысли, оттѣнокъ его взгляда, особенность его мировоззрѣнія. Но безъ этихъ особенностей всякое народное произведеніе теряетъ свою національную окраску и сдѣлается общимъ мѣстомъ.

Въ 1870 году Стасову поставилъ сильныя возраженія Орестъ Миллеръ и, чтобы доказать несостоятельность его теоріи, написалъ большое сочиненіе: "Илья Муромецъ и богатырство кіевское". Въ этомъ своемъ сочиненіи онъ, пользуясь тѣмъ же сравнительнымъ методомъ въ изслѣдованіи слоевого состава русскихъ былинъ, нашелъ, что многіе ихъ сюжеты были ходячими не только на востокѣ, но и на западѣ, какъ напр. бой отца съ сыномъ, калики переходяіе и др. Останагиваясь на этой особенности былинныхъ сюжетовъ, Миллеръ задаетъ вопросъ, какими образомъ эти сюже

ты изъ Индіи могли распространиться по Западной Европѣ, отдѣленной отъ нея громаднымъ пространствомъ и временемъ, и отвѣчаетъ, что этого не было. Отсюда онъ заключаетъ, что у каждаго народа существовали свои религіозныя мненія, измѣнившіеся впоследствии подѣ вліаніемъ разныхъ условій соціальной жизни народа въ народные пѣсни. При такомъ положеніи дѣла можно говорить о заимствованіи, какъ съ востока, такъ и съ запада. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что каждый былинный сюжетъ освѣщаетъ только съ своей собственной національной точки зрѣнія и обработка его по своему характеру сильно разнится отъ восточныхъ, то приходится признать самобытное происхожденіе былинъ. Въ противномъ случаѣ невозможно объяснить этого факта. Что же касается времени происхожденія былинъ, то Миллеръ говоритъ, что онѣ произошли въ болѣе раннюю эпоху русской жизни, а не въ XIII вѣкѣ, о чемъ можно заключить на томъ основаніи, что былины неодинаковы между собой по времени происхожденія, потому что отражаютъ въ себѣ разные эпохи соціальной жизни русскаго народа. Въ каждую эпоху своей жизни русскій народъ полагалъ отпечатокъ своихъ новыхъ возвращеній на лица и событія въ былинахъ, забывая о старыхъ. Вслѣдствіе этого и произошла та эпическая разноголосица, которая ворѣчается въ былинномъ эпосѣ.

Болѣе подробно разбираетъ теорію Стасова А.Ро-

зовъ въ помѣщенной въ "Трудахъ Кіевской духовной Академіи" за 1871 годъ /томы I, II и III/статья :

" О происхожденіи русскихъ былинъ " .

Въ ней Розовъ прежде всего отмѣчаетъ произвольность пріемовъ и методовъ изслѣдованія. Онъ указываетъ , что Стасовъ для доказательства справедливости своихъ положеній приводитъ такія основанія, съ которыми нельзя согласиться, или по крайней мѣрѣ трудно. Чтобы доказать фактъ заимствованія русскихъ былинъ съ востока, Стасовъ указываетъ на полноту и подробность восточныхъ разсказовъ и на краткость и отрывочность былинъ и заключаетъ отсюда, что былины копию восточныхъ разсказовъ. Такого заключенія нельзя дѣлать потому, что еще не доказано, что достоинство восточныхъ разсказовъ заключается въ ихъ полнотѣ и подробностяхъ. Напротивъ, краткость и ясность всегда свидѣтельствуетъ объ оригинальности произведенія а полнота и подробность часто свидѣтельствуютъ о дурномъ подражаніи.

Второе. Для доказательства факта заимствованія былинъ Стасовъ ссылается на большую древность разсказовъ и на повднѣйшее происхожденіе былинъ. Поступая такимъ образомъ, онъ допускаетъ несоизмѣримыя вещи: хронологическую давность для восточныхъ разсказовъ и мифическую древность для былинъ. Первое ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ. Бѣдъ былины существуютъ болѣе 1000 лѣтъ. Кромѣ того, до-

пуская эти положенія, Стасовъ смѣшиваетъ народную поэзію съ искусственной .

Затѣмъ фактъ заимствованія Стасовъ обосновываетъ на сходствѣ былинъ съ восточными разсказами. Прежде всего, возражаетъ Розовъ, сходство можетъ зависѣть отъ единства человѣческаго рода, отъ единства развитія людей, отъ единства условій жизни, а не отъ заимствованія. Чтобы доказать сходствомъ фактъ заимствованія, необходимо прежде доказать, что сходныя черты не могли образоваться у такого-то народа, потому что не было на лицо тѣхъ условій, при которыхъ возможно ихъ образованіе. Только въ этомъ случаѣ сходство можетъ имѣть силу доказательства. Стасовъ этого не сдѣлалъ.

Далѣе, Розовъ не соглашается и съ тѣмъ положеніемъ Стасова, что въ былинахъ нѣтъ достаточной мотивировки дѣйствій. Для примѣра онъ беретъ былинку о Дунаѣ Ивановичѣ, въ которой Стасовъ видитъ "рѣшительно ничѣмъ необъяснимую смѣсь грубости, нелѣпости и чудовищности". Разсматривая эту былинку съ точки зрѣнія народнаго пониманія, Розовъ не находитъ въ ней ничего необъяснимаго и неестественнаго. Вполнѣ естественны хвастовство и молодчество пьянаго Дуная и его поединокъ съ женой. Естественна и рѣчь жены, видѣвшей явную опасность для себя. Естественно, наконецъ, и самоубійство Дуная, увидѣвшаго, что удалство привело его не только къ убійству жены, но и

на въ чемъ неповиннаго младенца.

И, наконецъ, Розовъ не соглашается со Стасовымъ и въ томъ, что въ былинахъ черты быта и жизни героевъ заимствованныя, а не національныя. Однѣ черты быта и жизни героевъ сходны вслѣдствіе одинаковыхъ условій жизни, говоритъ Розовъ, а о другихъ можно еще спорить. Для примѣра Розовъ указываетъ, что обычай князя совѣщаться съ дружиной извѣстенъ исторіи. Владимиръ Мономахъ говорилъ Святополку на съѣздѣ: "что я буду говорить, когда моя и твоя дружины не согласны съ моимъ мнѣніемъ." Извѣстно далѣе, что нѣкоторые князя сидѣли дома и не выходили на бой. Андрей Боголюбскій, ставши Суздальскимъ княземъ, пересталъ самъ выходить на бой, а посылалъ дружину. И, наконецъ, весьма многія черта быта и жизни богатырей которыя Стасову представились неестественными, Розовъ даетъ историческія подтвержденія.

Обозрѣвая всѣ возраженія противъ теоріи восточнаго вліянія на происхожденіе русскихъ былинъ, мы должны сказать, что всѣ они, не смотря на свою силу, могли только поколебать ее, но не доказать ея несостоятельности. Въ частности, - возраженіе Некрасова, что Стасовъ при изслѣдованіи преувеличилъ значеніе сравнительнаго метода, не измѣняетъ сущности дѣла. При болѣе правильномъ употребленіи этого метода получились бы только болѣе убѣдительные результаты. Что касается того факта, что заимствование пред-

полагаетъ развитіе народной массы, то на это можно сказать, что взаимообщеніе народовъ ведетъ къ позаимствованію другъ у друга. Причемъ это заимствование можетъ быть и сознательнымъ и безсознательнымъ. Поэтому оно можетъ зависѣть не только отъ извѣстнаго развитія народной массы, но также и отъ множества другихъ условій. Возможно, что монгольско - тюрскія племена были болѣе культурными, чѣмъ русскіе, а потому послѣдніе невольно попадали подъ ихъ вліяніе и дѣлали у нихъ позаимствованія. Не нужно забывать, что на востокѣ была сравнительно довольно высокая культура, которая могла отразиться и на духовномъ творествѣ народа, сдѣлать его болѣе полнымъ и осмысленнымъ. А русскіе только начинали культурную жизнь. Поэтому и творчество ихъ было болѣе первобытно. И, наконецъ, народность языка не можетъ говорить противъ факта заимствованія сюжетовъ былинь на томъ основаніи, что заимствование сюжета и обработка его въ поэтической формѣ не одно и то же.

Теперь что касается возраженій О.Миллера, то нужно сказать, что, хотя они сильны, но они больше касаются метода изслѣдованія, чѣмъ самой сущности теоріи. Затѣмъ, Миллеръ ничего не сказалъ въ опроверженіе той мысли Стасова, что герои былинь не извѣстны русской лѣтописи. А если нѣкоторые и извѣстны то въ совершенно противоположномъ освѣщеніи.

Ничего также не могъ сказать въ объясненіе того факта, какъ могли зайти въ русскіе былины черты быта и жизни совершенно не свойственныя русскому народу.

Наконецъ, по поводу возраженій, поставленныхъ Розовымъ, нужно сказать то же самое, что и по поводу возраженій Некрасова. Разница между ними та, что Розовъ подробнѣе останавливается на разборѣ доказательствъ, приводимыхъ Стасовымъ. Факта сходства былинъ съ разными рассказами востока не отрицаетъ и самъ Розовъ, но старается объяснить его другими причинами. Такъ же, какъ и Миллеръ, онъ не споритъ ни неисторичности героевъ, ни несвойственности нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ русскому народу.

Естественно, поэтому, заключить, что теорія Стасова, какъ и всякая другая по вопросу о происхожденіи былинъ, имѣетъ доводы за и противъ себя и, какъ таковая, служить лишь дополненіемъ къ разъясненію вопроса о происхожденіи былинъ. Явившись на свѣтъ въ 1868 году, эта теорія надѣлала много шума въ ученой литературѣ. Противъ нея посыпались опроверженія, благодаря которымъ она была погребена и потомъ забыта на цѣлые 28 лѣтъ, чтобы снова возродиться, когда изученіе фольклора сдѣлало еще большіе шаги впередъ.

Эта теорія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями снова была призвана къ жизни Г.Потанинымъ

Въ 1896 году въ томъ же "Вѣстникѣ Европы" появилась его статья: "Восточныя основы русскаго былиннаго эпоса", въ которой онъ на основаніи новизны матеріаловъ, бывшихъ у него въ рукахъ, высказалъ мнѣніе, что основы былиннаго эпоса взяты съ востока. Путь, по которому Потанинъ шелъ въ своемъ изслѣдованіи, былъ нѣсколько иной, чѣмъ у Стасова. Потанинъ обратилъ вниманіе на доисторическую эпоху русскаго народа. Въ III вѣкѣ по Р.Х. началось великое переселеніе народовъ. Цѣлыя орды кочевниковъ двинулись изъ Азіи въ Европу черезъ степи Южной Россіи. Между этими кочевниками были и орды монголовъ, вышедшихъ изъ Монголіи. Кочуя по степямъ Южной Россіи, они конечно продолжали сохранять свои родные культы и тѣ легенды и рассказы, въ которыхъ выражалась ихъ духовная жизнь. Эти то рассказы и легенды затѣмъ постепенно распространились между туземцами. При этомъ, нужно думать, монголы стояли въ культурномъ отношеніи нѣсколько выше туземцевъ, о чемъ можно заключать по лапидарнымъ надписямъ, находимымъ въ Монголіи, которыя предполагаютъ уже извѣстную степень культурнаго развитія. Это съ одной стороны. Съ другой - извѣстно, что византійскіе императоры роднились съ Ховарскими ханами, что было бы невозможнымъ при отсутствіи у монголовъ извѣстной степени культурности. Эти апріорныя разсужденія находятъ себѣ подтверж-

денія, когда мы сравнимъ русскія былины съ восточными монголо-тибетскими легендами и разсказами.

Для своей цѣли Потанинъ беретъ не разсказы Индіи, а варианты легенды о введеніи буддизма въ Монголіи книжную повѣсть о Гэсэрѣ и книжныя и устныя сказанія о Чингисъ - Ханѣ. Сравнивая весь этотъ циклъ легендъ и сказаній съ былинами о Добрынь и объ Ильѣ Муромцѣ, онъ находитъ ихъ настолько сходными по своему внѣшнему и внутреннему характеру, что онъ невольно заставляють предполагать позаимствованіе ихъ основъ съ востока, если не для всѣхъ, то для многихъ изъ нихъ. Такимъ образомъ Потанинъ въ общемъ въ своихъ заключеніяхъ сходится со Стасовымъ. Къ нему начинаетъ склоняться въ своихъ изслѣдованіяхъ вопроса о происхожденіи былинъ и Вс. Миллеръ.

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ НА ТЕМУ: ТЕОРІЯ ВОСТОЧНАГО ВЛІЯНІЯ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ
ВЛ.СТАСОВА, ЕЯ КРИТИКА И СУДЬБА.

- 1/ Отвергнувъ историческую и мифологическую теорію происхожденія русскіхъ былинъ, Вл.Стасовъ создалъ свою теорію восточнаго вліянія на ихъ происхожденіе.
- 2/ Для своего изслѣдованія Вл.Стасовъ беретъ только характерныя, по его мнѣнію, былины.
- 3/ Свою теорію онъ доказываетъ а/ сходствомъ былинъ съ соотвѣтствующими восточными разсказами

либо въ цѣломъ, либо въ частяхъ, и б/ ихъ позднѣйшимъ происхожденіемъ сравнительно съ восточными разсказами.

4/ Путемъ сравненія ихъ съ восточными разсказами Вл.Стасовъ пришелъ къ заключенію, что былины, будучи заимствованы съ востока, не могутъ и не содержать въ себѣ дѣйствительно историческихъ событій и лицъ и въ нихъ даже есть разсказы, совсѣмъ не соответствующіе русской исторіи.

5/ Перейдя съ исторической почвы на мифологическую Вл.Стасовъ разсматриваетъ ихъ со стороны степени ихъ національности, и, найдя болѣе иноземнаго, чѣмъ національнаго, въ подробностяхъ, личностяхъ и характерахъ русскихъ былинъ, отвергаетъ ихъ мифологическое происхожденіе.

6/ Если бы былины были самобытнаго происхожденія, составитель ихъ, русскій народъ, сумѣлъ бы запечатлѣть въ нихъ главныя и характерныя черты лицъ и событій и упомянулъ бы объ особенностяхъ русской страны, напр. о моровѣ, о зимѣ и т.п.

7/ Время происхожденія русскихъ былинъ Вл.Стасовъ относитъ къ нашествію на Россію монгольскихъ племенъ въ XIII в. по Р.Х.

8/ Противъ теоріи Вл.Стасова возражали: А/ И.Некрасовъ, который указалъ а/ на неправильное примѣненіе сравнительнаго метода; б/ на то, что допущеніе въ изслѣдованіи сравнительнаго метода даетъ

мѣсто предположенію о высокомъ развитіи народной массы, сумѣвшей выбрать для себя самое подходящее; в/ на то, что отрывочность и краткость былинъ не могутъ говорить за ихъ позднѣйшее происхожденіе, а подробность восточныхъ разсказовъ въ пользу ихъ древности и, наконецъ, г/ на то, почему, допуская заимствованія былинъ съ востока, мы съ такимъ же правомъ не можемъ допустить заимствованій съ запада.

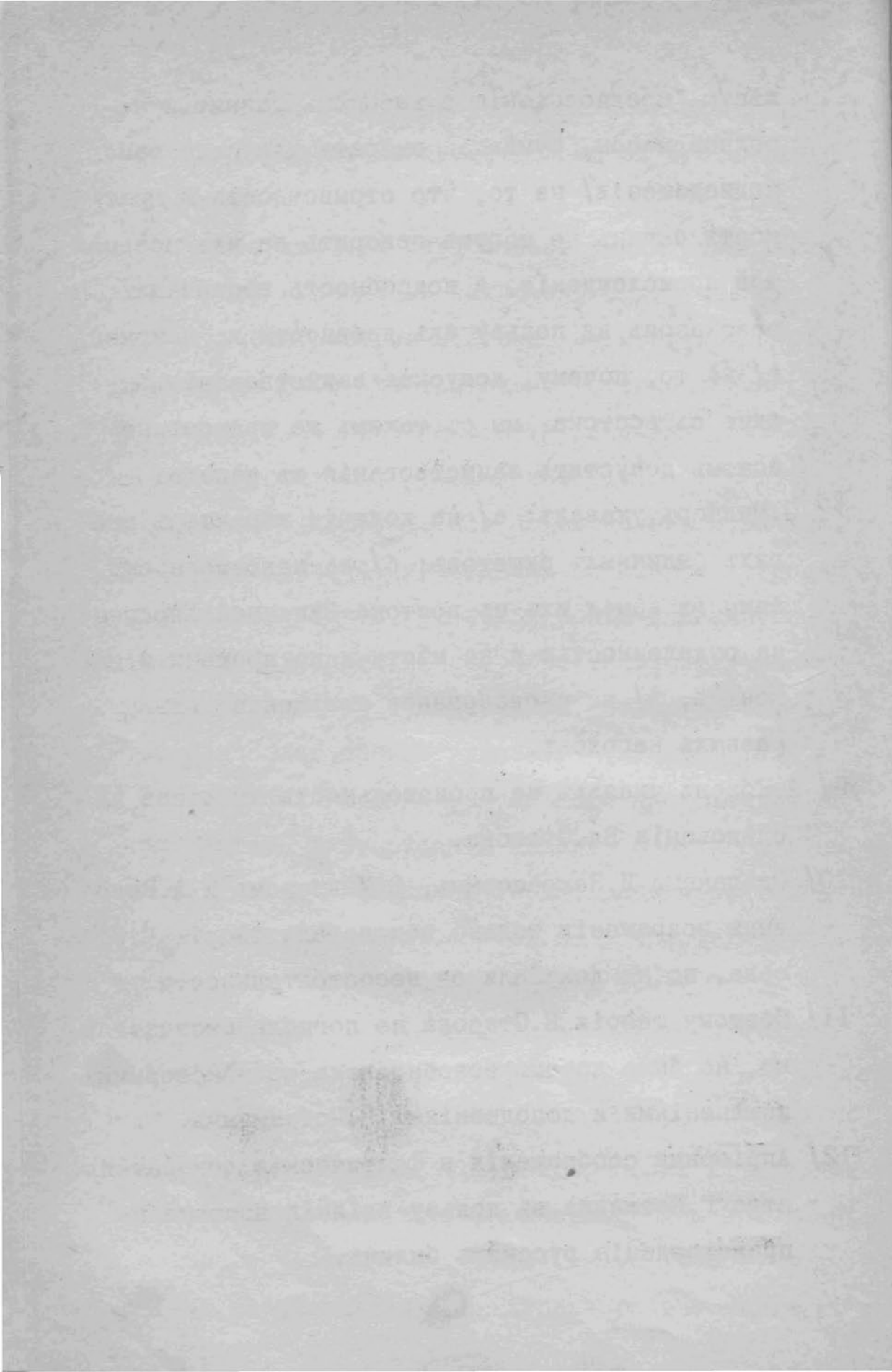
Б/ О.Миллеръ указавъ: а/ на ходячій характеръ многихъ былинныхъ сюжетовъ; б/ на невозможность заимствованія ихъ съ востока Западной Европой за отдаленностью и по мѣсту и по времени и, наконецъ, в/ на своеобразное освѣщеніе ихъ у разныхъ народовъ.

В/ А.Розовъ указавъ на произвольность методовъ изслѣдованія Вл.Стасова.

Ю/ Сдѣланныя И.Некрасовымъ, О.Миллеромъ и А.Розовымъ возраженія только поколебали теорію В.Стасова, но не доказали ея несостоятельности.

II/ Поэтому теорія В.Стасова не погибла окончательно, но была потомъ возобновлена съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Г.Потанинымъ.

12/ Априорныя соображенія и фактическія доказательства Г.Потанина въ пользу вліянія востока на происхожденіе русскихъ былинъ.

МИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ А. Н. АОНАСЬЕВА
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ РУССКОМУ БЫЛЕВОМУ ЭПОСУ.

Изученіе русскихъ народныхъ былинъ приводило нашихъ изслѣдователей къ различнымъ выводамъ. Одни считали русскій народный эпосъ заимствованнымъ съ востока, отъ монголовъ. Такова теорія Стасова, изложенная имъ въ работѣ "Происхожденіе русскихъ былинъ." Стасовъ, однако, не доказывалъ восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, возникшихъ будто бы въ началѣ XIII в. черезъ посредство вліянія монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладающихъ большимъ числомъ древне-азиатскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи. Замѣтное же сходство между восточнымъ эпосомъ и нѣкоторыми чертами русскихъ былинъ могло быть легко объяснено и ихъ общимъ древне - арійскимъ происхожденіемъ.

Другіе, обращая вниманіе на живучесть отдаленной исторической старины въ былинахъ, приурочивали древнѣйшее преданіе о былинахъ къ положительному историческому періоду. Таково

изслѣдованіе Майкова "О былинахъ Владимірова цикла". Въ этой работѣ Майковъ справедливо утверждаетъ, что вообще народный эпосъ по своему первоначальному образованію всегда современенъ или воспѣваемому событію, или, по крайнѣй мѣрѣ, живому впечатленію этого событія на народъ, что въ былинахъ Русь представляется сосредоточенною подъ вліяніемъ великаго князя Владиміра, что между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII, и XIII вѣкамъ. /"О былинахъ Владимірова цикла", стр.21-27/

Соглашаясь съ вышеприведенными положеніями относительно русскихъ былинъ, А.А. Котляревскій основательно возражаетъ А.Н. Майкову, указывая на незначительное примѣненіе въ его трудѣ сравнительнаго приѣма изслѣдованія и на отсутствіе указаній на стихію мифическую. Котляревскій убѣдительно доказываетъ, что подъ той отдаленной стариной въ былинахъ, которая выставляется Майковымъ, скрывается еще болѣе глубокая старина, еще ранѣе образовавшійся слой мифологическій. "Историческій анализъ - гсворить онъ, можетъ только отдѣлать позднѣйшіе наросты, но мало оказать помощи въ стремленіи постигнуть духъ старины и проникнуть въ ея сокровищныя тайники: они оста-

нутя непонятными до тѣхъ поръ, пока не низойдемъ до самаго свѣжаго родника, хранилища старинныхъ вѣрованій и откровеній - родного языка, пока сближеніями съ родственною доисторической стариною прочихъ индо - европейскихъ народовъ не научимся понимать и цѣнить надлежащимъ способомъ свои собственныя сокровища". /Соч. т. II, 253/.

Ор. Миллеръ, очевидно, раздѣлялъ точку зрѣнія А.А. Котляревскаго. Въ своемъ трудѣ : "Илья Муромецъ и богатырство Кіевское" онъ по этому вопросу такъ рассуждаетъ: "Хотя бы собственно такъ называемый былевой отдѣлъ народной словесности, какъ указывается и самимъ названіемъ, даже и болѣе другихъ отдѣловъ подвергался вліяніямъ былевымъ, т.е. историческимъ, все же они сказываются въ немъ не на столько, чтобы наслоеніямъ отъ позднѣйшихъ періодовъ закрывались слои древнѣйшіе. Дѣло науки умѣть ихъ возстановить". /"Илья - Мур. и бог. Кіевс." стр. ХУ/.

Котляревскій и Миллеръ при этомъ придаютъ большое значеніе сравнительному методу изученія былинь, какъ единственному, съ помощью котораго возможно полное возстановленіе мифической основы скрытой въ былинахъ. Они видѣли, что сравнитель-

ное изученіе народнаго эпоса путемъ обстоятель-
наго изслѣдованія и сличенія различныхъ вариан-
товъ былины съ родственными памятниками и преда-
ніями древнихъ народовъ выясняетъ всё позднѣйшія
историческія наростанія, возстановляетъ древнѣй-
шіе поэтическіе образы.

Какъ "опытъ сравнительнаго изученія Славян-
скихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифологи-
ческими сказаніями др. родственныхъ народовъ,"
заслуживаетъ огромнаго вниманія замѣчательный
трудъ А.Н. Аванасьева: "Поэтическія позарѣнія
славянъ на природу", гдѣ авторъ взялъ на себя труд
нужную задачу объяснить всю массу мифовъ, преданій,
повѣрій, и обычаевъ славянскаго племени, открыть
ихъ затерявшійся смыслъ, показать, какъ они про-
изошли и какъ послѣ измѣнились.

Въ своемъ трудѣ, говоря о русскихъ народныхъ
былинахъ, А.Н. Аванасьевъ, какъ Котляревскій и
Миллеръ, приходитъ къ выводу, что въ основѣ рус-
скаго народнаго эпоса лежитъ мифическое сказаніе.
"Вліяніе христіанства и дальнѣйшей исторической
жизни - говоритъ онъ - коснулось только племенъ
и обстановки, а не самаго содержанія: вмѣсто ми-
фическихъ героев поставлены историческія личнос-
ти или св. угодники, вмѣсто демоническихъ силъ -

названія враждебныхъ народовъ, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлены позднѣйшія былевья черты". /Т. I, 46./.

Старое содержаніе народныхъ былинъ, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ теченіемъ времени естественно затемнилось и сливалось съ новыми частными и отдѣльными чертами дѣйствительнаго быта. "Вмѣсто облачныхъ духовъ - говоритъ Асанасевъ - фантазія заставляеть своихъ богатырей сражаться съ полчищами татаръ и др. кочевниковъ, и самаго богатыря, представителя весеннихъ грозъ, подставляетъ какимъ - нибудь прославленнымъ витяземъ или героемъ изъ казацкой вольницы. Тѣмъ не менѣ старина ярко выступаетъ изъ - за новыхъ представленій, которыя далеко не приходятся ей по мѣрѣ", /Т. I, 49./.

Вотъ почему въ воспѣваніи подвиговъ богатырей, однимъ взмахомъ побивающихъ несмѣтныя полчища враговъ, за одинъ разъ выпивающихъ громадную порцію хмѣльнаго напитка, Асанасевъ видитъ не алкоозъ грубаго насилія и пьянства, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи былинъ, а олицетвореніе стихійныхъ силъ природы, живое описаніе борьбы бога - громовника съ демоническими силами дожденосныхъ тучъ.

Вотъ почему и невозможно принимать былины русскаго народнаго эпоса во всемъ ихъ объемѣ за матеріаль о дѣйствительныхъ событіяхъ и бытѣ, какъ сдѣлалъ это Майковъ, и невозможно навязывать характеру стариннаго казачества и отношеніямъ русскаго населенія къ азіатскимъ кочевникамъ то, что было плодомъ миеическаго творчества, какъ это сдѣлалъ извѣстный историкъ Соловьевъ.

Что же касается вопроса о происхожденіи у народа миеическихъ представленій, то Аенасьевъ близко приближается къ Максу Мюллеру, который считалъ всю миеологію слѣдствіемъ болѣзни языка, забвенія первоначальнаго значенія словъ. Но сходясь съ М. Мюллеромъ въ основаніи, Аенасьевъ расходится съ нимъ во взглядѣ на характеръ древней метафоры. По Мюллеру, метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: не пользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ употреблять одинакіе термины и слова для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній.

По мнѣнію Аенасьева, метафора свободно создавалась, черпая изъ богатаго источника, а не по бѣдности языка; она произошла вслѣдствіе сближенія между предметами, сходными по производимому впечатлѣнію. Для Аенасьева не только единствен-

нымъ, но и богатымъ источникомъ миеическихъ представлений служить слово: "зерно, изъ котораго вырастаетъ миеическое сказаніе - говорить онъ - кроется въ первоизданномъ словѣ". /Т. I, 15/.

Пока слово сохраняло еще свое живое коренное значеніе, т.е. пока это значеніе было присуще народному сознанию, миеовъ не существовало, а были лишь прозрачныя, понятныя для народнаго ума, поэтическія метафоры. Миеы же начинаются со времени когда забывается первоначальное коренное значеніе словъ, и языкъ вступаетъ въ періодъ превращеній и порчи: прежнее метафорическое употребленіе тогда получаетъ для народа все значеніе дѣйствительнаго факта, служить поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній: свѣтила небесныя уже не только въ переносномъ, поэтическомъ смыслѣ именуется очами неба, но и въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подѣ этимъ живымъ образомъ; извилистая молнія является огненнымъ змѣемъ, быстролетныя вѣтры надѣляются крыльями, владыка лѣтнихъ грозъ - огненными стрѣлами. /Т. I, 9 - 10/.

А.А. Котляревскій, въ разборѣ труда Аеанасьева "Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", обращаетъ наше вниманіе на то, что Аеанасьевъ проти-

ворѣчить самъ себѣ, когда, допуская жизненность древней метафоры, въ то же время единственнымъ источникомъ мифическихъ представленій признаетъ превращенія языка. Такъ, въ 2-ой гл. сочиненія, говоря объ отношеніи древняго человѣка къ природѣ онъ видитъ источникъ мифическихъ представленій уже не столько въ движеніи языка, сколько въ самихъ возврѣніяхъ человѣка на природу, какъ на живое существо. На раннемъ утрѣ своего доисторическаго существованія, человѣкъ - говоритъ здѣсь Леанасевъ - "любилъ природу и боялся ея съ дѣтскимъ простодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея знаменіями, отъ которыхъ зависѣли и которыми опредѣлялись его житейскія нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, всегда готовое отозваться и на скорби, и на веселье". /Т. I, 57/

На этомъ основаніи можно предположить, что Леанасевъ раздѣлялъ и тотъ взглядъ, по которому первоначальный источникъ мифическихъ представленій лежалъ не въ исторической порчѣ языка, не въ забвеніи первоначальнаго значенія словъ, а въ самомъ способѣ возврѣній на природу и ея феномены. "Народъ оказывалъ предпочтеніе метафорѣ, именно, потому - говоритъ А. А. Котляревскій, что живую природу и ея явленія онъ не могъ понять и представить

иначе, какъ въ формахъ известной ему жизни, какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ. Когда человѣкъ говорилъ: "солнце садится", онъ видѣлъ въ немъ живое существо, подобное другимъ животнымъ, ему знакомымъ существамъ, имѣющее нужду въ отдыхѣ и покоѣ; когда свѣтила небесныя онъ называлъ очами неба, молнію огненнымъ змѣемъ и т.д., онъ не только называлъ, но и признавалъ ихъ такими; онъ искони употреблялъ эти имена не въ переносномъ поэтическомъ смыслѣ, но въ смыслѣ реальной дѣйствительности; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить невозможное, что мысль явилась въ слѣдствіе движенія языка." /Т. II, 273/.

Мифологическая теорія Афанасьева достаточно опредѣляется при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса. Она не можетъ возбуждать недоверія, такъ какъ основана на прочномъ методѣ изслѣдованія и на обиліи важныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, результатовъ.

Начнемъ съ главнаго героя русскаго былевого эпоса - Ильи Муромца.

Тщательный анализъ этого русскаго народнаго богатыря приводитъ Афанасьева къ убѣжденію, что Илья - Муромецъ въ народномъ сознаніи замѣнилъ

всѣ черты, принадлежащія къ области мифическихъ представлений о богѣ громовникѣ Перунѣ. Самое названіе "богатырь" /отъ слова богъ/ уже указываетъ на существо божественное, а потому надѣленное необычайными силами и великанскими размѣрами, приличными грознымъ стихіямъ природы /Т. II, 221. Поэтич. возвр./

Народное представленіе о Перунѣ, какъ богатырь, который владѣетъ громомъ и молніей, разѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной крылатыми огненными конями по небу, поражаетъ огненными стрѣлами враждебныхъ демоновъ, проливаетъ дожди и воспитываетъ жатвы - было народомъ перенесено, съ принятіемъ христіанства, на Илью - пророка. Крестьяне, какъ извѣстно, и до сихъ поръ представляютъ Илью пророка, разѣзжающимъ на огненной колесницѣ по небу. Въ доказательство того, что Илья пророкъ замѣнилъ собой Перуна, Аванасьевъ приводитъ массу примѣровъ изъ жизни не только славянскихъ, но и кавказскихъ народовъ.

Илья - пророкъ, сходный съ Ильей - Муромцемъ по имени, а также святостью жизни своей, далѣе въ народномъ сознаніи слился съ Ильей Муромцемъ въ одинъ образъ. Преданіе, которое приводитъ Аванасьевъ, говоритъ, что тамъ, гдѣ конь Ильи - Му-

ромца выбивалъ копытомъ источники ключевой воды
- народъ ставилъ часовни во имя Ильи - пророка.
А въ Московской губ. и понинѣ объясняютъ громовые
раскаты поѣздкой Ильи - Муромца на шести жеребъ -
цахъ.

Тожество Перуна и Ильи - Муромца выясняется
Афанасьевымъ особенно изъ былиннаго разсказа о
томъ, какъ слабый и искалѣченный Илья, сидѣвшій
тридцать лѣтъ сиднемъ, отъ выпитаго пива, предло-
женнаго "каликами переходжими", почувствовалъ
въ себѣ силу богатырскую. По мнѣнію Афанасьева,
пиво, которое выпиваетъ Илья, есть старинная мета-
фора дождя. Давая названіе различнымъ предметамъ
по ихъ признакамъ, древній человекъ отождествилъ
съ дождемъ все, что напоминаетъ ему эту текучую
и влажную стихію, какъ то: молоко, мочу, сокъ де-
рева, а также общеупотребительныя напитки: медъ,
пиво, вино.

Арійскіе народы дѣйствию дождя на боговъ и
демоновъ сравнивали съ опьяненіемъ человека отъ
вина. Разрушительное и страшное проявленіе грозы
толковалось ими въ томъ же смыслѣ. Какъ упившійся
виномъ человекъ становится буйнымъ любителемъ
ссоръ и дракъ, такъ, по ихъ мнѣнію, и опьяненные
дождемъ боги и демоны проявляли себя въ разруши-

тѣльныхъ и грозныхъ дѣйствіяхъ. Завываніе бури, раскаты грома, - это враждебные споры, воинственные клики опьяненныхъ боговъ и демоновъ.

Богъ - громовникъ Перунъ силенъ, могучъ и грозенъ лишь только тогда, когда пьетъ живую влагу изъ небесныхъ ключей, т.е., когда наступаетъ весна съ ея тепломъ, когда она разбиваетъ ледяной покровъ и обращаетъ снѣжныя тучи въ дождевыя. Напившись живой воды, богъ - громовникъ теперь уже въ состояніи поднять мечъ - кладенецъ, т.е. мечъ молніи, и побѣдить демоновъ, т.е. облака и туманы.

Отсюда, живая вода, или какъ она еще называется, богатырская, становится волшебнымъ напиткомъ тѣхъ могучихъ богатырей, которые въ народномъ сказаніи заступаютъ бога - громовника Перуна. Они, прежде чѣмъ пріобрѣсти необыкновенную, сверхъестественную силу, испиваютъ воды, вина или пива. Такимъ же образомъ получаетъ богатырскую силу, сидѣвшій тридцать лѣтъ сиднемъ, Илья - Муромецъ.

А.Н. Афанасьевъ въ объясненіи богатыря Ильи-Муромца не остается одинокимъ. Вмѣстѣ съ нимъ и О.Миллеръ въ тридцатилѣтнемъ бездѣйствіи Ильи видитъ мистическую основу. Онъ говоритъ, что въ былинахъ пребывающій въ бездѣйствіи оказывается ни-

чѣмъ инымъ, какъ свѣтлымъ лѣтнимъ началомъ на долгое время обезсиливаемымъ подъ властью начала тьмы господствующаго зимою. По соотвѣтствію съ этимъ и тридцатилѣтняя разслабленность Ильи - Муромца на миеическомъ языкѣ должна выражать то же самое, силы же, получаемыя имъ отъ питья, заставляють видѣть въ этомъ питьѣ дождевую животворную влагу. /"Илья - Мур. и бог. Киевс. 179 - 180./

Когда же обратимся къ изученію подвиговъ Ильи по былинамъ, то сходство или, лучше сказать, тождество Ильи Муромца съ Перуномъ будетъ несомнѣннымъ. Богатырь Илья - Муромецъ все время ведетъ войну съ несчетными басурманскими полчищами и разбойниками. Всѣ его ратные подвиги удивительно похожи на подвиги бога - громовника. И оружіе у нихъ общее. Какъ Перунъ, такъ и Илья дѣйствуютъ всесокрушающими стрѣлами. Чудесный конь Ильи, какъ и конь Перуна, "перескакиваетъ съ горы на гору, легко перемахиваетъ съ холма на холмъ, промежь ногъ рѣки, озера и темны лѣса пропускаетъ, хвостомъ поля устилаетъ".

Изъ подвиговъ Ильи Муромца наше вниманіе привлекаетъ его побѣда надъ Соловьемъ - Разбойникомъ Последній свиль себѣ гнѣздо на 12 дубахъ, на

прямоѣзжей дорогѣ къ Кіеву. Ровно 30 лѣтъ, - периодъ бездѣйствія Ильи, - онъ не пропускаетъ въ Кіевъ ни пѣшаго, ни коннаго. Его пронзительный, словно напоръ вихря, свистъ низвергалъ на землю все. Илья Муромецъ, сбивъ его каменной стрѣлой съ дуба, приводитъ ко двору князя Владимира. Здѣсь Илья заставляетъ его показать свою соловьиную удалъ, засвистать. Отъ выпитаго хмѣльнаго напитка, свистъ Соловья - Разбойника получаетъ необыкновенную силу. Отъ его свиста соловьиного простые люди падали мертвыми, а богатыри были оглушены. Разсердился Илья за это на Соловья - Разбойника и покончилъ тутъ же съ нимъ.

Эту побѣду Ильи Муромца надъ Соловьёмъ - Р. Аенасъевъ толкуетъ чисто мифически. Какъ Илья Муромецъ замѣнилъ собой бога - громовника, такъ и Соловей - Р. замѣнилъ собой демоны бурной, грозовой тучи, съ которой велъ борьбу богъ - громовникъ. Больше того, Аенасъевъ, а съ нимъ также и О. Миллеръ, въ борьбѣ Ильи съ Соловьёмъ - Р. видятъ мифическую борьбу одного и того же существа, стороны благотворной и зловредной. "Древнѣйшія представленія о богѣ - громовникѣ - говоритъ Аенасъевъ - носятъ двойственный характеръ: являясь съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ,

творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ, съ другой стороны, есть богъ лукавый злбный, приємлющій на себя демоническій типъ". /Т. III, гл. XXII/.

Соловей - Р. во всякомъ случаѣ, является зло- вреднымъ существомъ. Въ этомъ смыслѣ и Аванасьевъ указываетъ на мифическое тождество Соловья - Раз- бойника со Змѣемъ, который нашелъ себѣ воплощеніе въ образѣ зловреднаго богатыря Горынчица, пред- ставителя демоническихъ силъ и громоносныхъ тучъ: "Соловей - Разбойникъ гнѣздится на двѣнадцати ду- бахъ; народная сказка говоритъ то же самое о змѣѣ и подробность эта объясняется мифологическимъ зна- ченіемъ дуба - дерева, посвященнаго Перуну. Въ Украинской сказкѣ Соловья Разбойника замѣняетъ собой змѣя Горынча, а въ другой сказкѣ Илья Муромецъ побиваетъ двѣнадцатиголоваго змѣя и из- бавляетъ отъ него красавицу царевну". /Т. I, 307/. Всѣ сближенія эти, другихъ мы не будемъ приводить здѣсь /ихъ можно найти у г. Аванасьева/, убѣди- тельно говорятъ за то, что въ образѣ Соловья - Разбойника народная фантазія олицетворила демона бурной и грозной тучи.

Что же касается имени Соловья - Разбойника, то оно дано - говоритъ Аванасьевъ - на основаніи

древнѣйшаго употребленія свиста бури громозвучному пѣнію этой птицы. Свистъ Соловья - Разбойника - это свистъ, завываніе бури. Свистъ бури, вихрей, вѣтровъ - выраженіе общеупотребительное въ нашемъ языкѣ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ олицетвореній дующихъ вѣтровъ было представленіе ихъ хищными птицами. Вотъ почему дѣти Соловья - разбойника обращаются, по свидѣтельству былины, воронами съ желѣзными клювами.

Эпитетъ "разбойника" объясняется разрушительными свойствами бури и тѣмъ старымъ воззрѣніемъ, которое съ олицетвореніемъ тучъ соединило разбойничій, воровской характеръ. Закрытіе тучами и зимними туманами небесныхъ свѣтилъ называлось на старомъ поэтическомъ языкѣ "похищеніемъ золота". А Соловей - Р. въ своихъ подвалахъ берегъ несчетную казну. "Демоническія силы - говоритъ Аванасьевъ - грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Этотъ хищническій характеръ облачныхъ демоновъ повелъ къ тому, что вмѣсто великановъ и змѣевъ, съ которыми сражаются богатыри въ болѣе сохранившихся вариантахъ эпического сказанія, - въ вариантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ выводятся на сцену воры и разбойники. Такимъ

образомъ древнѣйшія мифическія преданія съ теченіемъ времени сводятся къ простымъ объясненіямъ, заимствованнымъ изъ обыденной жизни." /Т. I, 309/.

Въ народныхъ былинахъ встрѣчается, какъ объ этомъ уже упоминали, имя змѣя Горыныча. Называется онъ тамъ и "лютымъ", и "огненнымъ змѣемъ". Его мифическое происхожденіе Аванасьевымъ объясняется такъ: "Въ огненномъ змѣѣ - говоритъ онъ - народная фантазія, создающая мифическіе образы не иначе, какъ на основаніи сходства и аналогіями ихъ съ дѣйствительными явленіями, олицетворила молнію, прихотливый извивъ которой напоминалъ скользящую по землѣ змѣю...

Молнія - неразлучная спутница темной тучи; она нарождается изъ нѣдръ ея и въ гимнахъ Ригъ-Веды называется ея дѣтищемъ. Это повело къ расширенію понятія о небесной змѣѣ, къ сочетанію съ ея именемъ не одной только молніи, но и вообще громоносной тучи. Въ народныхъ преданіяхъ змѣя выступаетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ значеніемъ, и даже въ большинствѣ эпическихъ сказаній онъ - представитель громоносныхъ облаковъ; Тѣ исполинскія фантастическія формы и тотъ демоническій характеръ, какіе издревле соединялись съ мрачными тучами, непримиримыми врагами бога - громовника."

Рефер. по народ. словес. 9-й л. Лит. Б.А. Букаты.

/Т. II, 509 - 12/.

Мифическое значение Горынчища особенно выясняется слѣдующимъ мѣстомъ народной былинны:

" Какъ въ тую пору, въ то время /когда купался
Добрыня въ рѣкѣ/,

Вѣтра нѣтъ, тучу поднесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождить,

Дождя нѣтъ, искры сыплются:

Летить Змѣище - Горынчище

О двѣнадцати Змѣя хоботахъ".../Ирш. Дан. 346-9/

Хочетъ Горынчище Добрыню спалить огнемъ, хоботомъ ушибить. Но богатырь осилилъ и убилъ чудовище.

Много вытекло крови змѣиной. Трое сутокъ стоялъ въ ней Добрыня и не зналъ, какъ изъ нея выбраться.

Только голосъ съ неба выводитъ его изъ этого затрудненія, который велитъ ему бить копьемъ о сыру землю, приговаривая:

" Раступись - ка матушка - сыра земля,

На четыре раступись на четверти

Пожри - ка всю кровь змѣиную".

Сдѣлалъ Добрыня все, что приказывалъ голосъ съ неба, и, дѣйствительно, мать сыра - земля поглотила кровь змѣиную. Въ мифической подкладкѣ этого изображенія змѣя - Горынчища не приходится сомнѣваться. И Аванасьевъ, поэтому, основательно

при этомъ замѣчаетъ, что пролитая змѣемъ кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками изъ тучи, и наводняетъ поля и равнины.

/т. II, 519./

Интересно при этомъ разобрать и русское названіе миеическаго змѣя - Горынычъ, увеличительное Горынчище. Оно происходитъ отъ слова гора и есть отечественная форма, означающая сына горы, т.е. горы тучи, рождающую изъ себя извилистую змѣю-молнію.

На связь съ горами указываетъ и имя богатыря Святогора. Кромѣ того, имя Святогора указываетъ и на священный характеръ этихъ горъ: Святогоръ - богатырь, живущій на святыхъ, т.е. небесныхъ, облачныхъ горахъ.

" На равнинныхъ пространствахъ Руси, говоритъ Леанасьевъ - не нашлось приличной обстановки для великановъ - ни высокихъ горъ, ни циклопическихъ построекъ, къ которымъ можно- бы было прикрѣпить древнія преданія объ исполинахъ, а потому преданія эти и не получили у насъ такой широкой обработки, какъ на западѣ. Тѣмъ не менѣе воспомина- нія о великанскихъ горахъ и камняхъ не чужды и русскому народу, такъ какъ основы подобныхъ представлений коренились въ миеахъ вынесенныхъ индо-

европейскими народами изъ общей ихъ прародины. /Т. II, 666./.

Правдивость этихъ словъ Аеанасьева подтверждается поэтическимъ сказаніемъ о богатырѣ - Святогорѣ, въ колоссальномъ и типическомъ образѣ котораго ясны черты глубокой древности. Самому громовнику не всегда совладать съ этимъ богатыремъ титанической породы. Ильѣ Муромцу "калики перехожіе" даютъ совѣтъ не драться съ этимъ богатыремъ, котораго земля черезъ силу носить.

Появленіе этого великана, представителя грозныхъ горъ - тучъ, сопровождается такими знаменіями

" Мать - сыра земля колебается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются..
Вдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую".

Смерть Святогора также говоритъ за его миеическое значеніе. Побратавшись съ Ильей - Муромцемъ и пустившись съ нимъ въ путь - дорогу, Святогоръ наѣхалъ на великій гробъ.

" На томъ гробу надпись надписана:
Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ него и ляжетъ."

Легъ Илья: "для него домовище и велико и широко."

Ложится въ него Святогоръ, "гробъ пришелся по немъ." Прикрылся онъ крышкой, хочетъ потомъ поднять ее, да не сможетъ. Усилія Ильи разрубить гробъ мечемъ - кладенцемъ остались безплодными. отъ ударовъ его меча только выростали новыя полосы желѣзныя, крѣико обхватывавшія гробъ Святогора. Такъ онъ и задохнулся въ гробу.

Леанасъевъ смерть Святогора такъ объясняетъ: "Великанъ /гора - туча/ умираетъ, т.е. оковывается холодомъ и засыпаетъ зимнимъ сномъ". /Т. I, 589/.

"Гробъ, окованный желѣзными обручами - метафора дожденоснаго облака, на которое зимняя стужа наложилла свои крѣико сжимающія цѣпи. При началѣ зимы впадаетъ въ оцѣпенѣніе /-умираетъ/ не только великанъ - туча, но и самъ надолго замолкающій громовникъ." /Т. II - 674./.

Интересно при этомъ со смертью Святогора сравнить смерть Ильи - Муромца. Илья - Муромецъ также наѣхалъ на гробъ вмѣстѣ съ Алешей Поповичемъ и Добрыней. Легъ въ гробъ Алеша - гробъ оказался великимъ, легъ Добрыня - Узкимъ, а Ильѣ - Муромцу гробъ пришелся по мѣркѣ, и сразу захлопнула его каменная крышка. Такъ въ смерти Ильи - Муромца народная фантазія представила смерть бога - громовника, погружившагося въ зимнюю спячку.

Подобное объясненіе, какъ единственно возможное и безъ натяжекъ, можно приложить и къ былинѣ о томъ, " Отчего перевелись богатыри на святой Руси" Что за богатыри, погибшіе въ борьбѣ съ небесными воителями, какъ не великаны - тучи, которые послѣ шумныхъ грозовыхъ битвъ замерли на зиму, каменья отъ сѣверныхъ вьюгъ и морозовъ.

Если горы, составляя только возвышенность земли, были одухотворены въ образѣ великановъ, то и сама "мать - земля сыра" включена въ разрядъ титаническихъ существъ. Съ этимъ существомъ не всякій богатырь можетъ справиться. Святогоръ, напр. не въ силахъ сдвинуть съ мѣста маленькой переметной сумочки Микулы Селяниновича, потому что въ ней была "тяга земная". Къ этому существу особенно близокъ богатырь Микула Селяниновичъ. На это указываетъ и его прозвище. Былины рисуютъ его творцомъ урожаявъ, установителемъ земледѣлія и покровителемъ поселянъ - пахарей. Образъ Микулы въ былинахъ разрастается до сверхчеловѣческихъ размѣровъ. Его, пѣшаго, не могутъ сразу догнать конные, ни Илья Муромецъ, ни Вольга Святославовичъ. Свое поле воздѣлываетъ онъ съ такой неутомительностью и такъ быстро передвигаясь съ края на край, что въ немъ, по мнѣнію Афанасьева, можно видѣть только

божественноаго представителя и покровителя земледѣлія на Руси Такимъ Микула Селяниновичъ представляется и О. Миллеру.

Видя въ немъ божество, Аенасъевъ сближаетъ это божество съ богомъ - громовникомъ.

Богъ громовникъ также почитался у славянъ творцемъ урожаевъ, установителемъ земледѣлія и покровителемъ поселянъ пахарей, и даже самъ, по народнымъ преданіямъ, выходитъ въ видѣ простого крестьянина воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ. Къ тому же и проливаемые на землю дожди, содѣйствующіе плодородію земли, побуждали многихъ народовъ божество грозы, т.е. бога - громовника считать вступникомъ и установителемъ земледѣлія. Богъ почему и въ самомъ явленіи грозы воображенію арійскихъ народовъ, по мнѣнію Аенасъева, представлялась поэтическая картина вспахиванія облачнаго неба громогласнымъ Перуномъ. Богъ - громовникъ рисовался имъ въ образѣ пахаря, роющаго вихрями облачное небо, бороздящаго его молніями и разбрасывающаго сѣмя дождя.

Отсюда станетъ совершенно понятнымъ и мифическій пахарь, скрывающійся въ образѣ Микулы Семяниновкча.

Содержаніе русскихъ народныхъ быльиъ о рѣч-

ныхъ богатыряхъ , по мнѣнію Афанасьева, также вводитъ насъ въ область мифическихъ возрѣній. Шумный плескъ, вѣчное движеніе и стремительные разливы водъ, заставляющіе видѣть въ этихъ нѣчто живое, паденіе воды съ небесъ въ видѣ дождя, росы, снѣга, ея плодотворная сила и участіе во всѣхъ отправленияхъ жизни - все, говоритъ Афанасьевъ - вело къ обоготворенію этой стихіи, къ олицетворенію ея. Согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ громоносныхъ, дождевыхъ тучъ мощными великанами божественной породы, русскій народный эпосъ, прикрѣпивъ то же представленіе къ земнымъ водамъ, знакомыя ему большія рѣки олицетворилъ въ видѣ богатырей стараго времени. Какъ индѣйцы обоготворили Гангъ, нѣмцы - Рейнъ, такъ и славяне соединяли божескія свойства съ Дунаемъ, Днѣпромъ, Дономъ и др. большими рѣками.

Изъ русскихъ народныхъ былинъ мы знаемъ о Дунаѣ Ивановичѣ / въ др. былинахъ замѣняется Дономъ /, который наѣзжалъ вмѣстѣ съ др. богатырями на Настасью - Королевичну /по др. Нѣпра - Королевична/, сильно - могучую, героическую дѣву и вель съ ней борьбу.

Побѣдить эту дѣву силой могъ изъ всѣхъ

богатырей одинъ только Дунай Ивановичъ. Побѣжденная Настасья - королевична, сдѣлавшись женою Дунай Ивановича, однако, не могла помириться съ хвастовствомъ мужа о его молодечествѣ и вызвала его на состязаніе въ ловкости стрѣльбы изъ лука. Настасья - королевична ловко пропустила три стрѣлы черезъ кольцо, положенное на головѣ Дуная Ивановича. Дунай Ивановичъ же, стрѣляя, не угодилъ въ кольцо, а попалъ въ бѣлую грудь жены и убилъ королевну. Тутъ ему за великую досаду показалось, что убилъ свою жену, да при томъ беременную; распласталъ ей чрево булатнымъ кинжалищемъ и, ставъ кинжалъ на сыру землю, самъ падалъ на острый конецъ ретивымъ сердцемъ:

"Отъ той - ли крови горячія -
Гдѣ пала Дунаева головушка -
Протекала рѣка Дунай - рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка -
Протекала Настасья - рѣка" /Риб. I, 178

"Кровь - говоритъ Аванасьевъ - одна изъ древнѣйшихъ метафоръ воды и дождя; всемірный потопъ / - весеннее наводненіе/, по свидѣтельству преданій, произошелъ отъ крови великановъ - тучъ, которые пали сраженные въ грозовой битвѣ. Сказанія о рѣкахъ, образовавшихся изъ крови убитыхъ

богатырей и ихъ женъ, выражаютъ слѣдов. туже мысль, что и миеъ о небесномъ происхожденіи земныхъ водъ: рѣки эти истекаютъ изъ дождевыхъ тучъ, гибнущихъ подъ ударами Перуновой палицы. Поэтому Нѣпра /Настасья/ - королевична всѣми своими характеристическими чертами сходится съ тѣми воинственными дѣвами, въ образѣ которыхъ олицетворялись грозовыя тучи: ей дана и непомѣрная сила, и страсть къ войнѣ, и славное искусство пускать мѣткія стрѣлы /- молніи/" /Т. II, 224/.

Интересны также и былины о новгородскомъ купцѣ Садкѣ, какъ содержащія олицетворенія озеръ, съ Морскимъ Царемъ, водяными духами съ дѣвами. По мнѣнію Аванасьева, герой былинъ - Садко, чудесная игра котораго на гусляхъ заставляетъ волноваться океанъ - море, замѣнилъ собой въ преданіи древнѣйшаго бога грозы и вѣтровъ: въ завываніи грозовой бури предкамъ нашимъ слышались чародѣйныя звуки гуслей - самогудовъ. Женильба Садка на дѣвѣ - рѣкѣ, въ первоначальномъ представленіи миеа, была брачнымъ союзомъ бога - громовника съ облачною нимфю; корабль, на которомъ плылъ онъ по синему морю, - известная метафора тучи. Чтобы приостановить морскую бурю, Садко долженъ былъ порвать звонкія струны и прекратить игру на гусляхъ.

Только тогда успокаивается морская пучина, когда проносилась шумная гроза и замолкали порванные струны гуслей - самогудовъ, т.е. стихали громы и вѣтры.

Такъ идея воздушнаго океанъ - моря, возникшая у славянъ вполне естественно, вслѣдствіе представленія всего неба великимъ хранилищемъ водъ, по которому носятся дождевыя тучи, посылающія благодатныя ливни, была перенесена на море - нижнее, земное, а владыка неба получилъ значеніе бога земныхъ водъ.

Мы привлекали въ сокращеніи весь мифическій матеріаль, использованный Афанасьевымъ при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса. Мы видѣли, что главная мысль его объясненій та, что въ героическихъ существахъ былинь, ихъ похожденияхъ и подвигахъ, борьбѣ съ другими, смерти и побѣдѣ, народъ олицетворилъ важнѣйшія явленія изъ жизни природы, олицетворилъ по большей части явленія весення, когда вся природа находится въ возбужденномъ состояніи.

Первобытнымъ человѣкомъ олицетворены при этомъ явленія небесныя, воздушныя, гдѣ онъ постоянно видѣлъ смѣну и движеніе. Земля не могла сильно дѣйствовать на воображеніе человѣка: вѣчная,

чуждая внезапныхъ перемѣнъ, она была ему на столько близка, что могла занять только его умъ, но не вызвать въ немъ религіознаго трепета, разбудить его фантазіи. Внезапныя и грозныя воздушныя явленія производили на человѣка сильное впечатлѣніе: предъ ихъ могуществомъ и силою онъ чувствовалъ свое безсиліе, свою слабость, свою зависимость отъ нихъ. Задумываясь о причинахъ такихъ явленій, человѣкъ естественно приходилъ къ мысли о живыхъ существахъ, которыя поражали землю зноемъ и засухой и снова оживляли ее небесною влагой, погружали вся природу въ сонъ и оцѣпенѣніе и снова вызывали къ жизни и радостямъ. Его фантазія живая и игривая, создала боговъ живыхъ, дѣйствующихъ, борющихся, создала рассказы о ихъ жизни и подвигахъ, рассказы, называемыхъ мифами.

Такова точка зрѣнія Аѳанасьева при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса и выяснена она нами, кажется, достаточно. Въ заключеніе, приведемъ еще отзывъ извѣстнаго ученаго А.А. Котлиревскаго о достоинствахъ и недостаткахъ мифологической теоріи Аѳанасьева при объясненіи имъ русскаго народнаго эпоса.

Котлиревскій ставитъ въ заслугу Аѳанасьеву то, что "онъ /при объясненіи народныхъ былинъ/

съ одной стороны, далеко от той безграничной, ничѣмъ не сдержанной свободы толкованій, какую дозволилъ себѣ, напр. издатель пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, съ другой, не раздѣляетъ мысли и тѣхъ изслѣдователей, которые принимаютъ лишь поэтическія, нравственныя и историческія основанія для нея, отрицая основанія мифическія; напротивъ, онъ убѣждаетъ, что "народные эпическіе герои, прежде чѣмъ низошли до человѣка, его страстей, горя и радостей, прежде чѣмъ явились въ исторической обстановкѣ, были олицетвореніями стихійныхъ силъ природы"; онъ принимаетъ, что историческія черты былинь суть позднѣйшія наслоенія, которыя нужно снять и отдѣлить, чтобы возстановить древній образъ и каждой эпохѣ отдать свое." /Котляревскій, соч. II 293/.

Указывая, далѣе, на тѣ твердые результаты, которыхъ достигнулъ Аванасьевъ при объясненіи русскихъ народныхъ былинь, Котляревскій видитъ въ его трудѣ тотъ общій недостатокъ, что "Авторъ какъ кажется, даетъ уже слишкомъ много силы и крѣпости народному преданію и памяти. Онъ, повидимому, не допускаетъ въ ней никакихъ уклоненій въ области фантазіи и не признаетъ въ былинахъ

никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ внѣшняго историческаго наслоенія. Поэтому онъ стремится возвесть къ мифическому источнику и объяснить, какъ народную метафору, всѣ даже мельчайшія частныя черты былины, все, что находитъ хотя какое -нибудь соотвѣтствіе съ другими преданіями." /Т. II, 295./

Котляревскій останавливается на объясненіи Аванасьевымъ стрѣль Ильи Муромца и золотой казны Соловья - Разбойника и находитъ, что и стрѣлы, и золотая казна могли быть уцѣлѣвшими остатками мифическыхъ метафоръ или представленій молніи и свѣтиль, но могли быть, - чего не можетъ опровергнуть Аванасьевъ, - стрѣлы - обыкновеннымъ бытовымъ орудіемъ доогнестрѣльнаго періода, а золотая казна - поэтической прибавкой фантазіи къ понятію о разбойникѣ, живущемъ грабежемъ и разбоемъ.

Стремленіе же автора "Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу" объяснить съ мифологической т. зрѣнія всѣ мелкія частности произведеній народной поэзіи Котляревскій признаетъ только увлеченіемъ спеціалиста и считаетъ возможнымъ простить автору этотъ недостатокъ въ виду того, что трудъ его является новымъ и рѣшительнымъ шагомъ

*Сказка - тотъ урѣзокъ и стрѣла. Миссия въ томъ - вернуть словъ въ языкъ
 Тучи - забавная урѣзокъ урѣзокъ, вѣтъ. Занятіемъ объясненія: 1) раздробленіе мифа
 Корабль - тура или мифа и стрѣлы 2) связь съ фольклоромъ
 Визуальн. Котляревскій счелъ ~~нужно~~ 3) связь съ
 Мифологическимъ въ русскомъ языкѣ о произведеніи
 мифа: 1) мифологическое 2) мифологическое*

Недѣльскій Петръ, студентъ III курса.

БЫЛИНЫ ОБЪ АЛЕШѢ ПОПОВИЧѢ И О ТОМЪ, КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ, - ВЪ ОСВѢЩЕНІИ СРАВНИТЕЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.

/Н.П. Дашкевичъ. Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.

Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт. 1889 г., 3 кн./

" Народная поэзія - устная лѣтопись ".

Строго - научное изученіе и изслѣдованіе нашего былевого эпоса, какъ извѣстно, начинается съ 60 годовъ прошлаго вѣка. Это обстоятельство оказало нѣкоторое вліяніе на формировавшіеся тогда взгляды и приемы изученія богатырскаго эпоса и было причиной того, что печать эпохи возникновенія довольно замѣтна и на научныхъ теоріяхъ. Славянофильское направленіе литературы и жизни, приложивъ свои основные принципы, свои воззрѣнія на народъ къ изученію русской былевой поэзіи, создало по образцу нѣмецкой науки свою мифологическую теорію съ своеобразной этико - метафизической подкладкой, съ народнымъ міросозерцаніемъ и дис-

торическими мифическими вѣрованіями и преданіями на первомъ планѣ. Западническое направленіе, взявъ кузь на русскій б. эпосъ съ своей точки зрѣнія, положило начало теоріи культурныхъ заимствованій, которая увидѣла въ немъ прежде всего слѣды постороннихъ вліяній и, возведя частныя заключенія въ степень общихъ положеній, допустила въ немъ гораздо менѣ самостоятельности, чѣмъ сколько есть онъ на самомъ дѣлѣ, предположивъ для былинъ другую основу - восточную, южную, западную. Значительно раньше этихъ главныхъ направленій - теорій возникла, хотя и развивалась параллельно имъ, чуждая ихъ крайностей, независимая историческая теорія изученія бытового эпоса, выдвигавшая преимущественно народно - историческіе элементы былинъ нашедшая свое естественное приложеніе прежде всего къ былинамъ, привязаннымъ къ историческому центру, какъ Кіевъ, Новгородъ и т.п., съ героями, группированными вокругъ историческаго князя и частью носящими имена, извѣстная лѣтописи. Намѣчаемая уже въ трудахъ старыхъ историковъ и первыхъ издателей и комментаторовъ былинъ, эта теорія впервые была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ къ изученію нашего эпоса Л.Н. Майковымъ, который постоянно указывалъ, что р. народный эпосъ отвѣчаетъ

нѣсколькимъ періодамъ исторической жизни русскаго народа и можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, которые болѣе или менѣе полно отражаютъ въ себѣ исторію, бытъ и понятія даннаго періода. Затѣмъ Н.И. Костомаровъ подвергъ обстоятельному анализу преданія начальной лѣтописи и видѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отголоски былевыхъ пѣсенъ.

Н.А. Квашнинъ - Самаринъ въ рядѣ статей старается отмѣтить всѣ историческія данныя, отражающіяся на былинахъ. Въ духѣ этой теоріи и изслѣдованіе И.В. Ягича о славянской народной поэзіи, гдѣ большое мѣсто заняла и поэзія русская. Расширяя и углубляя старыя намеки и мнѣнія, эти ученые смотрѣли на былины непосредственно, понимали ихъ содержаніе въ прямомъ смыслѣ и сообразно этому старались прикрѣпить русскій эпосъ къ его родной старинѣ и народной почвѣ. Наиболѣе глубоко это воспроизведе-
ніе старыхъ взглядовъ на новыхъ научныхъ началахъ вышло у проф. Н.П. Дашкевича. Подъ его перомъ старая историческая теорія, поставленная въ непосредственную связь съ сравнительно - историческимъ методомъ и основнымъ приѣмомъ анализа - сравненіемъ, получила значительно новый видъ, почему и можетъ быть названа сравнительно - исторической въ тѣсномъ смыслѣ слова. Небольшая монографія

Н.П. Дашкевича объ Алешѣ Поповичѣ интересна не только, какъ удачное рѣшеніе отдѣльнаго вопроса въ р. богатырскомъ эпосѣ, но еще болѣе потому, что самый анализъ указанныхъ былинь долженъ подтвердить, по мысли автора, его "общія соображенія о происхожденіи и развитіи нашего эпоса". /стр.6/ Въ соемъ изслѣдованіи профессоръ чуждъ полемической тенденціи и исключительности; напротивъ, онъ полагаетъ, что всѣ теоріи приложимы къ изученію былевого эпоса, однако "каждый изъ этихъ методовъ можетъ имѣть значеніе не для всего эпоса, но только для частныхъ его; къ объясненію былинь приложимы всѣ теоріи относительно сходныхъ мотивовъ въ эпосѣ различныхъ народовъ" /5 - 7 стр./ Равнымъ образомъ, онъ не отрицаетъ литературнаго заимствованія и нерѣдко самъ отмѣчаетъ его /напр. въ былинахъ о неудачномъ сватовствѣ Алеши /47 - 50 стр./ и др./, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что "сплавъ различныхъ стихій въ былинахъ не даетъ права на одностороннія заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, которыми переполнены будто бы наши былины", потому что "одно указаніе заимствованій и реминисценцій еще не объясняетъ возникновенія эпическихъ сказаній: надо раскрывать сверхъ того внутреннія основанія заимство-

ваній". /53/. Руководствуясь такими соображеніями, проф. Дашкевичь строго отдѣляетъ первоначальное историческое ядро сказанія отъ позднѣйшихъ чертъ иного характера и рассматриваетъ его въ послѣдовательномъ видоизмѣненіи и осложненіи подъ вліяніемъ факторовъ, выдвинутыхъ новой школой, Исходя изъ тезиса Миклошича "всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событію," ученый утверждаетъ, что "Зерно всякаго былевого эпоса - историческія сказанія; если не всё, то большая часть былинь, возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатленіемъ извѣстныхъ событий". Но "по общему закону народнаго творчества, историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ и подвергается переработкѣ", подчиняясь вліянію среды, народнаго міросозерцанія, традиціонныхъ мотивовъ народнаго творчества, другихъ современныхъ произведеній народныхъ и книжныхъ, извѣстныхъ иноземныхъ сказаній, которыя "содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, а съ другой - искаженію ея. При этомъ видное мѣсто имѣетъ внѣшняя ассоціація, иной разъ совершенно, на первый взглядъ, случайная. Въ данную пѣсню вносятся элементы другихъ; къ извѣстной личности

приурочиваются повѣствованія, передававшіяся обь
иныхъ; сводятся рассказы, относитившіеся первоначаль-
но къ различнымъ эпохамъ, по закону развитія
эпическихъ цикловъ". /7 - 9 стр./ При подобныхъ
переживаніяхъ историческая основа былевого эпоса
могла, конечно, нерѣдко совсѣмъ затемняться и поч-
ти исчезать; но тѣмъ не менѣе ея не слѣдуетъ упус-
кать изъ виду и при выдѣленіи составныхъ частей
былевого эпоса "должно начинать именно съ нея",
- "и лишь за полнымъ устраненіемъ исторической ос-
новы изслѣдователь можетъ заняться разысканіемъ
иныхъ источниковъ". Обращая вниманіе на историчес-
кую основу былинъ, профессоръ въ богатырскомъ эпосѣ
отмѣчаетъ "пѣсни двоякаго рода: о подвигахъ
отдѣльныхъ витязей и обь общихъ предпріятіяхъ.
Однѣ изъ этихъ пѣсенъ такъ и сохранили свою от-
дѣльность, другія сводились постепенно въ циклъ,
который началъ образовываться вокругъ Кіева и лас-
коваго князя Владимира; онѣ примыкали къ этому
кругу неодновременно .." /9 - 10 стр./ Поѣтому
"кругъ былинъ, какъ и всѣхъ народныхъ произведеній,
нельзя рассматривать, какъ цѣльное произведеніе,
сразу сложившееся; при изслѣдованіи былевого эпоса
необходимо отправляться отъ него, не какъ отъ
стройнаго цѣлаго, но отъ частныхъ эпизодовъ, и

начинать съ анализа былинъ о каждой личности отдѣльно. Употребивъ въ дѣло всё средства историческаго анализа и отдѣливъ все, что относится къ общимъ приѣмамъ нашего былевого творчества и былевого эпоса вообще, - только тогда можно приступать къ опредѣленію повднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ, которые были введены въ общее содержаніе былинъ неорганически". Источники иноземныхъ примѣсей Н.П. Далкевичъ, вмѣстѣ съ А.Н. Веселовскимъ, считаетъ необходимымъ искать, главнымъ образомъ, въ представленіяхъ и сказаніяхъ, вращавшихся въ томъ тѣсномъ кругу культуры, къ которому русскіе принадлежали наряду съ западными народами, византійцами, жителями Кавказа, южными славянами и румынами. Резюмируя сказанное, кажется "можно съ полнымъ правомъ стоять за несомнѣнную историческую основу былинъ, за то, что она должна быть точкой отправленія всѣхъ изслѣдованій о былевомъ эпосѣ, и принимать въ тоже время цѣлый рядъ послѣдовательныхъ переработокъ ея и разнородныхъ наслоеній, изъ которыхъ многія возникли подъ вліяніемъ общаго содержанія народнаго эпоса, наполнявшагося и сказаніями книжными и иностранными". /10 -Истр/

На такихъ основаніяхъ ведется анализъ быльи объ Алешѣ Поповичѣ и генетически родствен-

ныхъ имъ былины о гибели богатырей, подтверждающій общія положенія автора. вмѣстѣ съ тѣмъ, "разсматривая эти былины въ связи съ лѣтописными свидѣтельствами, можно ощутительно наглядно представить себѣ, какъ постепенно слагался нашъ былевой эпосъ". Содержаніе названныхъ былинь вкратцѣ слѣдующее: Алеша, сынъ соборнаго попа Ростовскаго, испросивъ благословеніе, ѣдетъ съ Екимомъ Ивановичемъ во столичный Кіевъ градъ ко князю Владимиру. По пути онъ убиваетъ змѣя Тугарина и еще разъ сражается съ нимъ на пиру у Владимира. Онъ поназваніи "братомъ Ильѣ и Добрынѣ, но не всегда ладитъ съ ними; особенно онъ обидѣлъ Добрыню, попытавшись жениться на его женѣ. Онъ же былъ виновникомъ и того, что витязи Владимира, отразивши встрѣченную ими несмѣтную силу басурманскую, послѣ гордаго вызова Алешей силы нездѣлней, не справились съ нею, и съ той поры перевелось богатырство по святой Руси.

Начиная съ древнѣйшихъ изводовъ сказаній объ Алешѣ, мы "должны обратиться прежде всего не къ былинамъ, которыя дошли до насъ въ позднихъ записяхъ, а къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, которыя почти цѣликомъ являются отголоскомъ древнѣйшихъ былинь". /13стр./ Известія лѣтописей объ Алексан-

дрѣ /Олексѣ, Олешѣ/ Поповичѣ не совсѣмъ сходны, иногда противорѣчивы, а одинъ вариантъ занимаетъ какъ бы срединное положеніе. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ упоминаній, встрѣчающееся и въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, находимъ въ такъ наз. Академическомъ спискѣ Суздальской лѣтописи. Здѣсь читаемъ въ повѣствованіи о Калкскомъ побоищѣ: "и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ". "Слѣдовательно, по сказанію этой лѣтописи, Александръ Поповичъ жилъ въ 13 столѣтіи и принадлежалъ къ храбрымъ, которые выдѣлялись изъ ряда остальныхъ ополченій, составляли какъ бы особую дружину и погибли на Калкѣ". Это извѣстіе лѣтописи, несомнѣнно, основано на народныхъ сказаніяхъ, на что указываетъ контекстъ рѣчи, число 70 и извѣстность Александра.

"Въ XV столѣтіи, къ которому относится Академическій списокъ, не было иного повода приурочить Александра къ Калкской битвѣ и упомянуть о гибели его тамъ, кромѣ того, что участникомъ Калкскаго боя представляло Александра народное преданіе, которое говорило вмѣстѣ съ тѣмъ о гибели 70 богатырей. Это преданіе, видимо, обращалось въ Суздальской землѣ и выдающимся дѣяніемъ Александра считало участіе его въ Калкскомъ побоищѣ". /16 - 17

стр./ Далѣе, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ /Архангелогородской, Никоновской и др./ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ /Хронографъ I-ой редакціи/ существуетъ отрывочное упоминаніе о томъ, что Ал. Поповичъ предварительно гибели на Калкѣ служилъ вмѣстѣ съ Добрыней князю Константину Всеволодовичу Ростовскому и помогъ ему въ бою съ братомъ его Юриемъ въ лѣто в. 725. Источникъ его могъ быть двоякій: упоминаніе о Добрынѣ какъ бы указываетъ на былины, гдѣ Алеша ставится въ тѣсную связь съ Добрыней и при немъ также есть слуга Торопъ; но, съ другой стороны, могла быть отрывочная лѣтопис-

ная запись, въ которой поименовано было роковое имя Добрыни и которою пользовался составитель т.н. "Тверской лѣтописи". Въ другихъ спискахъ встречаемъ другую подробность: "Александръ, "силенъ и славенъ богатырь", чуть - было не убилъ князя Мстислава и остановился только только тогда, когда тотъ назвалъ себя : "то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убиенъ будеши, камо другимъ дѣти". /18 стр./ Во всѣхъ приведенныхъ замѣткахъ Александръ является героемъ мѣстнымъ, суздальскимъ.

Но вотъ въ Тверской лѣтописи /1534г./ находитъ весьма замѣчательная цѣльная "Повѣсть о

Калпацкомъ побойцѣ, и о князехъ Рускихъ, и о храбрыхъ 70", гдѣ находимъ интересный разсказъ о дѣятельности Поповича въ Ростово - Суздальской области и о переходѣ его съ дружиной въ Кіевъ, на службу къ князю Владимиру. Эта повѣсть подтверждаетъ предположеніе, что въ Суздальской Землѣ обращались народныя преданія объ Ал. Поповичѣ /онъ же Олешна/, приурочивавшія его къ началу 13 вѣка, на основаніи которыхъ были составлены въ Ростовской землѣ особыя письменныя записи, или "описанія", на которыя ссылается составитель Тверской лѣтописи. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить въ повѣствованіи Тверской лѣтописи, наряду съ книжными извѣстіями, слѣдовъ ростовскихъ народныхъ сказаній, "записъ которыхъ вполне понятна, если вспомнимъ, что составителемъ сборника былъ ростовскій славянинъ, а Алеша также считался ростовцемъ совершающимъ свои подвиги главнымъ образомъ въ защиту этого старѣйшаго города". Въ сказаніи объ Александрѣ читаемъ о могилахъ войновъ Юрія Всеволодовича, убитыхъ Александромъ: "Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихне костей наскладены: могилы велики и донинѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи ко оную сторону рѣки Усіи... а иніи побіеки отъ Александра же подъ Угодичами."

на Узѣ..." Александръ "вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городѣ, обрѣчь подѣ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Грѣ, поже и нынѣ той сопъ /насыпь/стоитъ пусть." /19 - 20 стр./ Мы видимъ, что лѣтописецъ, передавая сказанія объ Алешѣ, дѣлалъ собственныя вставки, что имя Александра было приурочиваемо къ нѣсколькимъ мѣстностямъ Суздальской земли. Такое приуроченіе вело начало, вѣроятно, съ 13 вѣка. Эти легенды не могли возникнуть книжнымъ путемъ, потому что древнѣйшія лѣтописи не говорили подробно объ Александрѣ и сказанія о немъ были составлены по народнымъ рассказамъ. Нельзя, конечно, думать, что всѣ эти преданія были справедливы, что они указывали мѣсто дѣйствительныхъ подвиговъ Александра. Эти сказанія видимо получили въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже эпическую окраску въ тотъ моментъ, когда по нимъ была составлена повѣсть объ Александрѣ, что объясняетъ память народа о мѣстѣ совѣщанія Алеши съ другими храбрыми и о рѣшеніи отправиться на службу къ Кіевскому князю. Но самый фактъ не возбуждаетъ сомнѣнія: отъѣздъ существовалъ и въ позднѣйшее время, тѣмъ легче могъ случиться до татарскаго нашествія. Далѣе, Тверская лѣтопись говоритъ, что по смерти

князя Константина, Ал. Поповичъ созвалъ на совѣщаніе другихъ богатырей; рѣшено было оставить службу удѣльнымъ князьямъ "понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ," /21 стр./ какъ представителю общеземскихъ интересовъ Руси. Этотъ разсказъ пріобрѣтаетъ особую важность при сопоставленіи съ т. наз. Мезенской былиной, по которой Аляша отправился въ Кіевъ съ ростовской дружиной своего отца, освободилъ Кіевъ отъ Василия Прекраснаго, зятя Мамаю, и тогда только "поназванился" съ Ильей и Добрыней; последняя указываетъ, что разсказы очень древняго происхожденія. Откуда-то, вѣроятно, двойкія извѣстія объ Ал. Поповичѣ въ Никоновской лѣтописи: онъ упоминается въ ней и при Владимирѣ I, и въ началѣ 13 вѣка. На основаніи историческихъ подробностей, профессоръ полагаетъ, что авторъ Никоновской лѣтописи, говоря объ Александрѣ при описаніи событій 13 столѣтія переписалъ извѣстія, а Поповича, какъ богатыря Владимира, заимствовалъ изъ былинъ.

"Говоря о княженіи Владимира, Никоновская лѣтопись приписываетъ также Александру вмѣстѣ съ Усмышвецомъ двѣ побѣды надъ печенѣгами и одну надъ

Половцами", чему въ былинахъ "соотвѣтствуетъ
рассказъ о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ, въ кото-
ромъ нѣкоторые не безъ основанія видятъ Тугоркана
половецкаго хана." Это тоже указываетъ на зави-
симость лѣтописнаго сообщенія отъ былинъ: мотивъ
борьбы со степью ясенъ въ обоихъ источникахъ.

"Рассказывая извѣстія объ Александрѣ и раздѣляя
ихъ промежуткомъ въ два столѣтія, называя Алек-
сандра богатыремъ Владимира, Никоновская лѣтопись
вводитъ насъ въ представленіе нынѣшнихъ былинъ,
приурочивающихъ Алешу ко времени Владимира и ко
временамъ татарщины, и указываетъ въ то же время
на связь былиннаго героя съ личностью, которая
по древнимъ лѣтописямъ, жила въ 13 вѣкѣ." /22 -
23 стр./ Первоначально былины объ Алешѣ не выстав-
ляли его постояннымъ богатыремъ Владимира, но по-
томъ въ нихъ явилось колебаніе: одни продолжали
изображать Алешу мѣстнымъ Ростовскимъ богатыремъ,
а другія включали его уже въ составъ богатырской
дружины Владимира. "Во всѣхъ лѣтописяхъ до Нико-
новской отразилось преимущественно первое предста-
вленіе, хотя и встрѣчаются намеки на связь Алеши
съ Добрыней, въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ
встрѣчаемъ отголоски того и другого извода." /24
стр./

На основаніи разсмотрѣнія этихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

" Въ 13 - 16 вѣкахъ въ Суздальской землѣ и преимущественно въ Ростовѣ обращались народныя эпическія /пѣсенныя и прозаическія/ сказанія о Ростовскомъ "храбромъ", первой четверти 13 вѣка - Александрѣ Поповичѣ". Эти сказанія представляли Алешу мѣстнымъ удальцомъ, главой цѣлой дружины храбрыхъ. Онъ былъ извѣстенъ подвигами личнаго мужества, какъ выдающійся дружинникъ Ростовскаго князя. Имя Александра было прикрѣплено къ могильнымъ насыпямъ въ различныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суздальскія преданія считали важнымъ подвигомъ Александра участіе въ Калкской битвѣ и гибель за общерусское дѣло въ сонѣ храброй дружины, съ которою раньше онъ отправился на югъ служить Кіевскому князю. То былъ единственный не мѣстный подвигъ Алеши. "Популярность его имени и народныя преданія подали поводъ къ занесенію Александра въ Суздальскія лѣтописи." Судя по академическому списку въ 15 столѣтіи въ Суздальской землѣ держалось еще отчетливое преданіе о гибели цѣлой дружины суздальскихъ богатырей на Калкѣ и, слѣдовательно, они не стождествлялись съ богатырями Владимира, почему и первенство въ этой дружи-

нѣ усвоилось не Ильѣ, но Александру, а за нимъ Добрынѣ. Но къ началу 16 вѣка, какъ показываетъ хронографъ первой редакціи, Ал. Поповичъ вошелъ уже во Владимировъ циклъ и былъ поставленъ въ связь съ общерусской дружиной богатырей Владимірова времени, которые были представлены также погибшими на Калкѣ. Рѣшеніе Суздальскихъ храбрыхъ служить Кіевскому князю, какъ представителю общихъ интересовъ Русской земли, указываетъ, по мнѣнію автора, "на то, что очень рано (слева) эпосъ и въ Суздальской землѣ проникся отличительнымъ общерусскимъ земскимъ характеромъ." Имя Александръ уже замѣнено было въ нѣкоторыхъ пересказахъ именемъ Алешки, но Алеша еще не имѣлъ той дурной славы, какая досталась ему въ позднѣйшихъ былинахъ, хотя и упоминался въ связи съ Добрыней. Онъ былъ первымъ "храбрымъ" въ дружинѣ суздальцевъ, и еще не было отведено ему то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ позднѣйшихъ былинахъ: "полнаго включенія Александра въ кругъ богатырей Владиміра еще не было." Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ "повѣсть" объ Александрѣ Поповичѣ, занесенная въ Тверскую лѣтопись. /25 стр./

Теперь возникаетъ вопросъ: насколько эти народныя и лѣтописныя сказанія были согласны съ

дѣйствительностью и какъ понимали отношеніе общерусской и мѣстной стихіи этихъ сказаній. Проф. Н. П. Дашкевичъ полагаетъ, что Александръ Поповичъ былъ храбрымъ ростовскимъ дружинникомъ начала 13 вѣка. Личность его не возбуждаетъ сомнѣній; она въ высшей степени вѣроятна, насколько можетъ быть приписываемо историческое существованіе героямъ преданій, прикрѣпленныхъ съ самаго начала своего возникновенія къ мѣстнымъ памятникамъ крупныхъ историческихъ событій. "Должно признать" поэтому "за преданіемъ объ Александрѣ историческую основу и съ полнымъ правомъ можно думать, что сказанія о немъ возникли историческимъ путемъ и личность его историческая." Хотя "невозможно съ несомнѣнной достовѣрностью установить, участвовалъ ли Александръ Поповичъ въ Калкскомъ боѣ, такъ какъ нѣтъ современныхъ указаній," однако, "всѣ соображенія приводятъ къ утвердительному рѣшенію этого вопроса." "Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ рассказѣ о переходѣ Александра не задолго до Калкской битвы на службу къ Кіевскому князю." Точно неизвѣстно, гдѣ впервые возникли былинны о гибели русскихъ витязей на Калкѣ, но несомнѣнно, что онѣ были извѣстны въ Суздальской Землѣ и сложились вскорѣ послѣ побоища.

Во время составленія Никоновскаго свода лѣтописей Александръ былъ рѣшительно причисленъ къ вѣтяжьимъ богатырямъ Владимира, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписывались и важные отдѣльные подвиги въ защиту Кіева отъ кочевниковъ. Разсказъ Никоновской лѣтописи, такимъ образомъ, представляетъ какъ бы переходъ къ современнымъ былинамъ объ Алешѣ, въ которыхъ имѣются очень скудные отголоски древнѣйшаго извода сказаній объ Ал. Поповичѣ, занесеннаго въ Тверскую лѣтопись.

Современныя былины представляютъ Алешу, въ большинствѣ случаевъ, однимъ изъ богатырей Владимира, притомъ не главнымъ; здѣсь Александръ сражается съ татарами въ дружинѣ, въ которой немного суздальцевъ, а по инымъ изводамъ и совсѣмъ нѣтъ. Нынѣшнія былины не знаютъ битвы на Калкѣ: онѣ говорятъ о боѣ богатырей съ татарами на Сафатъ - рѣкѣ и т.п. и приписываютъ этотъ подвигъ не 70 богатырямъ 13 вѣка, а богатырямъ Владимира: эти послѣдніе не устояли въ бою съ татарами.

Тѣмъ не менѣе, современныя "старинны" объ Алешѣ несомнѣнно связаны съ древними пѣснями и преданіями о немъ и представляютъ только дальнѣйшую переработку ихъ, на что указываетъ единство имени героя, одинаковость происхожденія, удалъ и

т.п. признаки. Равнымъ образомъ, въ нынѣшнихъ былинахъ о гибели богатырей можно признать позднѣйшую передѣлку древней пѣсни о Калкскомъ побойцѣ: и въ былинахъ и въ древнемъ сказаніи выступаетъ небольшая богатырская дружина; и тамъ и здѣсь выдаются Алеша и Добрыня, но современные бытны выводятъ еще Илью; оканчивается бой съ татарами гибелью возгордившихся витязей или ихъ кончиною; гнѣвъ Божій погубилъ, по лѣтописямъ, и Калкскихъ храбрцовъ. При разсмотрѣніи процесса сложенія современныхъ былинныхъ повѣствованій, остановимся прежде всего на былинахъ о кончинѣ богатырей, потому что онѣ "изначала имѣли первенствующее значеніе въ ряду сказаній объ Алешѣ и скрѣпили связь его съ богатырями Владимира;" онѣ же ввели Алешу въ кругъ исконныхъ защитниковъ русской земли, чѣмъ положили начало новому направленію въ развитіи пѣсенъ о немъ. По этимъ былинамъ, богатыри Владимира /по новгор. изв. и Василій Буслаевичъ/ поразили силу басурманскую, но потомъ нѣкоторые /Алеша, Илья, Суздальцы/, возгордившись, стали похваляться, что могутъ справиться и съ силой невѣдѣнною /по др. вариантамъ - небесною/, и тотчасъ же воскресла сила побитая /явились двое воителей/ и сколько ни разили ее богатыри, она росла подъ

ихъ ударами, увеличивалась възрос или внятеро и
шла все на витязей съ боемъ. Богатыри не устояли.
Судьба ихъ передается различно: то они побѣжали
въ каменные горы и окаменѣли тамъ въ темныхъ пе-
щерахъ, то "пересѣлися", то послѣ покаянiя въ
"глухихъ словахъ братьевъ Суздальцевъ", принесенна-
го Ильей, "повалилась сила кроволитная," а "уда-
лы садились на добрыхъ коней, поѣхали ко городу
Кіеву, въ тѣже пещеры во Кіевски; тамъ всѣ они
представилися." Историческая основа этой былины
ясно видѣется сквозь оболочку былевой фантасти-
ки. "Былина изображаетъ гибель всѣхъ русскихъ бо-
гатырей въ бѣсѣ съ татарами: даже въ тѣхъ вариан-
тахъ, которые говорятъ о силѣ нездѣшной, предвари-
тельно упоминается татарченскъ или огромная сила;
по нѣкоторымъ пересказамъ, подъ ударами богатырей
увеличивалась сила татарская." До Куликовской бит-
вы древняя Русь выступала противъ татаръ только
одинъ разъ въ сплоченномъ ополченiи, именно въ
1223 году, и скорѣе всего этотъ погромъ могъ отра-
зиться въ нашей былинѣ. Древнiя былины, какъ мы
видѣли изъ разбора лѣтописныхъ показанiй, повѣство-
вали о гибели Александра и другихъ богатырей за
Калкѣ. "Многiя частности современной былины съ
наибольшею вѣроятностью могутъ быть отнесены тамъ

же къ этому погрому. "Мнѣ кажется," говоритъ ученый, "можно признать разительное совпаденіе подробностей былины съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Калкскомъ побоищѣ." Какъ, "по лѣтописи при Калкѣ погибъ цвѣтъ южнорусскихъ дружинъ; лѣтописи говорятъ о многихъ храбрецахъ, павшихъ тамъ: "бысть побѣда на вси князи Русскыя, такоже не бывало никогда же"; по былинѣ сражались съ татарами или силокъ нездѣшекъ и окончили затѣмъ свою жизнь всѣ богатыри Владимира, и послѣ того на Руси не осталось богатырей." /33 - 34 стр./ Далѣе, по лѣтописямъ, причина Калкскаго пораженія - самонадѣянность и похвальба нѣкоторыхъ князей /Мстислава, Данила/; та же самонадѣянность и похвальба погубила и былинныхъ богатырей. Какъ позже татарское иго считалось карой, ниспосланной намъ за наши грѣхи, такъ и на Калкское пораженіе наши предки взглянули, какъ на несчастье, постигшее "грѣхъ ради нашихъ," за "прегрѣшеніе крестьянское." Татары представлялись неслыханной, невиданной ратью и т.п. Былинныя богатыри погибли отъ "силы нездѣшней", которая, какъ уже было сказано, въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо отождествляется съ силой татарской. Судя по лѣтописнымъ и былиннымъ указаніямъ, такое названіе - самое древнее былин-

ное представлѣніе, современное повѣсти о Калкскомъ побоищѣ. Съ теченіемъ времени, утративъ первоначальный смыслъ обозначенія, силу "нездѣшную" легко могли превратить въ "небесную", и тогда взаимнѣ воскресшихъ супостатовъ были введены вѣтви небесныя. Важно также совпаденіе мелкихъ частности. И по лѣтописямъ и по былинамъ бой происходилъ въ полѣ, продолжался нѣскольکو дней, закончился при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Даже отголоски названія рѣки Калки уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ. Итакъ, историческая основа былинъ о гибели богатырей несомнѣнна. Возникновеніе подобныхъ былинъ понятно: первое и второе татарскія нашествія страшно поразили народное воображеніе, что видно, между прочимъ, и изъ множества сказаній объ этомъ, и, какъ замѣчательныя событія народной жизни, естественно стали предметомъ разговоровъ, пѣсенъ, былинъ. Въ дальнѣйшемъ былины эти подверглись осложненію, привнесенію новыхъ подробностей, затемнившихъ первоначальную основу. Если разсматриваемая пѣсня о неудачѣ при Калкѣ возникла въ суздальской землѣ непосредственно вслѣдъ за побоищемъ, что весьма вѣроятно, то въ ней не могли сразу выступить богатыри Владимира, и вниманіе могло сосредоточиваться не столько на от-

дельныхъ личностяхъ, сколько на общей гибели
воѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ витявей. Но сразу эта
былина могла украситься обычными въ такихъ случа-
яхъ поэтическими мотивами, составляющими принад-
лежность былевого стиля, общую многимъ народамъ.
Такъ какъ Калкское поражение русскихъ современни-
ки объяснили ихъ самоувѣренностью, то эта же чер-
та была перенесена и на погибшихъ богатырей, что
обусловило образное описаніе исхода боя, примѣне-
ніе готовыхъ эпическихъ образовъ - приемовъ. Та-
кимъ общимъ эпическимъ приемомъ является упомина-
ніе о силѣ нездѣшней, видоизмѣнившейся потомъ
подъ вліяніемъ христіанства въ "силу небесную",
карающую возгордившихся богатырей сверхъестествен-
нымъ образомъ - черезъ увеличеніе /по др. - вос-
крешеніе/ враждебной имъ силы съ каждымъ новымъ
ударомъ. На ряду съ этимъ традиционнымъ мотивомъ
христіанской миеологии, пѣсня Калкская была укра-
шена еще одной эпической прибавкою, но до - хри-
стіанскаго происхожденія. Витязи, не могшіе спра-
виться съ чудесно увеличивавшеюся невѣрной силою,
были представлены окаменѣвшими. Это окаменѣніе,
толкуемое нѣкоторыми былинами въ смыслѣ удаленія
въ пещеры, вѣроятно, явилось по аналогіи и подъ
вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, окончившемъ жизнь

свою въ Киевскихъ пещерахъ: на богатырей была перенесена біографическая черта Ильи.

Затѣмъ окаменѣніе получило христіанское примѣненіе въ смыслѣ удаленія въ монастырь въ тѣхъ изводахъ разсматриваемыхъ пѣсень, которые выводили Илью и приписывали ему первенствующее значеніе. Постепенно этотъ вариантъ началъ замѣщать первоначальный образъ такъ, что нѣкоторыя былины говорятъ объ общемъ удаленіи богатырей въ монастыри еще до нашествія силы невѣрной. — Сказаніе о гибели многихъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ и объ ихъ окаменѣніи доставило былевому творчеству возможность и удобный случай объяснить гибель и другихъ витязей занимавшихъ народное воображеніе. Народъ не любитъ сражать своихъ богатырей обычною смертью, и многіе богатыри были сокрыты, по народному преданію, въ горахъ. Такъ должны были окончить свой вѣкъ и наши богатыри время Владимира, а съ ними и Алеша Поповичъ, ставшій витяземъ Владимира. Введеніе ихъ въ былины о Калкскомъ боѣ было послѣднею ступенью въ развитіи этихъ пѣсень и произошло, вѣроятно, не раньше 16 вѣка. Такovy были послѣдовательныя видоизмѣненія былины о страшной Калкской невгодѣ 1223 года. Съ полной достовѣрностью можно выяснитъ исторію былинь объ Але-

шѣ Поповичѣ съ того момента, когда этотъ витязь былъ включенъ въ кругъ богатырей Владимира. Алеша поставленъ былъ въ многообразныя соотношенія съ послѣдними. Народный эпосъ постепенно вырабатываетъ до мелочей личную и совмѣстную исторію любимыхъ героевъ и вноситъ при этомъ много такого матеріала, который не имѣлъ первоначально никакого отношенія къ древнѣйшимъ былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ сказывается потребность эпического развитія и восполненія разрозненныхъ первоначально исторій. Такъ случилось и съ Алешей, его породнили высшимъ родствомъ - названнымъ братствомъ съ Ильей Муромцемъ и Добрыней: "а въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ, а крестный отъ - братъ паче роднаго." Народный эпосъ заставилъ молодого Алешу служить Владимиру наравнѣ съ другими богатырями, сторожить на богатырской заставѣ и, не считаясь съ хронологіей, ввелъ его въ былинныя описывающія Батыево нашествіе. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого образа, его приключенія стали разрисовываться и украшаться привносными элементами введеніемъ постороннихъ личностей подъ вліяніемъ различныхъ сказаній, проникающихъ въ народъ и чуждыхъ первоначальной канвѣ эпоса. Алешѣ были приписаны подвиги полу - мифологическаго харак-

тера и похождения, не заключающія въ себѣ ни-
чего героическаго. Къ числу первыхъ относится
очень распространенная въ древнихъ сказаніяхъ
легенда о борьбѣ со змѣемъ. Слава змѣборца дос-

талась въ нашихъ былинахъ преимущественно До-
брынь Никитичу, но нѣкоторые ревнители Алеши-
ной славы сдѣлали и его героемъ подобнаго подвиг-
а и заставили бороться съ Тугариномъ. Если это
Тугоркань, то борьба происходила со змѣемъ - та-
чариномъ и эта притяжка - отголосокъ Калкскя-
го боя. Въ очень нелестной, совсѣмъ не геройс-
кой, обрисовкѣ предстаетъ Алеша въ былинѣ о ко-
роткомъ знакомствѣ съ сестрой Зародовичей, кото-
рые были опозорены признаніемъ въ томъ Алеша на
одномъ пиру, когда похвастали благонавіемъ сво-
ей сестры. Отъ Алеши бѣжали красны дѣвицы съ
новыхъ сѣней и т.п. Еще больше нечестности вы-
кавываетъ онъ въ известныхъ пѣсняхъ о томъ, какъ
онъ обвѣнчался съ женой Добрыни, уславъ послѣд-
няго въ далекую богатырскую поѣздку. Возвратив-
шись во-время изъ поѣздки и узнавъ о поступкѣ
своего названнаго брата, Добрыня помѣшалъ его
замысламъ и сталъ "за калты кудри поваживать и
гусельниками Олешеньку охаживать" /но другимъ
изводамъ шальгою подорожаню/. Исходъ этого не-

чалькаго для Алеши приключенія былинны передають
различно. По однимъ - "они съѣжались на смерт-
ный бой" и "чуть Алеша только живъ бывалъ,"
"чуть въ душахъ," или изувѣченъ, по другимъ пере-
сказамъ "со стыду со сраму со великаго уѣхалъ
онъ безвѣстно не знаютъ гдѣ," по третьимъ - за
Алешу заступился Илья, по нѣкоторымъ - дѣло кон-
чилось смѣхомъ Добрыни надъ Алешей, или Алеши
надъ самимъ собой. /см. стр. 46 и сл./ Тема о
принужденіи жены ко вступленію въ новый бракъ
во время долгаго отсутствія мужа, страстующаго
вдали, принадлежитъ къ числу весьма распростра-
ненныкъ и встрѣчается не только на востокѣ и у
грековъ /Одиссея/, но даже у сѣверо - американ-
скихъ дикарей.

Этотъ мотивъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ
нѣмецкихъ земляхъ и былъ приуроченъ къ нѣсколь-
кимъ личностямъ былевого эпоса - къ Карлу Вели-
кому, Генриху Льву, Рейнфриту Брауншвейгскому
/онъ же Брауншвейгъ, въ Чехіи - Браунсвикъ/. На-
ши былины объ Алешѣ, Добрынѣ и его женѣ Настасьѣ
Микulichнѣ представляютъ значительныя черты сход-
ства въ мелкихъ частностяхъ съ нѣкоторыми изъ
средневѣковыхъ нижненѣмецкихъ и датскихъ обрабо-
токъ этой саги, зацесенными къ намъ либо съ За-

пада - черезъ Новгородъ, либо съ юго - запада - изъ Чехіи. Сказаніе объ неудачной попыткѣ принужденія жены къ браку было примѣнено къ Добрынь и Алешѣ въ періодъ отъ половины 13 до начала 16 вѣка, когда оба богатыря, судя по извѣстіямъ Хронографа и лѣтописей, были поставлены уже въ тѣсную связь; ранѣе конца 13 вѣка это примѣненіе не могло совершиться, потому что древнѣйшій нѣмецкій пересказъ саги объ утѣсненіи жены былъ записанъ Цезаріемъ Гейстербахскимъ въ 1222 году, а составленіе поэмы о Рейнфритѣ /Брунсвикѣ/ относится къ концу 13 вѣка. Любопытна разница въ примѣненіи этого бродячаго международнаго мотива въ германскомъ эпосѣ и въ нашемъ: именно, въ то время, какъ германскіе герои искали приключеній, побѣждали невѣрныхъ, боролись будто бы за гробъ Господень, но не забывали и себя, нашимъ витязямъ предстояла борьба съ ближайшими врагами и охраненіе отъ нихъ своей родной земли. Пѣсни о неудачной женитьбѣ Алеши показываютъ, какъ далеко былъ иный Алеша отошелъ отъ своего историческаго первообраза - "удала добра молодца," перваго витязя въ отборной дружинѣ храбрыхъ. Съ теченіемъ времени онъ лишился значительной доли уваженія и славы, какою была окружена память о немъ въ ростовской

землѣ до половины 16 вѣка. Нынѣшнія былины называ-
ютъ Алешу смѣлымъ, но не удалымъ, иной разъ изо-
бражаютъ его даже трусомъ, хвастуномъ и пр. Въ
битвѣ съ противникомъ змѣемъ, Добрыней/ Ал. не
соблюдаетъ должной чести и не брезгаетъ никакими
средствами для торжества надъ врагомъ. Вообще,
Алеша любитъ изворачиваться ложью и обманомъ, лю-
битъ нескромныя рѣчи, склоненъ къ любовнымъ по-
ходеніямъ; наглъ, почему получилъ прозвище "ба-
бьяго насмѣшника": "онъ охочъ смѣяться чужимъ же-
намъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ" и т.п.
Потому то теперешнія былины выражаются объ Але-
шѣ очень непочтительно, иногда даже называютъ его
воромъ - собакомъ, и заставляли такъ же относиться
къ нему и богатырей, что мы видѣли, напр., изъ
поступка Добрыни, пощелкавшего ростовскаго витязя
шалыгомъ подорожною. Древнія нѣсни объ Александрѣ
не могли рисовать его въ такомъ видѣ. Мѣстныя рос-
товскія сказанія не могли бы прославлять подобную
непривлекательную личность и сохранять память о
ней предпочтительно предъ другими. Вслѣдствіе это-
го мы признаемъ нечестность Алеши и прочія качес-
тва - "повдѣе выработанной чертой." Какимъ пред-
ставляли Алешу древнія сказанія, показывается Твер-
ская лѣтопись. Вообще, замѣчается постоянная двой-

ственность въ былинныхъ изображеніяхъ Алеши: смѣлости его противорѣчить привычка прибѣгать къ изворотливости, а съ набожностью его и съ тѣмъ, что его "молитвы доходны ко Христу," не соедемъ согласуется его вольный нравъ. Ясно, что былинный типъ лишился первоначальной цѣльности и подвергся искаженію. Подобное удаленіе нашего эпоса отъ исторической правды, однако, нисколько не умаляетъ его оригинальности. "Въ настоящее время въ каждомъ былинномъ эпосѣ открыто столько эпизодовъ и мотивовъ общихъ другимъ, что не можетъ быть и рѣчи на основаніи ихъ о несамостоятельности содержанія какаго - нибудь народнаго эпоса и его частностей. Национальными во всякомъ эпосѣ являются преимущественно его построеніе, общее направленіе и типическія особенности героевъ". "Если жизнь былиннаго Алеши была прекращена въ дѣйствительности Калкской битвой, то ясно, что приуроченіе къ его имени разсмотрѣннаго бредячаго эпизода должно было произойти уже послѣ 1223 года.

Слѣдовательно, развитіе былинъ до - татарскаго времени продолжалось послѣ татарскаго нашествія. Тогда совершилось нарастаніе былинныхъ чертъ, благодаря которому Алеша былъ надѣленъ особенностями, отличающими, по народному представленію, то

сословіе, изъ котораго онъ вышелъ." Поводъ къ этому подало, вѣроятно, его прозвище. Теперь онъ сталъ "поповскимъ сыномъ" въ несобственномъ смыслѣ. Былины начали говорить объ Алешиныхъ "глазункахъ поповскихъ" и т.под. Переходъ былевыхъ героев въ типическіе бытовые образы встрѣчается и у другихъ народовъ, напр. въ эпосѣ финновъ Калевалѣ, а въ былевыхъ сказаніяхъ кавказскихъ народовъ герои уже совершенно лишены исторической обстановки. "Наше долгое странствованіе изъ вѣка въ вѣкъ вслѣдъ за Алешей и его сподвижниками въ Калкскомъ бою окончено", говоритъ профессоръ; "мы установили зарожденіе былинъ объ Алешѣ и о гибели богатырей изъ скорбныхъ пѣсень 13 столѣтія и ознакомились съ дальнѣйшей судьбой ихъ до нашихъ дней. Мы касались при этомъ отчасти и общаго хода развитія нашего былевого эпоса. Онъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ крупныхъ историческихъ событій, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній. Но основа не утрачивалась, и историческая наука можетъ отнести теперь съ большимъ довѣріемъ къ былевому эпосу: она найдетъ въ немъ не только правду идеальную, но немало также и правды дѣйствительной." /54/. Русскому народу на сѣверѣ

и востокѣ достался счастливый удѣлъ - сохранить въ древнихъ пѣсняхъ живую память о самыхъ отдаленныхъ временахъ своего историческаго существованія; южная Русь не можетъ похвалиться тѣмъ въ такой мѣрѣ, хотя и здѣсь сохранились былинныя воспоминанія и представленія. Но, повидимому, общерусскій былевой эпосъ началъ вымирать на югѣ съ половины 17 вѣка, когда южно - русскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе съ окружающими его врагами. Подъ вліяніемъ этой усиленной борьбы, былины на югѣ стали переходить постепенно въ лирическій эпосъ думъ, гдѣ древніе герои стали замѣщаться новыми. Старый эпосъ могъ быть забытъ тѣмъ скорѣе, что новый являлся, по своей идеѣ, продолженіемъ его. Но при всемъ томъ и въ новомъ эпосѣ остались отголоски стараго, уцѣлѣли его эпизоды, его приемы изображенія, особенности и т.п. Замѣчательнѣе всего, что въ южно-русскомъ эпосѣ уцѣлѣло имя Алеши Поповича /онъ же Олексій/. И въ новомъ эпосѣ онъ остался типическимъ образомъ гордости и молодечества въ соединеніи съ жестокосердіемъ. Слѣдовательно, общее разлитіе стараго былеваго эпоса происходило на протяженіи всей русской земли. Извѣстность былины объ Алешѣ на югѣ послѣ татарскаго нашествія вполнѣ понятна:

вгь были родинои нашего древняго былаго эпоса; ему принадлежить слава созданиа большей части со-
держаниа былинь того періода, когда сосредото-
чиємъ Руси были "главнїи городъ Нїевъ", когда
здѣсь "заводился почестень вирь на многи князья,
многи бояра, а на воѣ поляницы на удалне". /62стр/
Полнаго критическаго разбора и оцѣнки вкратцѣ из-
ложеннаго труда проф. Н.П. Дашкевича, кажется,
нѣтъ совсѣмъ. Въ критической литературѣ существу-
еть только нѣсколько общихъ замѣчаній о немъ.
Академикъ А.Н. Лыпинъ въ "исторїи русской этно-
графїи" /3 т./ и въ критическомъ разсмотрѣнїи тру-
довъ по "изученїю рус. народности" /В.Евр. - 96г.
XIIкн./ признаеть большое научное значеніе этой
монографїи. "Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ ра-
ботъ въ историческомъ направленїи", говоритъ кри-
тикъ, "надо отнести вышедшую недавно книжку Дашке-
вича, который очень искусно пользуется лѣтописны-
ми дачными и указанїями самыхъ былинь, чтобы оти-
скать въ Алешѣ Поповичѣ историческое лицо, упомя-
нутое лѣтописью, и свести былины о гибели богаты-
рей къ преданїямъ о татарскомъ нашествїи и Калк-
скомъ побѣдѣ". Другой критикъ, А.М. Лобода /Рус.
бог. эпосъ, 26 стр./ также отзывается съ большей
похвалою объ этой работѣ: "критическїи пересмотрѣ

матеріала привель професора Н. Дашкевича къ выводамъ, котрые, покоясь на основаніяхъ, заложенныхъ г. г. Майковымъ и Яричемъ, являются достойнымъ завершеніемъ всей предыдущей разработки лѣтописныхъ и пѣсенныхъ матеріаловъ объ Алешѣ и представляють ясное, безспорное рѣшеніе вопроса о генезисѣ этого былевого лица". -

Т Е З И С Ы К Ъ Р Е Ф Е Р А Т У:

1/ Въ то время, какъ другія теоріи испытали вліяніе эпохи своего возникновенія, самобытная историческая теорія, возникшая раньше ихъ, стоитъ внѣ такой зависимости.

2/ Историческая теорія находитъ естественное приложеніе къ былинамъ общаго историческаго характера,

3/ Что указали и разработали ея главные представители.

4/ Н. П. Дашкевичъ подвергаетъ былины сравнительно - историческому анализу и раздѣляетъ ихъ слои, стоя на строгой - научной точкѣ зрѣнія.

Въ связи съ изслѣдованіемъ избранныхъ былинъ, профессоръ устанавливаетъ общія положенія теоріи:

5/ Зерно былевого эпоса - историческія сказанія;

6/ Они подвергались ватѣмъ переработкѣ, послѣдо-

пательному видоизмѣненію и осложненію подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ;

7/ въ былевомъ эпосѣ надо различать пѣсни двоякаго рода: о подвигахъ отдѣльныхъ витязей и объ общихъ предпріятіяхъ и при ихъ изслѣдованіи отправляться отъ частныхъ эпизодовъ, а не отъ цѣлаго;

8/ Источники позднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ необходимо искать въ представленіяхъ и сказаніяхъ тѣснаго круга культуры.

9/ Анализируя свидѣтельства Академическаго списка Суздальской лѣтописи и др., Хронографа I-й редакціи и сходныхъ съ нимъ, Тверской лѣтописи и подобныхъ, проф. Н. П. Дашкевичъ полагаетъ, что:

10/ Александръ Поповичъ былъ храбрымъ ростовскимъ дружинникомъ начала 13 вѣка;

11/ Какъ таковой, участвовалъ въ Калкской битвѣ;

12/ сказанія о немъ возникли историческимъ путемъ;

13/ въ 13 - 16 вѣкахъ въ Ростово - Суздальской землѣ обращались народныя эпическія сказанія объ Алешѣ,

14/ которыя послужили источникомъ лѣтописныхъ замѣтокъ;

15/ ватѣмъ богатырь Алеша былъ рѣшительно причисленъ къ витязямъ Владимира, откуда и въ Никоновской

лѣтоп. приуроченіе его къ II вѣку. Анализируя родственныя этимъ былины о гибели богатырей, авторъ находитъ, что:

16/ основное содержаніе ихъ историческое и относится также къ Калкскому пораженію;

17/ но эта основа рано украсилась обычными эпическими прибавками и приемами, каковы, напр., возрастаніе враждебной силы, окаменѣніе богатырей и т.п.

18/ Древній образъ богатыря Алеши Поповича подвергся различнымъ видоизмѣненіямъ и прибавленіямъ, и съ теченіемъ времени превратился изъ Ростово - Суздальскаго "храбра" въ "бабьяго пересмѣшника", "поповскаго сына" и др. Эти бытовья наслоенія - послѣднѣйшаго происхожденія.

19/ Общее развитіе стараго былевого эпоса происходило и послѣ татарскаго нашествія, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ - его родинѣ.

20/ Критика въ лицѣ А.Н. Пыпина и А.М. Лободы привнесла большое научное значеніе труда проф. Н.П. Дашкевича. -

Бедзіо Владимира,
студ. - филолога III курса.

ВОСТОЧНЫЯ ВЛІЯНІЯ ВЪ РУССКОМЪ БЫЛИННОМЪ
ЭПОСѢ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ВСЕВОЛОДА МИЛЛЕРА.

" Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса" Вс. Миллера. "Русская мысль" 1891 г. кн. I - 12. "Иранскіе источники русской былинн" А.Н. Пыпина. "Вѣстникъ Европы" 1892 г. кн. VI.

-:--:--

Со времени появленія теоріи В.В. Стасова / въ 1868 г./, объяснявшаго происхождение русскихъ былинъ заимствованіемъ съ тюркскаго Востока, вопросъ о вліяніи восточнаго эпоса на наши былины до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія оставался нетронутымъ, точно находясь подъ какимъ-то запретомъ. Поставленный черезчуръ смѣло и исключительно Стасовымъ, онъ навлекъ на себя слишкомъ много нападокъ, слишкомъ былъ дискредитированъ его критиками, чтобы скоро привлечь къ себѣ вниманіе другихъ изслѣдователей. И только спустя слишкомъ 20 лѣтъ, когда улеглись возмущенныя страсти и къ выставленной гипотезѣ можно было отнестись "sine ira et studio", вопросъ о восточныхъ вліяніяхъ

въ русскомъ эпосѣ снова подвергся изслѣдованію, на этотъ разъ болѣе осмотрительному, а потому и болѣе основательному. Мы имѣемъ въ виду "Экскурси въ область русскаго народнаго эпоса" Всеволода Миллера, появившіеся на страницахъ "Русской Мысли" въ 1891 г. Достоинно примѣчанія то обстоятельство, что авторомъ этихъ очерковъ, въ которыхъ доказывается несомнѣнное вліяніе восточнаго фольклора на русскій былевой эпосъ, явилось лицо въ свое время бывшее въ числѣ критиковъ Стасова. Это обстоятельство дало возможность автору, хорошо знакомому съ постановкой даннаго вопроса у Стасова, избѣжать тѣхъ ошибокъ и недостатковъ, которые были допущены послѣднимъ. Дальнѣйшій обзоръ самыхъ очерковъ покажетъ, какова постановка вопроса у Миллера, каковы его выводы; чѣмъ отличается трудъ Миллера отъ изслѣдованія Стасова и въ чемъ превосходство перваго передъ послѣднимъ.

Уже въ предисловіи къ своему труду, изданному отдѣльно въ 1892 г., В. Миллеръ въ прекрасномъ фигуральномъ сравненіи излагаетъ свой взглядъ на словесной составъ нашего эпоса.

са. ^x / "Нашъ былевой эпосъ, говорить оны, представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили некогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византийской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки, и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ замкахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византийская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, до деревянная крестьянская клѣтъ, а въ тайникахъ оны въ изумленіи находятъ цѣлый складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли

[^] / Не имѣя подъ руками отдѣльнаго изданія "Экскурсовъ", гдѣ и помѣщено данное предисловіе, цитируемъ его по статьѣ А. Н. Пыпина: "Иранскіе источники русской быliny". Вѣст. Евр. 1892 г. VI, 702.

греческой, и палица боевая въ 90 пудъ, и восточныя куякъ, и гусли яворчатые и трубки нѣмецкія и т. п. Не ставя себѣ задачей—"отгадать идею строителей этой удивительной постройки, такъ какъ для того по его мнѣнію, нужно предварительное детальное обследованіе отдѣльныхъ ея уголковъ, Вс. Миллеръ и взялъ на себя трудъ пролить свѣтъ на одинъ изъ нихъ— на уголокъ восточныхъ вліяній. Съ этой цѣлью онъ въ рядѣ очерковъ, носящихъ названіе "экскурсовъ", подвергъ разбору и сличенію нѣскольکو былинныхъ типовъ и сюжетовъ, группирующихся около нихъ, главнымъ образомъ, типы Ильи Муромца и князя Владимира Киевскаго. На этихъ примѣрахъ онъ и старается доказать, что русскій эпосъ, по крайней мѣрѣ въ отмежеванной имъ для изслѣдованія части, подвергся сильному вліянію Иранскихъ эпическихъ сказаній, прошедшихъ предварительно черезъ посредствующую тюркскую среду. Эта основная мысль красной нитью проходитъ по всѣмъ отдѣльнымъ экскурсамъ, носящимъ въ общемъ эпизодическій характеръ.

Точкой отправленія для В. Миллера въ его исканіяхъ восточныхъ параллелей для русскаго эпоса послужило рѣзко бросающееся въ глаза несоответствіе между историческимъ и былиннымъ изображеніемъ личности князя Владимира. Въ самомъ дѣлѣ, личность историческаго кн. Владимира и по лѣто-

писнымъ сказаніямъ, и по народнымъ преданіямъ рисуется въ весьма привлекательномъ видѣ. Военственный не менѣе своихъ предшественниковъ, энергичный, предприимчивый, онъ выступаетъ передъ лицомъ исторіи главнымъ образомъ "оберегателемъ и устройтелемъ" своей страны, княземъ "не дружиннымъ, а земскимъ", по выраженію Костомарова.

Такія черты, естественно, и должны были бы отложиться въ народной памяти и послужить поводомъ для идеализаціи князя въ эпическихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ, въ былинахъ кіевскій князь Владимиръ выступаетъ далеко не въ столь почтенномъ видѣ. Былинный Владимиръ — это праздный деспотъ жалкій трусъ, вообще недоброжелательный, заносчивый въ отношеніи къ своимъ богатырямъ, въ случаѣ же "бѣды неминуемой" комически заискивающей и унижающей передъ ними, какъ защитниками его и отечества. — Исходя изъ того положенія, что "никакими національно-историческими наслоеніями нельзя, въ концѣ концовъ, объяснить X / тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыми совершенно незаслуженно народная повѣя исказила личность энергическаго и мудраго русскаго князя"

какъ то пытался сдѣлать Орестъ Миллеръ

/Р.М. 91г. Ікн. 68 стр./ В. Миллеръ находить единственно возможнымъ и необходимымъ объяснить такое странное противорѣчіе вліаніемъ восточныхъ эпическихъ сказаній, гдѣ нерѣдко изображаются подобныя цари- деспоты и трусы. Дѣйствительно, прототипъ такого царя Кейкауса, выведеннаго въ персидской поэмѣ "Шахъ-намѣ". Сличенію этихъ двухъ эпическихъ образовъ- кн. Владимира и царя Кейкауса, отчасти и ихъ женъ- Евпраксіи и Судабѣ- посвященъ первый экскурсъ "Владимиръ и Евпраксія". Резюмируя сопоставленія, которыя дѣлаетъ В. Миллеръ, отмѣтимъ слѣдующія черты сходства, какъ между самими царями, такъ и въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ богатырямъ и обратно.

Оба царя непомерно трусливы, что весьма невыгодно выдѣляетъ ихъ изъ среды окружающихъ богатырей

Оба вызывающе относятся къ своимъ богатырямъ- Владимиръ къ Илью Муромцу, Кейкаусъ къ Рустему.

Оба вызываютъ раздраженіе богатырей и удаленіе ихъ изъ столицъ.

Оба "въ бѣдѣ неминуемой" униженно просятъ оскорбленныхъ ими богатырей вернуться къ защитѣ своей страны.

Оба нерѣдко попадаютъ въ комическое положеніе.

Обихъ богатыри неоднократно выручаютъ изъ бѣды.

Оба же оказываются неблагодарными и недоброжелательными къ своимъ защитникамъ, чѣмъ и вызываютъ со стороны послѣднихъ заслуженный ропоть, негодование и даже брань и угрозы.

Не настаивая на абсолютномъ сходствѣ сравниваемыхъ типовъ и эпизодовъ, В.Миллеръ тѣмъ не менѣе находитъ указанныя параллели достаточными для заключенія, что на личности былагого Владимира "отложились нѣкоторыя черты того типа "эпическаго" или "сказочнаго" царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема" /I кн. 78 стр./.

Итакъ, одна половина того недоуменнаго вопроса, отъ котораго отправилъ ся нашъ исследователь: какимъ образомъ нашъ былинный кн. Владимиръ очутился съ такими непривлекательными чертами, получила разрѣшеніе для Миллера: на образѣ былиннаго русскаго князя отложились отрицательныя черты, не исторически дѣйствительныя а "эпическія", "сказанныя", и притомъ иноземныя, восточныя. Такое рѣшеніе, естественно, выдвигаетъ другую половину вопроса: почему же на свѣтлой личности князя Владимира отложились такія именно темныя черты, хотя бы и списанныя съ иноземныхъ оригиналовъ. Возможна ли какая-либо пси-

хологическая мотивировка столь явной погрѣшности противъ дѣятельности. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ у В.Миллера мы находимъ въ его дальнѣйшихъ "экскурсахъ", посвященныхъ сопоставленіямъ главныхъ богатырей русскаго и иранскаго эпоса-Ильи и Рустема, эти сопоставленія и выводы изъ нихъ имѣютъ центральное значеніе для всей гипотезы В.Миллера. Не останавливаясь опять-таки на деталяхъ этихъ сличеній, представимъ ихъ результаты. 1/.

Сначала В.Миллеръ дѣлаетъ общее сравненіе типовъ обоихъ богатырей- Ильи и Рустема- и находитъ сходство, а иногда и тождество, какъ въ физиче-скихъ, такъ и въ нравственныхъ чертахъ. 2/.

Такъ, оба богатыря обладаютъ необычайной силой, дарованной имъ отъ Бога для совершенія полезныхъ своему отечеству и народу подвиговъ. У обоихъ сила эта по ихъ же просьбѣ уменьшена божествомъ такъ какъ обременяла ихъ и землю, въ критическій

1/. Пользуемся тѣмъ резюме, которое сдѣлалъ В.Мил-
леръ въ VII экскурсѣ.

2/. Эту работу В.Миллеръ производитъ въ экскурсѣ III
"Илья и Рустемъ."- Замѣтимъ кстати, что экскурсы
II "Добрыня-Змѣборецъ" иранскихъ вліяній не ка-
сается.

же для нихъ моментъ, въ борьбѣ съ другими богатырями / сыновьями/ сила эта, опять-таки по ихъ же просьбѣ, возстанавляется божествомъ въ прежнемъ объемѣ. Оба богатыря обнаруживаютъ свою силу подчасъ въ такихъ необычныхъ приемахъ, какъ вырваніе деревьевъ съ корнями, избіеніе цѣлаго войска схваченнымъ за ноги непріятелямъ и т.п. Оба богатыря отличаются продолжительностью жизни и всѣ главные свои подвиги совершаютъ въ преклонномъ возрастѣ. Оба одинаково любятъ бразничать. Сходны богатыри между собою и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Въ этомъ отношеніи оба они выдѣляются изъ среды прочихъ богатырей своимъ спокойнымъ мужествомъ, увѣренности въ своей миссіи. Оба богатыря не стяжательны, благочестивы, великодушны. Съ младшими богатырями они одинаково добродушны, руководятъ ими, за что и пользуются съ ихъ стороны заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ: въ своихъ столкновеніяхъ съ властителями, они всегда находятъ поддержку и сочувствіе въ младшихъ богатыряхъ. Какъ Рустемъ, такъ и Илья держатъ себя независимо и гордо передъ властителями / также сходными между собой/ не стѣсняются сказать имъ подчасъ горькую для нихъ правду. Однако въ моментъ опасности своимъ царямъ и на-

роду оба богатыря спѣшать на выручку и своимъ вмѣшательствомъ всегда устраняютъ опасность. За такія заслуги богатыри одиноково встрѣчаютъ одну лишь неблагодарность со стороны владыкъ, къ чему, впрочемъ, оба они относятся съ одинаковымъ пренебреженіемъ.

Указавъ на сходныя черты въ общемъ типѣ богатырей: Ильи и Рустема, В.Миллеръ далѣе старается сблизить и ихъ походы и подвиги. Такъ, первый подвигъ Ильи- поѣздку въ Кіевъ- изслѣдователь ставитъ въ параллель съ мазандеранскимъ походомъ Рустема. Сходство, по мнѣнію В.Миллера, здѣсь заключается лишь "въ главныхъ чертахъ плана походовъ Ильи и Рустема." /УІ кн. 2стр/
"какъ Рустемъ, отпущенный своимъ отцомъ Залемъ отправляется къ Кейкаусу /чтобы выручить его изъ плѣна/ и избираетъ изъ двухъ дорогъ- дальней и близкой-вторую, на которой встрѣчаетъ семь заставъ, такъ Илья, получивъ благословеніе отца, отправляется въ Кіевъ къ Владимиру, избравъ кратчайшую, но опасную дорогу, на которой встрѣчаетъ рядъ помѣхъ /обыкновенно три./" /УІ, 2/
Препятствія, встрѣчаемыя богатырями на пути, какъ въ русскихъ, такъ и въ иранскихъ сказаніяхъ бываютъ двухъ родовъ: физическія /горы, водныя

пространства/ и встрѣчи съ непріятелемъ въ видѣ чудовищъ и богатырей.

Если сходство поѣздки Ильи въ Кіевъ съ походомъ Рустема въ Мазандеранъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ планѣ, еще можетъ быть проведено съ достаточной основательностью, то сопоставленіе эпизодовъ остальныхъ трехъ поѣздокъ Ильи 1/ встрѣча съ разбойниками 2/ съ королевичной и 3/ нахождение Ильей клада/ съ подвигами Рустема для самого В. Миллера кажется "не вполне убѣдительнымъ," хотя нѣкоторыя черты сходства онъ устанавливаетъ и тутъ. Посему оставая въ сторонѣ эти гипотетическія сближенія, перейдемъ къ темъ о боѣ богатыря съ сыномъ, разборъ которой составляетъ у Миллера "цѣлый трактатъ" / по выраженію Пиппа/.

Приступая къ обзорѣннѣ эпическаго разсказа о боѣ отца съ сыномъ /У. экск./, В. Миллеръ не скрываетъ того, что этотъ трагическій сюжетъ широко распространенъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Однако тутъ же замѣчаетъ, что "нигдѣ онъ не подвергся такой детальной и высокохудожественной обработкѣ, какъ подъ каламомъ великаго тусскаго поэта" /VIII кн. 88 стр./ . Бой Рустема съ сыномъ /Сохрабомъ/ былъ популярнѣйшимъ разсказомъ не только въ Иранѣ, онъ чрезвычайно распро-

страненъ въ народныхъ сказаніяхъ кавказскихъ племенъ, сохранивъ здѣсь даже имена иранскихъ героевъ /Ростомъ-Рустемъ, Зорабъ-Сохрабъ, Кекевозъ-Кейкаусъ/. Что касается русскихъ былинь, то хотя онѣ въ данномъ сюжетѣ и не сохранили иранскихъ именъ, однако по числу сходныхъ деталей онѣ гораздо ближе къ сказаніямъ восточнымъ /и именно иранскимъ/, нежели къ Западнымъ /иѣмецкимъ и финскимъ, на сходство съ которыми указывалъ А.Н. Веселовскій/. Многія детали, общія русскому и иранскому сказаніямъ, вовсе не извѣстны однороднымъ западнымъ. "Такъ, напр., отецъ, бьющійся съ сыномъ, есть главная центральная фигура равно въ русскомъ и иранскомъ эпосѣ. Обои эпосамъ извѣстно царское /королевское/ происхождение женщины съ которою богатырь вступаетъ въ мимолетную связь въ обихъ отъѣжающей богатырь даетъ женѣ наставленіе на случай рожденія сына или дочери и оставляетъ примѣту. Далѣе, необыкновенно быстрое развитіе сына, рожденнаго въ отсутствіе отца, 12-ти лѣтній возрастъ при отъѣздѣ его на поиски отца, похищеніе сына съ амавонкой, полученіе отцомъ вѣсти о наѣздѣ богатыря /сына/ въ то время, когда отецъ стоитъ за ваставѣ /или на границѣ государства/, неудачная стычка съ пріѣзжимъ бога-

тыремъ /сыномъ/ перваго по силѣ богатыря послѣ Рустема /Ильи/, продолжительность боя отца съ сыномъ, три вида оружія, борьба и опрокинутіе отца сыномъ, возстановленіе силы отца по молитвѣ, трагическая развязка боя, — все это равно принадлежитъ русскимъ ^и иранскимъ рассказамъ." /XI кн. 67 стр./

Не станемъ болѣе приводить тѣхъ сопоставленій, какія дѣлаетъ В.Миллеръ въ области разсмотрѣнныхъ иранскихъ и русскихъ эпическихъ сказаній: полагаемъ, что и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы видѣть, на чемъ базируются выводы изслѣдователя. А выводы эти вкратцѣ таковы: 1/Сходство иранскихъ и русскихъ эпическихъ сказаній, касающихся главныхъ богатырей—Рустема и Ильи-, нельзя признать случайнымъ эпическимъ совпаденіемъ.

2/Если такъ, то типъ главнаго русскаго богатыря Ильи Муромца не есть цѣльное созданіе эпическаго творчества русскаго народа: на немъ несомнѣнно отложились основныя черты иранскаго богатыря Рустема

3/ Въ связи съ этимъ и черты личности иранскаго царя Кейкауса, при которомъ подвизался Рустемъ, наложили отпечатокъ на былинный образъ русскаго князя Владимира, этимъ и объясняется рѣзкое противорѣчіе въ характерѣ былиннаго и историческаго Киев

скаго князя.

Самый процесс созданія нашихъ центральныхъ былинныхъ типовъ подъ вліаніемъ иранскихъ "отголосковъ" для Миллера представляется въ такомъ видѣ:

"Много вѣковъ тому назадъ, — говоритъ онъ, въ періодъ образованія Владимірова цикла, существовали въ южной Россіи эпическія сказанія съ сюжетами, сохранившими въ значительной свѣжести нѣкоторые наиболѣе популярныя иранскіе эпическіе мотивы. Эти иранскіе сюжеты вошли въ русскія эпическія сказанія, конечно, не непосредственно, а пройдя предварительно черезъ инородческую /туркскую,половецкую/ среду, подобно тому, какъ отголоски "Рустеміады" мы находимъ еще доселѣ въ болѣе яркихъ слѣдахъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ". Изъ этихъ иранскихъ сказаній наибольшее распространеніе далеко за предѣлы Азіи получили рассказы о подвигахъ Рустема. "Выдающееся положеніе Рустема среди другихъ пехлевановъ, его стояніе на защитѣ государства, благородство, великодушіе, прерѣніе къ смерти, независимое положеніе по отношенію къ властителю, сочувствіе молодымъ богатырямъ, наконецъ, почтительный возрастъ, —

все это такія черты, которыя русскій народъ хотѣлъ видѣть въ своемъ богатырѣ и которыми онъ въ изобиліи его украсилъ, не задаваясь вопросомъ о происхожденіи этого идеальнаго типа, интересующимъ изслѣдователей эпоса" /Изн. 90стр. Такъ созданъ идеальный типъ богатыря Ильи Муромца. "Чтобы отбѣнить эти высокія нравствен. нныя черты своего идеальнаго богатыря, - рассуждаетъ далѣе В.Миллеръ, - русскіе сказители X/ перенесли отрицательныя черты восточнаго влстителя на своего былевого князя и, такимъ образомъ, по недомыслию допустили историческую несправедливость относительно князя Владиміра", наградивъ его такими чертами, въ которыхъ вовсе не повиненъ историческій Владиміръ". /ivi 91 стр./

Къ такимъ выводамъ пришелъ В.Миллеръ на основаніи сходства типовъ и сюжетовъ въ иранскихъ сказаніяхъ о Рустемѣ и русскихъ объ Ильѣ.

Становясь на такую точку зрѣнія, В.Миллеръ сознаетъ, что прибѣгаетъ "къ опасной теоріи заимствованія", противъ которой /въ лицѣ Ста-

X/ Въ данномъ случаѣ искажители.

сова / онъ самъ выступалъ въ свое время. Однако эта теорія, "дискредитированная Стасовымъ и такъ блестяще прилагается к. Веселовскимъ"... по мнѣнію В. Миллера, "имѣеть все права на вниманіе, но подъ двумя условіями: она приложена во I-ыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемые сказанія у разныхъ народностей представляють слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснить эпическою случайностью, основанною на одиноковости психическихъ свойствъ людей вообще, во-2-ыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого найдется въ связи съ историческими данными, и можетъ быть преслѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой. Думаетъ, заключаетъ Миллеръ, что въ нашемъ случаѣ /рѣчь шла о бѣѣ отца съ сыномъ/ мы имѣемъ оба эти условія." /УІІІкн. ІІ" стр./

Но то, что сказалъ изслѣдователь о частномъ случаѣ, можетъ быть распространено и на всю его гипотезу: Миллеръ добросовѣстно изслѣдовалъ, какъ а/сходныя мѣста, такъ и в/ историческія условія, при которыхъ происходило вліяніе иранскихъ сказаній на русскія.

Разсмотренію этихъ историческихъ условій

В. Миллеръ посвятилъ свой послѣдній /VIII/ экскурсъ "Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ". Исследуемъ вкратцѣ и ихъ.

Исследователь погружается въ те отдаленное историческое прошлое /IX-XIII в.в./, когда южно-русскія степи становятся ареной постоянныхъ столкновений туземныхъ русскихъ племенъ съ цѣлымъ рядомъ исторически смѣнявшихся кочевыхъ и тюркскихъ народовъ, каковы : хазары, печенѣги, половцы и, наконецъ, монголы. Борьбою съ этими беспокойными сосѣдами, защитой отъ набѣговъ съ стороны степи характеризуется вся древне-русская жизнь этой эпохи. Какъ народъ осѣдлый, занимавшійся преимущественно земледѣліемъ, русскіе были не приспособлены къ этой борьбѣ со степными набѣдниками. Однако, сама жизнь настоятельно требовала такого приспособленія. Правда, русскія племена нерѣдко пользовались услугами однихъ кочевниковъ для борьбы съ другими, такъ, напр. призывали половцевъ въ помощь противъ печенѣговъ. Однако, такое средство было не безопасно для самихъ же русскихъ. Послѣднимъ поэтому нужно было завести свою конницу, свои "дружины," которыя бы оберегали границы отечества отъ вторженія степняковъ.

Такъ историческія условія способствовали развитію въ жизни русскаго народа того "богатырства" /впослѣдствіи казачества/, эпическимъ олицетвореніемъ котораго явился богатырь /"старый казакъ" X//Илья Муромецъ. Слѣдовательно, общій типъ богатыря-стоятеля на стражѣ своей земли-могъ выработаться и на русской почвѣ, но не органически, ивъ нормальныхъ условій жизни русскихъ племень, а, такъ сказать, искусственно вслѣдствіемъ столкновеній съ восточными выходцами.

Что же касается его воплощенія въ русской былинѣ, тѣхъ детальныхъ чертъ, которыми онъ надѣленъ, той обстановки, въ какую онъ поставленъ, - словомъ, всего того, что оказалось такъ сходнымъ съ эпическимъ изображеніемъ восточнаго богатыря-Рустема, то въ этомъ /на основаніи отмѣченнаго выше сходства/ вполне возможно усмотрѣть вліяніе иранскихъ сказаній, занесенныхъ тѣми же степными кочевниками. Тутъ только возникаетъ вопросъ о томъ, возможно ли было, при такихъ враждебныхъ отношеніяхъ степняковъ

X/ Этотъ эпитетъ Ильи Муромца Миллеръ считаетъ позднѣйшимъ

къ русскимъ племенамъ, какое-либо культурное вліяніе первыхъ на послѣднія, и какіе именно кочевники способны были оказать такое вліяніе. В. Миллеръ путемъ экскурсій въ области исторіи и лингвистики доказываетъ, что такое вліяніе было возможно и именно со стороны половцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, отношенія южно-русскихъ племенъ къ степнымъ кочевникамъ не исчерпывались одною борьбой съ ними: тѣ и другіе нерѣдко приходили въ мирныя соприкосновенія: заключали союзы для взаимнаго обезпеченія мира или для совмѣстной борьбы съ врагомъ, и даже вступали въ родственныя связи. Такъ, извѣстно, что многіе князья породнились съ половецкими ханами и нерѣдко всю свою жизнь проводили въ средѣ своихъ степныхъ родственниковъ /Ивяславъ Владимировичъ/ примѣру князей, несомнѣнно, слѣдовали ихъ дружинники и подданные. Ясно, что такія постоянныя тѣсныя связи русскихъ племенъ съ кочевниками не могли остаться безъ взаимнаго культурнаго вліянія. Чтобы не быть голосовымъ, В. Миллеръ привлекаетъ къ разсмотрѣнію словарный составъ языковъ-русскаго и половецкаго. Въ русскомъ языкѣ онъ находитъ немало словъ тюркскаго происхожденія и притомъ до монгольскаго

періода, такі: яруга-хоруговь, япончица, жє-
нчугъ и мн.др. /Перечень въ XIIкн. на 90стр/
Съ другой стороны, и въ половецкомъ языкѣ есть
слова, заимствованныя у русскихъ, особенно обе-
значавшія названія такихъ предметовъ, которыхъ
не было въ ихъ быту, такі: изба /изба/, печь
/пѣц/, бревно /бюрѣн/, церковь /цѣркѣу/ и др.
/XIIкн. 87стр./ Конечно, вліяніе половець на
русскихъ было болѣе сильнымъ, такъ какъ послѣ-
дніе въ то время обладали сравнительно высокою
культурой, засвидѣтельствованною исторіейX/.

Но что представляла собою эта половецкая куль-
тура. По мнѣнію Миллера, она восприняла въ се-
бя много элементовъ персидско-арабской мусуль-
манской цивилизаціи, что опять-таки видно изъ
разсмотрѣнія словарнаго матеріала половецкаго
языка: по счету В.Миллера въ немъ находится
болѣе 150-ти перс.-арабскихъ словъ, относящихся
къ понятіямъ , какъ матеріальной, такъ и духо-
вной культуры.XX/ Такія данныя исторіи, культу-
ры и языка даютъ В.Миллеру "основаніе къ пред-
положенію, что въ до-татарскій

X/ Ссылка на Голубовскаго и арабскаго писате-
ля XIVв. Ибнъ-Яхія.

XX/ Перечень многихъ изъ нихъ на 88стр. XIIкн.

періодъ преимущественно эти тюрки /т.е. половцы/ должны были оказывать вліяніе и на русскую эпическую поэзію, если ихъ вліяніе мы найдемъ въ политической и бытовой исторіи Руси" /XIIкн. 89стр./.

Обращаясь къ самой эпической поэзіи, къ русскимъ былинамъ, В.Миллеръ, дѣйствительно, находитъ подтвержденіе своего предположенія въ цѣломъ рядѣ "степныхъ мотивовъ", характерныхъ чертъ кочевой жизни, которыя, конечно, не могли органически возникнуть на русской почвѣ, а были заимствованы изъ степи. Такъ, "наши богатыри почти живутъ въ степи, въ чистомъ полѣ, спятъ въ шатрахъ, не расстаются съ конемъ, употребляютъ въ обращеніи съ нимъ тѣ же приемы, какъ степняки..., вооружены восточнымъ оружіемъ, вносятъ восточныя черты въ расправу съ врагами /взрѣзываніе груди и выниманіе сердца съ печенью/ и т.п. /XIIкн. 94стр./

Съ особенною подробностью былины останавливаются на описаніи богатырскихъ коней и всего, относящагося къ нимъ: ухода, кормленія, сѣдланія, разсѣдыванья... Такой "культъ" коня, который въ жизни осѣдлыхъ русскихъ землепашцевъ не могъ имѣть исключительнаго значенія,

буквально скопированъ, какъ доказаль еще Стасовъ, съ пѣсенъ и повѣкъ кочевыхъ народовъ, для которыхъ степь и конь составляли родную стихію. Оттуда же, изъ степи заимствовано и самое названіе героевъ кіевскихъ былинь "богатыри". Восточное по своему происхожденію /въ видѣ "bohatur"- но встрѣчается въ половецкомъ словарѣ/, это названіе выражало сложившееся на востокѣ же представленіе-о степномъ удалцѣ, лихомъ наѣздникѣ. Съ такимъ значеніемъ оно перешло и въ русскія былины, это видно изъ того что терминъ "богатырь" употребляется въ нихъ лишь въ примѣненіи къ людямъ, живущимъ въ чистомъ полѣ и при дворѣ князя, исполняющимъ его порученія, воюющимъ съ басурманами, другія лица, такой роли не играющія /Соловей Будимировичъ, Чурило, Дюкъ, Ставръ и др./ богатырями не называются. Но, что всего замѣчательнѣе, это названіе былинныхъ героевъ вовсе не извѣстно былинамъ Новгородскимъ, такъ какъ въ Новгородѣ не было условій для самаго богатырства.

Всѣ эти данныя, свидѣтельствующія о наличности въ русскихъ былинахъ степныхъ эпическихъ

мотивовъ, приемовъ, названій, придающихъ этимъ былинамъ, по выраженію акад. Веселовскаго, специфическій "ароматъ степи". - все это В.Миллера никакого сомнѣнія не оставляетъ, по мнѣнію въ томъ, что русскій эпосъ, по крайней мѣрѣ, Киевскій складывался подъ нѣкоторымъ вліяніемъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ, преимущественно половцевъ. А такъ какъ половцы, судя по даннымъ языка, сами были проникнуты вліяніемъ персидской культуры, съ которою они соприкасались до прибытія въ южно-русскія степи, то нѣтъ ничего удивительнаго, думаетъ Миллеръ, если эти кочевники "заимствовали нѣкоторые сюжеты изъ популярнѣйшаго на всемъ Востокѣ иранскаго эпоса, придали имъ свою степную окраску и затѣмъ передали ихъ далѣе на сѣверъ и западъ своимъ русскимъ сосѣдямъ." /XII кн. IOIстр./

Вотъ въ какой исторической перспективѣ, какимъ путемъ и черезъ какую среду проходили, по мнѣнію В.Миллера, иранскія вліянія на русскій эпосъ.

Такова гипотеза В.Миллера и таковы ея обоснованія.

Переходя къ вопросу о цѣнности и устояхъ -

чивости изложенной гипотезы въ ряду другихъ изслѣдованій, посвященныхъ русскому былинному эпосу, нельзя не отмѣтить важной въ рѣшеніи этого вопроса статьи А.Н.Пыпина: "Иранскіе источники русской быliny". Въ началѣ этой статьи Пыпинъ вкратцѣ отмѣчаетъ послѣдовательную эволюцію въ изученіи нашего эпоса, начиная съ момента собиранія былинъ, затѣмъ- мифологическаго истолкованія ихъ, вплоть до современныхъ историко-сравнительныхъ изслѣдованій. Въ ряду послѣднихъ труды В.Миллера, посвященные былинамъ въ частности его "Экскурсы", имѣютъ, по мнѣнію Пыпина, исключительное значеніе. Важно въ нихъ не то, что авторъ указалъ рядъ несомнѣнныхъ параллелей нашихъ былинъ съ восточными и сдѣлалъ отсюда выводъ о восточномъ вліяніи на русскій эпосъ: то и другое было сдѣлано до него, хотя бы въ извѣстномъ трудѣ Стасова, важно то, что В.Миллеръ, отмѣтивъ эти неоспоримые восточные элементы, указалъ, "хотя бы предполо-

X/Статья эта, помѣщенная въ Вѣст.Евр. за июнь мѣсяць 1892 года, посвящена спеціально "Экскурсамъ" В.Миллера.

жительно, путь их проникновенія-согласно съ условіями исторической жизни, X/ и, такимъ образомъ, сдѣлалъ попытку обосновать свою гипотезу на прочной историко-бытовой почвѣ. Въ этомъ заключается дѣйствительность гипотезы В. Миллера, въ этомъ же и превосходство ея надъ теоріей Стасова. Хотя и В. Миллеръ допускаетъ заимствованіе въ нашемъ эпосѣ нѣкоторыхъ типовъ и мотивовъ съ Востока, но, то заимствованіе, какое предполагаетъ онъ, по существу совершенно различно отъ того, какое видѣлъ его предшественникъ /Стасовъ/: тамъ было какое-то непостижимое книжное заимствованіе, здѣсь шла рѣчь объ историческомъ бытовомъ явленіи. Богатырь быliny, по гипотезѣ В. Миллера, не былъ чисто литературно и отвлеченно скопированъ съ азіатскаго наѣздника богатыря, это былъ, напротивъ, живой типъ самой древней русской жизни, и сходство съ азіатскими типами и сказаніями заключалось въ двухъ вещахъ. Во I-ныхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе вѣковой борьбы южной Руси съ кочевыми тюркскими ордами, въ ней самой развилось богатырство - позднѣйшее казачество, съ чертами,

представлявшими тѣснѣйшую аналогію съ самимъ восточнымъ богатырствомъ... Во 2-ыхъ, сходство получалось оттого, что на эту бытовую основу налегли дѣйствительные отголоски восточныхъ сказаній: это были именно сказанія иранскія, прошедшія черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ они достигли русской почвы..." /івід.74/

Въ заслугу же В.Миллеру /прибавимъ съ своей стороны/ должно быть поставлено также отсутствіе исключительности въ его воззрѣніяхъ на нашу бытовую эпическую поэму. Въ то время, какъ большинство исследователей до В.Миллера старалось хотя бы и съ большими натяжками, объяснять русскій эпосъ /въ его цѣломъ/ исключительно съ точки зрѣнія той или иной выдвинутой ими теоріи, не допуская вовсе какихъ-либо иныхъ истолкованій, В.Миллеръ чуждъ такой тенденціозной исключительности, свободенъ онъ также и отъ огульныхъ и подчасъ натянутыхъ выводовъ. Выдѣливъ извѣстную часть былины съ ихъ богатырями и сюжетами, группирующимися около нихъ, и отмѣтивъ въ нихъ нѣкоторую долю восточныхъ /иранскихъ/ вліяній, В.Миллеръ вовсе не склоненъ распространять восточныя вліянія на всѣ былинные сюжеты и ихъ героевъ, какъ это, напр-

сдѣлалъ Стасовъ. Вотъ что говоритъ Миллеръ въ одномъ мѣстѣ своихъ "Экскурсовъ", касаясь, между прочимъ, труда Стасова: "Мы, конечно, не согласимся съ нимъ /Стасовымъ/, что всѣ наши былины плохе скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ исключительно на Востокѣ, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но, именно въ силу ея указаній, признаемъ, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ должны были оказать вліяніе на русскій эпосъ". /ХІІ кн. 93 стр./

Таковъ, дѣйствительно, пріемъ автора "Экскурсовъ". Гдѣ онъ находитъ восточныя параллели въ нашихъ былинахъ и можетъ объяснить этотъ параллелизмъ въ согласіи съ данными русской древнѣйшей исторіи, тамъ только онъ и допускаетъ возможность вліянія либо заимствованія съ Востока. Такъ онъ поступилъ въ отношеніи къ былиннымъ типамъ князя Владимира и богатыря Ильи Муромца. Въ другихъ же случаяхъ В. Миллеръ, не прибегая ни къ какимъ натяжкамъ, прямо устанавливаетъ историческое и исконнорусское происхожденіе былины и ея героевъ.

Съ такой /исторической/ точки зрѣнія онъ разо-

мотрѣль во II экскурсѣ былины о Добрынѣ-Змѣборцѣ.

Благодаря такимъ безпристрастнымъ историко-сравнительнымъ изслѣдованіямъ, образецъ которыхъ представляютъ "Экскурсы" В.Миллера, изученіе русскаго былевого эпоса въ настоящее время поставлено на вѣрный путь. Пласть за пластомъ вскрываются многовѣковыя наслоенія въ русскомъ эпосѣ, постепенно освѣщаются разные уголки того лабиринта, какой обрисованъ В.Миллеромъ въ предисловіи къ "Экскурсамъ". Улавливаются различные тона, какими переливаются гусли былиннаго пѣсельника Ставра Годиновича, который

"Струночку натягивалъ отъ Кіева,

Другу отъ Царя-града,

Третью отъ Ерусалима

Припѣвки-то припѣвалъ изъ-за синя ^{пог}ря!"^х

И если только суждено изслѣдователямъ эпоса разгадать самую идею строителей этого лабиринта воспроизвести изъ отдѣльныхъ тоновъ цѣлую мелодію русской былевой пѣсни, то, въ ряду час-

X/ Заимствовано изъ "Бесѣды о русской словесности" А.П.Сиротинина, стр.32-33.

тичныхъ работъ, направленныхъ къ этой общей цѣли, "Экскурсы" В.Миллера, отмѣчающіе восточные мотивы этой мелодіи, должны занять заслуженное ими мѣсто.

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ:

"ВОСТОЧНЫЯ ВЛІЯНІЯ ВЪ РУССКОМЪ БЫЛИННОМЪ ЭПОСѢ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ВСЕВОЛОДА МИЛЛЕРА"

1/Русскій былевой эпосъ, по возрѣнію В.Миллера, заключаетъ въ себѣ элементы многихъ эпохъ и самыхъ разнообразныхъ вліяній.

2/Въ частности:—въ типахъ богатыря Ильи Муромца и Кіевскаго кн. Владимира, а также въ связанныхъ съ ними былинныхъ сюжетахъ онъ усматриваетъ вліянія иранскія, дошедшія до Руси при посредствѣ тюрскихъ кочевниковъ/главнымъ образомъ половцевъ./

3/Именно: на личности былиннаго кн. Владимира отложились черты иранскаго царя Кейкауса, и типъ богатыря Ильи Муромца сложился не безъ вліянія образа иранскаго богатыря Рустема — обоихъ героевъ персидской поэмы "Шахъ-наме".

4/Эти основныя положенія подтверждаются,

а/ указаніемъ цѣлага ряда сходныхъ чертъ между кн. Владиміремъ и богатыремъ Ильей Муромцемъ, съ одной стороны /въ русскихъ былинахъ/

и царемъ Кейкаусомъ и богатыремъ Рустемомъ, — съ другой /въ иранскихъ сказаніяхъ/.

в/нѣкоторыми общими соображеніями автора относительно былиннаго типа Ильи Муромца: 1/высокое, родовитое, быть-можетъ, даже княжеское происхожденіе богатыря /по первоначальному изображенію въ былинахъ /даётъ тѣмъ большую возможность сближать его съ богатыремъ Рустемомъ, владѣтельнымъ княземъ Сейестана, а 2/его идеальный, неисторическій характеръ дѣлаетъ допустимымъ предположеніе о заимствованіи этого идеальнаго типа богатыря изъ чужого /иранскаго/ эпоса.

5/Допуская эпическое заимствованіе, В.Миллеръ старается оправдать его историческими данными дабы доказать, что это заимствованіе носило характеръ явленія не отвлеченно-литературнаго /какъ у Стасова/, а историко-бытового.

Для этого онъ а/ анализируетъ взаимныя отношенія русскихъ племенъ и степныхъ кочевниковъ этой передаточной среды для иранскихъ сказаній, и в/ изъ этихъ взаимоотношеній выводитъ необходимость — сначала возникновенія въ тогдашней русской жизни богатырства, а затѣмъ и созданія въ былевомъ эпосѣ Рефер. по народ. слов. Листъ 14. Лит. Б. А. Букаты

идеальнаго типа богатыря, какимъ явился Илья Муромецъ.

6/ Последнее, т.е. эпическое изображение богатырства, произошло не безъ вліянія иранскихъ сказаній о Рустемѣ, съ которыми познакомили русскихъ половцы, оказавшіе вообще несомнѣнное культурное вліяніе на своихъ туземныхъ сосѣдей.

7/ Сравнительную цѣнность изложенной гипотезы В.Миллера отмѣтилъ А.И.Пытинъ: онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что В.Миллеръ свою гипотезу обосновалъ на прочной историко-бытовой почвѣ, такъ какъ онъ не только отмѣтилъ восточныя вліянія въ русскомъ эпосѣ, но даже "указалъ, хотя бы предположительно, путь ихъ проникновенія, — согласно съ условіями исторической жизни".

8/ Цѣненъ трудъ В.Миллера еще и тѣмъ, что онъ чуждъ исключительности, не обоснованныхъ обобщеній, и хотя носитъ характеръ частичнаго изслѣдованія, онъ, несомнѣнно, полезенъ для дѣла изученія русскаго эпоса, чѣмъ всякія другія широкія, смѣлыя, но шаткія и узко-одностороннія теоріи

Марковъ Аѳанасій,
студ.- фѣл. III курса.

ЗАВЪЗЖІЕ БОГАТЫРИ

/ По изслѣдованію А.Н. Веселовскаго: " Южно -
русскія былины "/.

Изслѣдованіе академика А.Н.Веселовскаго: "Южно -
- русскія былины" представляетъ рядъ эпизоди-
ческихъ изысканій объ отдѣльныхъ богатыряхъ
русскаго былевого эпоса въ связи съ средневѣко-
вой литературой и народной поэзіей, Три изъ
этихъ эпизодовъ, именно: "Богатыри - Сурожцы",
"Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣс-
нямъ о немъ", "Илья Муромецъ и соловей Будими-
ровичъ въ письмѣ XVI в.", я и хочу предложить
вашему вниманію, объединивъ ихъ подъ общимъ
заглавіемъ: "Завъзжіе богатыри". И богатыри -
сурожцы /Суровець - Суздалецъ, Чурила Пленко-
вичъ/, и Дюкъ Степановичъ, и Соловей Будими-
ровичъ - всѣ они являются для насъ людьми чужды-
ми не только по мѣсту своего происхожденія -
завъзжими изъ другихъ странъ, но и по самому ха-
рактеру своей жизни, рѣзко отличающъ въ этомъ
отношеніи отъ богатырей кіевскаго цикла, вся
жизнь и подвиги которыхъ имѣютъ своей цѣлью
благородной земли. Не уступая послѣднимъ силою

и богатствомъ, заѣзжіе богатыри не находятъ имъ полезнаго примѣненія, расточаютъ ихъ на никому ненужныя удалъство, щегольство и молодчество. Изъ этихъ богатырей прежде всего остановимся на богатырѣ Суровцѣ - Суздальцѣ.

Въ трехъ былинахъ о Суровцѣ - Суздальцѣ, сохранившихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, рассказывается о томъ, - "Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ, - Суровецъ богатырь, онъ Суроженинъ. - По роду города Суздаля, - Сынъ отца гостя богатаго, - Охочъ онъ ѣздитъ за охотою, - За гусями, за лебедями, - За сѣрыми за утицами. - Ѣздитъ день до вечера, - А покушать молодцу нечего." /Сборникъ отдѣл. русскаго яз. и словесн. импер. Академіи Наукъ. Т.36 ст.72/ Ѣздилъ онъ въ полѣ три /или тридцать три / года и ничего не наѣзживалъ. Наконецъ, наѣзжаетъ въ полѣ на сырой, "кривистый", "не простой - корокольчестой" дубъ съ "булатнымъ кореньицемъ", съ "позлаченными сучьями - вѣтвями". "На дубу-то сидитъ птица вѣщая, - Птица вѣщая, перелетная, - Птица младъ черенъ воронъ, - Перо его какъ смола кипитъ, - А очи его какъ свѣчи горять воску ярова, - А ноги его какъ лучи свѣтятъ, - Какъ лучи свѣтятъ, лучи солнечные, - Лучи солнечные и подвосточные". /72/. Богатырь хочетъ застрѣлить ворона. Воронъ ос-

танавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ, указываетъ на бесполезность убійства, совѣтуя ему лучше поѣхать "во чисто поле", гдѣ "стоитъ Кумбаль /Курбанъ, Курганъ/ царь, - Кумбаль царь Самородовичъ, - Со многими татарами со уланами, - Хочетъ онъ тебя погубити, - Погубити и сорубити". /74/. Суровецъ поступаетъ по совѣту ворона, наѣзжаетъ на татаръ и вступаетъ съ ними въ бой. Перескочивъ черезъ первый и второй ровъ, онъ падаетъ въ третій; "но тутъ разыгралось его молодецкое сердце: схватилъ онъ татарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ - тамъ и улица, куда ни повернется - переулочекъ". /74/. Схваченный царь Кумбаль проситъ Суровца отпустить его, предлагая богатый выкупъ, "быть братомъ названымъ", или указывая на то, "что въ книгѣ написано - не казнить царей и князей." /75/.

Кромѣ трехъ былинъ сборника Кирѣевскаго, мелкихъ упоминаній и отрывковъ, о Суровцѣ сохранился одинъ отрывокъ былины съ двумя запѣвами: 1/ "Высока ли высота поднебесная"; и 2/ "При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ, - При старцѣ Макарѣ Захарьевичѣ, - Было беззаконство великое: - Старицы по кельямъ - родильницы, - Черницы по дорогамъ - разбойницы, - Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ, - Братъ на брата съ

боемъ идетъ, - Братъ сестру за себя емлетъ" /77/
Второй залѣвъ интересенъ тѣмъ, что напоминаетъ мотивы Иерусалимскаго стиха и эсхатологическаго пророчества Андрея Юродиваго. Въ самомъ же отрывкѣ рассказывается о томъ, какъ "Суровець, богатырь Суздалецъ, - Богатаго гостя Заморенинь сынъ", ища себѣ "сопротивника", заѣхалъ въ славный городъ Покидошь". Тамъ онъ попадаетъ на "почестной пиръ" къ великому князю Михайлу Еримонтьевичу. Будучи спрошенъ княземъ объ имени, "изотчествѣ", нашъ богатырь отвѣчаетъ: "А меня зовутъ, добра молодца, - Суровець богатырь, Суздалецъ, - Богатаго гостя Заморенинь сынъ" /78/ Князю то слово полюбилось, и онъ приглашаетъ Суровца "за столы убранные".

Разсмотрѣнныя былины о Суровцѣ - Суздальцѣ представляютъ отголосокъ византийскихъ былинъ, которыя могли проникнуть на югъ Россіи, благодаря сосѣдству ея съ греческими колоніями Крымскаго полуострова. Съ этими колоніями у южной Руси были культурныя, религіозныя, а затѣмъ, быть можетъ, и народно - поэтическія связи. Отзвукомъ народно-поэтическихъ связей и представляется роль Сурожа въ нашемъ былевомъ эпосѣ.

Сурожъ - древняя Сугдая, Судея, именовъ

которой некогда назывался весь Крымъ, теперь Судакъ, въ средніе вѣка Солдадія, Солдая, Содая - былъ основанъ около 212 года. Съ VII в. онъ находился въ церковномъ отношеніи въ зависимости отъ Византіи; однимъ изъ епископовъ его былъ св. Стефанъ Сурожскій, въ житіи котораго рассказывается о завоеваніи полуострова Крыма отъ Корсуни до Керчи русскимъ княземъ "бранливомъ". Брунъ предполагаетъ, что подъ Сугровомъ "Слова о полку Игоревѣ", который въ IIII году былъ сожженъ русскими, во время похода противъ половецкаго хана Шаракана, владѣнія котораго находились въ Крыму, нужно разумѣть Сурожъ. Это предположеніе Бруна, по мнѣнію Веселовскаго, "объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ мечь Шараканю - на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ IIII года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи - до самаго Рима" /70/ Въ 1229 и 1239 годахъ Сурожъ попадаетъ подъ власть татаръ, а съ 1253 г. платитъ имъ дань. Въ древности онъ имѣлъ важное торговое значеніе, являясь складочнымъ мѣстомъ для заморскихъ товаровъ, привозимыхъ византійскими и итальянскими купцами. На важность для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ указываетъ арабское названіе Чернаго

моря Сурожскимъ. Гость-Сурожанинъ сдѣлалось у насъ нарицательнымъ именемъ для купцовъ, преимущественно шелковыми товарами. Еще не такъ давно употреблялись у насъ такія выраженія какъ "суровскій товаръ", "суровскій рядъ". Но связь древней Руси съ Сурожемъ едва ли ограничивалась только торговлей: "гости - сурожане" вмѣстѣ съ заморскими товарами завозили къ намъ "заморскія пѣсни и чудные рассказы о видѣнномъ въ тридесятомъ государствѣ ./71/. Къ намъ такимъ образомъ могли проникнуть византійскія былины и занять извѣстное мѣсто въ былевомъ эпосѣ.

Разсматривая былины о Суровцѣ-Суздальцѣ, Веселовскій расходится съ обычнымъ пониманіемъ значенія имени богатыря: Суровецъ - это гость, а Суздалецъ указываетъ на связь его съ сѣвернымъ Суздалемъ. "Суровецъ" нашихъ былинь", говоритъ Веселовскій, "не что иное, какъ дублетъ къ Сурожанину; Суровецъ - Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе извѣстнымъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожъ: Суздалецъ вмѣсто Судалецъ, Сугдалецъ". /70/ Названіе Суровца - Суздальца въ положенномъ выше отрывкѣ "Заморенинымъ сыномъ"

говорить за происхождение его изъ Сурожа, а не Суздаля. Заморенинъ - это торговецъ за моремъ, что едва ли можетъ быть приложимо къ торговцу изъ Суздаля. Здѣсь, впрочемъ, Веселовскій дѣлаетъ оговорку, говоря, что "название "гостей - сурожанъ" имѣло болѣе общее значеніе, его переносимости, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII вѣка" /71/. Наконецъ, происхождение Суровца - Суздальца изъ Сурожа подтверждается тѣмъ, что былины о немъ не примыкаютъ къ владимировскому циклу, въ составъ котораго вошелъ весь, такъ называемый, суздальскій періодъ нашего эпоса. Вмѣстѣ съ былинами о Саулѣ Леванидовичѣ былины о Суровцѣ представляютъ нѣчто обособленное: мы не встрѣчаемъ Суровца при дворѣ ласковаго князя Владимира, чего не могло бы случиться, если бы былины о немъ входили въ составъ владимировскаго цикла.

Суровецъ - Суздалецъ - это заѣзжій "гость - сурожанинъ", который былъ внесенъ въ русскій богатырскій эпосъ, будучи превращенъ народной фантазіей изъ купца въ богатыря - охотничка. Это превращеніе обуславливалось, съ одной стороны, требованіями народной идеализаціи, съ другой стороны, условіями торговли: необходи-

мостью защищать товары от нападений кочевниковъ.

Если мы согласимся признать Суровца - Суздальца за Сурожанина, то намъ станетъ понятна общая основа былинъ о немъ и ихъ историческая подкладка - враждебное отношеніе татаръ къ Сурожу и завоеваніе его въ XIII вѣкѣ. Только въ былинахъ о Суровцѣ татары оказываются не побѣдителями, а побѣжденными, что встрѣчается и въ другихъ нашихъ былинахъ: "народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы". /75/.

Изслѣдуя былины о Суровцѣ, Веселовскій отмѣчаетъ черты сходства ихъ съ былинами о другихъ богатыряхъ и произведеніями другихъ народовъ. Охота Суровца напоминаетъ охоту Михаила Казарянина, который такъ же "наѣхалъ въ полѣ на сурь кряковистый дубъ", а "На дубу сидитъ тутъ черной воронъ, - Съ ноги на ногу переступываетъ, - Онъ правильно перушко поправливаетъ - А и ноги, носъ - что огонь горять". /72/.

Вѣщаніе ворона находитъ соотвѣтствіе въ былинахъ о томъ же Михайлѣ Казарянинѣ, Добрынѣ, Алешѣ и Джукѣ.

Описаніе вѣщаго ворона напоминаетъ изображеніе чудеснаго ворона въ поэмѣ объ Освальдѣ

дѣ и въ мусульманской легендѣ о рожденіи

Salih'a: "у него туловище черное, голова бѣлая, спина отлиываетъ изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза - что два драгоценныхъ камня; темный покой освѣщается ими, только взошло солнце". /72/. Въ греческой поэзіи встрѣчается изображеніе "золотокрылаго орла", а въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ - "образъ разукрашеннаго сокола".
Подробность одной былины о Суровцѣ, что Курбанъ, царь татарскій, "перевозится онъ и переносится - Черезъ матушку черезъ Неву /вм. Непру?/ рѣку", находить себѣ параллель въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ: "А вталоры Кунгуръ царь, перевозится - Со тѣми татары со поганами". /74/.

Имена татарскаго царя былины о Суровцѣ - Кумбаль, Курбанъ, Курганъ - очень похожи на имя татарскаго князя былины о Саулѣ Леванидовичѣ, не говоря уже о томъ, что имѣютъ одинъ и тотъ же эпитетъ - Смородовичъ, напоминающій эпитетъ Сарацина дубровинской легенды о Роландѣ Smardo-duxzi. Кумбаль, Курбанъ, вѣроятно, такія же эпонесмическія имена, какъ и Кунгуръ, и указываютъ на начавшееся приуроченіе былины о Суровцѣ къ кіевскому /владимировскому/ цик-

лу.

Чурила Пленковичъ является вторымъ ваѣз-
жимъ богатыремъ изъ Сурожа, но уже не гречес-
каго, а итальянскаго. На происхождение Чурилы
изъ итальянскаго Сурожа указываетъ его прозви-
ще по отчеству - Пленковичъ.

"Пленковичъ", говоритъ Веселовскій, есть "не
что иное, какъ народная перегласовка изъ Фран-
ковичъ, т.е. сынъ Франка - Пленка"; /79/ онъ
приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, гдѣ греческое
φ переходитъ въ слав. и рус. п, а греч. φφ
въ слав. и рус. пр, и на основаніи этихъ при-
мѣровъ допускаетъ уравненіе: "франкъ, френкъ
/АКЪ /- пранкъ, пренкъ - и далѣе съ из-
вѣстнымъ переходомъ р въ л - пленкъ". /71/.
Отчество Чурилы - Пленковичъ, Пеленковичъ и
имя его отца - Пленкъ, Пленко предполагаютъ
форму пеленкъ, которая соотвѣтствуетъ татарско-
му наименованію осѣдлыхъ генуэзцевъ въ Крыму:
Frenk, Ferenk, Felenk-т.е. Франкъ. Самое же имя
"Чурила" представляетъ народную форму "Кирил-
ла" съ переходомъ звука к въ ч. Въ былинѣ
у Рыбника мы и встрѣчаемъ Чирилушка и Кирилушка
Пленковичъ; Чурилья игуменья вмѣсто Кирилья -
въ одной шутиливой пѣснѣ. Сдѣлавъ подробный фи-
лологическій разборъ имени и отчества богатыря

Веселовскій приходитъ къ тому заключенію, что Чурило Пленковичъ, т.е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ грекогерманскихъ гостей - Сурожанъ, которыя, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суровець - Суздалецъ нашихъ былинъ или франки старыхъ румынскихъ пѣсенъ отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами Крыма и Молдавіи".

/71/.

Возражая Теодореску, который, основываясь на упоминаніи румынскихъ пѣсенъ о франкахъ на ряду съ турками, ставитъ эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 г. и съ разгромомъ генуэзскихъ колоній турками, Веселовскій затрогиваетъ вопросъ о древности былинъ о Чурилѣ. "Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ", говоритъ Веселовскій по поводу утвержденія Теодореску: "и точная хронологія здѣсь такъ - же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинъ. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти - рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственно

имя и прозвище по отчеству". /84/.

Сличивъ нѣсколько /22/ пересказовъ былинь о Чурилѣ, Веселовскій устанавливаетъ известную послѣдовательность его "пѣсенной біографіи, которая ни въ одномъ изъ этихъ пересказовъ не сохранилась въ цѣломъ видѣ. Послѣдовательность эта такова: а/ Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы; б/ Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира; с/ Эпизодъ съ Апраксіей на пиру; д/ впечатлѣніе Чурилыной красоты; е/ Чурила и Катерина.

Въ первомъ эпизодѣ: "Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы" рассказывается о томъ, какъ къ Владимиру во время пира явилось триста охотниковъ "избитыхъ - израненныхъ" съ жалобой на молодцовъ, на которыхъ они "наѣхали въ чистомъ полѣ" что "Они соболи, куницы поывловили, - И печерски лисицы повыгнали, - Туры, олени выстрѣлили, - И насъ избили - изранили; - А тебѣ, о сударь, добычи нѣтъ". /85/ Вслѣдъ за охотниками являются къ Владимиру съ аналогичными жалобами рыбаки и сокольники - кречетники, при чемъ послѣдніе называютъ обидчиковъ "дружиною Чуриловою". На вопросъ Владимира: "кто это Чурила есть таковъ." отвѣчаетъ "старой Бермята Васильевичъ": "Чурила живетъ не въ Кіевѣ, - А живетъ онеъ пониже Малаго Кіезца. - Дворъ у него на се-

ми верстахъ, - Около двора желѣзный тынъ, - На всякой тычинкѣ по маковкѣ, - А и есть по жемчужинкѣ; - Среди двора свѣтлицы стоятъ, - Гридни бѣлодубовья, - Покрты сѣдымъ бобромъ, - Потолокъ черныхъ соболей, - Матица - то валженная, - Полъ - середа одного серебра, - Крюки да пробой по булату злачены; - Первыя у него ворота вальшатые, - Другіе ворота хрустальные, - Третьи ворота оловянные". /86/. Владимиръ съ княгиней, Бермятою и боярами отправляется проѣзжать Чурилу; ихъ встрѣчаетъ старшій Пленкъ /Пленка/ Сароженинъ и устраиваетъ для нихъ пиръ. Во время пира пріѣзжаетъ Чурила съ своею дружиною. "Ѣдетъ Чурила по двору своему, - Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, - Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица". /87/. Чурилу дарить князю и княгинѣ богатые подарки и получаетъ отъ Владимира приглашеніе служить ему въ Кіевѣ.

Передавъ содержаніе перваго эпизода, Веселовскій отмѣчаетъ нѣкоторыя отличія и особенности въ отдѣльныхъ былинахъ, сохранившихъ этотъ эпизодъ, и приводитъ параллели къ нему. Въ нѣкоторыхъ былинахъ, вмѣсто третьей толпы челобитчиковъ - сокольниковъ - кречетниковъ, являются "купцы торговые и мужики по-

садскіе", вмѣсто Бермяты, разсказывающаго Владимиру, гдѣ живетъ Чурила, въ этой роли выступаютъ или князья и бояре, или Иванъ да Ивановичъ.

Вотчина Чурилы помещается то на Сарогѣ - рѣкѣ, то "на Почай рѣкѣ", то просто дѣлается общее указаніе: "не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ", "не въ Кіевѣ, а пониже Малаго Кіевца" и т.д. "Всего этого слишкомъ мало для какихъ бы то ни было заключеній", говоритъ Веселовскій. "Подъ Малымъ Кіевомъ, очевидно, нельзя подразумевать что - нибудь географически определенное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живетъ гдѣ-то далеко за Кіевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога - не указываютъ ли на Сурожъ. Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ", /89/ прозвище отца Чурилы.

Чудесное описаніе дворца Чурилы, кромѣ приведеннаго выше, имѣетъ еще нѣсколько вариантовъ, напр., "Въ терему полъ - середка одного ее ребра, - Стѣны - потолокъ красна золота, - На неби солнце и въ тереми солнце, - На неби мѣсяць и въ тереми мѣсяць, - На неби звѣзды рассыплются, - Въ тереми звѣзды рассыплются". /90/. Подробности о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ въ описаніи терема находятъ себѣ

соотвѣтствіе въ другихъ былинахъ /о Солов. Буди мировичѣ, Садкѣ и Джкѣ/, малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Это общее мѣсто имѣетъ, можетъ быть "реальное основаніе въ какихъ-нибудь деталяхъ средневѣковой архитектурикѣ". /91/ Подобныя чудесныя описанія мы встрѣчаемъ въ византийскомъ романѣ о Каллимахѣ и Хризорѣ въ изображеніи палаты драка, въ описаніи чудесъ Индійскаго царства - въ посланіи Пресвитера Іоанна, и дворца Хосроя - въ старофранцузской поэмѣ объ Иракліи, а именно: "въ его дворцѣ - искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками". /91/.

Обращаетъ на себя вниманіе описаніе возвращенія Чурилы съ своими молодцами во время пира, устроеннаго Пленкомъ при посѣщеніи Владиміромъ Чурилиной вотчины: "Съ коня да на коня перескакиваетъ, - Черезъ третье да на четвертое, - Въ верхъ копые да подбрасываетъ, - Изъ ручки въ ручку подхватываетъ", /93/. Или другой вариантъ: "Съ коня на коня перескакиваетъ - У молодцевъ шапочки подхватываетъ, - На головушки шапочки подкладываетъ," /93/ Подбрасываніе и подхватываніе копыя, являясь выраженіемъ молодецкой удали, служитъ общимъ мѣстомъ славяно-русскаго, румынскаго и греческаго /пѣснь объ Рефер. по народ. словес. Листъ 15.

Армури/ эпосовъ.

"Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ /и румынскихъ/ пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко подъ облака, свою палицу, копье либо саблю", замѣчаетъ Веселовскій, говоря о швырнаніи сабли и подхватываніи ея на лету Армури въ греческой пѣснѣ того же имени. Перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ напоминаетъ подобныя упражненія Турпина въ поэмѣ о хожденіи Карла Великаго въ Константинополь и Иерусалимъ. Вообще же своею ловкостью и хваткостью Чурила отчасти напоминаетъ юношей старофранцузской поэмы объ Ираклиі Гаутиер, играющихъ на арфѣ и щеголяющихъ ловкостью передъ Асинойдой.

"Эпизодъ съ подсолнечникомъ, который несутъ предъ Чурилой, чтобы не загорѣло лицо его, находитъ себѣ соотвѣтствіе, съ одной стороны, въ былинѣ о Дикѣ, гдѣ передъ Диковой матерью такъ же несутъ подсолнечникъ, "чтобы отъ краснаго солнца не залеклось ея лицо бѣлое"; /Ж/ съ другой стороны, - въ двухъ кипрскихъ пѣсняхъ: въ одной "Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина"; /94. въ другой выводится, въ окруженіи Дигениса,

какой - то паликаръ, "маленькаго роста съ длинными волосами и зонтикомъ на плечахъ". /94/.

Послѣдовательность содержанія эпизода: "Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира" не во всѣхъ былинахъ одинакова; Веселовскій придерживается послѣдовательности Рыбниковскаго текста. Сначала Чурила служитъ при дворѣ Владимира "въ курятникахъ. По просьбѣ княгини Опраксіи Чурила назначается постельничкомъ, потомъ позовщикомъ. Въ нѣкоторыхъ же былинахъ Чурила станвится позовщикомъ, служа раньше гашникомъ и стольникомъ. Къ этому эпизоду тѣсно примыкаетъ эпизодъ съ Апраксіей на пиру, гдѣ рассказывается, какъ "Прекрасная княгиня та Апраксія - Да рушала мясо лебединое, - Смотрячись - де на красоту Чурилову, - Обрѣвала да руку бѣлу правую". /96/.

Передавъ кратко содержаніе послѣдняго эпизода, Веселовскій указываетъ, что подобный эпизодъ встрѣчается въ былинѣ о Тугаринѣ; онъ дѣлаетъ предположеніе, что туда эпизодъ съ Апраксіей на пиру былъ перенесенъ изъ быliny о Чурилѣ. Древняя пѣсня о Тугаринѣ была искажена: Тугаринъ, вмѣсто Константинополя, попадаетъ въ Кіевъ, ко двору Владимира; здѣсь онъ являет

ся насильникомъ и не красавцемъ по преимуществу, какимъ всегда изображается Чурила. Что Апраксія заглядывается на Тугарина — это объясняется позднѣйшимъ искаженіемъ пѣсеннаго преданія на сѣверѣ, заставившимъ ее влюбляться во всякаго мужчину. "Разсказъ "о порѣзаніи рукъ" болѣе у мѣста при Чурилѣ", говоритъ Веселовскій, "и интересно наблюденіе, что большая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области апокрифовъ; откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелеры Тимофеевны, и Сафатъ рѣку, и Леванидовъ крестъ — и чашу Михаила". /97/. Какъ параллель къ данному эпизоду, Веселовскій приводитъ раввинское преданіе объ Іосифѣ изъ двѣнадцатой суры Корана: Іосифъ "отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ. Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотой: Это не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ, сказали онѣ, и — порѣзали себѣ руки". /98/. Въ еврейскомъ *Serhet Najjschar* разсказывается, какъ жены порѣзали себѣ пальцы вмѣсто апельсиновъ заглядѣвшись

на Иосифа. Исторія Иосифа и Зулейки не разъ пересказывалась арабскими поэтами; между прочимъ, она послужила источникомъ староиспанской поэмы объ Иосифѣ. Кроме того, любовь Апраксіи къ Чурилѣ напоминаетъ любовь Аеинаиды, жены императора, къ Париду въ старофранцузской поэмѣ XII в. Gautier изъ Арраса объ Иракліи, въ основѣ которой лежитъ византийское сказаніе о мудромъ юношѣ. /X/.

Въ этой поэмѣ разсказывается, какъ на одномъ празднествѣ Аеинаида увидѣла прекраснаго Париду и влюбилась въ него, такъ какъ "онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своей ловкостью". /64/.

За эпизодомъ съ Апраксіей на пиру слѣдуетъ эпизодъ: "Впечатлѣніе Чурилиной красоты". Всѣ удивляются Чурилѣ - позовищику:

/X/ За византийскій источникъ поэмы Gautier говоритъ "обликъ" собственныхъ именъ / Athenais, Parides и др./, "но главнымъ образомъ, изображеніе общественныхъ и нравственныхъ отношеній, которыя отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ Floire и Blanceflor". /66/.

"Встають Чурива ранехынько, - Умивається /Ци/
Пленковичъ бѣлехынько, - Надѣваєть сапожки - зе-
лень сафьянъ, - Пятки гладки, носки плоски, -
Кругъ пяты хотъ ицомъ прокати, - Подъ пятау во-
робей проскочи. - Поѣхаль Чуривушка по городу
по Кѣеву, - Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди -
тѣ: Гдѣ дѣвушки глядять - заборы трешпати, -
Гдѣ молодушки глядять - лишь оконенки звенять,
- Гдѣ стары глядять - манатки на сеѣ деруть".
Или: "Какъ стары старухи кестыли грызуть, - А
молоды молодцы мошны деруть" и др. /99/ Спи-
саніе Чурилиной красоты и впечатлѣнія отъ нея
встрѣчается и въ другихъ былинахъ. Въ былинѣ,
напримѣръ, о Добрынѣ говорится о "цепливой
походкѣ" Чурилы: въ былинѣ о Днѣпрѣ Королеви-
чѣ и Донѣ Ивановичѣ - "Нѣтъ молодцовъ поход-
кой, пощипкой - Противъ Чурилища Опленковича:
Идетъ то Чурилище по Кіеву - Дѣвки - бабы въ
окошко по поясу бросаются". /100/

Всѣ описанія красоты Чурилиной и впечат-
лѣнія отъ нея отличаются грубоватымъ шаржемъ,
которому Веселовскій придаетъ культурно - ис-
торическое значеніе. Разбирая былинку объ Ива-
нѣ Гостиномъ въ связи съ старофранцузской поэ-
мой объ Иракліи, онъ приходитъ къ такому вы-
воду: "Византійская сказка проникла въ кругъ

южно - русских былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, въ болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятное, необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы. Таково неловкое "цапленье" и лубочное щегольство Чурилы - по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Аинаидой; тѣмъ же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣснѣ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это на столько - же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого". /68/

Впечатлѣніе Чурилиной красоты Веселовскій сравниваетъ съ впечатлѣніемъ красоты Дозиклея въ византійскомъ романѣ Эсодора Подрома.

Эпизодъ: "Впечатлѣніе Чурилиной красоты" въ нѣкоторыхъ былинахъ заканчивается предложениемъ Владимира Чурилѣ удалиться отъ двора, жить въ Кіевѣ или уѣхать домой. Чурила уѣзжаетъ. Такой конецъ объясняется тѣмъ, что эти былины еще не знаютъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Обыкновенно же за описаніемъ

Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія ея слѣдуетъ свиданіе Чурилы съ Катериной.

Катерина знакомится съ Чурилой, когда онъ въ роли позовщика приходитъ звать на "почестенъ пиръ" мужа ея "старога Бермяту Василевича". Зайдя въ домъ Бермяты, Чурила "позамѣшкался", такъ что на пиру долго пришлось ждать его возвращенія. На утро вовлѣ дома Бермяты былъ виденъ свѣжій слѣдъ. Въ былинахъ же, обособившихъ эпизодъ: "Чурила и Катерина", дѣло представляется нѣсколько иначе. Чурила ѣздитъ по городу щеголемъ; Катерина, пользуясь тѣмъ, что мужа нѣтъ дома, зазываетъ къ себѣ Чурилу, угощаетъ его и "зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей". Въ нѣкоторыхъ былинахъ этому приглашенію предшествуетъ игра въ шахматы; Катерина три раза проигрываетъ, послѣ чего ведетъ его "въ ложни во тепля". /105/ Любовной бесѣдѣ Катерины мѣшаетъ "сѣнная дѣвушка" /"черная дѣвченочка челядинка" и др. названія/, которая доноситъ обо всемъ Бермятѣ. Мужъ спѣшитъ домой, стучитъ въ ворота; ему отворяетъ Катерина, съ растрепанными волосами, въ одной рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ. Войдя въ домъ, Бермята догадывается по какой - нибудь забытой

принадлежности Чурилина туалета, что въ его домѣ непрощенный гость. Дѣйствительно, онъ находитъ Чурилу или на кровати, или за печкой, или въ ларцѣ. Былина кончается тѣмъ, что Бермята убиваетъ Чурилу и Катерину, или убиваетъ Чурилу, а Катерина сама лишаетъ себя жизни, или убиваетъ обоихъ любовниковъ, дѣвку - доносчицу и себя.

Передавъ содержаніе, Веселовскій и для этого эпизода такъ же, какъ и для предыдущихъ указываетъ параллели. Игра Чурилы "во доску гусельню" "противу дому Бермятова" напоминаетъ своими подробностями подробности былинъ о Добрынь и Садкѣ, которыя, можетъ быть, перенесены оттуда; положеніе же Чурилы напоминаетъ Харикла ночью у терема Каллигоны, играющаго на киеарѣ, и Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой.

Самый эпизодъ: "Чурила и Катерина" былъ очень популярень и нѣсколько разъ перепѣвался. Такой "искаженный перепѣвъ" представляетъ эпизодъ о Добрынь Микитичѣ, замѣнившемъ или Чурилу, или Бермяту, и Маринѣ, а именно: Чурила ухаживаетъ за Катериной, Добрыня за Мариной; Чурила служитъ при дворѣ Владимира чашникомъ, кмочникомъ и позовщикомъ, Добрыня по три года

"столничаль и приворотничаль" и девять лѣтъ "чашничаль" "Съ другой стороны", замѣчаетъ Веселовскій, "трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Годиновичемъ, но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ". /II2/.

Въ большинствѣ "искаженныхъ перепѣвовъ" былина о Катеринѣ и Чурилѣ порвала связь съ Кіевомъ и Владимиромъ, и только въ двухъ редакціяхъ эта связь восстанавливается. Въ одной редакціи рассказывается о зазываніи Катериной Чурилы, кормленіи коня, игрѣ въ шахматы и т. д., но Чурила остается въ живыхъ и ѣдетъ "Ко городу ко славному ко Кіеву; - Ко тому - то царю ко Владимиру". Такъ же кончается и вторая редакция, въ связь съ которой Веселовскій ставитъ пѣсни о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ, о "Молодцѣ и Королевнѣ" и былинѣ о Дунаѣ.

Въ пѣснѣ о Ванькѣ Ключникѣ князь Волконскій узнаетъ отъ служанки, что жена живетъ съ ключникомъ, казнить его, а жена умираетъ. Въ пѣсняхъ о "Молодцѣ и Королевнѣ" рассказывается, какъ молодецъ "изъ орды въ орду" "отъ худой молодой жены онъ къ гульбу пошелъ".

Молодецъ заходитъ въ Литовку къ князю Литовскому / Литонскому, Политовскому/, у котораго послѣдовательно служить конюхомъ, стольникомъ, ключникомъ и, наконецъ, кроватникомъ влюбившейся въ него королевы Настасьи. Молодецъ проговаривается во хмелю о своей связи съ королевой, его велено казнить. Королева видитъ, какъ молодца ведутъ на казнь, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татаринѣмъ, а самого отпускаетъ во -- своей. Съ пѣснями о "молдцѣ" почти тождественна одна изъ былинъ о Дунаѣ. Въ ней такъ же рассказывается, что "Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляхвинскому, три года служилъ конюхомъ, три года стольничалъ, три года конюшничалъ, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на пиру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кобалькому, а Дуная отпустить". /118/ Во второй редакціи былины о Чурилѣ рассказывается, какъ онъ идетъ скитаться, подобно Ванькѣ Ключнику, "отъ худой женишки, изъ орды въ орду", нанимается на службу къ Литовскому королю. Стосковавшись по родинѣ, Чурила возвращается домой, идетъ "по городу Окіанову /Кіа-

нову/, заходить въ кабакъ и хвастается здѣсь своей связью съ королевой. Чурилу схватываютъ и осуждаютъ на казнь, но его освобождаетъ Королева. Возвратясь къ родителямъ и отдохнувъ у нихъ три дня, Чурила отправляется въ Кіевъ, желая поступить на службу "ко солнышку князю ко Владимиру".

Указавъ на сходство послѣдней былины съ пѣснями о ключникѣ, молодцѣ и Дунаѣ, Веселовскій замѣчаетъ, что "послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсень, представлявшихъ сходныя положенія /120/; имѣя же въ виду конецъ приведенныхъ выше редакцій, говорить, что онѣ "являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былинокъ изъ кіевской связи и вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ". /121/.

Касаясь вопроса, что древнѣе былина о Чурилѣ или указанныя параллели, Веселовскій оставляетъ его "безъ прямого отвѣта". "Мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини - королевы встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество большей древности и возможно - ли здѣсь предположеніе заимствования или только вліянія, съ той или другой

стороны. Я не рѣшусь", продолжаетъ Веселовскій, "въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на "общіе эпические мотивы, которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно - бы допустить, а priori развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынь и Маринѣ". /121/.

Въ заключеніе главы о Чурилѣ, Веселовскій приводитъ двѣ былины: одну - о пагубѣ "молодого дѣтинушки Гусина /Чурила/ Пленковича Басурьманищемъ Шаркомъ великаномъ", другую - о побѣдѣ Дюка надъ тѣмъ же Шаркомъ. Въ этихъ былинахъ обращаетъ на себя вниманіе борьба Чурилы и Дюка съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, но съ различнымъ исходомъ: Чурила побѣжденъ, Дюкъ - побѣдитель. "Это отличіе", по мнѣнію Веселовскаго, "лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ". /125/. Дюкъ выходитъ изъ страны чудесъ - Индіи, оттого у него все чудесное /конь, нарядъ и т. п./; эта чудесность и отлѣняется сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, въ которомъ, наоборотъ, нѣтъ ничего баснословнаго. Весьма возможно, что поѣздка Владимира къ Чурилѣ на Сарогу сложилась по подобію поѣздки пословъ его въ царство Дюковой матери "подъ вліяніемъ

сопоставленія Дюка съ Чурилою". /123/.

Все существенное въ былинахъ о Чурилѣ - появленіе въ Кіевѣ, блескъ красоты, культурное "цѣлленіе", впечатлѣніе красоты на женщинъ, любовь къ Катеринѣ - все это, по мнѣнію Веселовскаго, "матеріаль новеллы, не фабль о невѣрной женѣ гостя Терентьица, наставляемаго скомо-рохами /Кирша №2, Рыбн. III, №43/, а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giraldi Cinto". /123/. "Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былинну; такимъ же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

"Ітовъ Чурило з міста,

За нимъ дівочокъ триста". /124/.

Третій заѣзжій богатырь - Дюкъ Степановичъ. Веселовскій содержаніе былинъ о Дюкѣ передаетъ по слѣдующему плану:

1/ выѣздъ Дюка; 2/ Дюкъ въ Кіевѣ; его похвалба и состязаніе съ Чурилою; 3/ послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. Дюкъ отправляется на охоту; онъ ѣздитъ "подлѣ синя моря и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ", разстрѣливаетъ всѣ стрѣлы и возвращается домой. Онъ проситъ свою мать Мамелфу Тимоѣевну отпустить его въ

далеко чисто поле "поразиать своего плеча бога-
тырскаго". Мать отговаривает Дюка ѣхать "во
чисто поле", совѣтуя ему поѣхать лучше "ко слав-
ному ко городу ко Киеву - Ко стольному ко кня-
зю ко Владимиру". /133/. при этомъ онъ долженъ
миновать "Палачь - гору Аенасъеву".

Она завѣщаетъ Дюку: "На честномъ пиру не хвас-
тай сиротскимъ имѣнницемъ, - Имѣнницемъ сирот-
скимъ, богачествомъ. - Не хвастай мною матуш-
кой" /133/ ; или, по другому варианту, преду-
преждаетъ объ опасностяхъ на пути въ Киевъ: о
трехъ заставахъ, напоминающихъ своею баснослов-
ностью заставы греческой сказки о Безсмертной
водѣ и - духовнаго стиха о Егоріи храбромъ
"горахъ толкуціихъ", "птицахъ клевуцихъ" и
"Замѣищѣ - Горынчищѣ". Дюкъ отправляется, счаст-
ливо минуешь заставы и прѣзжаетъ въ Киевъ.
Въ другой группѣ былинъ дѣло представляется
нѣсколько иначе. Мать не совѣтуетъ Дюку ѣхать,
"во чисто поле", но Дюкъ ѣдетъ, наѣзжаетъ "во
сыромъ дубу черна ворона, птицу вѣщую" и хо-
четъ его застрѣлить. Воронъ совѣтуетъ Дюку не
проливать его крови, а ѣхать въ чисто поле,
гдѣ найдетъ себѣ супротивника. Въ полѣ Дюкъ
наѣзжаетъ на шатеръ Ильи Муромца и будить
его. Не успѣли богатыри "крестами побрататься"

и выпить вина, какъ является Идолище поганый, котораго и побиваетъ Илья. Илья, отправляя Дюка въ Кіевъ, повторяетъ ему завѣтъ матери не хвастаться и обѣщаетъ свою помощь. /X/.

Пріѣхвъ въ Кіевъ, Дюкъ застаётъ Владимира въ церкви у обѣдни. На вопросъ Владимира, откуда онъ, Дюкъ отвѣчаетъ: "Я - есть изъ Индіи богатя, - Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ -, Отстоялъ дома раннюю заутреню - И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де". /I4I/. здѣсь же онъ хвастается своимъ конемъ, которому и цѣны нѣтъ. Хвастовство Дюка продолжается на пути изъ Церкви: онъ охорашивается, поглядывая на сапожки и шубку, и на пиру, гдѣ кичится своимъ богатствомъ, откладывая верхнюю корочку колача, либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару вина: все это у него дома лучше.

/X/. Эпизодъ съ Ильею, по мнѣнію Веселовскаго, объясняется тѣмъ, что, кромѣ заставъ баснословныхъ, была еще застава богатырская, во главѣ съ Ильей Муромцемъ, которую нельзя было миновать проѣзжему витязю; нѣкоторыми былинами эта богатырская застава впоследствии была присоединена къ баснословнымъ.

Во всѣхъ случаяхъ Чурила уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ и предлагаетъ ему ударить "во великъ залогъ", ѣздить съ нимъ въ теченіе трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Дюкъ посылаетъ въ Индію къ матери за одеждой коня. Въ теченіе трехъ лѣтъ Дюкъ съ Чурилой взапуски щеголяютъ своимъ платьемъ съ чудесными пуговками и петельками. Дюкъ оказывается здѣсь побѣдителемъ, какъ и въ скачкѣ черезъ "Матушку Нѣпру рѣку". Въ то время какъ

Дюкъ и Чурила состязались въ щегольствѣ, Владимиръ посылаетъ посольство въ царство Дюковой матери, чтобы оцѣнить богатство Дюково. Здѣсь снова выступаетъ пособникомъ Илья: получивъ отъ Дюка ярлыки, онъ посылаетъ въ Кіевъ Добрыню, котораго Дюкъ и проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. На первыхъ же порахъ посольство поражается богатствомъ Дюка: Добрыня невольно принимаетъ за мать Дюка сначала портомойницу, потомъ божатушку: такъ онѣ роскошно были одѣты. Мать Дюка приняла пословъ, угостила ихъ, а узнавъ о цѣли приѣзда, предложила имъ переписать богатство. Богатства оказывается такое множество, что послы отказываются описывать его, сознаваясь, что если продать Кіевъ и Черниговъ, купить на эти деньги бумаги для Рефер. по народ. словесн. Листъ. 16

описи, то и бумаги не хватает. Похвальба Дюка, такимъ образомъ, подтверждается, и онъ уѣзжаетъ во - свояси, недовольный приѣмомъ Владимира, несмотря на приглашеніе остаться и торговать беспошлинно. Онъ говоритъ Владимиру, уѣзжая: "Владиміръ ты князь да столень - кievской. - Какъ вѣдь съ утра солнышко не спекло, - Подъ вечеръ солнышко не огрѣе - На приѣздѣ молодца ты не угостовалъ, - А теперь на поѣздѣ не учествовать, - А будь - ко свинья да ты безшорстная." /167/.

Веселовскій, разбирая былины о Дюкѣ, прежде всего останавливается на имени богатыря и названіяхъ мѣстностей, откуда онъ приѣзжаетъ. Имя Дюкъ, византийское /дожь/, - извѣстный титулъ, ставшій собственнымъ именемъ. Приѣзжаетъ же Дюкъ то изъ Индіи, то изъ Волинца Галицкаго, то изъ Корелы; всѣ эти мѣста, очевидно, служатъ обозначеніемъ чего-то неопредѣленнаго. "Древняя до - кievская пѣсня, во всякомъ случаѣ, не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодецъ. Дюкъ приѣзжалъ издалека: изъ Индіи". /172/ Въ Кіевѣ былина о Дюкѣ могла быть занесена изъ Галича въ XII в. ведшаго обширную торговлю

съ греческими колоніями Черноморья. Получивъ былину изъ Галича, пѣвцы сдѣлали заключеніе, что и Дюкъ выѣзжаетъ отуда, и внесли этотъ фактъ въ былину; этимъ и объясняется, что на ряду съ Индіей появляется Волынецъ Галицкій. Къ этимъ двумъ названіямъ родины Дюка впоследствии, когда былина была перенесена далѣе на сѣверъ, было присоединено названіе - Коре-ла. "Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ", по мнѣнію Веселовскаго, "можетъ быть, на пути, по которымъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе на сѣверныя окраины".
/172/.

Индія, откуда пріѣзжаетъ Дюкъ, изображается въ былинахъ о немъ страной баснословнаго богатства, какою представляетъ ее средне-вѣковый человѣкъ подъ вліяніемъ Посланія Пресвитера Іоанна XII в., извѣстнаго переведеннаго чуть ли ни на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ на русскій. Веселовскій и устанавливаетъ вліяніе этого посланія на былины о Дюкѣ не только въ отдѣльныхъ эпизодахъ, но и въ содержаніи.

Описаніе роскошной пекарни Пресвитера напоминаетъ глумленіе Дюка на пиру у Владими-

ра, его рассказъ о муравленыхъ пѣчкахъ и шелковыхъ помелочкахъ.

Описаніе великолѣпныхъ хоромъ Пресвитера, являясь преувеличеннымъ отголоскомъ придворной византійской дѣйствительности, находить соотвѣтствіе въ былинахъ о Дюкѣ: въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце, луна и семь небесныхъ свѣтилъ - то же и въ теремахъ Дюка: у Пресвитера на драгоценныхъ колоннахъ горятъ карбункулы - самосвѣты - у Дюка - крыши серебряныя, "Шарики самоцвѣтные камешки"; въ дворцѣ Пресвитера на каждой колоннѣ изображено по царю и царицѣ, въ рукахъ съ музыкальными инструментами и кубками, точно подносятъ другъ другу вина - у Дюка они перенесены въ пуговицы и петельки: "Во пуговицы-то было влито по доброму молодцу, - А въ петельки - то было вплетено по красной дѣвушкѣ: По петелькамъ какъ поведеть, - Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина - И подносятъ добрымъ молодцамъ; - А по пуговкамъ поведеть, - Добрые молодцы играютъ въ гусли ярочаты, - Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ". /191/.

Пресвитера окружаютъ 72 царя, князя и т.д. въ качествѣ чашниковъ, стольниковъ и т.д.; народъ замѣнилъ царей - чашниковъ, царей - столь-

никовъ просто чашниками, стольниками, служилыми людьми, которые представляются въ такомъ блескѣ, что носолъ принимаетъ ихъ за царя; Добрыня принимаетъ за Дюкову мать портомойницу, божатушку, служанокъ, которыя сидятъ въ теремахъ въ золотѣ и серебрѣ.

Торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатью драгоценными крестами и блестящей военной свитой, народъ могъ понять, какъ шествіе изъ церкви, во время котораго Добрыня видитъ мать Дюка, окруженную дѣвушками, метельщиками, людьми, несущими надъ ней золотникъ - подсолнечникъ.

О трехъ драгоценныхъ камняхъ посланія, изъ которыхъ одинъ возбуждаетъ и направляетъ видѣніе, другой чувство, третій опытъ, существуютъ цѣлыя легенды, напр.: Въ исландской рукописи XIV в. говорится о трехъ камняхъ, присланныхъ королю изъ Индіи какимъ то скабиномъ, ихъ которыхъ одинъ удваиваетъ золото, взятое въ одинаковомъ съ нимъ вѣсѣ, другой охраняетъ во время сраженія отъ ранъ, а держа въ рукѣ третій, можно мгновенно перенестись въ Индію. Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV в. рассказывается о трехъ камняхъ, посланныхъ Іоанномъ императору Фридриху II.

Одинъ изъ нихъ не даетъ погибнуть человѣку въ водѣ, даже если бы онъ пробылъ въ ней цѣлый годъ; другой дѣлаетъ человѣка неуязвимымъ а третій невидимымъ. Дюкова матушка показыва-етъ посламъ три камешка, отъ которыхъ "они го-ря, лучи пекутъ"; послы отказываются оцѣни-вать ихъ. Разница былинъ о Дюкѣ съ поселе-ніемъ только въ томъ, что чудесные камни за-мѣняются камнями - самосвѣтами. Впрочемъ, такіе камни мы встрѣчаемъ въ Индіи Пресвитера въ византийскомъ дворцѣ Гугона, въ дворцѣ Дарія сербской Александрии; палаты Дигениса освѣщаетъ башня "большимъ круглымъ камнемъ"; въ русскихъ былинахъ камни - самосвѣты быва-ютъ вплетены въ лалотцы, шалку, у коня меж-ду ушей и т.д. Пресвитеръ награждаетъ сво-ихъ людей лошадьми-мать Дюка посылаетъ свое-му сыну для состязанія съ Чурилой "добрыхъ коней стады - стадами, шерстью равною".

Въ одномъ древне - русскомъ текстѣ по-сланія Пресвитеръ говоритъ: "Да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебряныхъ, поволоченныхъ, и во всякомъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякаго кольца привязано по 40 коней"; /190/ въ былинѣ о Дюкѣ также гово-рится о серебряныхъ столбахъ и поволочен-

ныхъ кольцахъ, къ которымъ привязаны кони.

Въ заключеніи посланія Пресвитера говорится: "Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram" /188/ или въ русскихъ пересказахъ "Аще хочещи, вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да приѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своея". /189/. Съ другой стороны, въ былинѣ о Дюкѣ читаемъ: "Продай - ка свой стольно - Киевъ градъ - На эти на бумаги на гербовныя, - Да на чернила, перья продай еще Черниговъ градъ, - Тогда можешь Дюково имѣнье описывать". /189/ Веселовскій отмѣчаетъ разницу между латинскимъ текстомъ и русскими пересказами посланія, близкими къ былинамъ; эта близость объясняется вліяніемъ былинъ на пересказы посланія.

Отмѣтивъ сходство былинъ о Дюкѣ съ посланіемъ Пресвитера Іоанна, Веселовскій устанавливаетъ его съ старофранцузской поэмой первой половины XII вѣка о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константино-

поль, сохранявшейся въ нѣскольکو редакціяхъ и переводахъ. /X/ Взаимоотношеніе между походомъ Карла и былинами о Дюкѣ Веселовскій кратко выражаетъ такъ:

"А. а/ Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

б/ Въ Кіевѣ похваляется

с/ Послы Владимира ѣдутъ въ Индію, встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка,

/X/. Веселовскій указываетъ на кумрійскій, старосѣверный переводъ и оригиналь старофранцузскаго Galien, всѣ тексты котораго восходятъ къ предполагаемой редакціи Хожденія XII в., чрезъ посредства вторичной переработки, вѣроятно XIII в. Эта переработка послужила источникомъ для франко-италійской поэмы XIII-XIV в., къ которой восходятъ итальянскіе пересказы, въ родѣ эпизода "псхвальбы" въ Libro del Danese, отчасти старо-англійская поэма, отрывки которой напечатаны Madden'омъ. Старосѣверный переводъ вошелъ, между прочимъ въ Karlamagnus - saga, отъ него же зависятъ шведскій и датскій пересказы. Есть обработки хожденія фарейская и исландская.

которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. д., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

В. а/ Карль хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величіи и могуществѣ котораго говоритъ ему жена.

б/ На пути въ Константинополь онъ и его паладины встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинопасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. - Видятъ самого императора въ торжественномъ шествіи /балдахинъ/, чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцевъ на пелястрахъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу и т. п.

с/ Карль и его паладины хвастаются". /197/

Указавъ кратко на сходство хожденія Карла съ былинами, Веселовскій подробно передаетъ содержаніе хожденія, по временамъ останавливаясь на сходныхъ чертахъ его и его пере-

сказовъ съ посланіемъ Пресвитера, былинами и др. произведеніями:

Медвѣди и псы у воротъ дворца фарейскаго Gei-
ра - tatur/x/ напоминаютъ гигантовъ и львовъ
въ описаніи дворца Пресвитера, диковинки ви-
зантійскихъ палатъ у Лиутпранда и заставы на
Дюковомъ пути изъ Индіи.

Гуговъ шельмъ—это для него такое же мо-
mento mori какъ сосудъ съ землею для Пресвитера
Іоанна, который несутъ передъ нимъ.

Подробности описанія дворца въ кимрій-
скомъ пересказѣ встрѣчаются и въ посланіи Пре-
свитера Іоанна и въ былинахъ о Дюкѣ: а/ Чудес-
ная колонна встрѣчается въ описаніи дворца Гу-
гона и Пресвитера Іоанна. б/ Солнце, луна и
звѣзды палаты Гугона встрѣчаются въ дворцѣ Пре-
свитера, въ палатахъ драка и Хосроя поэмы объ
Иракліи, въ теремахъ Дюка, Чурилы и Соловья
Будимировича. с/ Подобіе моря, со всѣми обита-
телями, внизу, у входа дворца Гугона, являясь
отраженіемъ "средневѣковой поэтической архи-
тектуры, устраивавшей стеклянные полы, дѣлавшіе
впечатлѣніе воды, водоема", /222/ въ которомъ,
казалось, двигались рыбы и животныя, относить

/x/ Обработка Хожденія.

насъ, съ одной стороны, къ былинѣ о Дюкѣ, гдѣ тоже говорится о стеклянныхъ полахъ, подъ которыми "вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя"; съ другой стороны, - къ французской поэмѣ XI в., гдѣ въ описаніи Іерусалимскаго собора встрѣчается такая подробность: "Вверху ходитъ луна, внизу, подъ поломъ, течетъ вода и рѣзвятся рыбы". / 222/ д/ Мѣдныя статуи людей у пилястровъ дворца Гугона, играющія на трубахъ, кивающія другъ другу, напоминаютъ царей и царицъ на колоннахъ дворца Пресвитера, играющихъ и угощающихъ другъ друга изъ кубка, и причудливыя изображенія на Дюкѣвыхъ петелькахъ и пуговкахъ.

Паденіе присутствующихъ о земь отъ крика и голосованія птицъ пѣвучихъ и звѣрей рычущихъ, когда Дюкъ проводитъ плеткой по пуговкамъ и петелькамъ, напоминаетъ паденіе и присѣданіе Карла и его перовъ отъ движенія дворца Гугона на оси; подулъ сильный вѣтеръ, дворець завертѣлся на оси, статуи затрубили, Карль присѣлъ со страха и его спутники попадали, а въ былинахъ рассказчикъ опустилъ вращеніе дворца и объяснилъ паденіе крикомъ птицъ, но не на пилястрахъ, а на пуговкахъ

и петелькахъ Дюка.

Хвастовство Дюка и вообще въ русскихъ былинахъ во полу - столѣ, какъ и хвастовство Карла и его перовъ передъ сномъ, послѣ пира, находятъ соотвѣтствіе въ цѣломъ рядѣ французскихъ и итальянскихъ памятниковъ. "Хвастовство на пиру", говоритъ Веселовскій, "вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ". /225/.

Наконецъ, Веселовскій отличаетъ, что удивленіе оцѣнщиковъ Владимира въ былинѣ о Дюкѣ соотвѣтствуетъ удивленію Карла славы и мудрости Арихиса въ Салернской легендѣ, до французской наиболее древней рецензій Хожденія.

Отмѣтивъ всѣ эти сходства и параллели, Веселовскій заключаетъ/ что "равборъ былинъ о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами Посланія Пресвитера Іоанна". /238/ Этотъ предполагаемый византийскій оригиналъ, легши въ основу былинъ о Дюкѣ и Хожденія, претерпѣлъ различныя измѣненія, соотвѣтственно различнымъ степенямъ народнаго самосознанія.

Первичная былина о Дюкѣ представляетъ архаическій типъ, доказательствомъ чего служить слабое приуроченіе ея къ Кіеву: связь Ильи, занимающаго центральное положеніе въ кіевскомъ циклѣ, съ Дюкомъ чисто внѣшняя; Дюкъ не остается въ Кіевѣ, а уѣзжаетъ на свою родину.

Такое же чисто внѣшнее приуроченіе къ кіевскому циклу представляютъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Соловей Будимировичъ съ Иліей и другими богатырями приѣзжаетъ въ Кіевъ на роскошно обдѣланномъ кораблѣ — Соколѣ свататься за племянницу Владимира Запаву Путятишну. Онъ является къ Владимиру и его супругѣ съ богатыми подарками. Владимиръ предлагаетъ Соловью Будимировичу поселиться въ одномъ изъ боярскихъ или княжескихъ дворцовъ, но онъ отказывается и проситъ отвести ему "загонъ земли" въ "зеленомъ саду, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ" Запавы, чтобы построить тамъ "снаряденъ дворъ". За ночь въ саду Запавы вырастаютъ диковинные терема. На утро Запава удивлена появленіемъ теремовъ, идетъ въ зеленый садъ осматривать ихъ. Въ это время Соловей играетъ на гусляхъ, но завидѣвъ Запаву, бросаетъ ихъ, "подхватываетъ дѣвицу за

бѣлы ручки, клалъ на кровать слоновыхъ костей". Былина кончается помолвкой, послѣ заявленія Запавы: "А и я, де, дѣвица на выданѣ - Пришла, де, сама за тибя свататься" По другому варианту помолвкѣ предшествуетъ игра въ шахматы.

Въ своей основѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ содержатъ рассказъ о брачной поѣздкѣ заморскаго молодца, прельщающаго невѣсту различными диковинками. Брачный же характеръ сюжета далъ поводъ пѣвцамъ разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символики. Въ доказательство этого Веселовскій и приводитъ рядъ аналогій.

Зеленый садъ Запавы съ вишеньемъ - орѣшеньемъ, который хочетъ вырубить Соловей и построить дворецъ, является такимъ же символическимъ представленіемъ дѣвчества, какъ и садъ - виноградъ свадебныхъ пѣсень, который садить и холить дѣвушка и который грозитъ вытѣптать женихъ. Въ малорусской пѣснѣ поется: "Ой ходила Маркся по новжмъ двору, - Сіяла садъ - виноградъ съ принолу... - Якъ приде Иванъ зъ боярами, - То витопче садъ - виноградъ кониками". Сбор. отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. Т XXII ст. 67.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ въ "зеленый садъ - виноградъ" залетаетъ соловей - женихъ, топчетъ траву, портитъ садъ. Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ Ганулька сѣетъ въ "зяленъ" саду васильки, которые топчутъ кони жениха - Сопроньки. Образъ сада, попорченной лови извѣстенъ эротической поэзіи другихъ народовъ, напримѣръ: сорванная роза лежитъ въ основѣ аллегоріи Roman de la Rose.

Мѣсяць, солнце и звѣзды въ теремѣ Соловья Будимировича находятъ соотвѣтствіе въ колядкахъ /Веселовскій приводитъ бѣлорусскую колядку/ и свадебныхъ пѣсняхъ. Игра на гусяхъ и въ шахматы встрѣчается опять же въ свадебныхъ пѣсняхъ /"Молодой Ивашко въ гуслі гравъ - И свою Марусю підмовлявъ". "Я пришла къ вамъ разгулятися, - Во игры играть, во шахматы". //73/

Игра въ шахматы, такъ замѣчаетъ Веселовскій, "нерѣдко служила средневѣковымъ поэтамъ для любовной символики; нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко и реально, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи Вильгельма IX, графа Пуату" /73/.

Запава сама просватываетъ себя, какъ Петруша сербской пѣсни. Петруша на кораблѣ напоминающемъ своею чу-

десностью корабль Соловья, отправляется изъ Ледяна въ Бѣлградъ, чтобы достать себѣ въ мужья Стояна. Это ей удается: Стоянь приходитъ осматривать корабль, его напаиваютъ пьянымъ и увозятъ; на третій день онъ проснулся уже женихомъ.

За вышеизложенномъ содержаніемъ былины о Соловьѣ у Кирши слѣдуетъ эпизодъ, не встрѣчающійся въ другихъ пересказахъ былины.

Мать Соловья, узнавъ о помолвкѣ сына, не позволяетъ ему жениться, прежде чѣмъ онъ не распродастъ товары за моремъ. Въ отсутствіе Соловья Владимиръ хочетъ отдать Запаву за "голого шала Давида Попова". Въ день свадьбы является Соловей, Запава узнаетъ своего жениха, хотя онъ и былъ одѣтъ въ калическое платье, идетъ съ нимъ за столы бѣлодубовне, насмѣхаясь надъ Давидомъ: "здрасувуй женимши, да не съ кѣмъ спать." Приведа этотъ эпизодъ и отмѣтивъ тождественность окончанія его съ былинами о Добрынь, гдѣ съ такими же словами обращается жена Добрыни къ Алешѣ Поповичу, Веселовскій дѣлаетъ предположеніе, что этотъ эпизодъ былъ перенесенъ сюда изъ былинъ о Добрынь. Поводомъ могло послужить имя Запавы, общее былинамъ о Соловьѣ и о Добрынь.

На вопросъ, откуда прѣзжаетъ Соловей Будимировичъ, Веселовскій не даетъ отвѣта. Приведа цѣлый рядъ названій мѣстностей, упоминаемыхъ въ былинахъ /Леденець, Кодольскій островъ, Дунайское море и др./, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что "свести эти показанія, съ цѣлью доискаться настоящихъ названій, едва - ли возможно. Синее, Турецкое, Дунайское море указываютъ на югъ; Леденець и Веденецкая земля стоять одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вм. Венедецкое." /77/.

Собраніе Ильи Муромца и другихъ богатырей на кораблѣ Соловья Будимировича Веселовскій разсматриваетъ, какъ позднѣйшій синкретизмъ, свидѣтельствующій объ упадкѣ народной поэзіи. Возможно, что одной изъ такихъ синкретическихъ былинъ было навѣяно упоминаніе Ильи и Соловья Будимировича въ отпискѣ Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Васовичу, кастеляну Троцкому, изъ орши, 1574 г., Августа 5 дня", и что, слѣдовательно, "въ концѣ XVI вѣка былина о Соловьѣ была уже древнею", такъ какъ должно было пройти много времени "прежде чѣмъ Ильи Муромецъ и другіе богатыри собраны были Рефер. по народ. словесности, листъ IV.

на корабль - Соколъ, т.е. сдѣлался возможнымъ синкретизмъ". /78/.

Веселовскій, сдѣлавъ массу сличеній эпизодовъ русскихъ былинъ съ византийско - славянской и средневѣковой западной поэтической литературой, отмѣчаетъ чужеземные элементы въ нашихъ былинахъ. По его мнѣнію, въ составѣ русскаго эпоса, кромѣ своихъ, заходили чужія странствующія темы. "Свой или чужія - все равно", говоритъ Веселовскій, "ибо народный эпосъ всякаго народа по необходимости международный." / Сбор. отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXXVI ст. 401. /.

Какимъ образомъ проникали къ намъ чужеземныя сказанія, точно сказать труд - но. "Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня черѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими -нибудь историческими или географическими условіями, напр. сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія: я имѣю главнымъ образомъ въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религіозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народ-

но - поэтическія связи, говоритъ Веселовскій.

/70/.

Прейдя къ намъ, византійскія сказанія, подверглись измѣненіямъ: теряли свою цѣльность; подробности, попавъ въ новую, болѣе простую бытовую обстановку, облекались, какъ полупонятное, въ болѣе грубыя формы, но освоившись на новой почвѣ, они сливались съ произведеніями ея "Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвернуться византійская сага, примкнувъ къ Владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись помелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символически воплощенное въ лицѣ князя Владимира - и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ", продолжаетъ Веселовскій, разбирая былинку объ Иванѣ Гостинѣ сныѣ, "многія другія привилія сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ цѣлаго, не въ случайныхъ матеріалахъ, пошедшихъ на его созданіе". /68/

О П Е Ч А Т К И.

стр.	Напечатано:	Должно быть:
1	взглядъ Миллера	взгляда Миллера
4	изъ села Качарова	изъ села Карачарова
-	игноруя	игнорируя
-	что дальше ранній	что ранній
-	Хоровѣ, о лишеніи	хоривѣ, омищеніи
6	съ установленія между миеологическимъ со- держаніемъ древнѣй- шихъ былинъ отъ бы- товыхъ факторовъ...	съ установленія свя- зи между миеологи- ческимъ содержа- ніемъ древнѣйшихъ былинъ и бытовыми факторами....
-	о предметахъ природы и о различныхъ явле- ніяхъ	о различныхъ пред- метахъ и явленіяхъ природы
7	несторь	Несторъ
-	они являлись	онѣ являлись
-	мысль приномать	мысль приписать
-	Донъ и Днѣстръ	Донъ и Днѣпръ
8	т.е. Днѣстры /вм.м.р. Днѣстръ	т.е. Днѣпры /вм.м.р. Днѣпръ/
-	состояніе	состязаніе
-	потекла рѣка Днѣстръ	потекла рѣка Днѣпръ
9	тѣмъ глаголю	тѣмъ глаголаху

- 10 основавшими - основывавшими
- прозвая - прозвася
- и на горахъ - на горахъ
- 11 которая - которая
- городѣйка - чародѣйка
- на связь съ горою - на связь его съ горою
- 12 нечувствительны - нечувствительны
- Обращаясь - Обратившись
- не удержать - не держать
- 13 английскихъ боговъ - олимпійскихъ боговъ
- какъ побѣжить - какъ подбѣжить
- на всегда - навсегда
- 14 одно имя называлось - одно племя называлось
- 15 отъ какъ обыкновенный - онъ какъ обыкновен-
ный
- 16 тогда еще - когда еще
- бартничествомъ - бортничествомъ
- 19 другою не видать - другого не видать
- 23 дружитья съ простородьемъ - дружитья съ
простомъ.
- 25 матернымъ казакомъ - матернымъ казакомъ
- Мы уже отличали - Мы уже отиѣчали
- 26 вѣковечное - вѣковѣчное
- прежде Аниселія - прежде Антонія
- гдѣ же донскѣ - идѣ же донскѣ
- принимать всѣ слои - принимать участіе всѣ
слои

28. и ствѣчающимъ исто- - и не отвѣчающимъ ис-
рической правдѣ исторической правдѣ
31. раздѣлявшихъ поселенія - раздѣлявшимъ посе-
ленія
33. убить украдкою. - убить украдкою.
- составную черту - существенную черту
34. промѣняетъ званіе - промѣнялъ званіе
- издавна славится - издавна славился
- соговорищами - сокровищами
35. героевъ -мужинъ - героевъ мужинъ
- онъ ѣдутъ - онъ ѣздятъ
- о особенно - и особенно
36. во время какъ - въ то время какъ
37. былины отличаютъ - былины отмѣчаютъ
40. только сбрую - одну только сбрую
- разбогатѣвшись - разбогатѣвши
- онъ не скупалъ - онъ ни скупалъ
41. тагаться - тягаться
- съ садко - съ Садко
- тамъ много - такъ много
42. опрославляютъ - прославляютъ
43. самознаніе - самосознаніе
- традиціонную лѣтописью - традиціонною
лѣтописью
- ниспровергать - ниспровергаетъ

- 43 для острастки - для острастки
44 миѣической теоріи - миѣической теоріи
- миѣическія образы - миѣическіе образы
46 оказало вліяніе - не оказало вліяніе
- междусобій - междоусобій
47 одинако главное - одинако главное.
50 Муромца" - Муромецъ"
- далѣе - даже
51 выдѣленныхъ - изъ выдѣленныхъ.
52 ненощнѣйше - немощнѣйше"
53 своего - самъ своего
- Приотростимъ /Самсона/ - Приотростиль Самсонъ
55 что - "что
59 "Домишечкѣ - "Домишечкѣ
60 - - "сватать ю
- свадьбы - свадьбы
62 горбатой - къ горбатой
69 gegenden - legenden
71 ложится на одинъ гробъ - вычеркнуть
72 опредѣлилось - опредѣлилось
- и мы - мы и
- памятиковъ - намятниковъ
74 богатыря - богатыря".
- Правдъ - Правда
75 полности - полноты

- 75 остановится - остановится
77 твоего и будетъ есть - твоего будешь ѣсть
79 он - но
- своей - отъ своей
- предѣлку - передѣлку
87 Послѣ богатыряхъ пронущено и богатыряхъ
89 - живого - Потока
91 - распазъ - въ сборникѣ Су-
мадевы. Причемъ распазъ

Страницы 95 и 96 перепутаны

- 99 рдными - родными
106 попадали - подпадали
113 не доказываль - не доказываль
- восточнымь - восточнымь
114 по крайнѣй - по крайней
- впечатлѣнію - впечатлѣнію
117 по мѣрѣ - по мѣркѣ
- извѣстной - извѣстной
126 демоны - демона
128 употребленія - уподобленія
129 Вставка послѣ словъ: "представитель громо-
носныхъ облаковъ" - "вмѣстѣ съ тѣмъ ему
придажуть"...
130 не приходится - не приходится
131 приетсмь - при этомь

- 134 неужемительностю - неутомимостью
135 божественноаго - божественнаго
- проливаемыя - проливаемые
138 ту же - ту же
139 привлекали - привлекли
145 былинь - былинь и
151 по святой.. - на святой....
153 въ лѣто в. 725 - въ лѣто 6725.
155 на рѣцѣ Грѣ, ноже - на рѣцѣ Гдѣ, иже
156 извѣстія пропущено : встрѣченныя въ болѣе
древнихъ лѣтописяхъ,
157 Разсказываая .. - Разводяя..
160 понимали - понимать
- сказаній. - сказаній.
175 новыми пропущ.: /объ этомъ см. стр. 56-61
цит. кн./.
176 о немъ. пропущ. далѣе: Приведемъ главныя.
176 /3 т./.... - /2 томъ/....
178 въ Нуконовской лѣтоп. - въ Никоновской
лѣтописи...
185 пропущена цѣлая строка: послѣ словъ -
"такого царя"... надо прибавить: "какими
рисуется былинный кн. Влад., найденъ имъ
въ лицѣ иранскаго царя"....
186 "сказанія" - "сказочныя"
187 дѣятельности - дѣйствительности

- 190 останавляя - оставляя
- 195 надится - находится
- думаетъ - думаемъ
- 198 голосковымъ - голословнымъ
- 204, для обозначенія предѣловъ цитать, должно
поставить к а в н ч к и: I/во 2-ой стр.
сверху - послѣ слова: жизни /закрывающія/
2/ въ 9-ой сверху - передъ словомъ то
/начало новой цитаты/.
- 211 благородной - благо родной
- 214 переносимости - переносили
- 219 только -- точно
- эпонесмическія - эпонимическія
- 220 италянскаго - итальянскаго
- Рыбника -- Рыбникова
- 222 о сударь - осударь
- 224 подробности - подробность
- 225 возвращенія - возвращенія
- съ коня на коня - съ коня де на конь
- 227 гашникомъ - чашникомъ
- 228 Амелеры - Амелфры
- 229 обжественныхъ - общественныхъ
- позовицику -- позовцику:
- 230 молодцы -- молодцы
- 231 приуроченій - приуроченій

231	предложе	предложеніемъ	-	предложеніемъ
233	подробноссиями		-	подробностями
-	кмочникомъ		-	ключникомъ
235	конюшничаль		-	кдюшничаль
236	князью		-	княвю
238	Ітов		-	Ішов
239	клевуцикъ		-	клевуцихъ
-	Замѣищѣ		-	Змѣищѣ
240	здѣсь		-	; здѣсь
242	угостоваль		-	участоваль
242	прорущено			послѣ византий- ское
243	былына		-	былина
245	волотникъ		-	зонтикъ
246	поселеніемъ		-	посланиемъ
248	кумрійскій		-	кимрійскій
-	посредства		-	посредство
250	momento		-	momento
252	отличаетъ		-	отмѣчаетъ
253	приѣзжаетъ		-	пріѣзжаетъ
254	тнбя		-	тебя
256	вышеизложенномъ		-	вышеизложеннымъ

- 1 1 Пустыня Ивита в окрестности Туркестана
- 2 41 Тамань в Суда-Крымской к окрестности
- 3 86 Медиа Кочевия в окрестности Туркестана
- 4 103 Магара, в окрестности Туркестана
- 5 144 Тамань в окрестности Туркестана
- 6 140 Босфор в окрестности Туркестана
- 7 211 Босфор в окрестности Туркестана

А 361886

СЕМИНАРІЙ

ПО

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Проф. И. И. Замотинъ)

Рефераты по группѣ
народной словесности

1911-12 акад. годъ.

ВАРШАВА.

Типо-литографія Т-ва Б. А. БУНАТЫ, Вспульная 46.

С Е М И Н А Р И Й.

по истории русской литературы

/проф. И. Замотинъ./

I.

Рефератъ по группѣ народной

С Л О В Е С Н О С Т И

A361886

Варшава 1911 - 12 акад. год.

Лит. Б. А. Букалы Вспульная 46.

РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ

О. И. Буслаева.

/по статьямъ Буслаева: "Русскій богатырскій эпосъ" и
"Бытовые слои русскаго эпоса:"/

"Народный Эпосъ, какъ въ
зеркалѣ, отражаетъ истори-
ческія судьбы страны и ея
интересы:"

О. И. Буслаевъ.

Эти слова вполне могутъ быть поставлены эпи-
графомъ къ сочиненіямъ Буслаева о русскомъ быле-
вомъ эпосѣ. Отраженіе историческихъ судебъ страны
и ея интересовъ - вотъ что прежде всего, по мнѣнію
Буслаева, можно усмотрѣть во всякомъ народномъ эпо-
сѣ. Этотъ свой взглядъ Буслаевъ наиболѣе полно раз-
вилъ въ двухъ вышеуказанныхъ статьяхъ, причемъ вто-
рая изъ нихъ - "Бытовые слои русскаго эпоса" яв-
ляется рецензіей на книгу О. Миллера: "Илья Муро-
мецъ и богатырство кіевское". Не раздѣляя вполне
взглядъ Миллера на "слоевый" составъ народнаго ру-
скаго эпоса, Буслаевъ въ своей статьѣ высказываетъ,
между прочимъ, нѣкоторыя соображенія въ пользу

I/Эти статьи помѣщены въ "Сборн. отд. рус. яз. и слов.
И. А. Н. 1887г. т. 42, №2; въ этомъ изданіи онѣ здѣсь и
цитируются.

своего историко-бытового толкованія русских былинъ. Поэтому мы и начнемъ изложеніе взглядовъ Буслаева съ разбора этой второй статьи.

О. О. Миллеръ является въ исторіи народной словесности, какъ извѣстно, представителемъ миеологической теоріи. По его мнѣнію, въ основѣ народнаго эпоса дежитъ миеологія природы, т. е. всѣ выводимыя въ былинахъ лица и событія г. Миллеръ смотритъ не какъ на выразителей историческихъ судебъ народа, а какъ на миеологическія образы, созданные обожествленіемъ силъ и явленій природы. Такъ, напр. если въ былинѣ разсказывается какое либо событіе — похищеніе невѣсты, единоборство богатырей и т. п. то это не что иное, какъ тепло или холодъ, свѣтъ или тьма, солнце и мѣсяць съ звѣздами, небо и земля, громъ и туча съ дождемъ; если въ былинѣ поется о горѣ, то это не гора, а облако; если богатырь поражаетъ Горыню, то это означаетъ молнію, прорывающую тучу. Второй существенной чертой теоріи Миллера является созданная имъ общая формула, прилагаемая при объясненіи почти всѣхъ былинъ.

"Если вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, — говоритъ онъ, то въ ней непременно должны оказаться три существа, столько тутъ необходима, какъ для предложенія необходимы три его составныя части"; Это: "свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго; б/ темное существо, кото-

рое... въ концѣ концовъ непременно должно быть по-
бѣждено; в/существо, изъ за котораго и дѣлается
нападеніе на злую силу". Эта формула, по мнѣнію г.
Миллера, лежитъ въ основѣ большинства былинъ; наи-
болѣе же типичной въ этомъ отношеніи является тотъ
эпизодъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ говорится,
какъ онъ, покоривъ Соловья - Разбойника, привозитъ
ого связаннаго и раненаго въ Кіевъ къ князю Влади-
миру. Ильа Муромецъ, Соловей - Разбойникъ и князь
Владимиръ и являются тѣми главными существами, о
которыхъ говоритъ упомянутая формула; въ примѣне-
ніи же къ этой былинѣ миеологическаго толкованія
она будетъ имѣть такой смыслъ: громовникъ - молніе-
носецъ /Ильа Муромецъ/ поражаетъ черную тучу /Соло-
вья - Разбойника/, которая заела путь къ крас-
ному солнышку /Владимиру./

Возражая противъ исключительно-миеологичес-
каго толкованія Миллеромъ былинъ и притомъ съ
т.ар. означенной формулы, Вуслаевъ отмѣчаетъ прежде
всего тотъ недостатокъ послѣдней, что она "слиш-
комъ обща, потому что все, что угодно, можно вста-
вить въ ея широкія рамы". Такое общее объясненіе
скорѣе приложимо къ сказкѣ, которая "можетъ цѣли-
комъ состоять изъ какого-нибудь миеа природы, не
пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому
она и не любитъ собственныхъ именъ." Въ нѣкоторомъ

Всеподобно - 4 -
Ср. о старинных сказках и легендах у Салова
и музеевских музеев, в которых, в частности,
Бот. музей Петерб., музей в имении Ржевских близ с.р. П. М.

царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь", говорить она вообще..... Напротивъ того, Былина помѣщаетъ своего князя Владимира въ Кіевъ, ведетъ свего Илью Муромца изъ села Качарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д. Однимъ словомъ, помимо общаго большинству былины внѣшняго построенія, онѣ заключаютъ въ себѣ много частныхъ, которыя окрашены, "въ мѣстный, бытовой колоритъ", и которыя требуютъ того или иного объясненія. Почему, напр. известное чудище "названо соловьемъ и разбойникомъ, почему самъ онъ живетъ на деревьяхъ, а семья его въ хоромахъ, окруженныхъ дворомъ и т. д." Наконецъ, заключаетъ Буслаевъ, прилагать къ былинамъ исключительно миеологическое толкованіе, игнорируя лежащій на нихъ историко-бытовой отпечатокъ, значитъ "отказывать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлыя мненія о солнцѣ, дождѣ или громѣ". I/ Въ пользу того, что дальнѣе ранній народный эпосъ не чуждъ характера историческаго говорить фактъ заимствованія лѣтописью нѣкоторыхъ былинныхъ эпизодовъ; таковы лѣтописныя сказанія о Кіѣ, Щекѣ и Хоровѣ, о лишеніи Ольги, о под-

выгахъ Александра Поповича, о Могути, объ Евпатіи Коловратѣ, наконецъ, самое испытываніе вѣроисповѣданій, съ такою увѣренностью выдаваемое лѣтописцемъ за историческій фактъ, носить въ себѣ явный характеръ легендарнаго вымысла, болѣе свойственнаго народной фантастикѣ, нежели исторической дѣйствительности. Все это, по мнѣнію г. Буслаева, свидѣтельствуесть о томъ, что "уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться исторически къ всему прошедшему".

Итакъ исключительное миеологическое толкованіе русскаго народнаго эпоса, по мнѣнію Буслаева, не имѣеть за собой достаточныхъ основаній. Для болѣе полнаго усвоенія его необходимо "прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ". 2/ Правда, самъ Буслаевъ не чуждъ того, чтобы усматривать миеологическіе элементы въ народномъ эпосѣ, но только на самой ранней ступени его зарожденія; онъ соглашается съ тѣмъ, что "былина своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ миеологическими возрѣніями на природу". 3/ Но уже на этой первоначальной стадіи своего развитія былина отразила на себѣ мѣстный колоритъ, такъ какъ на миеологию природы, которая давала содержаніе былинѣ, оказывали вліяніе самая мѣстность, гдѣ народъ жилъ, а также образъ жизни и занятій его. Свой

разборъ русскаго былевого эпоса г. Буслаевъ и начинаеть съ установленія между миеологическимъ содержаніемъ древнѣйшихъ былинь отъ бытовыхъ факторовъ жизни русскаго народа въ доисторическій періодъ.

Въ послѣдовательномъ развитіи богатырскихъ типовъ Буслаевъ, какъ и другіе историки, различаетъ двѣ эпохи: эпоху богатырей старшихъ и младшихъ. Въ свою очередь эпоха старшихъ богатырей также не является однородной по характеру своихъ героевъ, т.е. старшіе богатыри на болѣе ранней ступени являлись существами стихійными, татаническими, олицетворявшими миеическія представленія русскихъ о предметахъ природы и о различныхъ явленіяхъ; затѣмъ, по мѣрѣ развитія исторической жизни народа, и богатыри стали запечатлѣвать на себѣ и нѣкоторыя историко-бытovyя черты. На такой различный характеръ старшихъ богатырей указываютъ и самыя имена ихъ. Одни изъ этихъ именъ имѣютъ миеологическій смыслъ, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Зміевичъ, Дунай, Донъ; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напр. Самсонъ богатырь, Идолице поганое, Старчище, Пилигримище; нѣкоторые заимствованы изъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ, а такой богатырь, какъ Микула Селянановичъ уже носитъ въ

себѣ явные слѣды преданій о первобытныхъ судьбахъ славянъ.

Преимущественное вліяніе на созданіе типа старшаго богатыря въ образѣ стихійнскаго миеологическаго существа оказали рѣки, такъ какъ послѣднія имѣли существенное значеніе въ жизни древнихъ русскихъ. Лѣтописецъ несторъ, говоря о славянскихъ племенахъ, описываетъ ихъ расселеніе по рѣкамъ. Да и въ самомъ дѣдѣ, для первобытнаго человѣка, имѣвшаго еще мало средствъ для борьбы за существованіе, рѣки давали въ этомъ отношеніи чрезвычайно много: они являлись для него удобными путями переселенія и сообщенія, а также служили преградой и защитой отъ нападенія враговъ; рѣки предоставляли человѣку пищу, а рѣчные берега являлись самымъ пригоднымъ мѣстомъ для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Въ виду огромнаго значенія рѣкъ въ жизни первобытнаго человѣка, у послѣдняго естественно являлась мысль принимать имъ элементъ сверхъестественнаго, миеическаго и установить родственную связь ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ былинахъ мы и находимъ сказанія о миеологическомъ происхожденіи рѣкъ. Отъ великановъ, титаническихъ существъ и олицетвореніи ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Такъ, рѣки Донъ и Днѣстръ, по русскому эпосу, произошли отъ

богатыря Дона и его вѣщей супруги Нипры Королевицны, т.е. Днѣстры /зм. м.р. Днѣстръ/ Последняя отличалась воинственнымъ характеромъ и мѣтко стрѣляла изъ лука. Дону стало досадно, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ изъ лука, и онъ рѣшилъ устроить съ ней сотоаніе въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владимира. И здѣсь Нѣпра удивила всѣхъ своею опытною стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлялъ въ жену и убилъ ее. Распластавъ убитую жену, онъ нашелъ въ ея утробѣ необычнаго сына. У него:

По колѣнъ-то ноженъки въ серебрѣ,

По локоть-то рученьки въ золотѣ и т.д.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя, и вотъ тутъ отъ нихъ и протекала рѣка Донъ, а отъ Днѣпры Королевицны потекла рѣка Днѣстръ. То же рассказывается и о Дунаѣ, только вмѣсто Днѣпры онъ женатъ на воинственной Настасѣ Королевицнѣ, жесетрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владимира.

"Гдѣ пала Дунаева Головушка,

Протекала рѣчка Дунай рѣка," поется въ былинѣ. Рѣку Волховъ русскій эпосъ также производитъ отъ какого то божества, которое въ болѣе позднюю эпоху воплощается въ богатырской личнос-

сти Волка Всеславича /причемъ названіе Волковъ является формой прилагательнаго къ слову Волкъ, подобно тому какъ отъ Кія образовано слово Кіевъ/. Такимъ образомъ мислѣлогическое представленіе древнихъ русскихъ о рѣкахъ нашло себѣ отраженіе о былинахъ.

Въ связи съ значеніемъ рѣкъ въ древней Руси находилось и значеніе перевоза черезъ рѣку и рѣчного брода. Здѣсь происходили вражескія стычки и возникали города. Такъ, лѣтописецъ, упоминая о походѣ Владимира на печенѣговъ, говоритъ, что Владимиръ "срѣте и на Трубежи на бродѣ, гдѣ нынѣ Перевяблавль". Начало Кіева лѣтопись объясняетъ такимъ образомъ: "У Кіева бо бѣше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголю: на перевозъ, на Кіевъ; т.е. сначала говорили перевозъ Кіевъ, а потомъ стали говорить просто Кіевъ, одно прилагательное безъ существительнаго. Отсюда возникло преданіе, что Кій былъ перевозчикомъ. Таково же и псковское преданіе объ Ольгѣ, именно что послѣдняя была перевозчицей на рѣкѣ Великой. Отсюда мы можемъ заключить, что званіе перевозчика въ древней Руси было довольно почетно. Указаніе на это мы находимъ въ былинахъ, которыя приписываютъ это званіе лицамъ богатырскаго происхожденія, именно: старшая дочь Соловья Разбойника была перевозчи-

цей на Дунаѣ рѣкѣ. Дальше, въ лѣтописи и у Карзина жители на бродѣ навываються бродниками; того же происхожденія и значенія и былинныя названія - Збородовичи, братья Збородовичи, съ отеческимъ окончаніемъ - ичъ.

Довольно значительное вліяніе, хотя и в меньшей степени, чѣмъ рѣки, оказали на содержание былинъ миеологическія представленія русскихъ о горахъ. Если рѣки и вообще прибрежныя мѣста имѣли значеніе, главнымъ образомъ, въ обыденное, мирное время, то горы являлись наиболее выгоднымъ стратегическимъ пунктомъ во время войны, почему они занимались предводителями племенъ, основавшими тамъ свою державу. Такъ, о 3-хъ братьяхъ Кіѣ, Ще и Хоривѣ лѣтопись рассказываетъ, что они сѣли на горахъ. "Сидяше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ увезъ Боричевъ, а Щекъ сѣдыше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвая Хорезица." Горы же были признаны первобытнымъ человѣкомъ наиболее достойнымъ "подножіемъ" божества, почему и на горахъ и ставили статуи боговъ и храмы. Поэтому истуканъ Перуна стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, на горѣ также стояли капища. Волосу въ предѣлахъ Владимірскихъ. Въ связи съ такимъ представленіемъ о горахъ находится и легендарное преданіе о водруженіи апосто-

Ломъ Андреевъ креста на горахъ Кіевскихъ. Такимъ образомъ съ представленіемъ о горахъ въ сознаниі древнихъ русскихъ соединялась мысль, какъ о явленіи необычномъ, исключительномъ, почему онѣ и получили мѣгическую окраску. Это исключительное представленіе о горахъ сказалось и на содержаніи былины, которая такъ или иначе связываютъ горы съ чудовищами и богатырями. Такъ, известнѣйшій былинный Змѣй названъ Горыничемъ, потому что живетъ въ горѣ или на горѣ, поэтому же и исполинская городѣйка прозывается Бабю - Горынянкой. Но наиболѣе истиннымъ мѣгическимъ представителемъ горныхъ силъ является въ былинахъ богатырь Святогоръ. Уже самое имя указываетъ на связь съ горою: онъ живетъ на Святыхъ Горахъ, потому что "его и земля на себѣ черезъ силу носить", говорятъ о немъ калики переходящіе Ильѣ Муромцу. Въ былинѣ о Святогорѣ интересенъ конецъ быliny, рисующій гибель этого богатыря. Онъ хотѣлъ поднять тягу земную, но его силы на то не хватило. Съ натури

По колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,...

Гдѣ Святогоръ угрызъ тутъ и встать не могъ

Тутъ ему было и кончаніе.

То - есть этотъ богатырь превратился въ гору, явился какъ бы родоначальникомъ горы, подобно тому какъ богатыри Донъ и Дунай дали начало одноимен-

ными рѣкамъ. Такова же тѣсная связь съ горою и великана, о которомъ упоминается въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ. Однажды услышалъ Илья Муромецъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомерной, котораго и земля не держитъ, и захотѣлъ съ нимъ силой померяться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, самъ какъ гора. Илья Муромецъ сталъ наносить ему удары, но послѣдніе были почти нечувствительны для великана. Обращаясь онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: "А это ты, Илья Муромецъ, Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а сомною нечего мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ. Меня и земля не удержитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней. Итакъ, этотъ великанъ сросся съ горой и представляетъ съ ней нераздѣльное цѣлое. Но не только эти два богатыря оканчиваютъ свое существованіе превращеніемъ въ горы. Былина о томъ, "отъ чего перевелись витязи на этой Руси!" приписываетъ такую же судьбу и всѣмъ богатырямъ. Правда, въ этой былинѣ говорится о гибели младшихъ богатырей, но г. Буслаевъ находитъ возможнымъ распространить ея содержаніе и на богатырей старшихъ и видимъ въ ней указаніе на мировныя катастрофы, постигавшія нашу планету, память о чемъ сохранилась въ сказаніяхъ другихъ народовъ / напр., въ греческомъ сказаніи о возстаніи титановъ противъ

англійскихъ боговъ/. Однажды богатыри, рассказыва-
етъ былина, возгордившись своей побѣдой надъ
татарами, стали вызывать на бой силу нездѣшную,
небесную. Явилась небесная сила, и богатыри вступи-
ли съ ней въ бой. Но отъ каждаго удара богатырей
сила противниковъ не уменьшалась, а увеличивалась
вдвое. Тогда испугались могучіе витязи:

Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры..

Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаме-
нѣемъ,

Какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣетъ

Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣетъ....

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на Святой

Руси.

Такимъ образомъ, миеологическія представленія
русскихъ о горныхъ богатыряхъ, поскольку они отра-
зились на былинахъ, разрѣшаются сказаніемъ о пре-
ращеніи этихъ богатырей въ дѣйствительныя реаль-
ныя горы.

Итакъ, народный Эпосъ успокаиваетъ запуган-
ное воображеніе человѣка, превращая страшныя тита-
ническія существа въ рѣки и горы и тѣмъ наглядно
убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхестественныхъ
силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса,
въ которой онѣ на всегда улеглись!

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной

природн, чловкъ перенесъ элементъ сверхъестественнаго, миеическаго на животныхъ - звѣрей, птицъ, и особенно змѣй. Миеическія преданія о чудовищныхъ змѣяхъ и волнахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища у Славянъ восходятъ къ глубокой древности. Геродотъ, говоря о Неврахъ подъ которымъ нужно разумѣть славянъ, рассказываетъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ принимаетъ опять свой прежній видъ. Далѣе среди самихъ славянъ одно имя называлось Волками или Лютичами, т.е. потомками Люта или Лютаго, эпитета волна и вообще звѣря. Наконецъ, народы дикіе и воинственные, наводившіе страхъ на славянъ, получили имена Змѣевъ, Волно..., Лютыхъ Звѣрей. Такимъ образомъ съ представленіемъ древнихъ славянъ о звѣряхъ соединилась мысль, какъ осуществѣ странномъ и въ тоже время необычномъ, миеическомъ. Воплощеніе такого представленія о звѣряхъ мы видимъ и въ нѣкоторыхъ былинныхъ чудовищахъ. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего Тугарина Змѣевича, который поражаетъ своимъ исполинскимъ ростомъ и прозорливостью.

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,

Промень плечей косая сажень,

Промежду главъ калена стрѣла

А вотъ какой у него аппетитъ:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть....

По цѣлой чашѣ охлестываетъ,

Котора чаша въ полтретя ведра.

Подобнаго характера и Идолице Поганое, которое также хвалится своимъ непомѣрнымъ обжорствомъ.

Но самымъ характернымъ чудовищемъ звѣремъ является въ былинѣ Соловей Разбойникъ.

Это чудовище представляется еще со всѣми свойствами древняго мифологическаго существа, однако на немъ уже ясно виденъ историко бытовой налетъ, почему онъ и дѣйствуетъ въ эпоху позднѣйшую - эпоху Владимира и младшихъ богатырей.

Какъ чудовище, существо странное, Соловей Разбойникъ шипитъ по змѣиному, рывкаетъ по звѣриному и живетъ въ гнѣздѣ на семи дубахъ; и въ то же время отъ, какъ обыкновенный человѣкъ, имѣетъ семью, которая живетъ въ палатахъ, на широкомъ дворѣ. Это страшное существо заняло дорогу изъ Муромъ въ Кіевъ.

По объясненію г. Миллера, это туча съ вѣтромъ и дождемъ, которая заслонила красное солнышко. Но г. Буслаевъ находитъ возможнымъ видѣть въ типѣ Соловья - Разбойника воплощеніе нашими предками одного существеннаго явленія ихъ бытовой жизни. Для этого онъ составляетъ характерную черту Соловья - Разбойника - его древолазненіе съ однимъ

мѣстомъ муромской легенды о Петрѣ и Февроніи. Последняя, тогда еще была крестьянскою дѣвицею, въ разговорѣ съ княжимъ отрокомъ такъ указываетъ на занятіе своего отца: "Отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсахъ бо отъ древія медъ емлютъ"... Опираясь на это мѣсто, г. Буслаевъ заключаетъ, что въ типѣ Соловья Разбойника отразилось занятіе древне-русскихъ пчеловодствомъ, бартничествомъ, которое, какъ важная сторона ихъ быта, было возведено до апофеоза, подобно тому какъ земледѣльческій бытъ создалъ героическій типъ Микулы Селяниновича.

Но какъ бы ни притягивали всѣхъ разсмотрѣнныхъ богатырей и чудовищъ къ историко бытовой почвѣ русскихъ славянъ, все же миеологическій элементъ въ нихъ беретъ перевѣсъ. Созданіе этихъ образовъ относится къ эпохѣ еще совмѣстной жизни славянскихъ и даже индо-европейскихъ народовъ, почему эти образы находятъ себѣ параллели въ сказаніяхъ послѣднихъ. Гораздо больше бытовыхъ чертъ мы находимъ въ былинахъ, создавшихся въ ту эпоху, когда славянскія племена, обособившись другъ отъ друга, предались "мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію". Какъ главное занятіе славянъ, земледѣліе было освящено цѣлымъ рядомъ миеологическихъ преда-

ній. Такъ, напр., мненческое чествовање земледѣлія выразилось, между прочимъ, въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга. Этотъ мифъ находимъ еще у скиевъ земледѣльцевъ. Последніе вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался у нихъ князь колесницы kola - кваів Только этотъ князь, по вѣрованію скиевъ успѣлъ владѣть сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба, такъ что, когда другіе два его брата - князь - цетъ / Илеіро - кваів и князь - стрѣла (Агро - кваів) захотѣли коснуться ея, то обожгли себѣ руки, потому что, какъ воины и кочевники, они не знали тайны земледѣлія, которая самымъ небомъ была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата. I/ Первобытное русское преданіе о происхожденіи плуга связывается съ христіанскими именами Бориса и Глѣба / по другому варианту - Космы и Даміана /. Вотъ что разсказываетъ это преданіе. Нѣкогда опустошала русскую Землю чудовищный Змій. Въ умиловительную жертву ему приносили по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ

/ или Косма и Даміанъ / ковали первый плугъ для людей. Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣдце кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ, изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и теперь зовется Зміевымъ валомъ. I/ Такимъ образомъ, огораживаніе поля валомъ въ знакъ собственности и осѣдлости, совпадаетъ съ преданіемъ объ изобрѣтеніи плуга и началѣ земледѣлія. Кстати здѣсь можно упомянуть еще, что и Чехи въ своей легендѣ о началѣ чешскаго государства ведутъ происхожденіе своихъ князей отъ пахаря-земледѣльца. Послы, отправившіеся, по указанію своей княжны Любуши, искать ей жениха, нашли такого въ лицѣ Премысла - пахаря, котораго они застали въ полѣ за работой.

Такое чествованіе земледѣлія и всего, что съ нимъ связано, отразилось и на русскомъ народномъ. Здѣсь мы знаемъ мифическій образъ пахаря въ лицѣ Миклулы Селяниновича. Хотя онъ принадлежитъ еще къ ^{старшимъ} старшимъ богатырей - великановъ, однако является младшимъ ея членомъ; онъ - сынъ Селянина, хозяина осѣдлой собственности и, какъ представитель эпохи болѣе молодой, смѣнившей древ-

ною, млеологическую, Микула Селяниновичъ въ своихъ столкновѣнiяхъ съ другими старшими богатырями обнаруживаетъ предъ ними свое преимущество въ силѣ могуществѣ. Однажды Вольга Святославовичъ, рассказываетъ былина, поѣхалъ собирать дакъ со своихъ владѣнiй.

И вотъ дорогой онъ "Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ,

Омешки по камешкамъ почеркиваютъ":...

Бдетъ Вольга цѣлый день и никакъ не можетъ догнать ратая, потому что послѣднiй - Съ края въ край бороздки пометываетъ,

Въ край онъ уѣдетъ , другою не видавъ.

Наконецъ Вольга настигаетъ ратая и проситъ его, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай соглашается, но съ условiемъ, чтобы кто-нибудь изъ дружины Вольги выдернулъ изъ земли его сошку и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Но оказывается, что не только отдѣльные дружинники, вся дружина ничего не можетъ подѣлать съ сошкой.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повывдернути.

Тогда подѣхалъ къ ней самъ ратай ратаюшко:-

Бралъ-то онъ сошку одной рукой,

Сошку съ земельки повывдернулъ,

Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

По другому эпизоду Микюла Селяниновичъ является хранителемъ тяги земной; ее пытался, но не могъ поднять Святогоръ, для котораго эта попытка была причиной смерти.

Поднялъ Святогоръ сумочку съ тягой земной повыше колѣнъ и по колѣна въ землю угрызъ, и

Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончаніе.

Отдавъ въ соей былинѣ предпочтеніе представителю земледѣльческаго быта народъ тѣмъ самымъ показалъ, что этотъ бытъ для него ближе и дороже, чѣмъ древняя фантастическая эпоха мифическихъ богатырей.

Дальнѣйшимъ развитіемъ Микюла Селяниновича является самый популярный въ былинахъ герой Илья Муромецъ. Онъ уже отражаетъ на себѣ моментъ вступленія Россіи на историческій путь и зарожденія въ ней государственной жизни. Характерною особенностью въ изображеніи Ильи Муромца, объясняемою до нѣкоторой степени историческимъ характеромъ его эпохи, является точность указанія на его происхожденіе. Онъ былъ сынъ крестьянина Ивана Тимоеева изъ села Карачарова, Муромской области. Однако этотъ герой еще носитъ нѣкоторыя черты, свойственныя древнимъ мифическимъ героямъ; онъ является какъ бы переходной ступенью отъ старшихъ богатырей къ младшимъ. Прежде всего,

самое зарождение богатырской силы въ Ильѣ Муромцѣ совершается сверхъестественнымъ образомъ. Объ этомъ существуетъ два преданія; по одному, - эту силу сообщаютъ ему калики перехожіе, вмѣстѣ съ вылитымъ имъ ведромъ воды; по другому варианту, онъ получаетъ силу отъ самого Святгора, т. е. является прямымъ потомкомъ старшихъ богатырей. Свою богатырскую силу Ильѣ Муромецъ примѣняетъ прежде всего къ крестьянскому труду: онъ "взялъ топоръ и началъ пожни чистить", или по другому варианту, пошелъ "копать въ лѣсъ", т. е. стала расчищать мѣсто подъ пашню, освобождая его отъ лѣса; онъ накопалъ столько лѣсу, что народъ и родители его ужаснулись и увидѣли въ этомъ великое чудо. Другой его титанической подвигъ на родинѣ заключался въ томъ, что онъ, упершись плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутого берега и завалилъ Оку. Этими подвигами почти ограничивается дѣятельность муромскаго героя въ своемъ родномъ краю. Далѣе онъ попадаетъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ покидаетъ родину, бросаетъ свою наследственную соху и ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ уже зародилась эта новая государственная жизнь, гдѣ началось собираніе Руси и объединеніе разрозненныхъ племенъ вокругъ одного центра Кіева, и также и сосредоточеніе сильной власти въ рукахъ ласковаго князя Владимира. Есть мо-

ментъ исторической жизни древней Руси представлялся настолько важнымъ въ сознаниі народа, что послѣдній заставилъ своего любимаго героя пожертвовать его наследственнымъ занятіемъ - земледѣліемъ, чтобы принять участіе въ строительствѣ новой государственной жизни.

Здѣсь должно замѣтить, что явившись къ князю Владимиру, какъ представитель известной области - земли Муромской, Илья Муромскій въ продолженіе всей своей дѣятельности не остается какъ бы восторженнымъ въ этомъ своемъ первоначальномъ значеніи. Въ былинахъ онъ рисуется въ непрерывномъ внутреннемъ развитіи, соответствующемъ "историческому движению быта и сознаниа народнаго". Цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ наложили на него свой отпечатокъ. Поэтому, помимо своего значенія, какъ и областного представителя, онъ является и представителемъ цѣлаго сословія - крестьянскаго, выхлопотывающимъ для него известныя права; далѣе, онъ участвуетъ и въ нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ, раздѣленныхъ большимъ промежуткомъ времени: онъ, напр. защищаетъ Кіевъ отъ нашествія татаръ, стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ, воюетъ противъ Мамаю на Куликовомъ полѣ. Наконецъ, какъ въ любимомъ своемъ героѣ, народъ воплотилъ въ немъ свой нравственный идеаль.

Когда Илья Муромецъ приѣхалъ въ Кіевъ, тамъ уже была въ сборѣ вся богатырская дружина князя Владимира; не доставало только представителя крестьянскаго сословія, муромскій герой и восполнилъ этотъ пробѣлъ.

Какъ крестьянинъ по происхожденію и притомъ неизвѣстный при дворѣ, Илья Муромецъ былъ неласково встрѣченъ Владимиромъ и обиженъ имъ на своемъ пиру низкимъ мѣстомъ. Оскорбленный этимъ, Илья оставилъ княжескую дружину, находя ее не по своему вкусу, и дружится съ простонародьемъ, именуемымъ въ былинѣ голь кобацкой, пируя съ нимъ въ кабакѣ. И только послѣ того, какъ къ нему принесъ извиненіе отъ самого князя Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ соглашается идти во дворецъ, но съ условіемъ, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю приѣзда въ Кіевъ великаго богатыря:

"Чтобы отворены были:

Кабаки всѣ и пивоваренія,

На трои на сутки отворены,

Чтобъ весь народъ пилъ да зелено вино."

Владимиръ долженъ былъ уступить, и вотъ на пиру мы видимъ "голь кобацкую".

Но и послѣ примиренія Илья Муромецъ не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Какъ

честный и благородный герой, онъ не могъ мириться съ несправедливостью и насиліемъ, царившими при дворѣ; противъ всего этого онъ энергично протестовалъ, чѣмъ естественно навлекалъ на себя гнѣвъ князя. Такъ онъ одинъ изъ всѣхъ богатырей высказался противъ безчестнаго поступка князя Владимира - завладѣть Василисой Микулишней, пославъ на вѣрную смерть ея мужа, черниговскаго князя Данилу Денисьевича. Признавая въ Ильѣ Муромцѣ довольно внушительную силу и желая привлечь его на свою сторону, Владимиръ пытается задобрить его почетной должностью:

"Ты изволь у насъ да попить - поѣсть,
Ты изволь у нашей милости
Да воеводой жить!"

Но муромскій герой съ негодованіемъ отвергаетъ эту честь: онъ не хочетъ служить при дворѣ князя, гдѣ царитъ атмосфера лести, угодничества и всякой несправедливости. Всю свою дѣятельность онъ переноситъ на заставу, гдѣ защищаетъ русскую землю отъ шашествія враговъ, представленныхъ въ былинѣ въ видѣ различныхъ чудовищъ.

При сопоставленіи Ильи Муромца съ другими младшими богатырями, явно бросается въ глаза его первенствующее значеніе и нравственное превосходство надъ ними. Уже самый возрастъ и внѣшній видъ Муромца ставятъ его на первое мѣс-

то въ ряду остальныхъ богатырей. Въ то время какъ эти послѣдніе - народъ молодой, безбородый, Илья величается старимъ, матернымъ казакомъ, съ почтенною сѣдою бородой; потому онъ начальствуетъ надъ ними, какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими "ребятушками"; ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ, напр. онъ выбираетъ богатыря для борьбы съ Жидовиномъ. Какъ человекъ, много прожившій на свѣтѣ, мур^{осмысливъ} крестьянинъ опытнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей и потому является руководителемъ въ ихъ личныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ: онъ умиротворяетъ ихъ излишнюю запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, но и снисходительно прощаетъ имъ вину. Столь же симпатиченъ и правотворный обликъ Ильи Муромца. Мы уже отличали его прямодушіе: онъ не боится сказать правду самому князю и упрекнуть его въ безчестномъ поступкѣ. Но особенно выдѣляется его любовь къ бѣдствующему человечеству; онъ заступаетъ за вдовъ и сиротъ и, какъ истинный рыцарь, защищаетъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Встрѣтивъ равъ въ полѣ красную дѣвушку, ^{у Млавацу} отъ насмѣшкина Алеши Попо-

веча, онъ говоритъ ей: "Давно бы ты мнѣ сказала это: я бы съ Алешей перебрѣдался, снялъ бы съ него буйную голову". По отношенію къ врагамъ Ильѣ Муромецъ отличается великодушіемъ и безкорыстіемъ. Однажды разбойники, будучи побѣждены муромскимъ героемъ, предлагали ему въ качествѣ выкупа, золото, цвѣтное платье и коней; соглашались даже идти къ нему въ вѣковечное холодство, лишь бы онъ оставилъ имъ жизнь, но Ильѣ Муромецъ все это великодушно отвергаетъ, безвозвратно отпускаетъ ихъ на волю и велитъ только рассказать..... Чурилѣ, сыну Пленковичу

Про стараго казака Ильѣ Муромца.

Наконецъ въ довершеніе идеальнаго образа Ильѣ Муромца, народъ призналъ его святымъ. Буслаевъ говоритъ, что въ 17 вѣкѣ въ числѣ угодниковъ кіево-печерскихъ печатался гравированный образъ Ильѣ Муромца съ подписью: Преподобный Іліа Муромскій,
іже вселился въ пещеру преже Антонія въ Кіевѣ,
гдѣ же донинѣ нетлѣнень пребываетъ.
Таковъ этотъ богатырь — народникъ воплотившій въ себѣ нравственный идеалъ и политическіе взгляды народа. Сущность этихъ взглядовъ сводится къ тому, что хотя въ строительствѣ, новой государственной жизни должны принимать всѣ слои населенія, но руководящая роль въ

этомъ должна быть предоставлена, крестьянству, какъ существенному принципу твердо и постоянно пребывающему въ русской жизни.

Илья Муромецъ выводитъ насъ въ историческую область младшихъ богатырей. Говоря о послѣднихъ, необходимо коснуться самого князя Владимира, вокругъ котораго они группируются. Относительно его нужно прежде всего замѣтить, что былинный Владимиръ, это еще Владимиръ язычникъ. Христіанство ничего не прибавило къ тому образу кievскаго князя, какой вырисовался въ сознаніи народа еще въ эпоху языческую. "Народная фантазія, - говоритъ Буслаевъ, объясняя по-своему связь исторіи съ мѣомъ, видѣла въ князѣ Владимирѣ не просвѣтителя Руси христіанствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чулось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно-солнышко". I/ Буслаевъ допускаетъ, что Владимиръ смѣнилъ собою божество солнца Дажь-бога или Сварога, почему эпитетъ красное солнышко до того сросся съ именемъ князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напр.

Завелся у солнышка почестень пирь

На всѣхъ, на князей, на боярь.

Мало того, даже историческій идеаль князя Владимира въ народномъ эпосѣ мало выработался, не

развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то, что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ". Это, по мнѣнію Буслаева, объясняется тѣмъ, что "государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи одними внѣшними формами покоренія и налоговъ", а также и тѣмъ, что "князь и дружина, набранная изъ авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси". 2/ Поэтому въ былинахъ ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями, да посылаетъ ихъ на разные подвиги, самъ не принимаетъ участія ни въ какой опасности и сидитъ дома со своею супругой Апраксѣвной. Съ особеннымъ удареніемъ былины указываютъ только на двѣ выдающіяся черты въ его характерѣ: на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастье, такъ что уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владимира вошло между богатырями въ поговорку. Однимъ словомъ, образъ князя Владимира, какъ государственнаго дѣятеля, представленъ въ былинахъ довольно блѣднымъ и ^{не} отвѣчающимъ исторической правдѣ и, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы съ большей яркостью оттѣнить дѣятельность его сподвижниковъ-богатырей. Младшіе богатыри, какъи Илья Муромецъ являются при князѣ Владимирѣ представителями мѣстныхъ, провинціаль-ныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси.

Эти богатыри порвали уже всякую связь съ одряхлѣвшей, миеологической стариной, а живутъ и дѣйствуютъ въ эпоху вполне историческую. Они истребляютъ все ужасное и зловерное для челоѣчинскаго общества, очищая Русскую землю отъ страшилищъ мненческой старины, обладавшихъ непомерной, разрушительной силой; богатыри губятъ, поражаютъ этихъ послѣднихъ представителей мненческой эпохи, какъ бы доказывая тѣмъ, что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя уже ожидать ничего созидательнаго теперь, а эпоху молодую, вполне реальную. Новизнѣ и свѣжести этой эпохи соответствуютъ и юношескіе типы богатырей: всѣ они - народъ молодой, бѣзбородый; почти они всѣ являются ко Владимиру холостыми, а если и женатыми, то только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще бѣздѣтными. Вліяніе молодой, исторической эпохи сказалось и на нравахъ и характерѣ младшихъ богатырей.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, они даже неохотно проливаютъ кровь въ бою со врагами; въ ихъ отношеніяхъ къ послѣднимъ слышится голосъ любви и состраданія.

Дѣятельность богатырей была довольно разнообразна: они несли придворную службу въ разныхъ званіяхъ причемъ особенно въ этомъ отличался Добрыня Никитичъ, который по три года столничалъ у насни

чалъ, у воротъ стоялъ и даже пословничалъ, т.е. служилъ въ княжескихъ послахъ; кромѣ того, богатыри засѣдали въ княжеской думѣ, т.е. участвовали въ государственномъ управленіи страной, а также и помагали Владимиру своими совѣтами въ его частныхъ семейныхъ дѣлахъ; но главная служба богатырей состояла въ охраненіи Кіева и въ борьбѣ съ различными чудовищами. Эта послѣдняя дѣятельность богатырей полная подвиговъ и приключеній воспроизводила тревожную эпоху княжескихъ междоусобій, которая заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. "Сбѣялись и росли тогда междоусобія; говорить "Слово о полку Игоревѣ", погибала тогда жизнь Дажьборовыхъ внуковъ; въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышимъ, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто воронье граяли, дѣля между собою трупы". Вотъ эту грозную, воинскую эпоху, исполненную бѣдствій и ужасовъ, и воспроизводитъ, по мнѣнію г. Буслаева богатырскій эпосъ въ лицѣ своихъ младшихъ богатырей. I/

Въ жизненномъ обиходѣ богатырей останавливается на себѣ вниманіе слѣдующая подробность.

Какъ извѣстно, пришлые Варяги были отличные искрабелъщики, и самые ранніе походы на Русь совер-

шались на ладьяхъ по рѣкамъ. Между тѣмъ въ былинахъ осталось очень мало слѣдовъ древне-русскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Въ жизни богатыря главную роль играетъ не корабль, а конь; причемъ послѣдній отличается необычнымъ свойствомъ: онъ поражаетъ своей силой, быстротой и выносливостью; богатырь съ нимъ бесѣдуетъ, какъ съ товарищемъ, и онъ отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; кромѣ того, конь даже имѣетъ вѣщую силу: чувствуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Исходя изъ преобладающаго значенія коня въ жизни богатыря, г. Буславъ дѣлаетъ то заключеніе, что "или вообще незначительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изжилося въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ расселившихся по необозримымъ равнинамъ. 1/ Съ другой стороны въ этомъ же можно видѣть отраженіе на народной мысли" о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дѣбрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшихъ поселенія древней Руси". 2/

Что касается оружія, то богатыри употребляютъ: мечъ, стрѣлы, копья, палицы, ножи, кинжалы; на себя надѣваютъ куякъ, панцырь, кольчугу. Изъ всего этого обращаетъ на себя вниманіе то об-

обстоятельство, что богатыри употребляют мечь,
оружіе западное, но они не знают еще сабли, ко-
торую Лѣтопись считаетъ оружіемъ восточныхъ ко-
чевниковъ.

Помимо историческаго интереса общей дѣятель-
ности, младшихъ богатырей, каждый изъ нихъ пред-
ставляетъ значительный интересъ, какъ носитель
характеристическихъ чертъ своего сословія. Надѣ-
ливъ богатырей рѣзкими, характерными чертами, на-
родъ тѣмъ самымъ выразилъ свой взглядъ и отно-
шеніе къ опредѣлившимся уже въ то время сосло-
віямъ. Послѣ Ильи Муромца наиболѣе симпатичнымъ
изъ богатырей выставленъ въ былинахъ Добрыня
Никитичъ, представитель боярскаго сословія. Соот-
вѣтственно своему княжескому происхожденію, Доб-
рыня отличается вѣжливостью и образованностью.

У него рѣчи привѣтливы,

У него рѣчи умильныя,

Онъ прельститъ и уговоритъ, —

замѣчаетъ о немъ былина. Какъ умный и образован-
ный, Добрыня обыкновенно выбирается въ послы для
самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, пото-
му что онъ говоритъ горавдъ, въ рѣчахъ разуменъ,
съ гостями почетливъ и грамотою востеръ 1/ Кроме
того, Добрыня отличается великодушіемъ; онъ напр.

Стр. 170.

охотно прощает Алешу Поповича, который соблазнил его жену.

Далеко не свѣтлыми чертами рисуется въ былинахъ образъ другого богатыря - Алеша Поповича, сына ростовскаго соборнаго попа. Онъ хотя и смѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, задоренъ и запальчивъ, онъ "зарывчатъ" - говорить о немъ былина; помимо того, онъ является иногда сутягой, лгуномъ клеветникомъ; въ то время какъ другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами, Алеша норовитъ убить украдкой. Но особенно печальную извѣстность приобрѣлъ Алеша своими интригами съ женскимъ поломъ; при княжескомъ дворѣ онъ прослылъ "бабьимъ пересмѣшникомъ" издѣваться надъ женщиной и срамить ее было страстью Алеша. Сверхъ того, Илья Муромецъ, протестуя противъ того, чтобы отпускать Алешу Поповича на единоборство съ Жидовиномъ, указываетъ на его жадность, какъ составную черту духовенства:

Поповскіе глаза завидушіе,

Поповскія руки загребушія;

Увидитъ Алеша на нахвальщицѣ

Много злата - серебра:

Злату Алеша позавидуетъ -

Погибнетъ Алеша по - напрасному.

Но г. Буслаевъ не склоненъ всё отрицательныя черты Алеши Поповича переносить на его сословіе.

Алеша не истинный представитель духовенства, а его отщепенецъ; если личность его изображается въ былинахъ не въ выгодномъ свѣтѣ, то это слѣдуетъ приписать той причинѣ, что Алеша", покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣняетъ званіе церковно-служителя на бродяжничество". Что это такъ подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Ростовъ родина Алеши, какъ извѣстно, издавна славится своими церковными преданіями. Въ 13 и 14 вѣкахъ этотъ городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, въ 15 вѣкѣ даже самъ Новгородъ, знаменитый въ то время своею образованностью, заимствовался книжными соговорщиками изъ Ростова.

Между тѣмъ Алеша не воспользовался выгодами своего происхожденія и не выучился у своего отца даже грамотѣ. Однимъ словомъ, по мнѣнію г. Буслаева, Алеша Поповичъ является въ былинахъ не представителемъ духовнаго сословія, а "представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ духовнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго рода" I/

Но такъ полно, какъ Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ, обрисованы въ былинахъ другіе младшіе богатыри. Послѣдніе характеризуются какою нибудь

одной преобладающей чертой. Такъ, Чурилу Пленковича былинны отмѣчаютъ походною щепливой и щегольствомъ, интересующимъ женскій полъ; Дюка Степановича - имѣніемъ - богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самаго князя Владимира; Потока Михайлу Ивновича - богатырскою поѣздкою на добромъ конѣ и т. п.

женскіе богатыри
Говоря о младшихъ богатыряхъ, необходимо коснуться ихъ женъ, дочерей и вообще женской половины богатырства, которая принимаетъ дѣятельное участие въ жизни и судьбѣ героев-мущинъ. Какъ родственницы богатырей, и женщины народнаго эпоса отличаются необычными чертами. Это героини воинственныя; какъ богатыри, онѣ ѣдутъ на коняхъ отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука; многія изъ нихъ обладаютъ непомерной силой; помимо того, нѣкоторыя женщины имѣютъ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнія и премудрости. Съ другой стороны, помимо величественнаго характера богатырскихъ женщинъ, народный эпосъ придаетъ имъ и "краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровыя нравы эпохи, то нѣжныя качества женской природы. Въ ихъ существѣ замѣчается два противоположныхъ элемента, какъ добро и зло: то онѣ прекрасны, нѣжны и преданны.

своимъ мужьямъ, то самолюбивы, измѣнчивы и преступны. Но особенно интересно то обстоятельство, что во время, какъ "младшіе богатыри, окружающіе князя Владимира, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей просто людей, ихъ жены и вообще дѣвы и женщины входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются миеическимъ родомъ - племенемъ и вѣщею натурой". Такой сложной натурѣ богатырской женщины г. Буслаевъ даетъ тройное толкованіе. Обладая сверхъестественными свойствами, эти женщины тѣмъ самымъ хранятъ въ себѣ народную память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миеической; далѣе какъ носительницы бытовыхъ чертъ, онѣ воплощаютъ въ себѣ "идеалы священной родной старины", положительнымъ и отрицательнымъ образомъ народъ выразилъ въ нихъ свой взглядъ на идеалъ женщины вообще и жены въ частности. То же обстоятельство, что уже вполне историческій герой - мужчина вступаетъ въ сношеніе съ еще миеической женщиной, содержитъ по мнѣнію г. Буслаева тотъ смыслъ, что "мужчина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа, какъ лицо историческое, подчиненное известнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой всѣ

детъ исторію впередъ, женщина остается позади съ своею домашнею стариною, съ своими народными преданіями, которыя на досугъ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь новизною смѣняющихся другъ друга событій".

Помимо отраженія внутреннего быта древней Руси, былины содержатъ и указанія на сношенія Руси съ иноземными государствами. Такія памятники, какъ лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ, Поученіе Владимира Мономаха, Кіевскій Патерикъ свидѣтельствуютъ, что эти сношенія были довольно развиты. Соотвѣтственно указанію историческихъ памятниковъ и былины отмѣчаютъ сближеніе русскихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами. Съ одной стороны, былины знаютъ важнѣйшихъ богатырей изъ чужихъ странъ, какъ напр. Соловей Будимировичъ; съ другой стороны былины заставляютъ и русскихъ богатырей совершать отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай "много земель знавалъ", потому онъ и "говорить гораздъ"; Добрыня ѣздилъ въ Царь-градъ и т. д. Особенно часто встрѣчается въ былинахъ на сношенія кіевской Руси съ ^{на Мемелѣ} Польшею, Литвою и съ Волинцемъ Галицкимъ. Сопоставляя иноземныя страны съ Кіевскою Руссю, былины отличаютъ ихъ культурное и матеріальное превосходство предъ послѣдней

А 361886

Въ этомъ отношеніи наиболѣе интересны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Джекѣ Степановичѣ. Описывая Чурилу, богатыря изъ Малаго Кіевца, былины отмѣчаютъ его щегольство и богатство. Онъ носитъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ каблукахъ; одежда у него драгоценная:

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ.

Другая строчена краснымъ золотомъ;

Въ пуговики воплетено по доброму по колодцу

Въ петелки воплетено по красной по дѣвушкамъ:

Какъ застегнутся, такъ обоймутся,

А разстегнутся, и поцѣлуются.

Своею красивою наружностью и щегольской одеждой онъ такъ поразилъ кіевлянокъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдя дѣвушки глядятъ-заборы трещать,

Гдя молодушки глядятъ-лишь оконницы

звенять,

Гдѣ стары глядятъ-манать / манти на

себя деруть...

Какъ стары старухи костыли грызуть -

Все глядучись на молодого Чурилу Пленкови
ча.

Особенно богатой выставляется въ былинахъ земля Галицкая, родина богатыря Дюка Степановича; по богатству и роскоши она даже смѣшивается съ Индией.

Прибывъ въ Кіевъ Дюкъ Степановичъ поражается его убожествомъ; онъ находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы и церкви не такія, какъ на Волини. "Въ Кіевѣ у Васъ не по нашему, - говоритъ онъ: - церкви у васъ все деревянныя, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землей засыпаны: полило ихъ дождевой водою, стала грязь до колѣна - вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ".

Даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему невкусно послѣ роскошнаго житія у себя дома. Возьметъ онъ калачъ, верхнюю корочку отломитъ, съѣстъ, а нижнюю броситъ, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лоханью. Одну чару вина выпьетъ другую выльетъ за окно: "ваши напитки, - говоритъ онъ, затхлые, пить неприятно"; между тѣмъ, какъ дома -

Чару пьешь, другу пить душа горитъ,

Другу пьешь-третья съ ума пойдетъ.

Прельстившись богатствомъ Дюка Степановича, Владиміръ отправилъ къ нему пословъ описывать, въ каану его имущество. Когда послы, прибывши ко двору Дюка, начали описывать его имѣнье-богатство, то послѣднее оказалось столь несмѣтнымъ, что въ реченіяхъ цѣлыхъ трехъ дѣтъ не успѣли они описать

только сбрую лошадиную, дальше будто бы не хватило у нихъ бумаги, ни чернилъ. Поэтому Дюкова мать говорила княжескимъ посланцъ съ насмѣшкой: "А вы скажите - ка князю Владимиру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ-городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ цѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣньяца".

Въ ряду русскихъ былинъ особое мѣсто занимаютъ былины новгородскія, соотвѣтственно обособленному положенію, которое занялъ Новгородъ въ древне - русской жизни. Въ то время, какъ кіевскія былины отражаютъ событія общерусской жизни, былины новгородскія не выходятъ за предѣлы мѣстныхъ интересовъ. Изъ новгородскихъ былинъ особенно ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ былины о Садкѣ и Василии Буслаевѣ. Первая былина рассказываетъ о томъ, какъ купецъ Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новгородѣ. Но сколько онъ не окупалъ, товару въ гостинномъ дворѣ не только не уменьшалось, а все увеличивалось вдвойнѣ, да втройнѣ; въ концѣ концовъ онъ сознается въ своемъ безсиліи превзойти въ богатствѣ цѣль Новгородъ-и говоритъ:

Не я видно, купецъ богатъ новгородскій

По богатче меня славный Новгородъ.

Такимъ образомъ, единичная личность, которая вздумала было тагаться со всѣмъ Новгородомъ, изнемогла въ своей борьбѣ и должна была смирить свою гордость "передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины". Въ этомъ эпизодѣ съ садко выразилось общесамосознаніе Новгородцевъ, что "всѣ они гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу". Здѣсь, по мнѣнію г. Буслаева; заключается "глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ, ... любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ передъ священной идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины". I/ Историко бытовое характеръ носить и сказаніе былины о построеніи Садко нѣсколькихъ церквей: во имя архидіакона Стефана, Софїи премудрой т.е. Премудрости и Николая Можайскаго. "Эта подробность, - говоритъ Буслаевъ, - согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось тамъ много церквей простыми гражданами, какъ въ Новгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства".

Былины о Василии Буслаевѣ воспроизводятъ нѣкоторыя черты политической жизни Новгорода. Здѣсь нашли свое отраженіе и борьба новгородскихъ пар-

тій, и столкновеіе двухъ сторонъ Новгорода, раз-
раздѣленныхъ рѣкой Волховомъ, а также и борьба съ
княжескою властью-партіи народной и городской.

Василій Буслаевъ и является въ былинахъ предста-
вителемъ новгородской вольности, потому онъ и опро-
славляютъ его, какъ богатыря.

Изъ представленнаго изложенія взгляда Ф. И. Буслае-
ва на русскія былины можно вывести то заключеніе,
что онъ занимаетъ примиряющее положеніе въ ряду
другихъ теорій объ этомъ предметѣ. Такъ онъ допус-
каетъ иногда миеологическое толкованіе русскихъ
былинъ, видя въ нихъ отраженіе миеологическихъ
воззрѣній русскаго народа на природу. Поэтому въ
заключеніи своей рецензіи на книгу Миллера онъ
говоритъ, что его замѣчанія "не противорѣчатъ
взглядамъ почтеннаго профессора, а только выяс-
няютъ то, что иной разъ приходится понимать у не-
го между строками". I/

Съ другой стороны, не отрицаетъ онъ теоріи куль-
турныхъ заимствованій, или точнѣе онъ признаетъ
общность сюжетовъ русскихъ былинъ и сказаній дру-
гихъ народовъ, что онъ объясняетъ родственнымъ
происхожденіемъ индоевропейскихъ племенъ. Но глав-
ный центръ тяжести толкованія Буслаевымъ русска-
го богатырскаго эпоса заключается въ томъ, что-
бы отыскать для былинныхъ сказаній реальныя ос-

основы въ историко бытовой жизни русскаго народа. Онъ убѣжденъ, что въ былинахъ "народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самознаніе,"-2/ что былины являются для народа "неписанною, традиціонную лѣтописью.... о важнѣйшихъ событіяхъ его прошедшей жизни".3/Исходя изъ такого взгляда на былины, Буслаевъ придаетъ большое практическое значеніе собранію и изученію продуктовъ народнаго творчества:"Это, говоритъ онъ, - одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ мифическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для отращки профановъ".

I/

Тезисы.

1. Наиболее полно свой взгляд на русскія былины О. И. Буслаевъ развилъ въ статьяхъ: "Русскій богатырскій эпосъ" и "Бытовые слои русскаго эпоса", послѣдняя является рецензией на книгу О. Э. Миллера: "Илья Муромецъ и богатырство кievское".

2. О. Э. Миллеръ является въ исторіи народной словесности представителемъ мифической теоріи; сущность взгляда г. Миллера сводится къ слѣдующему:

- а/ всѣ выводимыя въ былинахъ лица и событія не что иное, какъ мифическія образы, созданныя обожествленіемъ силъ и явленій природы;
- б/ почти всѣ былины построены по одной формулѣ: главными дѣйствующими лицами почти каждой былины являются три существа - 1/ свѣтлое, ополчающееся противъ темнаго, 2/ темное, съ которымъ борется свѣтлое 3/ существо, изъ-за котораго происходитъ борьба между свѣтлымъ и темнымъ существами.

По мнѣнію г. Буслаева, исключительно - мифологическое толкованіе народнаго эпоса не имѣетъ за собой достаточныхъ основаній. Хотя "былина, по выраженію Буслаева, своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ мифическими возрѣніями на природу", однако и на этой первоначальной стадіи свое-

го развитія былины отразили на себѣ мѣстный колоритъ, т. к. на миеологию природы, которая давала содержаніе былинѣ, оказывали вліяніе самая мѣстность, гдѣ народъ жилъ, а также образъ жизни и занятій его.

4. Богатырѣй былевого эпоса Буслаевъ дѣлится на старшихъ и младшихъ. Первые являются стихійными, титаническими существами, олицетворявшими миеологическія представленія русскихъ о различныхъ предметахъ и явленіяхъ природы.

На созданіе типа старшаго богатыря въ образѣ стихійнаго, миеологическаго существа сказали вліяніе:

а/ рѣки / богатыри Донъ и Нѣпра Королевична; братья **Збродовичи**/;

б/ горы / Змѣй Горынычъ, Баба - Горныянка, Святогоръ/;

в/ животныя / Тугаринъ Зміевичъ, Соловей - Разбойникъ/.

6. Болѣе ярко бытовья черты выступаютъ въ былинахъ, создавшихся въ ту эпоху, когда славянскія племена, обособившись другъ отъ друга, предались "мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію". Какъ главное занятіе славянъ, земледѣліе было освящено цѣлымъ рядомъ миеологическихъ преданій. Миео-

ческое чествованіе земледѣлія выразилось:

а/въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга,;

б/въ созданіи мистическаго образа пахаря въ лицѣ Микулы Селяниновича.

7. Дальнѣйшее развитіе Микулы Селяниновича мы видимъ въ Ильѣ Муромцѣ, который является какъ бы переходной ступенью отъ старшихъ богатырей къ младшимъ.

8. Былинный образъ Ильи Муромца довольно сложенъ: помимо своего значенія, какъ областного и сословнаго представителя при княжескомъ дворѣ, Илья Муромецъ является выразителемъ политическихъ взглядовъ и нравственнаго идеала народа.

9. На созданіе былиннаго образа князя Владимира оказало вліяніе христіанство; да и образъ его, какъ государственнаго дѣятеля, представленъ въ былинахъ довольно блѣднымъ и не отвѣчающимъ исторической правдѣ.

10. Младшіе богатыри, подобно Ильѣ Муромцу, являются въ былинахъ представителями провинціальнаго силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Главная ихъ дѣятельность состоитъ въ служеніи при княжескомъ дворѣ и въ борьбѣ съ различными чудовищами.

Послѣдняя дѣятельность младшихъ богатырей воспроизводитъ тревожную эпоху княжескихъ междоусобій.

нимаютъ близкое участіе женщ., дочери и вообще женская половина богатырства. Богатырскія женщины, во первыхъ, хранятъ въ себѣ народную память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мифической; во вторыхъ, являются воплощеніемъ народнаго идеала женщины и, главнымъ образомъ, жены.

12. Помимо отраженія внутренняго быта древней Руси былины содержатъ и указанія на сношенія Руси съ иноземными государствами /напр. былины о Чуримѣ Пленковичѣ и Джикѣ Степановичѣ./ Сопоставляя иноземныя страны съ Кіевскою Русью, былины отмѣчаютъ ихъ культурное и матеріальное превосходство предъ послѣдней.

13. Въ ряду русскихъ былинъ особое мѣсто занимаютъ былины Новгородскія /о Садкѣ и Василіи Буслаевѣ/. Эти былины воспроизводятъ черты внутренняго быта и политической жизни Новгорода.

14. Взглядъ Буслаева на русскія былины занимаетъ примиряющее положеніе въ ряду другихъ теорій объ этомъ предметѣ. Признавая мифологическое толкованіе русскихъ былинъ и не отрицая теорій культурныхъ заимствованій, Буслаевъ, однако главное вниманіе при толкованіи былинъ обращаетъ на то, чтобы отыскать для былинныхъ сказаній реальныя основы въ историко - бытовой жизни русскаго народа.

Былины о Самсонѣ-Святогорѣ въ освященіи теоріи культурныхъ заимствованій.

/И. Н. Ждановъ. "Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи".

А. Н. Веселовскій. Къ разбору труда Жданова /"Къ литер. истр. р. б. поэзіи"/.

Обычнымъ и основнымъ героемъ нашего былевого эпоса, какъ извѣстно, является князь Владимиръ съ его богатырями и съ его кievской обстановкой. Этыхъ кievскихъ временъ, несомнѣнно, касается и начало большинства эпическихъ пѣсень, но съ тѣхъ поръ прошло почти цѣлое тысячелѣтіе и, за исключеніемъ немногихъ записей 17 и 18 вѣка, впервые пѣсня записана только въ самое недавнее время. Не будетъ, поэтому, страннымъ, если первоначальная тема на протяженіи столь долгаго промежутка времени окажется осложненной какими либо новыми чертами. Научныя изслѣдованія нашихъ былинъ и указали намъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ народномъ эпосѣ мы имѣемъ дѣло съ весьма сложнымъ историческимъ явленіемъ, въ которомъ, дѣйствительно, накопились наслоенія разныхъ эпохъ и настроеній. При чемъ эти наслоенія не только исторически - бытового характера, но они могутъ быть и собственно литературныя. "Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинъ", говоритъ проф. И. Н. Ждановъ/ въ предисловіи къ доктор. дис. "Рус. былевой эпосъ"/, "вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ

нашего эпоса и о тѣхъ замѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ?

Посмотримъ же, какими путемъ и съ помощью какихъ средствъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ проф. Эдановъ при изученіи напр. былинь о Самсонѣ и Святогорѣ. Это тѣмъ болѣе интересно, что нѣкоторые изъ слѣдователи, какъ, на примѣръ, Ор. Миллеръ, съ полной рѣшительностью говорятъ о тождествѣ Самсона и Святогора / "Илья Муромца" ..., стр. 217/. Въ пересказахъ одной и той же былины мы, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаемъ взаимное замѣненіе въ именахъ этихъ богатырей и далѣе соединеніе ихъ именъ въ одно: Самсонъ - Святогоръ. Какъ же объяснить подобное явленіе, вызванное, если не тождествомъ названныхъ богатырей, то, во всякомъ случаѣ, ихъ сходствомъ.

Былины о Святогорѣ проф. Эдановъ дѣлитъ на слѣдующіе эпизоды: "1; Встрѣча Святогора съ Ильей Муромцемъ". Въ одномъ изъ пересказовъ упоминается здѣсь еще Святогорова жена, но другіе пересказы объ ней не говорятъ.

"2; Подниманіе тяжелыхъ сумокъ. Этотъ эпизодъ одинаково передается и въ былинѣ о Самсонѣ. ... 3; Женитьба Святогора въ поморскомъ царствѣ; то же

въ былинѣ о Самсонѣ. 4; Смерть Святогора: гробъ въ подпольѣ; примѣриваніе гроба, заключеніе богатыря въ гробу" / Соч. И. Н. Еданова, т. I, СПб., 1904 г. стр. 611 - 12/. Въ былинѣ о Самсонѣ, кромѣ указанных уже эпизодовъ, мы встрѣчаемъ еще два разсказа, не извѣстные по былинамъ о Святогорѣ: "а/ остриженіе волосъ Самсона, послѣ чего богатырь теряетъ свою силу; в/ смерть Самсона подъ развалинами разрушеннаго имъ зданія".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Едановъ шагъ за шагомъ выясняетъ намъ истинное происхожденіе каждаго выдѣленнаго эпизода. Прежде всего онъ останавливается на характерныхъ разсказахъ былинъ о Самсонѣ: остриженіе волосъ, и гибель подъ развалинами. Казалось бы, что эти разсказы допустить прямое и непосредственное сопоставленіе нашей былины въ данномъ мѣстѣ съ библейскимъ разсказомъ, находящимъ въ "Книгѣ Судей". Однако внимательное сличеніе открыло въ былинной передачѣ такія особенности, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены изъ одного только библейскаго разсказа. Вотъ былинная передача. - На вопросъ жены: "отчего ты силенъ". Самсонъ отвѣчаетъ, что у него "на головѣ семь волосъ ангельскихъ". "И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ", и наидя онъ

"луше всѣхъ". А жена его съ своими друзьями остригла ему голову и выколола глаза. Когда онъ проснулся, то дала ему "крѣпостную слушаночку" скитаться между дворами.

Если мы обратимся теперь къ библейскому разсказу, то увидимъ, что Самсонъ, какъ Назорей, некогда не пилъ вина и открылъ Далилъ секретъ своей силы только лишь потому, что чрезмерно любилъ филистимлянку. Разногласіе, какъ видите, существенное, и для объясненія его Идановъ считаетъ нужнымъ допустить, что "на нашу былинку имѣла вліяніе какая то особая редакція сказанія о Самсонѣ, редакція нѣсколько отличная отъ "Книги Судей". Въ краткой Палейъ есть глава "Сказаніе о Самсонѣ богатырѣ". Содержаніе этой главы таково: Самсонъ не слушался своей матери, сталъ пьянствовать съ иноплеменниками; пьянаго и остригла его Далида. - "Далида възвѣсти вся иноплеменникомъ и улучше время благопотребно, унившуся ему вина, остриже ему главу, а въставишу ему отъ сна обрѣтса иначе всякаго челоуѣка немощнѣйше. . . . Отсюда ясно, кажется, само собой, что нашъ былинный разсказъ стоитъ въ прямой связи именно съ этимъ апокрифнымъ сказаніемъ. На еще большую связь былинки и апокрифа указываетъ по

инѣнію Иданова, разсказъ о смерти Самсона: Въ книгѣ Судей" объ этой смерти говорится слѣдующее. Владѣльцы Филистимскіе собрались однажды принести жертву Дагону и повеселиться. Они для забавы призывали Самсона, который попросилъ, сопровождавшаго отрока, подвести его къ столбамъ, на которыхъ былъ утвержденъ домъ. Отрокъ такъ и сдѣлалъ. И сдвинулъ Самсонъ съ мѣста два среднихъ столба и сказалъ: "умри, душа моя, съ филистимлянами". Домъ обрушился на владѣльцевъ и на весь народъ, бывшій въ немъ. Въ краткой Псалѣ подробности, предшествующія смерти Самсона, совершеннаго иного характера. Пируютъ не филистимляне, а жена Самсона съ своимъ любовникомъ въ палатѣ, которую построилъ самъ Самсонъ и такъ хитро, что вся палата держалась на одномъ столбѣ. Самсонъ, у котораго уже отросли волосы, просить опять-таки своего проводника, чтобы тотъ привелъ его къ палатѣ, рушить столбъ и такимъ образомъ губить себя, жену и всѣхъ бывшихъ въ палатѣ". Что былина повторяетъ не библейскій, а именно апокрифическій разсказъ, видно изъ слѣдующихъ ея строкъ:

Приотростимъ /Самсона/ на голову желты кудри,
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:....
"Веди; - ко во свой великой градъ....

У меня ли были полаты построены

На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ?

И когда олужанка привела его "во великой градъ",

Уодивалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:

Сидитъ его жена любимая,

Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.

Славный богатырь свято - русскій

Подошелъ къ столбу ко каменному,

Подъ самый подъ большой уголъ,

Схватилъ ручкамъ бѣлыми,

Поразсыпалъ полаты бѣлокаменны,

И тутъ убило Самсона богатыря.

Но составъ былины о Самсонѣ не исчерпывается, какъ мы раньше видѣли, только этими рассказами - объ остриженіи волосъ и о смерти подъ развалинами.

Не меньшій интересъ возбуждаютъ къ себѣ и другіе эпизоды былины, какъ - то: подниманіе Самсономъ тяжелыхъ сумочекъ, женитьба его въ поморскомъ царствѣ. Появленіе въ былинѣ о Самсонѣ рассказа о подниманіи сумочекъ уже не можетъ быть объяснено заимствованіемъ изъ Библии или Палей: тамъ этого рассказа совершенно нѣтъ.

Быть можетъ, допустимо проникновеніе его изъ былины о Святогорѣ, гдѣ, какъ известно онъ есть. Разъ Самсонъ и Святогоръ стали смѣшиваться въ

народной повви, то естественно, что и рассказ о сумкахъ сталъ общимъ достоянiемъ былинь объ этихъ богатыряхъ. Съ подобнымъ предположенiемъ проф. Идановъ согласиться, однако, не можетъ. Онъ указываетъ, во первыхъ, на тотъ фактъ, что "похвальбу Самсона, составляющую веро всего рассказа о подниманiи земной тяги, мы знаемъ не по однимъ только поодиѣйшимъ былиннымъ пересказамъ. Мы читаемъ эту именно похвальбу въ "Прѣнiи Живота и Смерти," въ рукописяхъ 16 - 17 вѣка." Но допустимъ даже, говоритъ исследователь "что вѣданiя о Святоторѣ и Самсонѣ стали смѣшиваться еще въ 16 и 17 вѣкѣ", причемъ смѣшенiе происходило въ пользу Самсона. Святоторъ, значитъ, забивался. На самомъ же дѣлѣ мы находимъ совсѣмъ не то: "Самсонъ почти забитъ въ былинахъ, а имя Святотора передается въ значительномъ числѣ пересказовъ". И вотъ проф. Идановъ высказываетъ здѣсь такую остроумную догадку: "не скрывается ли и въ тѣхъ отдѣлахъ былины о Самсонѣ, которые не имѣютъ соответствующихъ себѣ извѣстiй въ Библии и Псалмѣ, влiянiя какихъ-нибудь еще не указанныхъ апокрифныхъ сказанiй". Въ подтвержденiе этой мысли онъ указываетъ на похвальбу Самсона въ "Прѣнiи", которая, по его мнѣнiю, представляетъ довольно ясный "замекъ" на

одно изъ такихъ апокрифныхъ сказаній. "Смерть" говоритъ въ "Прѣніи": "Не былъ - ли силенъ Самсонъ. Онъ говорилъ: если бы было кольцо въ землѣ, я повернулъ бы вселенную; но я и его взяла." Какъ бы высказанное предположеніе не было близко къ истинѣ, на немъ проф. Едановъ не считаетъ, однако, достаточнымъ остановиться.

Онъ обращается снова къ "Книгѣ Судей" и подробно анализируетъ извѣстный разсказъ объ избіеніи Самсономъ ослиной челюстью тысячи филистимлянъ и о чудесномъ появленіи воды. Приведя этотъ разсказъ, профессоръ сравниваетъ его съ сообщеніемъ Іосифа Флавія и у послѣдняго находитъ такія новыя подробности. - "Самсонъ послѣ избіенія челюстью тысячи человѣкъ слишкомъ зазнался; это убіеніе онъ сталъ приписывать не божьей помощи, а собственной силѣ. Жалда... Самсонъ раскаивается: ему хотѣлось бы, чтобы "ничто изъ оказаннаго" имъ не было поставлено ему въ вину, чтобы Богъ не прогнѣвался на него за нечестивыя рѣчи". Къ сожалѣнію, о содержаніи этихъ рѣчей ничего не сказано Іосифомъ Флавіемъ, хотя, какъ полагаетъ Едановъ "то поэтическое сказаніе, которое было источникомъ для Іосифа, конечно, знало и передавало эти рѣчи". Народный эпосъ не ограничился бы однимъ

только упоминаніемъ, онъ привелъ бы и самыя рѣчи. Приходится, словомъ, констатировать тотъ фактъ, что въ сообщеніи Іос. Флавія, какъ и въ разсказѣ Библии, есть что-то недосказанное. Проф. Ждановъ и пытается восполнить этотъ пробѣлъ такимъ путемъ. "Въ нашихъ памятникахъ", говоритъ онъ, "Самсонъ хвалится повернуть землю, притянуть небо къ землѣ, смѣшать земное съ небеснымъ: онъ сдѣлалъ бы все это, если бы былъ столбъ отъ земли до неба, если бы въ этомъ столбѣ было кольцо, за которое можно было бы ухватиться". Конечно, такая похвальба является для насъ по меньшей мѣрѣ странной. Самсонъ требуетъ того, чего на самомъ дѣлѣ и быть не можетъ, сравниваетъ свою мощь съ тѣмъ, что не существуетъ. Ключъ къ пониманію такой былинной передачи и даетъ намъ проф. Ждановъ. "Въ этомъ упоминаніи кольца земли, столба до неба," говоритъ онъ, "сохранилось, очевидно, какое то смутное, отрывочное воспоминаніе въ области такого міропредставленія которое знало какія - то опоры неба и земли, при колебаніи которыхъ потряслась бы вся вселенная". Указанія на такое именно міровоззрѣніе профессоръ видитъ въ словахъ Іеговы, обращенныхъ къ Іову: "гдѣ былъ ты, когда я полагаю основанія земли.... На чемъ утверждены основанія ея / въ с

славян. пер. - на чемъ же столпи ея утверждены
суть/или кто положилъ краеугольный камень ея"...
"Столпы небесъ дрежать и ужасаются отъ грома
его" / см. у И. Н. Еданова, соч. т. I, стр. 628/.
Пользуясь вотъ этимъ библейско - апокрифичнымъ
языкомъ, Едановъ находитъ возможнымъ представить
похвалу Самсона въ такомъ видѣ: "моя сила неиз-
мѣрима: я могъ бы поколебать столбы неба, я могъ
бы сдвинуть краеугольный камень земли". Если мы
примемъ теперь во вниманіе тотъ долгій литератур-
ный путь сказанія о Самсонѣ отъ древняго еврейс-
каго эпоса до русской былины нашихъ дней, то
уже не покажутся намъ странными всѣ тѣ измѣненія,
которыя мы найдемъ въ былинной передачѣ. Именно
къ позднѣйшимъ наслоеніямъ Едановъ съ вѣроятнос-
тью относитъ тѣ сумочки переметныя, которыя
упоминаются въ былинѣ о Самсонѣ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не со-
ласиться съ мнѣніемъ нашего изслѣдователя, что
"библейско - апокрифичный Самсонъ, преувеличиваю-
щій свои силы и потомъ доведенный до раскаянія,
и нашъ богатырь, который хвалится своей силой, а
потомъ убѣждается въ своемъ малосиліи, предста-
вляютъ значительныя черты сходства".

Переходя далѣе къ рассказамъ о ко-
нцѣ Сятагора и Самсона, Едановъ говоритъ,

что такіа незначительныя измѣненія, какъ "крѣ-
постная служаночка" вмѣсто библейско - апокриф-
наго "отрока", именины Самсона, суть подновленія
бытовыхъ чертъ и легко отдѣлимы. Но памятники
народно - былевой поэзіи могутъ подвергаться
инымъ, труднѣе распознаваемымъ перемѣнамъ. Къ
числу такихъ перемѣнъ профессоръ относитъ влія-
ніе сказочнаго матеріала на былины - вліяніе,
такъ сказать, "литературнаго оссѣдства". Нагляд-
нымъ примѣромъ къ тому, по его мнѣнію, и могутъ
служить рассказы о женитьбѣ Святогора и Самсона.
Святогоръ въ "побывальщинѣ" спрашиваетъ Микулу:
"...какъ мнѣ узнать судьбину Божию." Микула совѣ-
туетъ поѣхать къ кузнецу, что у "Сиверныхъ
горъ". Святогоръ ѣдетъ и видитъ: "куетъ кузнецъ
два тонкіихъ волоса". На вопросъ богатыря: "А
что ты куешь, кузнецъ" - послѣдній отвѣчаетъ: "Я
кую судьбину, кому на какомъ жениться". - А мнѣ
на комъ жениться " "А твоя невѣста въ царствѣ
Поморскомъ... тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ".
Задумался богатырь: "дай - ^{въ} ка я поѣду тне царст-
во Поморское и убью тую невѣсту". Нашелъ онъ ее
въ "Домашечкѣ убогомъ"... "лежитъ дѣвка во гно-
ищѣ; тѣло у ней точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ
пятьсотъ рублей и положилъ на столъ ... и билъ

ее мечомъ по бѣлой груди...и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулася дѣвка и смотритъ: ст нея точно еловая кора спала...стала она красавицей"...На пятьсотъ рублей"нажила она безсчетну золоту казну"... "Приѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про нея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству". Пришелъ и Святогоръ, влюбился и сталъ "сватать но за себя". А "какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди". Жена рассказала ему обо всемъ, что съ ней было, и "тутъ дозналъ Святогоръ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь". Если мы перейдемъ теперь къ разсказу о женитьбѣ Самсона, то невольно замѣтимъ въ немъ, прежде всего сжатость изложенія при отсутствіи какихъ - либо подробностей, - "Самсонъ, подобно Святогору наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ жениться въ Поморскомъ царствѣ, на дочери Луки Калѣки, которая 30 лѣтъ лежала въ гноищѣ". Самсонъ багатырь послѣ свободы долженъ былъ признать, что "Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати". Видимо, народные пѣвцы не въ состояніи были отчетливо припомнить и воспроизвести содержание разсматриваемаго эпизода.

Отрывочность и спутанность въ изложеніи еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. При такомъ положеніи вещей легко возможны въ быліи весьма значительныя часленія. Для доказательства проф. Идановъ приводитъ нѣсколько справокъ. Святоторъ пріѣзжаетъ къ кузнецу, который куетъ два золотыхъ волоса. Мы вправе ждать, "что эти два волоса должны будутъ получить какое нибудь значеніе... Но въ дальнѣйшемъ рассказѣ нѣтъ и помину объ этихъ волосахъ". Непонятно такъ - же къ чему тѣ деньги, которыя Святоторъ кладетъ на столъ, а потомъ рѣшается на убійство. "Въ изображеніи состоянія дѣвицы," - продолжаетъ исследователь, - "тоже есть какая то путаница. - Кузнецъ говоритъ, что она лежитъ во гробѣ, и только. Но далье сказывается, что невеста Святотора спала очарованнымъ сномъ". Какъ объяснить всѣ эти противорѣчія и недомолвки. Идановъ предлагаетъ обратиться къ сказкамъ и привести цѣлый рядъ ихъ для сопоставленія съ побывальщинами. Предварительно онъ дѣлитъ побывальщины о женитбѣ Святотора и Самсона на двѣ части: а/ разузнаваніе судьбы и в/ приключеніе въ Поморскомъ царствѣ. Чрезвычайное сходство подробностей первой части обнаруживается при сравненіи ихъ сказками с судьбѣ. Вотъ, на примѣръ, сербская сказка. - Были два брата: одинъ лѣнивый,

но богатый, а другой работающий, но бедный. Доля первого представлена в образе красавицы, которая прядет золотую нитку. Доля второго слепая старуха, которая говорит брату - бедняку: "ты родился в сиротинскую ночь, такова и доля твоя". С этой сказкой по словам проф. Еданова, сравнивается у Афанасьева южно - русский рассказ о людской доле. - Казакъ въ лѣсу увидѣлъ старика, который "вязавъ лыка - одно добре, а другое кепьске".... Эти лыка "есть добри и не добри, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ були зли в добрыми, а добры со злыми"... Нельзя не признать, что прядение золотой нитки или скручивание двухъ лыкъ близко напоминаютъ кованіе двухъ золотыхъ волосъ. Здѣсь и тамъ "сближеніе судьбины съ женитьбой". Еще ближе, по мнѣнію Еданова, къ былинѣ сказка о Невѣстѣ - горбунѣ. - Ищеть человекъ невѣсту. Въ церкви одинъ старикъ подводитъ его горбатой нищей и говоритъ: "вотъ твоя судьбина: не обойдешь, не объѣдешь"... Разсердился человекъ и при первомъ удобномъ случаѣ ударилъ нищую тесакомъ, а самъ ушелъ. Горбунья отъ удара только лишилась горба и похорошѣла. Снова встрѣча. Женитьба. Мужъ видитъ рубцы на спинѣ жены и узнаетъ, "отчего онѣ". Выводъ: "суженой не обойдешь, не объѣдешь".

При изученіи второй части побывальшинъ о Самсонѣ и Святогорѣ / приключеніе въ Помор. царствѣ / нужно обратиться къ сказкамъ о добываніи "живой воды". Множество вариантовъ этихъ сказокъ приведено Идановымъ въ своемъ трудѣ. Есть здѣсь и русскія сказки, сербская, греческая, нѣмецкая, италянская, аварская. Не будемъ приводить ихъ всѣ. Достаточно ознакомиться съ ихъ общимъ содержаніемъ, которое таково. - Живетъ больной / слѣпой / царь. Нужно достать ему "живой воды". Изъ трехъ сыновей только младшій имѣетъ успѣхъ. Онъ при помощи вѣщей женщины или старика, которые, обыкновенно, даютъ ему совѣты и "чуднаго коня", проникаетъ въ городъ, гдѣ хранится "живая вода". При этомъ, въ нѣкоторыхъ сказкахъ передаются такія подробности: вокругъ города натянуты струны, которыя при малѣйшемъ прикосновеніи начинаютъ звучать и будятъ спящую красавицу. На пути въ городъ чудный конь переноситъ царевича благополучно. Вода добыта, но красота спящей дѣвицы поражаетъ смѣльчака. Любовь. На память оставляется перстень, записки и т. п. Обратный скачекъ черезъ стѣны, но уже не столь удачный: конь за дѣваетъ за струны. Красавица просыпается, замѣчаетъ, что съ ней было, и пускается въ погоню.

Царевичу удается спастись от преслѣдованій.

"Живая вода" доставлена, и царь становится здоровъ. Красавица все еще ищетъ своего суженаго. Въ концѣ концовъ она его находитъ и вступаетъ съ нимъ въ бракъ.

Привлеченіе столь обширнаго сказачнаго матеріала для сравненія съ побывальщинами о женитьбѣ Святогора и Самсона дало возможность проф. Жданову прийти къ весьма цѣннымъ выводамъ. Прежде всего, онъ установливаетъ тотъ фактъ, что "сказка о живой водѣ и сказка о горбунѣ родственны одна другой. Это - сказки о суженой". Намъ не должно смущать то обстоятельство, что въ одной сказкѣ мы имѣемъ дѣло съ горбатой, а въ другой - со спящей красавицей. "Чудесный сонъ и болѣзнь или уродство", по мнѣнію Жданова; только два варианта тѣхъ превращеній, о которыхъ такъ часто говорится въ сказкахъ. Въ устно - передаваемыхъ сказкахъ эти разновидности превращенія могутъ замѣняться одни другими, или даже соединяться одни съ другими. Примѣръ такого соединенія и представляетъ побывальщина о Самсонѣ - Святогорѣ. Въ побывальщинѣ смѣшаны два ряда сказочныхъ подробностей. Одинъ рядъ совпадаетъ со сказкой о Горбунѣ: болѣзнь суженой, желаніе богатыря отдѣлаться отъ нея, ударъ

мечемъ; другой рядъ напоминаетъ сказку о "живой водѣ": сонъ невѣсты; деньги, оставляемые богатыремъ " въ сказкахъ - перстень, записки и т.п. /

Разсмотрѣвъ теперь самый рассказъ о женитьбѣ Самсона - рассказъ, ничего общаго не имѣющій ни съ библіей, ни съ апокрифомъ, мы все таки еще не знаемъ какимъ путемъ онъ могъ войти въ былинну. На этотъ вопросъ проф. Едановъ считаетъ возможнымъ отвѣтить только " гадательными соображеніями". Онъ высказываетъ ту мысль, что гибель Самсона отъ жены еще помнилась народными пѣвцами, но обстоятельства его женитьбы уже почезли изъ ихъ представленія. Оставалась въ памяти только самая идея библейско апокрифнаго рассказа о неизбѣжности этой женитьбы - идея, которая повторяется и въ сказкахъ. "Подъ вліяніемъ ихъ", полагаетъ Едановъ, " и сложился рассказъ о томъ, какъ Самсонъ добывалъ себѣ невѣсту въ Поморскомъ царствѣ"... Интересно прослѣдить тотъ путь отъ памятниковъ библейско-апокрифныхъ черезъ сказки къ былинѣ, который весьма удачно намѣчаетъ намъ исследователь. "Въ какомънибудь поучительномъ памятникѣ", говоритъ онъ, "могло быть сказано, что Самсонъ, служитель истиннаго Бога, женится на женщинѣ,

покрытой струпами нечестія и грѣха. Такой переносный смыслъ легко могъ забываться; сравненіе стало принимать характеръ реальности. Въ силу этого народная поэзія уже безпрепятственно могла замѣнить нечестіе болѣзнью.

Создается образъ невѣсты Святогора, лежащей "тридцать лѣтъ во гробищѣ... тѣло у ней точно еловая кора". Такимъ же образомъ можно объяснить и появленіе въ былинѣ скавочнаго кузнеца, который "куетъ два тонкіихъ волоса". Въ некоторыхъ преданіяхъ Самсонъ надѣленъ, оказывается, золотыми волосами. "Эти золотые волосы" — думаетъ проф. Идановъ — какъ "источникъ силы и причина гибели Самсона, и могли дать поводъ къ внесенію въ былину о Самсонѣ подробностей, напоминающихъ сказки о судьбѣ".

Изъ составныхъ частей былинны о Святогорѣ остались не рассмотрѣнными: встрѣча съ Ильей Муромцемъ, примѣриваніе гроба. Въ былинѣ о Самсонѣ — Святогорѣ рассказъ о встрѣчѣ съ Ильей передается такъ: Илья наѣхалъ на Самсона и ударилъ его трижды "палицей", а Самсонъ схватилъ Илью и посадилъ въ карманъ. Конь отказывается вести двухъ богатырей. Тогда Самсонъ вынимаетъ Илью и отправляется съ нимъ "ко Свя-

тымъ герамъ". Встрѣча богатырей совершенно сходно передается и въ пересказахъ съ однимъ только именемъ Святогора. Только одинъ вариантъ дополненъ некоторыми подробностями. Илья наѣзжаетъ на шатеръ и въ немъ засыпаетъ. Ѣдетъ Святогоръ и беретъ съ собою жену въ хрустальномъ ларцѣ. Отъ испуга Илья влѣзаетъ на дубъ, а Святогоръ ложится на его мѣсто и засыпаетъ. Жена, замѣтивъ Илью, проситъ его "любовь съ ней сотворить", а потомъ сакаетъ его, къ мужу во глубокъ карманъ". Святогоръ просыпается и Ѣдетъ дальше, но конь спотыкается. Святогоръ вытаскиваетъ Илью и узнаетъ объ измѣнѣ жены. Ее онъ убиваетъ, а съ Ильей мѣняется крестомъ и называетъ его "меньшимъ братомъ". При объясненіи происхожденія этого разсказа о богатырской женѣ проф. Едановъ ссылается на рядъ свидѣтельствъ другихъ изслѣдователей. Такъ, по словамъ, Ор. Миллера, разсказъ о Святогоровѣй женѣ оказался сходнымъ съ сказкой "Туть - ти - наме", а по мнѣнію **Naumbaud** - съ одной изъ сказокъ "Тысячи и одной ночи". А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, "что этотъ эпизодъ включенъ въ былинну позднѣе и нѣсколько внѣшнимъ образомъ"....

Въ большинствѣ случаевъ въ рассмотрѣнныхъ эпизодахъ / встрѣча двухъ богатырей / въ

бышинѣ о Святогорѣ соединяется рассказъ о при-
мѣриваніи гроба и о смерти старшаго богатыря. -
Приѣзжаютъ Илья и Святогоръ на "святныя горы и
здѣсь находятъ великій гробъ. На немъ подпись:
"Кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ля-
жетъ". Легъ сначала Илья; гробъ для него оказал-
ся слишкомъ великъ. Легъ Святогоръ; гробъ пришел-
ся по немъ. Богатырь взялъ крышку и самъ закрылъ
его гробъ". Поднять обратно крышку онъ не можетъ,
какъ "не силится"; не можетъ этого и сдѣлать и
Илья. Тогда Святогоръ говоритъ Ильѣ: "возьми мой
мечъ кладенецъ и ударь поперекъ крышки". Илья не
въ силахъ поднять мечъ. Святогоръдохнулъ изъ
гроба, и у Ильи сразу прибыло силъ. Онъ поднялъ
мечъ и ударилъ по гробу: выросла полоса желѣзная.
Ещедохнулъ на него Святогоръ, еще ударъ, и еще
полоса". Хотѣлъ Святогоръ ещедохнуть на Илью, но
тотъ отказался. "Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
промолвилъ Святогоръ, что не послушалъ моего
последняго наказа; ядохнулъ бы на тебя мертвымъ
духомъ, и ты бы легъ мертвымъ подлѣ меня"...
"Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился
Илья съ Святогоромъ"... Интересно, между про-
чимъ, отмѣтить тотъ, указанный Ждановымъ, фактъ,
что подобный же рассказъ существуетъ и объ Ильѣ
Муромцѣ, Добрынѣ и Алешѣ - Поповичѣ, при чемъ

Илья оказывается въ положеніи Святогора. Область распространенія этого разсказа о примѣриваніи гроба, однако, далеко не ограничивается только лишь русскимъ народнымъ эпосомъ. Мы находимъ подобныя же разсказы въ сказаніяхъ разныхъ народовъ. Древнѣйшимъ изводомъ, по мнѣнію Жданова, является миеъ объ Озирисѣ. Вотъ что передаетъ Плутархъ: Тифонъ тайно снялъ мѣрку съ Озириса и сдѣлалъ по ней пышно украшенный ящикъ. На пиру онъ показывалъ этотъ ящикъ гостямъ и обѣщалъ его отдать тому, кому онъ придется впору. Ящикъ пришелся по росту только Озирису, котораго единомышленники Тифона закрыли крышкой, а потомъ бросили въ рѣку. Варіанты этого разсказа, болѣе близкіе къ нашей билинѣ, Ждановъ усматриваетъ а/апскрифныхъ преданіяхъ мусульманскихъ и еврейскихъ, в/ въ сказкахъ. Weil въ "Biblische gegenden der Muselmänner" приводитъ, по словамъ нашего изслѣдователя, слѣдующее мусульманское преданіе о смерти Аарона. - По повелѣнію ангела Моисей и Ааронъ отправились на гору и тамъ нашли гробъ съ надписью: "Я назначенъ для того, кому буду впору". Ложится сначала Моисей, но гробъ для него оказывается малъ. Легъ тогда Ааронъ; гробъ пришелся какъ разъ по его росту. Ааронъ умеръ... Это му-

сульманское преданіе представляетъ, по словамъ Weil'a только лишь повтореніе подобнаго же еврейскаго сказанія. Но проф. Ждановъ указываетъ среди мусульманскихъ преданій точно такой же самостоятельный рассказъ о смерти Моисея. Моисей идетъ въ горы. Тамъ роютъ могилу. Онъ спрашиваетъ: "для кого эта могила". Ему отвѣчаютъ: для человека, котораго Богъ хочетъ взять къ себѣ на небо". "Но сняли ли вы мѣрку съ умершаго". - спросилъ опять Моисей. - "Нѣтъ... но онъ былъ какъ разъ такого же росту, какъ ты; не откажись лечь въ могилу, чтобы видѣть, вѣрно ли она сдѣлана". Когда Моисей легъ, предъ нимъ предсталъ Ангель смерти. Моисей умираетъ. Этотъ же вариантъ воспроизводится, по словамъ Жданова, въ одномъ южно-русскомъ преданіи, которое приурочено впрочемъ не къ Моисею, а къ Соломону. Вѣлающіе познакомятся съ содержаніемъ могутъ найти его въ I т соч. Жданова, стр. 656/.

Что касается теперь сказокъ, то примѣриваніе гроба упоминается въ нихъ также нерѣдко. Вотъ, на примѣръ, сербская сказка. Царевичъ дѣлаетъ гробъ въ саду дракона, которому говоритъ, что этотъ гробъ назначается для недавно умершаго турка. Драконъ изъ любопытства ложитъ

ся самъ. Гробъ заколоченъ и доставленъ царю. Тѣ же подробности повторяются въ сказкахъ итальянской, греческой, аварской. Обманомъ заколачиваются людоѣдъ, дракъ, чудовище Картъ. Изъ русскихъ сказокъ въ этомъ отношеніи интересна связка о Солдатѣ и Смерти. — Солдатъ не умѣетъ лечь въ гробъ: ложится на одинъ гробъ: ложится то на одинъ бокъ, то на другой, то на грудь, Смерть, желая научить солдата, ложится сама; ее солдатъ закрываетъ крышкой и бросаетъ въ рѣку.

Не трудно теперь убѣдиться, что нашъ былинный рассказъ о примѣриваніи гроба и о смерти старшаго богатыря особенно близокъ къ еврейско - мусульманскимъ преданіямъ о смерти Аарона. "Гробница, надгробье на ней, примѣриваніе гроба Моисеемъ, смерть Аарона" — все это такія подробности, которыя мы видѣли и въ былинѣ о Святгорѣ / имена въ счетъ неидутъ /.

Вмѣстѣ съ этимъ не будемъ, впрочемъ, отрицать и вліянія сказокъ. "Въ сказкахъ" говоритъ проф. Едановъ, — "гибнетъ въ гробу злое, чудовищное существо"... И умирающій Святгоръ тоже рисуется какимъ — то стралинымъ, губящимъ существомъ. Онъ хочетъ дохнуть на Илью "мертвымъ духомъ".

Послѣ столь подробнаго разсмотрѣнія-

эпизодовъ былины о Самсонѣ и Святоторѣ проф. Ждановъ приводитъ къ одному цѣлому всѣ тѣ частичные выводы, съ которыми мы уже имѣли возможность познакомиться. Итакъ, — говоритъ онъ, — "основа былины о Самсонѣ библейско - апокрифная легенда. Въ двухъ эпизодахъ / остриженіе волосъ и смерть подъ развалинами зданія / былинные пересказы только повторяютъ то "сказаніе о Самсонѣ", которое находится въ краткой Псалмѣ. Похвальба Самсона..., повидимому, также представляетъ остатокъ какого то / пока еще не извѣстнаго намъ вполне / апокрифнаго преданія. Позднѣйшее измѣненіе основнаго сказанія опредѣлилось вліяніемъ литературнаго сосѣдства. Библейско - апокрифное сказаніе всего легче, конечно, допускало примѣсь изъ памятниковъ одного съ нимъ рода. Это и мы видимъ въ рассказѣ о примѣриваніи гроба, повторяющемъ еврейско - мусульманское преданіе о смерти Аарона и Моисея - Сказаніе, ставшее достояніемъ русскаго народнаго эпоса, не могло уединиться отъ вліянія самыхъ извѣстныхъ, самыхъ распространенныхъ памятниковъ русской словесности - сказокъ. Рассказы о Святоторовой жемѣ, носимой въ ларцѣ, о женитьбѣ богатыря въ Поморскомъ царствѣ служатъ подтвержденіемъ этого вліянія. Измѣненіе шло дальше. Замосное сказаніе дало матері-

риаль для русской былевой пѣсни. Самсонъ вступилъ въ ряды русскихъ могучихъ богатырей. . . . Измѣненіе коснулось, наконецъ, самаго имени Самсона. У Самсона отыскался какой - то страшный двойникъ который то сливается съ нимъ въ одинъ поэтическій образъ / Самсонъ - Святогоръ /, то отдѣляется отъ него какъ особое эпическое лицо". . . .

Интересна гипотеза, выставленная здѣсь Идановымъ, о происхожденіи имени Эпического богатыря Святогора. Дѣло въ томъ, что имя "Святогоръ" соединяется еще въ былинахъ съ именемъ Егорія Храбраго. Профессоръ и полагаетъ, что, какъ въ былинномъ - Егоръ - Святогоръ послѣднее слово имѣетъ значеніе дополнительнаго прозвища къ первому, потому что сходства между двумя этими эпическими образами нѣтъ никакого, такъ одинаковое значеніе слово "Святогоръ" или "Святогорскій" имѣло при имени "Самсонъ". "Правда," говоритъ исследователь, - "въ былинахъ "Самсонъ" и "Святогоръ" употребляются иногда какъ самостоятельныя личныя имена, но это толькопозднѣйшее измѣненіе, позднѣйшее раздвоеніе одного эпическаго образа, давшее намъ богатырей двойниковъ". Любопытенъ, при этомъ, и тотъ фактъ, что въ былинахъ Святогоръ является въ какой той постоян-

ной связи съ "Святыми горами". Не есть - ли самое имя "Святгоръ", какъ утвердительно думаетъ Едановъ - "выраженіе смутнаго воспоминанія о библейско - апокрифномъ происхожденіи богатыря

Въ заключеніи остановимся на тѣхъ данныхъ, собранныхъ нашимъ исследователемъ, которыя говорятъ за широкую извѣстность сказанія о Самсонѣ среди христіанскихъ народовъ. Мы уже видѣли, что въ русскомъ былевомъ эпосѣ Самсонъ зачисляется въ ряды могучихъ богатырей.

Имя Самсона, по словамъ Еданова, встрѣчается и въ памятникахъ старо - Французскаго эпоса, какъ имя одного изъ перовъ Карла Великаго, и въ древне - Сѣверныхъ сагахъ / Въ книгѣ Рассмана "Deutsche Heldensage" "приведенъ даже цѣлый переводъ датской пѣсни о Самсонѣ - см. прим. Еданова стр. 664/. Правдѣ, въ этихъ памятникахъ европейскаго эпоса Самсонъ, "мало напоминаетъ Самсона библіи", но тѣмъ не менѣе "едва ли можно допустить, что въ поэтическую память попало одно только имя". - Не имена, а сказанія занимаютъ народный эпосъ. Согласимся даже, что имя Самсона явилось путемъ подмѣна, но и для этого "должны были существовать", говоритъ проф. Едановъ, "основаніе въ какомъ то сходствѣ, которое откри

вала эпическая фантазія между древней національной сагой и преданіемъ изчужа".

Упомянемъ, наконецъ, о одѣланномъ проф. Ждановымъ опроверженіи мнѣнія Вольера, что эпизодъ съ сумочкой напоминаетъ легенду о св. Христофорѣ. Послѣ весьма обстоятельнаго разбора этой легенды нашъ изслѣдователь рѣшительно отрицаетъ вліяніе ея вообще на какой либо изъ памятниковъ русской народной словесности. Въ частности объ отношеніи легенды къ нашей былинѣ Ждановъ выражается такъ: "оба памятника развивались каждый своимъ путемъ. Былина шла отъ библейско - апокрифнаго преданія и перерабаталась въ народную эпическую пѣсню. Въ основѣ легендарнаго разсказа лежалъ аллегорическій образъ христоносца, слившійся потомъ съ житіемъ св. Христофора".

На этомъ проф. Ждановъ и заканчиваетъ свой анализъ былины о Самсонѣ и Сятегорѣ. Для полноты картины будетъ не лишнимъ остаться на тѣхъ критическихъ замѣткахъ, которыя были высказаны по поводу нѣкоторыхъ положеній труда Жданова. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья ак. А. Н. Веселовскаго, помѣщенная въ журналѣ М. Н. Пр-ія за 1884 г. /Январь, 359 стр./ Отдавая въ ней должную дань точному и

и критическому методу проф. Яданова, ак. Веселовской не хочется, однако, согласиться съ нѣкоторыми построениями разбираемаго сочиненія. Прежде всего онъ считаетъ болѣе правильной слѣдующую точку отправления въ изложеніи: "не отъ Самсона къ Святогорю, а на оборотъ". Въ былинахъ о Святогорѣ, говоритъ Веселовскій, мы не находимъ, "ни семи ангельскихъ волосъ, ни ихъ остриженія, ни гибели подъ развалинами дома, ни прозвища Манойловичъ", взятаго отъ Маноя - имени Самсонова отца по Книгѣ Судей"; на оборотъ что поется о Святогорѣ, встрѣчается отчасти и съ именемъ Самсона, но далеко не все. Если присоединить къ этому и цѣльность, въ которой представляется намъ пѣсенная біографія Святогора, то и будетъ оправдана названная точка отправления! Въ частности, по поводу сближенія библейскаго разсказа о избіеніи Самсономъ ослиной челюстью съ былиннымъ эпизодомъ о подниманіи чудесныхъ сумочекъ Всеволодовскій вводитъ существенное добавленіе. Онъ ссылается на мнѣніе Шульце, что ослиная челюсть есть "позднѣйшее измѣненіе болѣе древняго европейскаго выраженія, означавшаго: сила земли". А разъ это такъ, то и параллель къ "земной тягѣ" въ былинныхъ сумочкахъ становится вполне естествен-

ной. - "Въ землѣ - сила, но вмѣстѣ и та страшная, увлекающая тяга, противъ которой не устоятъ чело-вѣку". Извѣстенъ изъ былинъ о Вольгѣ"; продол-жаетъ развивать свою мысль Веселовскій; "образъ Микулы, , грандіознаго пахаря, котораго сопоста-вляли съ Византійскимъ императоромъ Гугономъ. . . Гугонь пашеть правда, драгоценнымъ плугомъ, но пашеть не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму:" въ потѣ лица твоегои будетъ есть хлѣбъ. доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ"..... Помнить эти слова и пресвитерь Иоаннь, " передъ лицомъ котораго всегда носили сосудъ, наполненный землею: символъ смертности". Отсюда и значеніе не подъемныхъ сумокъ съ зем-лей / въ Талмудѣ вмѣсто нихъ мертвая голова, въ Александровскихъ сказаніяхъ - камень - глазь, въ нартской сказкѣ о Сосланѣ "лежитъ сумочка, въ которой что - то такое, величиной съ человѣчес-кую голову" / ясно само по себѣ:" За кощунствен-ною похвальбой богатыря онѣ являются, какъ напо-минаніе, о смертномъ часѣ, который тотчасъ и наступаетъ". Равбирая далѣе побывальщину о же-нитѣбѣ Святогора, Веселовскій такъ объясняетъ значеніе коры, которою покрыта "суженая" Святого-ра. Въ ново- греческихъ пѣсняхъ, говоритъ онъ,

есть упоминаніе о томъ, какъ обрастаетъ волосами
авыкъ отъ частыхъ распросовъ; въ русскихъ сти-
хахъ о Егоріи выводятся обросшія сестры - поло-
нянки, находящіяся въ мракѣ невѣрія; въ поэмѣ о
Вольфдитрихѣ выводятся обросшая Эльза. Быть мо-
жетъ, и "суженная" Святогора охарактеризована
такимъ же образомъ для того, чтобы указать на
ея "внутреннюю нечистоту, прирожденную пороч-
ность".

За это, повидимому, говорить и эпизодъ былины о
измѣнѣ Святогоровой жени съ Ильей Муромцемъ.

Нужно замѣтить, что Веселовскій въ рассматривае-
мой нами статьѣ уже отказывается отъ прежняго
своего взгляда, что рассказъ о невѣрной женѣ

Святогора "включенъ въ былинную позднѣе и нѣсколь-
ко внѣшнимъ образомъ". Теперь онъ, наоборотъ,

склоненъ признать этотъ рассказъ "органическимъ
для былины о Святогорѣ", "продолженіемъ расска-
за о суженой". Извѣстенъ страхъ Святогора, когда
ему указана была его "суженая". Не ясно - чего
собственно боялся богатырь и почему такъ спѣ-
шилъ отдѣлаться отъ своей невѣсты. Убивать ее,
казалось, не было смысла, разъ она находилась въ
такомъ жалкомъ состояніи. Веселовскій и предпола-
гаетъ, что Святогору была предсказана измѣна же-

ны, о чемъ былина могла забыть. Желая "отвратить осуществленіе такого пророчества, Святогоръ и наноситъ двѣмъ смертельный, по его мнѣнію, ударъ; онъ она остается въ живыхъ и позднѣе выходитъ за него замужъ. Тогда онъ возитъ ее съ собою въ заперти, въ ларцѣ , но и на этотъ разъ...ему не удается уйти своей судьбы"

Въ конечномъ выводѣ своей статьи ак.

Веселовскій высказываетъ тотъ взглядъ, что нужно "отдѣлить пока Святогора отъ Самсона, предоставивъ послѣднему остриженіе, ослѣпленіе, смерть подъ развалинами, семь волосъ и прозвище Манойловичъ, второму - же всѣ остальные эпизоды /суженая, невѣрность жены, похвальба и сумочки, не ободенный гробъ/. При этомъ" пѣсни и черты, общія тому и другому богатырю, придется объяснить перенесеніемъ, вполне понятнымъ при схожихъ другъ съ другомъ богатырскихъ типахъ. Оттуда и постоянная замѣна одного имени другимъ"
Такое заключеніе обосновано на слѣдующихъ данныхъ. Во первыхъ, трудно съ образомъ библейско-апокрифнаго Самсона соединить эпизодъ о женитьбѣ въ Поморскомъ царствѣ: нужно въ такомъ случаѣ предположить полную предѣлку библейскаго разска-

ва. Во вторыхъ, хотя и можно сравнить невѣрность жены съ рассказомъ о предательствѣ Далилы, но такое сравненіе указывало бы лишь на близость общаго типа, а не положенія. Несравненно болѣе близки между собою былинный пересказъ и библейская легенда о Самсонѣ и его женѣ, о его семи волосахъ, но и здѣсь мы не должны забывать, что "этотъ /единичный/ пересказъ сохранился лишь съ именемъ Самсона, а не Святогора".

Таковы въ общихъ чертахъ рядъ возраженій, сдѣланныхъ ак. Веселовскимъ по поводу, рассмотренной нами, работы проф. Жданова. Не отрицая научнаго значенія этихъ возраженій, трудно, въ свою очередь, не замѣтить той обширной начитанности, осмотрительной критики и нерѣдко весьма остроумныхъ сближеній, которыми отличается изслѣдованіе проф. Жданова. Своей работой Ждановъ, какъ достойный ученикъ ак. Веселовскаго, выводитъ изученіе русскаго былевого эпоса на широкую международную дорогу. Мы видѣли, что для сравненія, и не безъ успѣха, привлекается имъ обширный матеріаль, не только русской, но и западно - европейской литературы; не забыты также образцы и восточнаго литературнаго богатства. Все это, безусловно, способствуетъ развитію глу-

бокаго интереса при изученіи русскаго эпоса. Разъ устанавливается общеніе нашего народнаго творчества еще въ древности съ Западомъ и Востокомъ, то невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ это общеніе вызывалось, при какихъ этнографическихъ условіяхъ оно возникало и развивалось? Нѣтъ - ли въ этомъ общеніи указаній на принадлежность древняго русскаго народа къ общему культу, распространенному на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ теперь встрѣчаются сходные сюжеты? Здѣсь нѣтъ уже мѣста узкому взгляду на нашъ былинный эпосъ, какъ продуктъ самостоятельнаго творчества русскаго народа; нѣтъ повода къ увлеченіямъ въ духъ русскаго народническаго романтизма. Научная мысль развилась свободнѣй и шире, сдѣлавъ изученіе русскаго эпоса частью общей европейской науки.

Т Е З И С И .

Народный эпосъ весьма сложное историческое явление, въ которомъ накопились наслоенія разныхъ эпохъ и настроеній.

Изученіе былинъ о Самсонѣ - Святогорѣ убѣждаетъ насъ въ томъ.

Составныя части былинны о Самсонѣ:

I; Остриженіе волосъ и гибель подъ развалинами. Сличеніе этого эпизода съ библейскимъ рассказомъ.

Рефер. по народ. слов. Листъ 6-ой.

/"Книга Судей"/ и съ "Сказаніемъ о Самсонѣ" краткой Цален указываетъ на большую связь былинной передачи именно съ апокрифнымъ "Сказаніемъ". 2; Подниманіе Самсономъ тяжелыхъ сумочекъ, соединенное съ похвалой богатыря. Этотъ эпизодъ одинаково передается и въ былинѣ о Святоторѣ, тѣмъ не менѣе онъ не заимствованъ отсюда былинной о Самсонѣ. Въ ней онъ возникъ подъ влияніемъ "какихъ - нибудь еще не указанныхъ апокрифныхъ сказаній". Похвальба Самсона въ "Прѣніи Живота и Смерти" представляетъ, по мнѣнію проф. Жданова, "намекъ" на одно изъ такихъ сказаній. Что касается Библии, то здѣсь мы находимъ лишь рассказъ объ изеніи Самсономъ ослиной челюстью тысячи филистимлянъ и о чудесномъ появленіи воды - рассказъ, который дополняется сообщеніемъ Іосифа Флавія. Однако и въ этомъ сообщеніи, какъ и въ рассказѣ Библии, есть что-то недосказанное. Проф. Ждановъ восполняетъ пробѣлъ, находя возможнымъ представить похвальбу библейскаго Самсона въ опредѣленномъ видѣ. Сумочки же переметныя изслѣдователь относитъ къ позднѣйшимъ наслоеніямъ.

Отсюда - библейско - апокрифный Самсонъ и нашъ богатырь "представляютъ уже значительныя чер-

ти сходства".

3; Женидьба Самсона въ Поморскомъ царствѣ. Этотъ эпизодъ передается и въ былинѣ о Святоторѣ, только въ болѣе распространенномъ видѣ. Происхождение его объясняется вліяніемъ сказочнаго матеріала. Въ разсказѣ о женидьбѣ Самсона и Святотора двѣ части: а/ разузнаваніе судьбы и в/ приключеніе въ Поморскомъ царствѣ. Чрезвычайное сходство подробностей первой части обнаруживается при сравненіи ихъ съ сказками о судьбѣ, а подробностей второй - съ сказками о "живой водѣ". Примѣрами служатъ сказки-русская, серб., греч., нѣмец., итальян., аварская. Путь для проникновенія въ былинную разсказу о женидьбѣ Самсона представляется такъ: гибель библейскаго Самсона отъ жены помнилась народными пѣвцами, но обстоятельства женидьбы забылись. Оставалась въ памяти только идея о неизбѣжности этой женидьбы, а такая идея повторяется и въ сказкахъ. Переходъ къ нимъ отъ библейско-алокрифныхъ сказаній облегчался и переноснымъ смысломъ поучительныхъ памятниковъ.

Къ составнымъ частямъ былинны о Святоторѣ относятся еще.

I; Встрѣча съ Ильей Муромцемъ, причемъ одинъ изъ

пересказовъ дополненъ подробностью о Святогоро-
вой женѣ.

2; Примѣриваніе гроба и смерть старшаго богатыря
Вариантами этого разсказа, болѣе близкими къ на-
шей былинѣ, являются мусульманскія и еврейскія
преданія; рядъ сказокъ /рус., серб., итал., греч.,
авар.,./ о примѣриваніи гроба въ свою очередь ока-
залъ вліяніе на былинѣ.

Общій выводъ. - "Основа былинны о Самсонѣ-
библейско - апокрифная легенда". Позднѣйшее измѣне-
ніе основнаго сказанія произошло подъ вліяніемъ
"литературнаго сосѣдства".

Происхожденіе и значеніе имени "Святогоръ". Широ-
кая извѣстность сказанія о Самсонѣ среди христіан-
скихъ народовъ. Неосновательность мнѣнія Вольне-
ра, что эпизодъ съ сумочкой напоминаетъ легенду
о Христофорѣ".

Критика ак. А. Н. Веселовскаго на нѣ-
которыя положенія труда проф. А. Н. Шданова.

Нужно исходить въ изложеніи " не отъ Самсона
къ Святогору, а наоборотъ".

При сближеніи библейскаго разсказа о избіеніи
Самсономъ ослиной челюстью съ былиннымъ эпизо-
домъ о подниманіи сумочекъ необходимо имѣть въ
виду, что ослиная челюсть" есть измѣненіе бо-

лѣе древняго выраженія - "сила земли". Кора, которую покрывает "суженая" Святогора, символъ "внутренней нечистоты, прирожденной порочности". За это говоритъ и рассказъ о богатырской женѣ, который Веселовскій считаетъ уже "органическимъ для былинны", продолженіемъ рассказа о суженой".

Въ, конечномъ выводѣ ак. Веселовскій предлагаетъ отдѣлить пока Святогора отъ Самсона, а черты, общія тому и другому богатырю, онъ считаетъ перенесеніемъ, вполне понятнымъ при схожихъ богатырскихъ типахъ.

Научное значеніе изслѣдованія проф. Иданова въ области изученія народнаго эпоса.

Нечаевъ Василій ст. 4-аго курса.

ТЕОРІЯ ВОСТОЧНАГО ВДІЯ -
НІЯ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУС -
СКИХЪ БЫЛИНЪ ВЛАДИМИРА СТА -
СОВА, ЕЯ КРИТИКА И СУДЬБА .

/ Происхождение русских былинъ. Статья В. Ста -
сова въ " Вѣстникѣ Европы " за 1868 г. Рѣчь, пре -
знесенная привать - доцентомъ И. Некрасовымъ на
торжественномъ актѣ Императорскаго Новороссійска -
го Университета 30 августа 1869 г. Одесса 1869 г.
Илья Муромецъ и богатырство кievское. Ор. Миллеръ

О происхожденіи русских былинъ. Статья А.
Розова въ " Трудахъ Киевской духовной Академіи " -
за 1871 г. Тома I, 2 и 3-ій. Восточныя основы
русскаго былиннаго эпоса. Статья Г. Потанина въ
" Вѣстникѣ Европы " за 1896 г. Тома I и 2-ой. /

Съ тѣхъ поръ какъ ученые занялись изслѣдованіемъ
русскаго народнаго эпоса, вопросъ о происхожденіи
былинъ занималъ разныхъ изслѣдователей , рѣшав -
шихъ его каждый по своему. Не имѣя въ виду разма -
тривать всѣ существующія по этому вопросу мнѣнія,
остановлюсь только на мнѣніи В. Стасова, высказы-

номъ имъ въ " Вѣстникъ Европы " въ его статьѣ
" Происхожденіе русскихъ былинъ " .

Не соглашаясь ни съ мифологической, ни съ исторической теоріями, Стасовъ путемъ сравненія былинъ съ разными восточными разсказами, вышедшими изъ Индіи, пришелъ къ заключенію, что русскія былины заимствованы ихъ составителями съ востока.

Для своего изслѣдованія Стасовъ беретъ только характерныя, согласно его мнѣнію, по своему содержанію былины. Поэтому онъ разсматриваетъ по одной былинѣ о старшихъ богатыряхъ такъ называемаго новгородскаго Цикла и нѣсколько о младшихъ богатыряхъ.

Прежде всего онъ изслѣдуетъ составъ русскихъ былинъ и соответственныхъ имъ восточныхъ разсказовъ и находитъ полное сходство между ними и въ цѣломъ и въ частяхъ. Притомъ онъ обратилъ вниманіе на странныя вставки въ былинахъ, не имѣющія никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ повѣствованіемъ былины. Онѣ становятся понятными, если мы признаемъ фактъ ихъ заимствованія. Такъ въ былинахъ о Добрынѣ и въ разсказахъ о Кришнѣ въ индійской повѣсти Гариваншѣ онъ указываетъ много точекъ соприкосновенія и сходства, очень близкихъ другъ къ другу, которыя, по его мнѣнію, ни вызываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ зависимости первыхъ отъ послѣднихъ. Добрыня это богъ Кришна; его крестовый братъ Иванъ Дубровицъ, или Маркопаробокъ - родной

братъ и сподвижникъ Кришны Баларама, или Санкаршана. Какъ Добрыня, такъ и Кришна рано и успѣшно учатся. Про Добрыню пророчили, что онъ убьетъ змѣя и про Кришну старецъ - отшельникъ предсказалъ, что онъ совершитъ великіе подвиги и убьетъ Канзу. Тотъ и другой проводятъ дѣтство въ играхъ и забавахъ Добрыня съ выбранными молодыми товарищами, а Кришна съ выбранными молодыми пастухами. Добрыня побѣждаетъ двѣнадцатиголоваго змѣя, а Кришна такимъ же образомъ пятиголоваго. При побѣдѣ того и другого присутствуютъ ихъ товарищи и т.д. Перечисливъ черты сходства, Стасовъ приводитъ далѣе и отличія пѣсенъ о Добрынѣ отъ разсказовъ Гариванзы о Кришнѣ и наоборотъ. Разницамъ въ былинахъ онъ находитъ параллели въ другихъ индійскихъ поэмахъ. Такъ напр. эпизоду о путешествіи трехъ русскихъ богатырей: Добрыни, Ивана Дубровича и Василія Казимировича въ орду нѣтъ соответствующаго въ разсказахъ Гариванзы, но зато есть въ Рамаянѣ, гдѣ повѣствуется о путешествіи богатыря царевича Рамы съ братомъ Лакшманомъ и съ отшельникомъ мудрецомъ Висвамитрой въ качествѣ наставника и руководителя. При свѣтѣ этого разсказа становится понятнымъ поведеніе Василія Казимировича въ ордѣ, къ которому всѣ обращаются хотя онъ и ни принимаетъ никакого участія въ подвигахъ. Также есть параллели и разсказу о сломанномъ богатыремъ лукѣ.

Много важных дополнений и разъяснений къ былинамъ о Добрынѣ въ Магабгаратѣ и въ пѣсняхъ телеутовъ и минусинскихъ татаръ.

Изъ разсмотрѣнія рассказовъ Гариванзы, Рамааны, Магабгараты и пѣсень телеутовъ и минусинскихъ татаръ сравнительно съ пѣснями о Добрынѣ Стасовъ заключаетъ, что въ Азіи издавна существовали рассказы о томъ, какъ одинъ герой очищаетъ воды извѣстной мѣстности отъ населяющаго ихъ чудовищя, а сушу отъ разныхъ страшилищъ въ образѣ людей, или животныхъ. Эти рассказы существовали иногда независимо другъ отъ друга. Послѣ долгихъ странствованій, которыя трудно прослѣдить во всей ихъ полнотѣ, попали къ русскимъ и здѣсь образовали пѣсни, которыя намъ извѣстны подъ именемъ пѣсень о Добрынѣ. Я не буду излагать подробно тѣхъ сравненій другихъ былинъ съ восточными рассказами, которыя продѣлываетъ Стасовъ. Приемы изслѣдованія ихъ тѣ же самыя. Я укажу только тѣ восточные рассказы, съ которыми Стасовъ сравниваетъ былины о разныхъ русскихъ богатыряхъ. Для былинъ о Потокѣ Михаилѣ Ивановичѣ онъ указываетъ параллели въ Магабгаратѣ о брахманѣ Руру и его невѣстѣ Прамадварѣ. Здѣсь онъ обращаетъ вниманіе на главный мотивъ пѣсни о Потокѣ - погребеніе живого съ его умершей женой. Это не капризъ Потока, или его жены, а исполненіе закона или обычая, о чемъ есть рассказъ напр. въ тибет-

ской поэмѣ " Дзанглуна ". Другую параллель пѣснямъ о Потокѣ составляетъ шестая глава поэмы о подви-гахъ среднеазиатскаго богатыря Богдо Гессерь - Ха-на. Былины объ Иванѣ Гостиномъ - сынѣ имѣютъ сходство съ рассказами въ пѣсняхъ томскихъ шоровъ, ко-торые имѣютъ своимъ оригиналомъ рассказъ въ Магаб-гаратѣ. Былинамъ о Ставрѣ - бояринѣ соответствуетъ по содержанію пѣснь алтайскихъ татаръ на рѣкѣ Ка-тунѣ. Мотивъ этихъ былинъ - исканіе и выручка мужа, переодѣтаго въ мужское платье, женой встрѣчается въ повѣстяхъ Сомадевы и въ Магабгаратѣ. Пѣсни о Со-ловѣѣ Будимировичѣ, имѣющія совершенно противопо-ложное окончаніе двухъ пересказовъ, что не можетъ не вызвать удивленія и вопроса, покажутся претными и понятными, если посмотрѣть на нихъ при свѣтѣ двухъ рассказовъ въ сборникѣ Сомадевы, называемомъ Котха - Саритъ - Сагара. Здѣсь Стасовъ указываетъ на неслыханное въ жизни русской женщины сватовство со стороны Запавы, которое легко можетъ быть объяс-нено заимствованіемъ этой былины съ востока. Въ древней Индіи въ законахъ Ману между другими форма-ми брака была форма брака по свободному выбору не-вѣсты. Былинамъ о Садкѣ Стасовъ указываетъ соответ-ствія въ рассказахъ о происхожденіи поколѣнія Яда-вовъ въ Гариванвѣ и Сомадевѣ, въ повѣсти " Дзанглу-на ", въ рассказахъ Магабгараты и въ индійской ле-гендѣ о купцѣ Турнѣ. Былинѣ о сорока каликахъ со

каликкой соотвѣтствуетъ разсказъ о замужней женщи-
нѣ, безусловно соблазняющей молодого человѣка и
потомъ тщетно мстящей ему, очень распространенъ
по всему востоку съ древнѣйшихъ временъ. Затѣмъ со-
отвѣтствующій разсказъ находится въ Шахъ - Наме.
Эта былина и въ главныхъ и второстепенныхъ чертахъ
является отголоскомъ дрезневосточной жизни. Былины
объ Ильѣ Муромцѣ сходны съ повѣстями въ дейлонс-
комъ собраніи религіозныхъ буддійскихъ книгъ " Ма-
гаванзи " и съ разсказомъ въ Шахъ - Наме. Той, или
иной ихъ части есть соотвѣтствія въ пѣснѣ черно-
лѣсныхъ татаръ, живущихъ у Телецкого озера /въ Юж-
ной Сибири/, въ телеутской легендѣ и въ монголо -
калмыцкой поэмѣ " Джангаріада ". Содержаніе былинъ
о Дунаѣ сходно съ содержаніемъ нѣкоторыхъ разска-
зовъ Гариванзы и одного Магабгараты. Наконецъ, бы-
линѣ о Ванкѣ Вдовкинѣ - сынѣ соотвѣтствуетъ раз-
сказъ четвертой главы восточноазиатской поэмы
" Гессеръ - Ханъ ". Причемъ обращеніе въ горностаю
обычный мотивъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ южносибир-
скихъ народовъ. Разсмотрѣвъ составъ былинъ Стасова
ставить вопросъ, что такое былина? Былина, отвѣча-
етъ онъ на поставленный вопросъ, это такое созда-
ніе творчества русскаго народа, основой котораго
признаютъ что-то дѣйствительно случившееся, "быль".
Но что же дѣйствительно существовавшего, или су-
ществующаго содержать русскія былины? Разборъ со-

става былинь показаль, что въ былинахъ столь же мало дѣйствительности, были, историческихъ фактовъ какъ и въ сказкахъ. Далѣе, перейдя съ исторической почвы былинь на миеологическую, мы должны поставить себѣ вопросъ: русскія-ли онѣ по происхожденію или иновемныя. Разборъ состава былинь показаль, что ихъ коренная основа, скелеть, восточные. Отсюда возникаетъ вопросъ: въ какой степени наши былины нерусскія. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Стасовъ останавливается на разборѣ національности подробностей, личностей и характеровъ въ русскихъ былинахъ.

Прежде всего онъ ставитъ вопросъ: даютъ-ли былины хоть одинъ вѣрный историческій образъ? и отвѣчаетъ нѣтъ. Напрасно бы мы искали въ былинахъ образъ историческаго князя Владимира. Его не найдемъ. Владимиръ былинь противоположенъ лѣтописному. Другихъ же героевъ былинь никогда не найдемъ въ лѣтописяхъ какъ никогда несуществовавшихъ. Поэтому то и эпитеты богатырей въ былинахъ не соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Напрасно нѣкоторые стараются приписывать извѣстнымъ богатырямъ извѣтныя качества. Всѣ эти качества въ былинахъ одинаково ровно приписываются почти каждому богатырю. Стоитъ, напр. сравнить Дуная съ Ильей Муромцемъ. У обоихъ у нихъ довольно буйства. Всѣ качества богатырей заимствованы отъ ихъ первообразовъ.

Затѣмъ, географическія названія, встрѣчаемыя въ былинахъ, нисколько не говорятъ въ пользу національности былинъ. Упоминаемыя названія русскихъ городовъ: Кіевъ, Новгородъ и т. д., являются переводными, подставными. Они не обнаруживаютъ ни одной подробности противъ своихъ первообразовъ. Поэтому легко одно названіе замѣнить другимъ и смыслъ отъ этого нисколько не пострадаетъ. Еслибы былины были дѣйствительно историческими, русскими, то онѣ иначе отнеслись бы къ дѣйствительнымъ событіямъ и личностямъ и сумѣли бы прямо устремиться къ главнымъ чертамъ характера. Вспомнимъ " историческія " пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, Ермакѣ и др., гдѣ ни одна существенная и важная черта не утрачена. А что же мы находимъ въ былинахъ? Княжескія дружины слишкомъ неопредѣленны и очерчены такими общими чертами, что подойдутъ ко всякому двору, и не имѣютъ индивидуальнаго характера. Свое назначеніе богатыри выражаютъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ съ богатырями восточными. Заставы богатырскія, упоминаемыя въ былинахъ, заимствованы въ нихъ съ востока, гдѣ онѣ часто упоминаются въ поэмахъ и легендахъ. Составъ дружины какъ будто бы и разнообразенъ, но если всмотримся попристальнѣе, то не найдемъ на лицо ни одного древняго русскаго сословія. Илья Муромецъ представитель крестьянства, но въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая бы указы-

вала на русское крестьянство. Кроме того крестьянство Ильи Муромца не есть принадлежность его одного, но многих других. Затѣмъ, трудно предположить въ богатыряхъ ироническое отношеніе къ духовенству, какое мы находимъ въ богатыряхъ. Вѣдь христіанство только еще распространялось на Руси. Невозможно, далѣе, чтобы богатырь /Соловей Будимировичъ /, подданный князя, да еще купеческаго рода, женился на русской княжнѣ. Въ древней русской исторіи мы ничего подобнаго не знаемъ. А произошло это вслѣдствіе заимствованія содержанія этой былины изъ восточныхъ разсказовъ.

Былины не даютъ намъ изображенія татарской эпохи на Руси. Не даютъ онѣ также возможности заключать и о христіанствѣ на Руси во времена князя Владимира. Мы видимъ, что богатыри обращаются къ святымъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ это обращеніе находится въ оригиналахъ, а не изъ какого-либо внутренняго побужденія.

Былинныя описанія жилищъ и ихъ архитектуры заимствованы съ востока. Для примѣра приведемъ описаніе потолка и оконъ. Здѣсь мы читаемъ: "гридни покрыты сѣрымъ бобромъ, потолокъ черныкъ соболей, а окна обиты лисицами, куняцами и соболями заморскими." Это описаніе заимствовано изъ описаній въ "Двангунѣ", гдѣ говорится о фигурахъ звѣрей, украшавшихъ потолокъ и окна, превратившихся въ русскихъ

былинахъ въ " бобровъ и соболей".

Также заимствовано и описаніе пира у ласковаго князя Владимира. Онъ описывается всегда такими чертами, которыя встрѣчаются въ каждомъ восточномъ разсказѣ въ подобныхъ случаяхъ. Описаніе вооруженія и способа борьбы взято съ востока. Причемъ является совершенно понятнымъ, почему въ былинахъ совсѣмъ не говорится про употребленіе щита и обоюдоостраго меча, которые, какъ извѣстно изъ лѣтописи, употреблялись русскими, и не говорится также о серьгахъ, которыя носили мужчины на Руси въ древнее время.

Одежды, описываемыя въ русскихъ былинахъ, тѣ же самыя, что и на востокѣ. Уже одни ея названія, какковы: епанча, кафтанъ, сарафанъ, туфли, чулки, кушакъ и т.д., достаточно говорятъ за восточное происхожденіе.

Подробности быта и дѣйствій богатырей таковы же, какъ и у богатырей восточныхъ разсказовъ. Богатыри семи годовъ садятся учиться грамотѣ. Седьмой годъ въ жизни восточнаго человѣка - годъ причисленія его, по предписаніямъ брахманскаго и вороастровскаго законовъ, къ индійскому и персидскому народу. До этого времени ребенокъ всецѣло находится на рукахъ родителей, которые отвѣтственны за всѣ его поступки. Семи лѣтъ его отдавали учителю для обученія чтенію, закону и обрядамъ.

Отправляясь на подвигъ, богатырь проситъ благословенія у родителей - эта черта изъ эпическихъ кривомовъ азіатскихъ пѣсенъ и поэмъ.

Утромъ, поднявшись со сна, богатыри " чистой водой умываются, бѣлою ширинкой утираются " - эта черта не русская, а восточная. Она указываетъ на исполненіе закона, предписываемаго вѣрой, потому что объ этомъ упоминается только въ томъ случаѣ, когда богатырь собирается отправиться на подвигъ.

Обычай побратимства богатырей извѣстенъ издавна во всей Азіи.

Обычай вламываться въ княжескія палаты, не обращая вниманія на протесты стражи, - черта востока, гдѣ, какъ извѣстно, у царской или ханской палатки всегда стояли приворотники и придверники.

Послание княземъ Владимиромъ богатырей "справлять дани-выходы за старые годы и нынѣшніе" напоминаетъ такой же обычай хановъ и ихъ богатырей быть постоянно въ разъѣздахъ за сборомъ дани съ подвластныхъ народовъ.

Богатырь-побѣдитель бросаетъ своего врага "выше дерева стоячаго, ниже облака хѣдчаго", садится ему на грудь, распариваетъ ее и вынимаетъ сердце.

Также поступаютъ и восточные богатыри. Обычай вниманія сердца очень распространенъ былъ въ Азіи вслѣдствіе повѣрія, что кровь сердца излечиваетъ отъ болѣзней и даже возвращаетъ жизнь. Русскія

лины говорятъ только объ одиночномъ исполненіи въ музыкѣ и въ пѣніи, но ничего не говорятъ о хорсовомъ исполненіи, составлявшемъ характерную особенность у славянскихъ народовъ.

Камни самоцвѣтные, о которыхъ говорится въ русскихъ былинахъ, являются отголоскомъ тѣхъ чудодѣйственныхъ камней, разсказами о которыхъ наполнены азіатскія поэмы и повѣсти.

Многіе эпическіи приемы былинь также заимствованы съ востока. Такъ напр. конь скачетъ " выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго;" когда богатырь выстрѣлилъ изъ лука, то "дрожитъ матушка сырая земля" и т. д.

Заимствованы самыя числа: 3, 7, 12, 40 и т. д. Русскаго, по мнѣнію Стасова, въ былинахъ немного. А именно: выборъ того или другого сюжета, сокращеніе разсказа, русскія географическія названія, тотъ, или иной родъ волхованія, безчисленные поклоны и почтительныя названія, нѣкоторое отсутствіе религіозности и набожности у богатырей, упоминаніе о косахъ дѣвицъ и волосахъ мужчинъ, упоминаніе о " питьяхъ медвяныхъ" и, наконецъ, упоминаніе объ употребленіи предметовъ полотняныхъ и деревянныхъ. Все это второстепенное.

Языкъ былинь чисто народный.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Стасова, въ былинахъ все

главное и существенное заимствовано, а второстепенное национальное.

Отсюда онъ дѣлаетъ и другой выводъ. Разъ былины сложились подъ вліяніемъ востока и носятъ на себѣ черты восточныхъ разсказовъ и легендъ, то отсюда естественно заключеніе, что былины не произошли изъ миеовъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что у русскихъ, какъ арійцевъ, могли сохраниться ихъ первоначальныя вѣрованія и миеи и дѣйствительно сохранились въ сказкахъ, Стасовъ однако не допускаетъ мысли, чтобы эти миеи могли быть источникомъ былинь. Тогда, замѣчаетъ онъ, русскій народъ обработалъ бы совершенно иначе и сумѣлъ бы въ нихъ вполне выразить свои національныя черты. Тогда въ нихъ нашли себѣ мѣсто, напр. упоминанія о зимѣ и морозѣ и другія чисторусскія особенности страны. А между тѣмъ всего этого нѣтъ въ русскихъ былинахъ. Обстановка въ былинахъ не свойственна русской землѣ. Ясно, что всѣ подробности въ нихъ заимствованы изъ повднѣйшихъ произведеній народовъ востока.

Что касается времени происхожденія былинь, то такимъ Стасовъ считаетъ время нашествія на Россію монгольскихъ и тюрскихъ племенъ въ XIII вѣкѣ. Это свое заключеніе онъ строитъ на особенныхъ характерныхъ выраженіяхъ въ былинахъ. Такъ, напр. при встрѣчѣ богатыри спрашиваютъ другъ друга: "ты коей земли, коей орды, коей сибирской украины". Они воюютъ

противъ равныхъ ордъ, идутъ воевать въ сибирскія
украины, загорскія земли и т.п. За это время гово-
рить и то обстоятельство, что былины распространи-
лись только у русскихъ, но не распространились ни
у другихъ славянъ, ни у западныхъ народовъ, что бы-
ло бы невозможно, еслибы онѣ составились ранѣе.

Попытка Стасова объяснить происхожденіе рус-
скихъ былинъ вліяніемъ востока встрѣтила много воз-
раженій со стороны его противниковъ. Привать - до-
центъ Новороссійскаго Университета И. Некрасовъ въ
своей рѣчи на торжественномъ актѣ 30 августа 1869
года, имѣя въ виду статью Стасова "О происхожденіи
русскихъ былинъ", говорилъ, что нѣкоторые изслѣдо-
ватели русскаго народнаго творчества неправильно
примѣнили сравнительный методъ изслѣдованія по от-
ношенію къ произведеніямъ народнаго творчества.
Они забыли, что прежде чѣмъ примѣнять этотъ методъ
съ пользой для дѣла, необходимо всесторонне изучити
сравниваемые предметы. Иначе есть рискъ сдѣлать не-
правильныя заключенія. Кромѣ того, примѣняя этотъ
методъ къ изслѣдованію русскаго народнаго творчес-
тва, изслѣдователи допустили очень высокое развитіе
народной массы русскаго народа въ очень раннее вре-
мя, если эта масса могла превратить чужіе взятые
на лету сюжеты въ такіе, коими жила, какъ рдними.
Да кромѣ того и странно, почему русскіе ничего не
позаимствовали съ запада, не смотря на свое постоян-

ное общеніе съ западными народами, а именно съ востока. Затѣмъ они обратили исключительное вниманіе на сходства былинъ съ восточными разсказами, на ихъ краткость, отрывочность и на отсутствіе въ нихъ строгаго развитія въ описаніи дѣйствій, и на этомъ основаніи заключаютъ о заимствованіи. По мнѣнію Некрасова, нельзя дѣлать такого заключенія на этихъ основаніяхъ. Сходство могло произойти въ разсказахъ отъ единства человѣческаго рода и отъ одинаковыхъ условій умственнаго развитія. А краткость и отсутствіе послѣдовательности въ описаніи развитія дѣйствій скорѣе можетъ служить доказательствомъ ихъ болѣе древняго стиля сравнительно съ восточными сказаніями, такъ какъ цѣльность произведенія предполагаетъ болѣе искусственные приемы. Отсутствіе описаній природы въ былинахъ не можетъ говорить въ пользу заимствованія ихъ, ибо оно составляетъ отличительную черту поэзіи близкаго къ природѣ народа, обращающагося къ ней съ практической стороны и неумѣющаго еще ее идеализировать каковымъ, можно думать, былъ русскій народъ въ древнее время.

Что касается поразительнаго на первый взглядъ сходства въ мелочахъ, указываемаго сторонниками восточнаго вліянія на происхожденіе русскихъ былинъ, то, по мнѣнію Некрасова, это нисколько не говоритъ въ ихъ пользу. Эти мелочи могли быть заимствованы и

изъ другихъ источниковъ. Для примѣра онъ указываетъ на число семь, которое встрѣчается въ массѣ жизнеописаній русскихъ святыхъ. Здѣсь постоянно почти рассказывается, что такой-то святой семи лѣтъ начинаетъ учиться грамотѣ. А въ житійной литературѣ находится болѣе всего заимствованій изъ древнехристіанской и византийской литературы. И, наконецъ, допуская характеръ русскаго духа вообще, но ничего русскаго, сторонники заимствованія народной поэзіи съ востока признають однако, что языкъ и обороты рѣчи въ ней заключаютъ по преимуществу тѣ особенности языка, въ которыхъ ярко выражается духъ народной мысли, оттѣнокъ его взгляда, особенность его мировоззрѣнія. Но безъ этихъ особенностей всякое народное произведеніе теряетъ свою національную окраску и сдѣлается общимъ мѣстомъ.

Въ 1870 году Стасову поставилъ сильныя возраженія Орестъ Миллеръ и, чтобы доказать несостоятельность его теоріи, написалъ большое сочиненіе: "Илья Муромецъ и богатырство кіевское". Въ этомъ своемъ сочиненіи онъ, пользуясь тѣмъ же сравнительнымъ методомъ въ изслѣдованіи слоевого состава русскихъ былинъ, нашелъ, что многіе ихъ сюжеты были ходячими не только на востокѣ, но и на западѣ, какъ напр. бой отца съ сыномъ, калики переходяіе и др. Останавливаясь на этой особенности былинныхъ сюжетовъ, Миллеръ задаетъ вопросъ, какими образомъ эти сюже

ты изъ Индіи могли распространиться по Западной Европѣ, отдѣленной отъ нея громаднымъ пространствомъ и временемъ, и отвѣчаетъ, что этого не было. Отсюда онъ заключаетъ, что у каждаго народа существовали свои религіозныя мненія, измѣнившіеся впоследствии подѣ вліяніемъ разныхъ условій соціальной жизни народа въ народныя пѣсни. При такомъ положеніи дѣла можно говорить о заимствованіи, какъ съ востока, такъ и съ запада. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что каждый былинный сюжетъ освѣщаетъ только съ своей собственной національной точки зрѣнія и обработка его по своему характеру сильно разнится отъ восточныхъ, то приходится признать самобытное происхожденіе былинъ. Въ противномъ случаѣ невозможно объяснить этого факта. Что же касается времени происхожденія былинъ, то Миллеръ говоритъ, что онѣ произошли въ болѣе раннюю эпоху русской жизни, а не въ XIII вѣкѣ, о чемъ можно заключить на томъ основаніи, что былины неодинаковы между собой по времени происхожденія, потому что отражаютъ въ себѣ разные эпохи соціальной жизни русскаго народа. Въ каждую эпоху своей жизни русскій народъ полагалъ отпечатокъ своихъ новыхъ возвращеній на лица и событія въ былинахъ, забывая о старыхъ. Вслѣдствіе этого и произошла та эпическая разноголосица, которая ворѣчается въ былинномъ эпосѣ.

Болѣе подробно разбираетъ теорію Стасова А.Ро-

зовъ въ помѣщенной въ "Трудахъ Кіевской духовной Академіи" за 1871 годъ /томы I, II и III/статья :
" О происхожденіи русскихъ былинъ " .

Въ ней Розовъ прежде всего отмѣчаетъ произвольность приѣмовъ и методовъ изслѣдованія. Онъ указываетъ , что Стасовъ для доказательства справедливости своихъ положеній приводитъ такія основанія, съ которыми нельзя согласиться, или по крайней мѣрѣ трудно. Чтобы доказать фактъ заимствованія русскихъ былинъ съ востока, Стасовъ указываетъ на полноту и подробность восточныхъ разсказовъ и на краткость и отрывочность былинъ и заключаетъ отсюда, что былины копию восточныхъ разсказовъ. Такого заключенія нельзя дѣлать потому, что еще не доказано, что достоинство восточныхъ разсказовъ заключается въ ихъ полнотѣ и подробностяхъ. Напротивъ, краткость и ясность всегда свидѣтельствуетъ объ оригинальности произведенія а полнота и подробность часто свидѣтельствуютъ о дурномъ подражаніи.

Второе. Для доказательства факта заимствованія былинъ Стасовъ ссылается на большую древность разсказовъ и на повднѣйшее происхожденіе былинъ. Поступая такимъ образомъ, онъ допускаетъ несоизмѣримыя вещи: хронологическую давность для восточныхъ разсказовъ и мифическую древность для былинъ. Первое ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ. Вѣдь былины существуютъ болѣе 1000 лѣтъ. Кромѣ того, до-

пуская эти положенія, Стасовъ смѣшиваетъ народную поэзію съ искусственной .

Затѣмъ фактъ заимствованія Стасовъ обосновываетъ на сходствѣ былинъ съ восточными разсказами. Прежде всего, возражаетъ Розовъ, сходство можетъ зависѣть отъ единства человѣческаго рода, отъ единства развитія людей, отъ единства условій жизни, а не отъ заимствованія. Чтобы доказать сходствомъ фактъ заимствованія, необходимо прежде доказать, что сходныя черты не могли образоваться у такого-то народа, потому что не было на лицо тѣхъ условій, при которыхъ возможно ихъ образованіе. Только въ этомъ случаѣ сходство можетъ имѣть силу доказательства. Стасовъ этого не сдѣлалъ.

Далѣе, Розовъ не соглашается и съ тѣмъ положеніемъ Стасова, что въ былинахъ нѣтъ достаточной мотивировки дѣйствій. Для примѣра онъ беретъ былинку о Дунаѣ Ивановичѣ, въ которой Стасовъ видитъ "рѣшительно ничѣмъ необъяснимую смѣсь грубости, нелѣпости и чудовищности". Разсматривая эту былинку съ точки зрѣнія народнаго пониманія, Розовъ не находитъ въ ней ничего необъяснимаго и неестественнаго. Вполнѣ естественны хвастовство и молодчество пьянаго Дуная и его поединокъ съ женой. Естественна и рѣчь жены, видѣвшей явную опасность для себя. Естественно, наконецъ, и самоубійство Дуная, увидѣвшаго, что удалство привело его не только къ убійству жены, но и

на въ чемъ неповиннаго младенца.

И, наконецъ, Розовъ не соглашается со Стасовымъ и въ томъ, что въ былинахъ черты быта и жизни героевъ заимствованныя, а не національныя. Однѣ черты быта и жизни героевъ сходны вслѣдствіе одинаковыхъ условій жизни, говоритъ Розовъ, а о другихъ можно еще спорить. Для примѣра Розовъ указываетъ, что обычай князя совѣщаться съ дружиной извѣстенъ исторіи. Владимиръ Мономахъ говорилъ Святополку на съѣздѣ: "что я буду говорить, когда моя и твоя дружины не согласны съ моимъ мнѣніемъ." Извѣстно далѣе, что нѣкоторые князя сидѣли дома и не выходили на бой. Андрей Боголюбскій, ставши Суздальскимъ княземъ, пересталъ самъ выходить на бой, а посылалъ дружину. И, наконецъ, весьма многія черта быта и жизни богатырей которыя Стасову представились неестественными, Розовъ даетъ историческія подтвержденія.

Обозрѣвая всѣ возраженія противъ теоріи восточнаго вліянія на происхожденіе русскихъ былинъ, мы должны сказать, что всѣ они, не смотря на свою силу, могли только поколебать ее, но не доказать ея несостоятельности. Въ частности, - возраженіе Некрасова, что Стасовъ при изслѣдованіи преувеличилъ значеніе сравнительнаго метода, не измѣняетъ сущности дѣла. При болѣе правильномъ употребленіи этого метода получились бы только болѣе убѣдительные результаты. Что касается того факта, что заимствование пред-

полагаетъ развитіе народной массы, то на это можно сказать, что взаимообщеніе народовъ ведетъ къ позаимствованію другъ у друга. Причемъ это заимствование можетъ быть и сознательнымъ и безсознательнымъ. Поэтому оно можетъ зависѣть не только отъ извѣстнаго развитія народной массы, но также и отъ множества другихъ условій. Возможно, что монгольско - тюрскія племена были болѣе культурными, чѣмъ русскіе, а потому послѣдніе невольно попадали подъ ихъ вліяніе и дѣлали у нихъ позаимствованія. Не нужно забывать, что на востокѣ была сравнительно довольно высокая культура, которая могла отразиться и на духовномъ творествѣ народа, сдѣлать его болѣе полнымъ и осмысленнымъ. А русскіе только начинали культурную жизнь. Поэтому и творчество ихъ было болѣе первобытно. И, наконецъ, народность языка не можетъ говорить противъ факта заимствованія сюжетовъ былинъ на томъ основаніи, что заимствование сюжета и обработка его въ поэтической формѣ не одно и то же.

Теперь что касается возраженій О.Миллера, то нужно сказать, что, хотя они сильны, но они больше касаются метода изслѣдованія, чѣмъ самой сущности теоріи. Затѣмъ, Миллеръ ничего не сказалъ въ опроверженіе той мысли Стасова, что героя былинъ не извѣстны русской лѣтописи. А если нѣкоторые и извѣстны то въ совершенно противоположномъ освѣщеніи.

Ничего также не могъ сказать въ объясненіе того факта, какъ могли зайти въ русскіе былины черты быта и жизни совершенно не свойственныя русскому народу.

Наконецъ, по поводу возраженій, поставленныхъ Розовымъ, нужно сказать то же самое, что и по поводу возраженій Некрасова. Разница между ними та, что Розовъ подробнѣе останавливается на разборѣ доказательствъ, приводимыхъ Стасовымъ. Факта сходства былинь съ разными рассказами востока не отрицаетъ и самъ Розовъ, но старается объяснить его другими причинами. Такъ же, какъ и Миллеръ, онъ не опровергъ ни неисторичности героевъ, ни несвойственности нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ русскому народу.

Естественно, поэтому, заключить, что теорія Стасова, какъ и всякая другая по вопросу о происхожденіи былинь, имѣетъ доводы за и противъ себя и, какъ таковая, служить лишь дополненіемъ къ разъясненію вопроса о происхожденіи былинь. Явившись на свѣтъ въ 1868 году, эта теорія надѣлала много шума въ ученой литературѣ. Противъ нея посыпались опроверженія, благодаря которымъ она была погребена и потомъ забыта на цѣлые 28 лѣтъ, чтобы снова возродиться, когда изученіе фольклора сдѣлало еще большіе шаги впередъ.

Эта теорія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями снова была призвана къ жизни Г.Потанинымъ

Въ 1896 году въ томъ же "Вѣстникѣ Европы" появилась его статья: "Восточныя основы русскаго былиннаго эпоса", въ которой онъ на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, бывшихъ у него въ рукахъ, высказалъ мнѣніе, что основы былиннаго эпоса взяты съ востока. Путь, по которому Потанинъ шелъ въ своемъ изслѣдованіи, былъ нѣсколько иной, чѣмъ у Стасова. Потанинъ обратилъ вниманіе на доисторическую эпоху русскаго народа. Въ III вѣкѣ по Р.Х. началось великое переселеніе народовъ. Цѣлыя орды кочевниковъ двинулись изъ Азіи въ Европу черезъ степи Южной Россіи. Между этими кочевниками были и орды монголовъ, вышедшихъ изъ Монголіи. Кочуя по степямъ Южной Россіи, они конечно продолжали сохранять свои родные культы и тѣ легенды и рассказы, въ которыхъ выражалась ихъ духовная жизнь. Эти то рассказы и легенды затѣмъ постепенно распространились между туземцами. При этомъ, нужно думать, монголы стояли въ культурномъ отношеніи нѣсколько выше туземцевъ, о чемъ можно заключать по лапидарнымъ надписямъ, находимымъ въ Монголіи, которыя предполагаютъ уже извѣстную степень культурнаго развитія. Это съ одной стороны. Съ другой - извѣстно, что византійскіе императоры роднились съ Хозарскими ханами, что было бы невозможнымъ при отсутствіи у монголовъ извѣстной степени культурности. Эти апріорныя разсужденія находятъ себѣ подтверж-

денія, когда мы сравнимъ русскія былины съ восточными монголо-тибетскими легендами и разсказами.

Для своей цѣли Потанинъ беретъ не разсказы Индіи, а варианты легенды о введеніи буддизма въ Монголіи книжную повѣсть о Гэсэрѣ и книжныя и устныя сказанія о Чингисъ - Ханѣ. Сравнивая весь этотъ циклъ легендъ и сказаній съ былинами о Добрынь и объ Ильѣ Муромцѣ, онъ находитъ ихъ настолько сходными по своему внѣшнему и внутреннему характеру, что онъ невольно заставляють предполагать позаимствованіе ихъ основъ съ востока, если не для всѣхъ, то для многихъ изъ нихъ. Такимъ образомъ Потанинъ въ общемъ въ своихъ заключеніяхъ сходится со Стасовымъ. Къ нему начинаетъ склоняться въ своихъ изслѣдованіяхъ вопроса о происхожденіи былинъ и Вс. Миллеръ.

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ НА ТЕМУ: ТЕОРІЯ ВОС - ТОЧНАГО ВЛІЯНІЯ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ ВЛ.СТАСОВА, ЕЯ КРИТИКА И СУДЬБА.

- 1/ Отвергнувъ историческую и мифологическую теорію происхожденія русскіхъ былинъ, Вл.Стасовъ создалъ свою теорію восточнаго вліянія на ихъ происхожденіе.
- 2/ Для своего изслѣдованія Вл.Стасовъ беретъ только характерныя, по его мнѣнію, былины.
- 3/ Свою теорію онъ доказываетъ а/ сходствомъ былинъ съ соотвѣтствующими восточными разсказами

либо въ цѣломъ, либо въ частяхъ, и б/ ихъ позднѣйшимъ происхожденіемъ сравнительно съ восточными разсказами.

4/ Путемъ сравненія ихъ съ восточными разсказами Вл.Стасовъ пришелъ къ заключенію, что былины, будучи заимствованы съ востока, не могутъ и не содержать въ себѣ дѣйствительно историческихъ событій и лицъ и въ нихъ даже есть разсказы, совсѣмъ не соответствующіе русской исторіи.

5/ Перейдя съ исторической почвы на мифологическую Вл.Стасовъ разсматриваетъ ихъ со стороны степени ихъ національности, и, найдя болѣе иноземнаго, чѣмъ національнаго, въ подробностяхъ, личностяхъ и характерахъ русскихъ былинъ, отвергаетъ ихъ мифологическое происхожденіе.

6/ Если бы былины были самобытнаго происхожденія, составитель ихъ, русскій народъ, сумѣлъ бы запечатлѣть въ нихъ главныя и характерныя черты лицъ и событій и упомянулъ бы объ особенностяхъ русской страны, напр. о морозѣ, о зимѣ и т.п.

7/ Время происхожденія русскихъ былинъ Вл.Стасовъ относитъ къ нашествію на Россію монгольскихъ племенъ въ XIII в. по Р.Х.

8/ Противъ теоріи Вл.Стасова возражали: А/ И.Некрасовъ, который указалъ а/ на неправильное примѣненіе сравнительнаго метода; б/ на то, что допущеніе въ изслѣдованіи сравнительнаго метода даетъ

мѣсто предположенію о высокомъ развитіи народной массы, сумѣвшей выбрать для себя самое подходящее; в/ на то, что отрывочность и краткость былинъ не могутъ говорить за ихъ позднѣйшее происхожденіе, а подробность восточныхъ разсказовъ въ пользу ихъ древности и, наконецъ, г/ на то, почему, допуская заимствованія былинъ съ востока, мы съ такимъ же правомъ не можемъ допустить заимствованій съ запада.

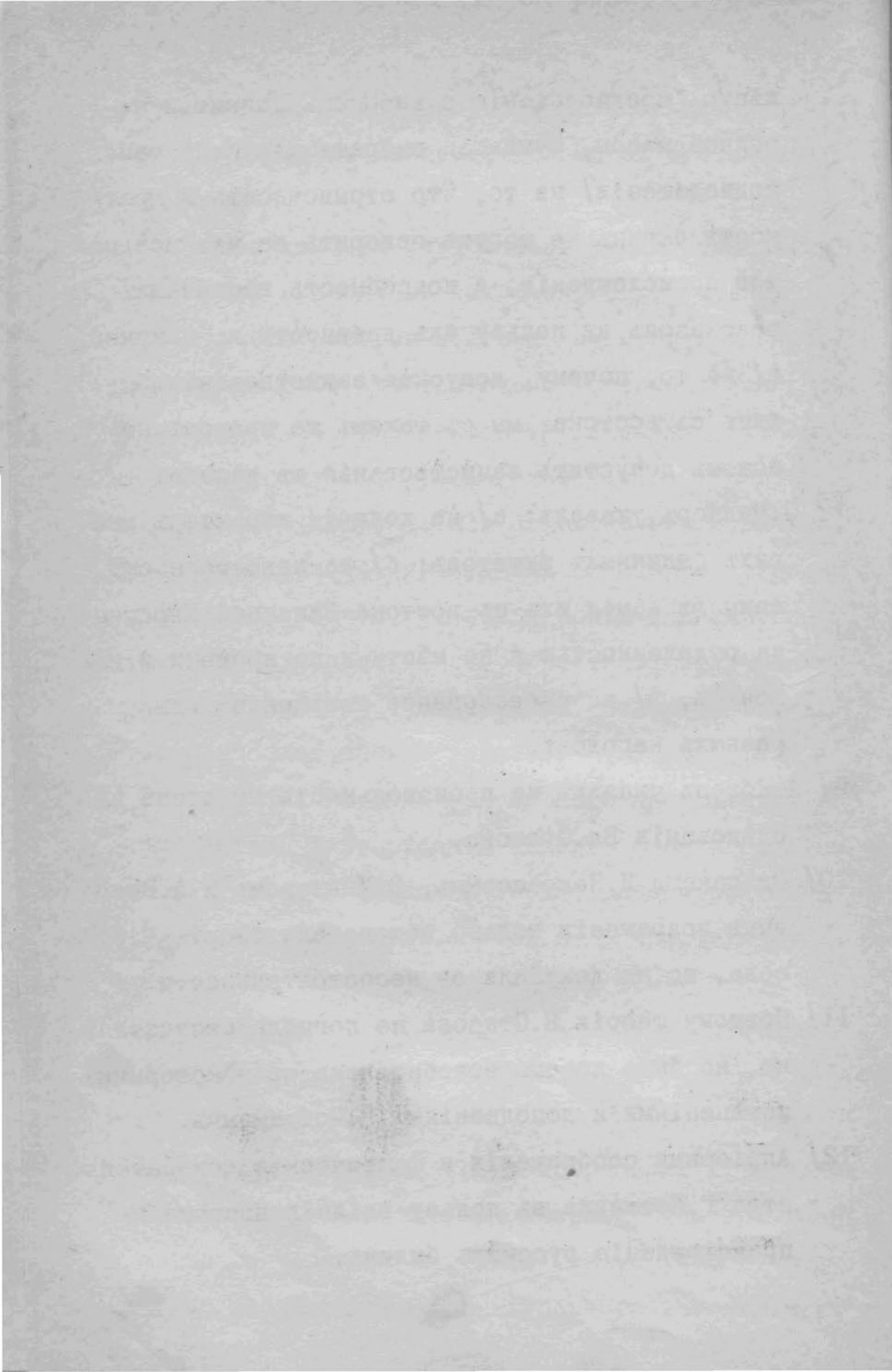
Б/ О.Миллеръ указавъ: а/ на ходячій характеръ многихъ былинныхъ сюжетовъ; б/ на невозможность заимствованія ихъ съ востока Западной Европой за отдаленностью и по мѣсту и по времени и, наконецъ, в/ на своеобразное освѣщеніе ихъ у разныхъ народовъ.

В/ А.Розовъ указавъ на произвольность методовъ изслѣдованія Вл.Стасова.

Ю/ Сдѣланныя И.Некрасовымъ, О.Миллеромъ и А.Розовымъ возраженія только поколебали теорію В.Стасова, но не доказали ея несостоятельности.

II/ Поэтому теорія В.Стасова не погибла окончательно, но была потомъ возобновлена съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Г.Потанинымъ.

12/ Априорныя соображенія и фактическія доказательства Г.Потанина въ пользу вліянія востока на происхожденіе русскихъ былинъ.

МИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ А. Н. АОНАСЬЕВА
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ РУССКОМУ БЫЛЕВОМУ ЭПОСУ.

Изученіе русскихъ народныхъ былинъ приводило нашихъ изслѣдователей къ различнымъ выводамъ. Одни считали русскій народный эпосъ заимствованнымъ съ востока, отъ монголовъ. Такова теорія Стасова, изложенная имъ въ работѣ "Происхожденіе русскихъ былинъ." Стасовъ, однако, не доказывалъ восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, возникшихъ будто бы въ началѣ XIII в. черезъ посредство вліянія монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладающихъ большимъ числомъ древне-азиатскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи. Замѣтное же сходство между восточнымъ эпосомъ и нѣкоторыми чертами русскихъ былинъ могло быть легко объяснено и ихъ общимъ древне - арійскимъ происхожденіемъ.

Другіе, обращая вниманіе на живучесть отдаленной исторической старины въ былинахъ, приурочивали древнѣйшее преданіе о былинахъ къ положительному историческому періоду. Таково

ислѣдованіе Майкова "О былинахъ Владимірова цикла". Въ этой работѣ Майковъ справедливо утверждаетъ, что вообще народный эпосъ по своему первоначальному образованію всегда современенъ или воспѣваемому событію, или, по крайнѣй мѣрѣ, живому впечатленію этого событія на народъ, что въ былинахъ Русь представляется сосредоточенною подъ вліяніемъ великаго князя Владиміра, что между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII, и XIII вѣкамъ. /"О былинахъ Владимірова цикла", стр.21-27.

Соглашаясь съ вышеприведенными положеніями относительно русскихъ былинъ, А.А. Котляревскій основательно возражаетъ А.Н. Майкову, указывая на незначительное примѣненіе въ его трудѣ сравнительнаго приѣма изслѣдованія и на отсутствіе указаній на стихію мифическую. Котляревскій убѣдительно доказываетъ, что подъ той отдаленной стариной въ былинахъ, которая выставляется Майковымъ, скрывается еще болѣе глубокая старина, еще ранѣе образовавшійся слой мифологическій. "Историческій анализъ - гворитъ онъ, можетъ только отдѣлать позднѣйшіе наросты, но мало оказать помощи въ стремленіи постигнуть духъ старины и проникнуть въ ея сокровищныя тайники: они оста-

нутя непонятными до тѣхъ поръ, пока не низойдемъ до самаго свѣжаго родника, хранилища старинныхъ вѣрованій и откровеній - родного языка, пока сближеніями съ родственною доисторической стариною прочихъ индо - европейскихъ народовъ не научимся понимать и цѣнить надлежащимъ способомъ свои собственныя сокровища". /Соч. т. II, 253/.

Ор. Миллеръ, очевидно, раздѣлялъ точку зрѣнія А.А. Котляревскаго. Въ своемъ трудѣ : "Илья Муромецъ и богатырство Кіевское" онъ по этому вопросу такъ разсуждаетъ: "Хотя бы собственно такъ называемый былевой отдѣлъ народной словесности, какъ указывается и самимъ названіемъ, даже и болѣе другихъ отдѣловъ подвергался вліяніямъ былевымъ, т.е. историческимъ, все же они сказываются въ немъ не на столько, чтобы наслоеніямъ отъ позднѣйшихъ періодовъ закрывались слои древнѣйшіе. Дѣло науки умѣть ихъ возстановить". /"Илья - Мур. и бог. Кіевс." стр. XV/.

Котляревскій и Миллеръ при этомъ придаютъ большое значеніе сравнительному методу изученія былинь, какъ единственному, съ помощью котораго возможно полное возстановленіе мифической основы скрытой въ былинахъ. Они видѣли, что сравнитель-

ное изученіе народнаго эпоса путемъ обстоятель-
наго изслѣдованія и сличенія различныхъ вариан-
товъ былины съ родственными памятниками и преда-
ніями древнихъ народовъ выясняетъ всё позднѣйшія
историческія наростанія, возстановляетъ древнѣй-
шіе поэтическіе образы.

Какъ "опытъ сравнительнаго изученія Славян-
скихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифологи-
ческими сказаніями др. родственныхъ народовъ,"
заслуживаетъ огромнаго вниманія замѣчательный
трудъ А.Н. Афанасьева: "Поэтическія позарѣнія
славянъ на природу", гдѣ авторъ взялъ на себя труд-
ную задачу объяснить всю массу мифовъ, преданій,
повѣрій, и обычаевъ славянскаго племени, открыть
ихъ затерявшійся смыслъ, показать, какъ они про-
изошли и какъ послѣ измѣнились.

Въ своемъ трудѣ, говоря о русскихъ народныхъ
былинахъ, А.Н. Афанасьевъ, какъ Котляревскій и
Миллеръ, приходитъ къ выводу, что въ основѣ рус-
скаго народнаго эпоса лежитъ мифическое сказаніе.
"Вліяніе христіанства и дальнѣйшей исторической
жизни - говоритъ онъ - коснулось только племенъ
и обстановки, а не самаго содержанія: вмѣсто ми-
фическихъ героев поставлены историческія личнос-
ти или св. угодники, вмѣсто демоническихъ силъ -

названія враждебныхъ народовъ, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлены позднѣйшія былевья черты". /Т. I, 46./.

Старое содержаніе народныхъ былинъ, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ теченіемъ времени естественно затемнилось и сливалось съ новыми частными и отдѣльными чертами дѣйствительнаго быта. "Вмѣсто облачныхъ духовъ - говоритъ Асанасевъ - фантазія заставляеть своихъ богатырей сражаться съ полчищами татаръ и др. кочевниковъ, и самаго богатыря, представителя весеннихъ грозъ, подставляетъ какимъ - нибудь прославленнымъ витяземъ или героемъ изъ казацкой вольницы. Тѣмъ не менѣе старина ярко выступаетъ изъ - за новыхъ представленій, которыя далеко не приходятся ей по мѣрѣ", /Т. I, 49./.

Вотъ почему въ воспѣваніи подвиговъ богатырей, однимъ взмахомъ побивающихъ несмѣтныя полчища враговъ, за одинъ разъ выпивающихъ громадную порцію хмѣльнаго нанитка, Асанасевъ видитъ не алкоозовъ грубаго насилія и пьянства, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи былинъ, а олицетвореніе стихійныхъ силъ природы, живое описаніе борьбы бога - громовника съ демоническими силами дожденосныхъ тучъ.

Вотъ почему и невозможно принимать былины русскаго народнаго эпоса во всемъ ихъ объемѣ за матеріаль о дѣйствительныхъ событіяхъ и бытѣ, какъ сдѣлалъ это Майковъ, и невозможно навязывать характеру стариннаго казачества и отношеніямъ русскаго населенія къ азіатскимъ кочевникамъ то, что было плодомъ миеическаго творчества, какъ это сдѣлалъ извѣстный историкъ Соловьевъ.

Что же касается вопроса о происхожденіи у народа миеическихъ представленій, то Аенасьевъ близко приближается къ Максу Мюллеру, который считалъ всю миеологію слѣдствіемъ болѣзни языка, забвенія первоначальнаго значенія словъ. Но сходясь съ М. Мюллеромъ въ основаніи, Аенасьевъ расходится съ нимъ во взглядѣ на характеръ древней метафоры. По Мюллеру, метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: не пользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ употреблять одинакіе термины и слова для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній.

По мнѣнію Аенасьева, метафора свободно создавалась, черпая изъ богатаго источника, а не по бѣдности языка; она произошла вслѣдствіе сближенія между предметами, сходными по производимому впечатлѣнію. Для Аенасьева не только единствен-

нымъ, но и богатымъ источникомъ миеическихъ представлений служить слово: "зерно, изъ котораго вырастаетъ миеическое сказаніе - говорить онъ - кроется въ первоизданномъ словѣ". /Т. I, 15/.

Пока слово сохраняло еще свое живое коренное значеніе, т.е. пока это значеніе было присуще народному сознанию, миеовъ не существовало, а были лишь прозрачныя, понятныя для народнаго ума, поэтическія метафоры. Миеы же начинаются со времени когда забывается первоначальное коренное значеніе словъ, и языкъ вступаетъ въ періодъ превращеній и порчи: прежнее метафорическое употребленіе тогда получаетъ для народа все значеніе дѣйствительнаго факта, служить поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній: свѣтила небесныя уже не только въ переносномъ, поэтическомъ смыслѣ именуется очами неба, но и въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ этимъ живымъ образомъ; извилистая молнія является огненнымъ змѣемъ, быстролетные вѣтры надѣляются крыльями, владыка лѣтнихъ грозъ - огненными стрѣлами. /Т. I, 9 - 10/.

А.А. Котляревскій, въ разборѣ труда Аеанасьева "Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", обращаетъ наше вниманіе на то, что Аеанасьевъ проти-

ворѣчить самъ себѣ, когда, допуская жизненность древней метафоры, въ то же время единственнымъ источникомъ мифическихъ представленій признаетъ превращенія языка. Такъ, въ 2-ой гл. сочиненія, говоря объ отношеніи древняго человѣка къ природѣ онъ видитъ источникъ мифическихъ представленій уже не столько въ движеніи языка, сколько въ самихъ возврѣніяхъ человѣка на природу, какъ на живое существо. На раннемъ утрѣ своего доисторическаго существованія, человѣкъ - говоритъ здѣсь Леанасевъ - "любилъ природу и боялся ея съ дѣтскимъ простодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея знаменіями, отъ которыхъ зависѣли и которыми опредѣлялись его житейскія нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, всегда готовое отозваться и на скорби, и на веселье". /Т.1,57/

На этомъ основаніи можно предположить, что Леанасевъ раздѣлялъ и тотъ взглядъ, по которому первоначальный источникъ мифическихъ представленій лежалъ не въ исторической порчѣ языка, не въ забвеніи первоначальнаго значенія словъ, а въ самомъ способѣ возврѣній на природу и ея феномены. "Народъ оказывалъ предпочтеніе метафорѣ, именно, потому - говоритъ А.А. Котляревскій, что живую природу и ея явленія онъ не могъ понять и представить

иначе, какъ въ формахъ известной ему жизни, какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ. Когда человѣкъ говорилъ: "солнце садится", онъ видѣлъ въ немъ живое существо, подобное другимъ животнымъ, ему знакомымъ существамъ, имѣющее нужду въ отдыхѣ и покоѣ; когда свѣтила небесныя онъ называлъ очами неба, молнію огненнымъ змѣемъ и т.д., онъ не только называлъ, но и признавалъ ихъ такими; онъ искони употреблялъ эти имена не въ переносномъ поэтическомъ смыслѣ, но въ смыслѣ реальной дѣйствительности; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить невозможное, что мысль явилась въ слѣдствіе движенія языка." /Т. II, 273/.

Мифологическая теорія Афанасьева достаточно опредѣляется при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса. Она не можетъ возбуждать недоверія, такъ какъ основана на прочномъ методѣ изслѣдованія и на обиліи важныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, результатовъ.

Начнемъ съ главнаго героя русскаго былевого эпоса - Ильи Муромца.

Тщательный анализъ этого русскаго народнаго богатыря приводитъ Афанасьева къ убѣжденію, что Илья - Муромецъ въ народномъ сознаніи замѣнилъ

всѣ черты, принадлежащія къ области мифическихъ представлений о богѣ громовникѣ Перунѣ. Самое названіе "богатырь" /отъ слова богъ/ уже указываетъ на существо божественное, а потому надѣленное необычайными силами и великанскими размѣрами, приличными грознымъ стихіямъ природы /Т. II, 221. Поэтич. возвр./

Народное представленіе о Перунѣ, какъ богатырь, который владѣетъ громомъ и молніей, разѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной крылатыми огненными конями по небу, поражаетъ огненными стрѣлами враждебныхъ демоновъ, проливаетъ дожди и воспитываетъ жатвы - было народомъ перенесено, съ принятіемъ христіанства, на Илью - пророка. Крестьяне, какъ извѣстно, и до сихъ поръ представляютъ Илью пророка, разѣзжающимъ на огненной колесницѣ по небу. Въ доказательство того, что Илья пророкъ замѣнилъ собой Перуна, Аванасьевъ приводитъ массу примѣровъ изъ жизни не только славянскихъ, но и кавказскихъ народовъ.

Илья - пророкъ, сходный съ Ильей - Муромцемъ по имени, а также святостью жизни своей, далѣе въ народномъ сознаніи слился съ Ильей Муромцемъ въ одинъ образъ. Преданіе, которое приводитъ Аванасьевъ, говоритъ, что тамъ, гдѣ конь Ильи - Му-

ромца выбивалъ коньтомъ источники ключевой воды
- народъ ставилъ часовни во имя Ильи - пророка.
А въ Московской губ. и понинѣ объясняютъ громовые
раскаты поѣздкой Ильи - Муромца на шести жеребъ -
цахъ.

Тождество Перуна и Ильи - Муромца выясняется
Афанасьевымъ особенно изъ былиннаго разсказа о
томъ, какъ слабый и искалѣченный Илья, сидѣвшій
тридцать лѣтъ сиднемъ, отъ выпитаго пива, предло-
женнаго "каликами переходжими", почувствовалъ
въ себѣ силу богатырскую. По мнѣнію Афанасьева,
пиво, которое выпиваетъ Илья, есть старинная мета-
фора дождя. Давая названіе различнымъ предметамъ
по ихъ признакамъ, древній человекъ отождествилъ
съ дождемъ все, что напоминаетъ ему эту текучую
и влажную стихію, какъ то: молоко, мочу, сокъ де-
рева, а также общеупотребительныя напитки: медъ,
пиво, вино.

Арійскіе народы дѣйствию дождя на боговъ и
демоновъ сравнивали съ опьяненіемъ человека отъ
вина. Разрушительное и страшное проявленіе грозы
толковалось ими въ томъ же смыслѣ. Какъ упившійся
виномъ человекъ становится буйнымъ любителемъ
ссоръ и дракъ, такъ, по ихъ мнѣнію, и опьяненные
дождемъ боги и демоны проявляли себя въ разруши-

тѣльныхъ и грозныхъ дѣйствіяхъ. Завываніе бури, раскаты грома, - это враждебные споры, воинственные клики опьяненныхъ боговъ и демоновъ.

Богъ - громовникъ Перунъ силенъ, могучъ и грозенъ лишь только тогда, когда пьетъ живую влагу изъ небесныхъ ключей, т.е., когда наступаетъ весна съ ея тепломъ, когда она разбиваетъ ледяной покровъ и обращаетъ снѣжныя тучи въ дождевыя. Налившись живой воды, богъ - громовникъ теперь уже въ состояніи поднять мечъ - кладенецъ, т.е. мечъ молніи, и побѣдить демоновъ, т.е. облака и туманы.

Отсюда, живая вода, или какъ она еще называется, богатырская, становится волшебнымъ напиткомъ тѣхъ могучихъ богатырей, которые въ народномъ сказаніи заступаютъ бога - громовника Перуна. Они, прежде чѣмъ пріобрѣсти необыкновенную, сверхъестественную силу, испиваютъ воды, вина или пива. Такимъ же образомъ получаетъ богатырскую силу, сидѣвшій тридцать лѣтъ сиднемъ, Илья - Муромецъ.

А.Н. Аванасьевъ въ объясненіи богатыря Ильи-Муромца не остается одинокимъ. Вмѣстѣ съ нимъ и О. Миллеръ въ тридцатилѣтнемъ бездѣйствіи Ильи видитъ мистическую основу. Онъ говоритъ, что въ былинахъ пребывающій въ бездѣйствіи оказывается ни-

чѣмъ инымъ, какъ свѣтлымъ лѣтнимъ началомъ на долгое время обезсиливаемымъ подъ властью начала тьмы господствующаго зимою. По соотвѣтствію съ этимъ и тридцатилѣтняя разслабленность Ильи - Муромца на миеическомъ языкѣ должна выражать то же самое, силы же, получаемыя имъ отъ питья, заставляютъ видѣть въ этомъ питьѣ дождевую животворную влагу. /"Илья - Мур. и бог. Киевс. 179 - 180. /

Когда же обратимся къ изученію подвиговъ Ильи по былинамъ, то сходство или, лучше сказать, тождество Ильи Муромца съ Перуномъ будетъ несомнѣннымъ. Богатырь Илья - Муромецъ все время ведетъ войну съ несчетными басурманскими полчищами и разбойниками. Всѣ его ратные подвиги удивительно похожи на подвиги бога - громовника. И оружіе у нихъ общее. Какъ Перунъ, такъ и Илья дѣйствуютъ всесокрушающими стрѣлами. Чудесный конь Ильи, какъ и конь Перуна, "перескакиваетъ съ горы на гору, легко перемахиваетъ съ холма на холмъ, промежъ ногъ рѣки, озера и темны лѣса пропускаетъ, хвостомъ поля устилаетъ".

Изъ подвиговъ Ильи Муромца наше вниманіе привлекаетъ его побѣда надъ Соловьемъ - Разбойникомъ Последній свиль себѣ гнѣздо на 12 дубахъ, на

прямоѣзжей дорогѣ къ Кіеву. Ровно 30 лѣтъ, - периодъ бездѣйствія Ильи, - онъ не пропускаетъ въ Кіевъ ни пѣшаго, ни коннаго. Его пронзительный, словно напоръ вихря, свистъ низвергалъ на землю все. Илья Муромецъ, сбивъ его каменной стрѣлой съ дуба, приводитъ ко двору князя Владимира. Здѣсь Илья заставляетъ его показать свою соловьиную удалъ, засвистать. Отъ выпитаго хмѣльнаго напитка, свистъ Соловья - Разбойника получаетъ необыкновенную силу. Отъ его свиста соловьиного простые люди падали мертвыми, а богатыри были оглушены. Разсердился Илья за это на Соловья - Разбойника и покончилъ тутъ же съ нимъ.

Эту побѣду Ильи Муромца надъ Соловьёмъ - Р. Аенасъевъ толкуетъ чисто мифически. Какъ Илья Муромецъ замѣнилъ собой бога - громовника, такъ и Соловей - Р. замѣнилъ собой демоны бурной, грозовой тучи, съ которой вѣлъ борьбу богъ - громовникъ. Больше того, Аенасъевъ, а съ нимъ также и О. Миллеръ, въ борьбѣ Ильи съ Соловьёмъ - Р. видятъ мифическую борьбу одного и того же существа, стороны благотворной и зловредной. "Древнѣйшія представленія о богѣ - громовникѣ - говоритъ Аенасъевъ - носятъ двойственный характеръ: являясь съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ,

творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ, съ другой стороны, есть богъ лукавый зловный, приємлющій на себя демоническій типъ". /Т. III, гл. XXII/.

Соловей - Р. во всякомъ случаѣ, является зло- вреднымъ существомъ. Въ этомъ смыслѣ и Асанасъевъ указываетъ на мифическое тождество Соловья - Раз- бойника со Змѣемъ, который нашелъ себѣ воплощеніе въ образѣ зловреднаго богатыря Горынчица, пред- ставителя демоническихъ силъ и громоносныхъ тучъ: "Соловей - Разбойникъ гнѣздится на двѣнадцати ду- бахъ; народная сказка говоритъ то же самое о змѣѣ и подробность эта объясняется мифологическимъ зна- ченіемъ дуба - дерева, посвященнаго Перуну. Въ Украинской сказкѣ Соловья Разбойника замѣняетъ собой змѣя Горынча, а въ другой сказкѣ Илья Муромецъ побиваетъ двѣнадцатиголоваго змѣя и из- бавляетъ отъ него красавицу царевну". /Т. I, 307/. Всѣ сближенія эти, другихъ мы не будемъ приводить здѣсь /ихъ можно найти у г. Асанасъева/, убѣди- тельно говорятъ за то, что въ образѣ Соловья - Разбойника народная фантазія олицетворила демона бурной и грозной тучи.

Что же касается имени Соловья - Разбойника, то оно дано - говоритъ Асанасъевъ - на основаніи

древнѣйшаго употребленія свиста бури громозвучному пѣнію этой птицы. Свистъ Соловья - Разбойника - это свистъ, завываніе бури. Свистъ бури, вихрей, вѣтровъ - выраженіе общеупотребительное въ нашемъ языкѣ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ олицетвореній дующихъ вѣтровъ было представленіе ихъ хищными птицами. Вотъ почему дѣти Соловья - разбойника оборачиваются, по свидѣтельству былины, воронами съ желѣзными клювами.

Эпитетъ "разбойника" объясняется разрушительными свойствами бури и тѣмъ старымъ воззрѣніемъ, которое съ олицетвореніемъ тучъ соединило разбойничій, воровской характеръ. Закрытіе тучами и зимними туманами небесныхъ свѣтилъ называлось на старомъ поэтическомъ языкѣ "похищеніемъ золота". А Соловей - Р. въ своихъ подвалахъ берегъ несчетную казну. "Демоническія силы - говоритъ Аванасьевъ - грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Этотъ хищнический характеръ облачныхъ демоновъ повелъ къ тому, что вмѣсто великановъ и змѣевъ, съ которыми сражаются богатыри въ болѣе сохранившихся вариантахъ эпического сказанія, - въ вариантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ выводятся на сцену воры и разбойники. Такимъ

образомъ древнѣйшія мифическія преданія съ теченіемъ времени сводятся къ простымъ объясненіямъ, заимствованнымъ изъ обыденной жизни." /Т. I, 309/.

Въ народныхъ былинахъ встрѣчается, какъ объ этомъ уже упоминали, имя змѣя Горыныча. Называется онъ тамъ и "лютымъ", и "огненнымъ змѣемъ". Его мифическое происхожденіе Аванасьевымъ объясняется такъ: "Въ огненномъ змѣѣ - говоритъ онъ - народная фантазія, создающая мифическіе образы не иначе, какъ на основаніи сходства и аналогіями ихъ съ дѣйствительными явленіями, олицетворила молнію, прихотливый извивъ которой напоминалъ скользкую по землѣ змѣю..."

Молнія - неразлучная спутница темной тучи; она рождается изъ нѣдръ ея и въ гимнахъ Ригъ-Веды называется ея дѣтищемъ. Это повело къ расширенію понятія о небесной змѣѣ, къ сочетанію съ ея именемъ не одной только молніи, но и вообще громоносной тучи. Въ народныхъ преданіяхъ змѣя выступаетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ значеніемъ, и даже въ большинствѣ эпическихъ сказаній онъ - представитель громоносныхъ облаковъ; Тѣ исполинскія фантастическія формы и тотъ демоническій характеръ, какіе издревле соединялись съ мрачными тучами, непримиримыми врагами бога - громовника."

Рефер. по народ. словес. 9-й л. Лит. Б.А. Букаты.

/Т. II, 509 - 12/.

Миеическое значеніе Горынчища особенно выясняется слѣдующимъ мѣстомъ народной былинны:

" Какъ въ тую пору, въ то время /когда купался
Добрыня въ рѣкѣ/,

Вѣтра нѣтъ, тучу поднесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождить,

Дождя нѣтъ, искры сыплются:

Летить Змѣице - Горынчище

О двѣнадцати Змѣя хоботахъ"... /Кирш. Дан. 346-9/

Хочетъ Горынчище Добрыню спалить огнемъ, хоботомъ ушибить. Но богатырь осилилъ и убилъ чудовище.

Много вытекло крови змѣиной. Трое сутокъ стоялъ въ ней Добрыня и не зналъ, какъ изъ нея выбраться.

Только голосъ съ неба выводитъ его изъ этого затрудненія, который велитъ ему бить копьемъ о сыру землю, приговаривая:

" Раступись - ка матушка - сыра земля,

На четыре раступись на четверти

Пожри - ка всю кровь змѣиную".

Сдѣлалъ Добрыня все, что приказывалъ голосъ съ неба, и, дѣйствительно, мать сыра - земля поглотила кровь змѣиную. Въ миеической подкладкѣ этого изображенія змѣя - Горынчища не приходится сомнѣваться. И Аванасьевъ, поэтому, основательно

при этомъ замѣчаетъ, что пролитая змѣемъ кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками изъ тучи, и наводняетъ поля и равнины. /Т. II, 519./.

Интересно при этомъ разобрать и русское названіе мифическаго змѣя - Горынычъ, увеличительное Горынчище. Оно происходитъ отъ слова гора и есть отечественная форма, означающая сына горы, т.е. горы тучи, рождающую изъ себя извилистую змѣю-молнію.

На связь съ горами указываетъ и имя богатыря Святогора. Кромѣ того, имя Святогора указываетъ и на священный характеръ этихъ горъ: Святогоръ - богатырь, живущій на святыхъ, т.е. небесныхъ, облачныхъ горахъ.

" На равнинныхъ пространствахъ Руси, говоритъ Леанасевъ - не нашлось приличной обстановки для великановъ - ни высокихъ горъ, ни циклопическихъ построекъ, къ которымъ можно- бы было прикрѣпить древнія преданія объ исполинахъ, а потому преданія эти и не получили у насъ такой широкой обработки, какъ на западѣ. Тѣмъ не менѣе воспоминація о великанскихъ горахъ и камняхъ не чужды и русскому народу, такъ какъ основы подобныхъ представленій коренились въ мифахъ вынесенныхъ индо-

европейскими народами изъ общей ихъ прародины./Т.
II, 666./.

Правдивость этихъ словъ Аеанасьева подтверждается поэтическимъ сказаніемъ о богатырѣ - Святогорѣ, въ колоссальномъ и типическомъ образѣ котораго ясны черты глубокой древности. Самому громовнику не всегда совладать съ этимъ богатыремъ титанической породы. Ильѣ Муромцу "калики перехожіе" дакъть совѣтъ не драться съ этимъ богатыремъ, котораго земля черезъ силу носить.

Появленіе этого великана, представителя грозныхъ горъ - тучъ, сопровождается такими знаменіями

" Мать - сыра земля колебается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются..
Вдеть богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираеть подъ облаку ходячую".

Смерть Святогора также говоритъ за его миеическое значеніе. Побратавшись съ Ильей - Муромцемъ и пустившись съ нимъ въ путь - дорогу, Святогоръ наѣхалъ на великій гробъ.

" На томъ гробу надпись надписана:
Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ него и ляжетъ."

Легъ Илья: "для него домовище и велико и широко."

Ложится въ него Святогоръ, "гробъ пришелся по немъ." Прикрылся онъ крышкой, хочетъ потомъ поднять ее, да не сможетъ. Усилия Ильи разрубить гробъ мечемъ - кладенцемъ остались безплодными. отъ ударовъ его меча только выростали новыя полосы желѣзныя, крѣико обхватывавшія гробъ Святогора. Такъ онъ и задохнулся въ гробу.

Аеанасъевъ смерть Святогора такъ объясняетъ: "Великанъ /гора - туча/ умираетъ, т.е. оковывается холодомъ и засыпаетъ зимнимъ сномъ". /Т. I, 589/.

"Гробъ, окованный желѣзными обручами - метафора дожденоснаго облака, на которое зимняя стужа наложила свои крѣико сжимающія цѣпи. При началѣ зимы впадаетъ въ оцѣпенѣніе /-умираетъ/ не только великанъ - туча, но и самъ надолго замолкающій громовникъ." /Т. II - 674./.

Интересно при этомъ со смертью Святогора сравнить смерть Ильи - Муромца. Илья - Муромецъ также наѣхалъ на гробъ вмѣстѣ съ Алешей Поповичемъ и Добрыней. Легъ въ гробъ Алеша - гробъ оказался великимъ, легъ Добрыня - Узкимъ, а Ильѣ - Муромцу гробъ пришелся по мѣркѣ, и сразу захлопнула его каменная крышка. Такъ въ смерти Ильи - Муромца народная фантазія представила смерть бога - громовника, погрузившагося въ зимнюю спячку.

Подобное объясненіе, какъ единственно возможное и безъ натяжекъ, можно приложить и къ былинѣ о томъ, " Отчего перевелись богатыри на святой Руси" Что за богатыри, погибшіе въ борьбѣ съ небесными воителями, какъ не великаны - тучи, которые послѣ шумныхъ грозовыхъ битвъ замерли на зиму, каменья отъ сѣверныхъ вьюгъ и морозовъ.

Если горы, составляя только возвышенность земли, были одухотворены въ образѣ великановъ, то и сама "мать - земля сыра" включена въ разрядъ титаническихъ существъ. Съ этимъ существомъ не всякій богатырь можетъ справиться. Святогоръ, напр. не въ силахъ сдвинуть съ мѣста маленькой переметной сумочки Микулы Селяниновича, потому что въ ней была "тяга земная". Къ этому существу особенно близокъ богатырь Микула Селяниновичъ. На это указываетъ и его прозвище. Былины рисуютъ его творцомъ урожаявъ, установителемъ земледѣлія и покровителемъ поселянъ - пахарей. Образъ Микулы въ былинахъ разрастается до сверхчеловѣческихъ размѣровъ. Его, пѣшаго, не могутъ сразу догнать конные, ни Илья Муромецъ, ни Вольга Святославовичъ. Свое поле воздѣлываетъ онъ съ такой неутомительностью и такъ быстро передвигаясь съ края на край, что въ немъ, по мнѣнію Аеланасьева, можно видѣть только

божественноаго представителя и покровителя
земледѣлія на Руси Такимъ Микула Селяниновичъ
представляется и О. Миллеру.

Видя въ немъ божество, Аеанасьевъ сближа-
етъ это божество съ богомъ - громовникомъ.
Богъ громовникъ также почитался у славянъ твор-
цемъ урожаявъ, установителемъ земледѣлія и по-
кровителемъ поселянъ пахарей, и даже самъ, по
народнымъ преданіямъ, выходитъ въ видѣ простого
крестьянина воздѣлывать нивы своимъ золотымъ
плугомъ. Къ тому же и проливаемые на землю дож-
ди, содѣйствующіе плодородію земли, побуждали
многихъ народовъ божество грозы, т.е. бога -
громовника считать заступникомъ и установителемъ
земледѣлія. Богъ почему и въ самомъ явленіи гро-
зы воображенію вѣйскихъ народовъ, по мнѣнію
Аеанасьева, представлялась поэтическая картина
вспахиванія облачнаго неба громогласнымъ Перу-
номъ. Богъ - громовникъ рисовался имъ въ образѣ
пахаря, роющаго вихрями облачное небо, бороздя-
щаго его молніями и разбрасывающаго сѣмя дождя.

Отсюда станеть совершенно понятнымъ и миеи-
ческій пахарь, скрывающійся въ образѣ Микулы
Селяниновича.

Содержаніе русскихъ народныхъ быльиъ о рѣч-

ныхъ богатыряхъ , по мнѣнію Афанасьева, также вводитъ насъ въ область мифическихъ возрѣній. Шумный плескъ, вѣчное движеніе и стремительные разливы водъ, заставляющіе видѣть въ этихъ нѣчто живое, паденіе воды съ небесъ въ видѣ дождя, росы, снѣга, ея плодотворная сила и участіе во всѣхъ отправленияхъ жизни - все, говоритъ Афанасьевъ - вело къ обоготворенію этой стихіи, къ олицетворенію ея. Согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ громоносныхъ, дождевыхъ тучъ мощными великанами божественной породы, русскій народный эпосъ, прикрѣпивъ то же представленіе къ земнымъ водамъ, знакомыя ему большія рѣки олицетворилъ въ видѣ богатырей стараго времени. Какъ индѣйцы обоготворили Гангъ, нѣмцы - Рейнъ, такъ и славяне соединяли божескія свойства съ Дунаемъ, Днѣпромъ, Дономъ и др. большими рѣками.

Изъ русскихъ народныхъ былинъ мы знаемъ о Дунаѣ Ивановичѣ / въ др. былинахъ замѣняется Дономъ /, который наѣзжалъ вмѣстѣ съ др. богатырями на Настасью - Королевичну /по др. Нѣпра - Королевична /, сильно - могучую, героическую дѣву и вель съ ней борьбу.

Побѣдить эту дѣву силой могъ изъ всѣхъ

богатырей одинъ только Дунай Ивановичъ. Побѣжденная Настасья - королевична, сдѣлавшись женою Дунай Ивановича, однако, не могла помириться съ хвастовствомъ мужа о его молодечествѣ и вызвала его на состязаніе въ ловкости стрѣльбы изъ лука. Настасья - королевична ловко пропустила три стрѣлы черезъ кольцо, положенное на головѣ Дунай Ивановича. Дунай Ивановичъ же, стрѣляя, не угодилъ въ кольцо, а попалъ въ бѣлую грудь жены и убилъ королеву. Тутъ ему за великую досаду показалось, что убилъ свою жену, да при томъ беременную; распласталъ ей чрево булатнымъ кинжалищемъ и, ставъ кинжалъ на сыру землю, самъ падалъ на острый конецъ ретивымъ сердцемъ:

" Отъ той - ли крови горячія -
Гдѣ пала Дунаева головушка -
Протекала рѣка Дунай - рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка -
Протекала Настасья - рѣка" /Риб. I, 178

"Кровь - говоритъ Аванасьевъ - одна изъ древнѣйшихъ метафоръ воды и дождя; всемірный потопъ / - весеннее наводненіе/, по свидѣтельству преданій, произошелъ отъ крови великановъ - тучъ, которые пали сраженные въ грозовой битвѣ. Сказанія о рѣкахъ, образовавшихся изъ крови убитыхъ

богатырей и ихъ женъ, выражаютъ слѣдов. ту же мысль, что и мнѣ о небесномъ происхожденіи земныхъ водъ: рѣки эти истекаютъ изъ дождевыхъ тучъ, гибнущихъ подъ ударами Перуновой палицы. Поэтому Нѣпра /Настасья/ - королевична всѣми своими характеристическими чертами сходится съ тѣми воинственными дѣвами; въ образѣ которыхъ олицетворялись грозовыя тучи: ей дана и непомѣрная сила, и страсть къ войнѣ, и славное искусство пускать мѣткія стрѣлы /- молніи/" /Т. II, 224/.

Интересны также и былины о новгородскомъ купцѣ Садкѣ, какъ содержащія олицетворенія озеръ, съ Морскимъ Царемъ, водяными духами съ дѣвами. По мнѣнію Аванасьева, герой былинъ - Садко, чудесная игра котораго на гусляхъ заставляеть волноваться океанъ - море, замѣнилъ собой въ преданіи древнѣйшаго бога грозы и вѣтровъ: въ завываніи грозовой бури предкамъ нашимъ слышались чародѣйныя звуки гуслей - самогудовъ. Женильба Садка на дѣвѣ - рѣкѣ, въ первоначальномъ представленіи мнѣа, была брачнымъ союзомъ бога - громовника съ облачною нимфю; корабль, на которомъ плылъ онъ по синему морю, - известная метафора тучи. Чтобы прекратить морскую бурю, Садко долженъ былъ порвать звонкія струны и прекратить игру на гусляхъ.

Только тогда успокаивается морская пучина, когда проносилась шумная гроза и замолкали порванные струны гуслей - самогудовъ, т.е. стихали громы и вѣтры.

Такъ идея воздушнаго океанъ - моря, возникшая у славянъ вполне естественно, вслѣдствіе представленія всего неба великимъ хранилищемъ водъ, по которому носятся дождевыя тучи, посылающія благодатныя ливни, была перенесена на море - нижнее, земное, а владыка неба получилъ значеніе бога земныхъ водъ.

Мы привлекали въ сокращеніи весь мифическій матеріаль, использованный Афанасьевымъ при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса. Мы видѣли, что главная мысль его объясненій та, что въ героическихъ существахъ былинь, ихъ похожденияхъ и подвигахъ, борьбѣ съ другими, смерти и побѣдѣ, народъ олицетворилъ важнѣйшія явленія изъ жизни природы, олицетворилъ по большей части явленія весеннія, когда вся природа находится въ возбужденномъ состояніи.

Первобытнымъ человѣкомъ олицетворены при этомъ явленія небесныя, воздушныя, гдѣ онъ постоянно видѣлъ смѣну и движеніе. Земля не могла сильно дѣйствовать на воображеніе человѣка: вѣчная,

чуждая внезапныхъ перемѣнъ, она была ему на столько близка, что могла занять только его умъ, но не вызвать въ немъ религіознаго трепета, разбудить его фантазіи. Внезапныя и грозныя воздушныя явленія производили на человѣка сильное впечатлѣніе: предъ ихъ могуществомъ и силою онъ чувствовалъ свое безсиліе, свою слабость, свою зависимость отъ нихъ. Задумываясь о причинахъ такихъ явленій, человѣкъ естественно приходилъ къ мысли о живыхъ существахъ, которыя поражали землю зноемъ и засухой и снова оживляли ее небесною влагой, погружали вся природу въ сонъ и оцѣпенѣніе и снова вызывали къ жизни и радостямъ. Его фантазія живая и игривая, создала боговъ живыхъ, дѣйствующихъ, борющихся, создала рассказы о ихъ жизни и подвигахъ, рассказы, называемыхъ мифами.

Такова точка зрѣнія Афанасьева при объясненіи имъ русскаго былевого эпоса и выяснена она нами, кажется, достаточно. Въ заключеніе, приведемъ еще отзывъ извѣстнаго ученаго А.А. Котляревскаго о достоинствахъ и недостаткахъ мифологической теоріи Афанасьева при объясненіи имъ русскаго народнаго эпоса.

Котляревскій ставитъ въ заслугу Афанасьеву то, что "онъ /при объясненіи народныхъ былинъ/

съ одной стороны, далеко от той безграничной, ничѣмъ не сдержанной свободы толкованій, какую дозволилъ себѣ, напр. издатель пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, съ другой, не раздѣляетъ мысли и тѣхъ изслѣдователей, которые принимаютъ лишь поэтическія, нравственныя и историческія основанія для нея, отрицая основанія мѣстическія; напротивъ, онъ убѣждаетъ, что "народные эпическіе герои, прежде чѣмъ низошли до человѣка, его страстей, горя и радостей, прежде чѣмъ явились въ исторической обстановкѣ, были олицетвореніями стихійныхъ силъ природы"; онъ принимаетъ, что историческія черты былинь суть позднѣйшія наслоенія, которыя нужно снять и отдѣлить, чтобы возстановить древній образъ и каждой эпохѣ отдать свое." /Котляревскій, соч. II 293/.

Указывая, далѣе, на тѣ твердые результаты, которыхъ достигнулъ Аванасьевъ при объясненіи русскихъ народныхъ былинь, Котляревскій видитъ въ его трудѣ тотъ общій недостатокъ, что "Авторъ какъ кажется, даетъ уже слишкомъ много силы и крѣпости народному преданію и памяти. Онъ, повидимому, не допускаетъ въ ней никакихъ уклоненій въ области фантазіи и не признаетъ въ былинахъ

никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ внѣшняго историческаго наслоенія. Поэтому онъ стремится возвесть къ мифическому источнику и объяснить, какъ народную метафору, всѣ даже мельчайшія частныя черты былины, все, что находитъ хотя какое -нибудь соотвѣтствіе съ другими преданіями." /Т. II, 295./

Котляревскій останавливается на объясненіи Аванасьевымъ стрѣль Ильи Муромца и золотой казны Соловья - Разбойника и находитъ, что и стрѣлы, и золотая казна могли быть уцѣлѣвшими остатками мифическыхъ метафоръ или представленій молніи и свѣтиль, но могли быть, - чего не можетъ опровернуть Аванасьевъ, - стрѣлы - обыкновеннымъ бытовымъ орудіемъ доогнестрѣльнаго періода, а золотая казна - поэтической прибавкой фантазіи къ понятію о разбойникѣ, живущемъ грабежемъ и разбоемъ.

Стремленіе же автора "Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу" объяснить съ мифологической т. зрѣнія всѣ мелкія частности произведеній народной поэзіи Котляревскій признаетъ только увлеченіемъ спеціалиста и считаетъ возможнымъ простить автору этотъ недостатокъ въ виду того, что трудъ его является новымъ и рѣшительнымъ шагомъ

Сказка - тотъ уртокъ и стрѣла. Котляревскій въ главѣ - стрѣла и золотая казна
Звукъ - забавная уртокъ уртокъ, вѣтъ. Звукъ и мѣлодія стрѣлы 1) стрѣла и золотая казна
Куралы - тура
Вулгарн. Котляревскій сии стрѣлы
Мелодическая часть въ Котляревскій. Звукъ и мѣлодія стрѣлы 2) стрѣла и золотая казна
3) стрѣла и золотая казна

Недѣльскій Петръ, студентъ III курса.

БЫЛИНЫ ОБЪ АЛЕШѢ ПОПОВИЧѢ И О ТОМЪ, КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ, - ВЪ ОСВѢЩЕНІИ СРАВНИТЕЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.

/Н.П. Дашкевичъ. Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.

Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт. 1889 г., 3 кн./

" Народная поэзія - устная лѣтопись ".

Строго - научное изученіе и изслѣдованіе нашего былевого эпоса, какъ извѣстно, начинается съ 60 годовъ прошлаго вѣка. Это обстоятельство оказало нѣкоторое вліяніе на формировавшіеся тогда взгляды и приемы изученія богатырскаго эпоса и было причиной того, что печать эпохи возникновенія довольно замѣтна и на научныхъ теоріяхъ. Славянофильское направленіе литературы и жизни, приложивъ свои основные принципы, свои воззрѣнія на народъ къ изученію русской былевой поэзіи, создало по образцу нѣмецкой науки свою мифологическую теорію съ своеобразной этико - метафизической подкладкой, съ народнымъ міросозерцаціемъ и дис-

торическими мифическими вѣрованіями и преданіями на первомъ планѣ. Западническое направленіе, взглянувъ на русскій б. эпосъ съ своей точки зрѣнія, положило начало теоріи культурныхъ заимствованій, которая увидѣла въ немъ прежде всего слѣды постороннихъ вліяній и, возведя частныя заключенія въ степень общихъ положеній, допустила въ немъ гораздо менѣе самостоятельности, чѣмъ сколько есть онъ на самомъ дѣлѣ, предположивъ для былинъ другую ось козу - восточную, южную, западную. Значительно раньше этихъ главныхъ направленій - теорій возникла, хотя и развивалась параллельно имъ, чуждая ихъ крайностей, независимая историческая теорія изученія былевого эпоса, выдвигавшая преимущественно народно - историческіе элементы былинъ нашедшая свое естественное приложеніе прежде всего къ былинамъ, привязаннымъ къ историческому центру, какъ Кіевъ, Новгородъ и т.п., съ героями, группированными вокругъ историческаго князя и частью носящими имена, извѣстная лѣтописи. Намѣчаемая уже въ трудахъ старыхъ историковъ и первыхъ издателей и комментаторовъ былинъ, эта теорія впервые была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ къ изученію нашего эпоса Л.Н. Майковымъ, который не только указывалъ, что р. народный эпосъ отвѣчаетъ

Рефер. по народ. слов. л. 10-й. Лит. Б. А. Букаты.

нѣсколькимъ періодамъ исторической жизни русскаго народа и можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, которые болѣе или менѣе полно отражаютъ въ себѣ исторію, бытъ и понятія даннаго періода. Затѣмъ Н.И. Костомаровъ подвергъ обстоятельному анализу преданія начальной лѣтописи и видѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отголоски былевыхъ пѣсенъ.

Н.А. Квашнинъ - Самаринъ въ рядѣ статей старается отмѣтить всѣ историческія данныя, отражающіяся на былинахъ. Въ духѣ этой теоріи и изслѣдованіе И.В. Ягича о славянской народной поэзіи, гдѣ большое мѣсто заняла и поэзія русская. Расширяя и углубляя старыя намеки и мнѣнія, эти ученые смотрѣли на былины непосредственно, понимали ихъ содержаніе въ прямомъ смыслѣ и сообразно этому старались прикрѣпить русскій эпосъ къ его родной старинѣ и народной почвѣ. Наиболѣе глубоко это воспроизведеніе старыхъ взглядовъ на новыхъ научныхъ началахъ вышло у проф. Н.П. Дашкевича. Подъ его перомъ старая историческая теорія, поставленная въ непосредственную связь съ сравнительно - историческимъ методомъ и основнымъ приѣмомъ анализа - сравненіемъ, получила значительно новый видъ, почему и можетъ быть названа сравнительно - исторической въ тѣсномъ смыслѣ слова. Небольшая монографія

Н.П. Дашкевича объ Алешѣ Поповичѣ интересна не только, какъ удачное рѣшеніе отдѣльнаго вопроса въ р. богатырскомъ эпосѣ, но еще болѣе потому, что самый анализъ указанныхъ былинь долженъ подтвердить, по мысли автора, его "общія соображенія о происхожденіи и развитіи нашего эпоса". /стр.6/ Въ соемъ изслѣдованіи профессоръ чуждъ полемической тенденціи и исключительности; напротивъ, онъ полагаетъ, что всѣ теоріи приложимы къ изученію былевого эпоса, однако "каждый изъ этихъ методовъ можетъ имѣть значеніе не для всего эпоса, но только для частныхъ его; къ объясненію былинь приложимы всѣ теоріи относительно сходныхъ мотивовъ въ эпосѣ различныхъ народовъ" /5 - 7 стр./ Равнымъ образомъ, онъ не отрицаетъ литературнаго заимствованія и нерѣдко самъ отмѣчаетъ его /напр. въ былинахъ о неудачномъ сватовствѣ Алеши /47 - 50 стр./ и др./, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что "сдлавъ различныхъ стихій въ былинахъ не даетъ права на одностороннія заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, которыми переполнены будто бы наши былины", потому что "одно указаніе заимствованій и реминисценцій еще не объясняетъ возникновенія эпическихъ сказаній: надо раскрывать сверхъ того внутреннія основанія заимство-

ваній". /53/. Руководствуясь такими соображеніями, проф. Дашкевичь строго отдѣляетъ первоначальное историческое ядро сказанія отъ позднѣйшихъ чертъ иного характера и рассматриваетъ его въ послѣдовательномъ видоизмѣненіи и осложненіи подъ вліяніемъ факторовъ, выдвинутыхъ новой школой, Исходя изъ тезиса Миклошича "всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событію," ученый утверждаетъ, что "Зерно всякаго былевого эпоса - историческія сказанія; если не всё, то большая часть былинь, возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатленіемъ извѣстныхъ событий". Но "по общему закону народнаго творчества, историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ и подвергается переработкѣ", подчиняясь вліянію среды, народнаго міросозерцанія, традиціонныхъ мотивовъ народнаго творчества, другихъ современныхъ произведеній народныхъ и книжныхъ, извѣстныхъ иноземныхъ сказаній, которыя "содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, а съ другой - искаженію ея. При этомъ видное мѣсто имѣетъ внѣшняя ассоціація, иной разъ совершенно, на первый взглядъ, случайная. Въ данную пѣсню вносятся элементы другихъ; къ извѣстной личности

приурочиваются повѣствованія, передававшіяся обь
иныхъ; сводятся рассказы, отнотившіеся первоначаль-
но къ различнымъ эпохамъ, по закону развитія
эпическихъ цикловъ". /7 - 9 стр./ При подобныхъ
переживаніяхъ историческая основа былевого эпоса
могла, конечно, нерѣдко совсѣмъ затемняться и поч-
ти исчезать; но тѣмъ не менѣе ея не слѣдуетъ упус-
кать изъ виду и при выдѣленіи составныхъ частей
былевого эпоса "должно начинать именно съ нея",
- "и лишь за полнымъ устраненіемъ исторической ос-
новы изслѣдователь можетъ заняться разысканіемъ
иныхъ источниковъ". Обращая вниманіе на историчес-
кую основу былинъ, профессоръ въ богатырскомъ эпо-
сѣ отмѣчаетъ "пѣсни двоякаго рода: о подвигахъ
отдѣльныхъ витязей и обь общихъ предпріятіяхъ.
Однѣ изъ этихъ пѣсенъ такъ и сохранили свою от-
дѣльность, другія сводились постепенно въ циклъ,
который началъ образовываться вокругъ Кіева и лас-
коваго князя Владимира; онѣ примыкали къ этому
кругу неодновременно .." /9 - 10 стр./. Поэтому
"кругъ былинъ, какъ и всѣхъ народныхъ произведеній,
нельзя рассматривать, какъ цѣльное произведеніе,
сразу сложившееся; при изслѣдованіи былевого эпо-
са необходимо отправляться отъ него, не какъ отъ
стройнаго цѣлаго, но отъ частныхъ эпизодовъ, и

начинать съ анализа былинь о каждой личности отдѣльно. Употребивъ въ дѣло всё средства историческаго анализа и отдѣливъ все, что относится къ общимъ приѣмамъ нашего былевого творчества и былевого эпоса вообще, - только тогда можно приступать къ опредѣленію повднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ, которые были введены въ общее содержаніе былинь неорганически". Источники иноземныхъ примѣсей Н.П. Далкевичъ, вмѣстѣ съ А.Н. Веселовскимъ, считаетъ необходимымъ искать, главнымъ образомъ, въ представленіяхъ и сказаніяхъ, вращавшихся въ томъ тѣсномъ кругу культуры, къ которому русскіе принадлежали наряду съ западными народами, византійцами, жителями Кавказа, южными славянами и румынами. Резюмируя сказанное, кажется "можно съ полнымъ правомъ стоять за несомнѣнную историческую основу былинь, за то, что она должна быть точкой отправленія всѣхъ изслѣдованій о былевомъ эпосѣ, и принимать въ тоже время цѣлый рядъ послѣдствительныхъ переработокъ ея и разнородныхъ наслоеній, изъ которыхъ многія возникли подъ вліяніемъ общаго содержанія народнаго эпоса, наполнявшагося и сказаніями книжными и иностранными". /10 -Истр/

На такихъ основаніяхъ ведется анализъ былинь объ Алешѣ Поповичѣ и генетически родствен-

ныхъ имъ былинь о гибели богатырей, подтверждающій общія положенія автора. вмѣстѣ съ тѣмъ, "разсматривая эти былины въ связи съ лѣтописными свидѣтельствами, можно ощутительно наглядно представить себѣ, какъ постепенно слагался нашъ былевой эпосъ". Содержаніе названныхъ былинь вкратцѣ слѣдующее: Алеша, сынъ соборнаго попа Ростовскаго, испросивъ благословеніе, ѣдетъ съ Екимомъ Ивановичемъ во столичный Кіевъ градъ ко князю Владимиру. По пути онъ убиваетъ змѣя Тугарина и еще разъ сражается съ нимъ на пиру у Владимира. Онъ поназваніи братомъ Ильѣ и Добрынѣ, но не всегда ладитъ съ ними; особенно онъ обидѣлъ Добрыню, попытавшись жениться на его женѣ. Онъ же былъ виновникомъ и того, что витязи Владимира, отравивши встрѣченную ими несмѣтную силу басурманскую, послѣ гордаго вызова Алешей силы нездѣлней, не справились съ нею, и съ той поры перевелось богатырство по святой Руси.

Начиная съ древнѣйшихъ изводовъ сказаній объ Алешѣ, мы "должны обратиться прежде всего не къ былинамъ, которыя дошли до насъ въ послѣднихъ записяхъ, а къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, которыя почти цѣликомъ являются отголоскомъ древнѣйшихъ былинь". /Истр./ Известія лѣтописей объ Алексан-

дрѣ /Олексѣ, Олешѣ/ Поповичѣ не совсѣмъ сходны, иногда противорѣчивы, а одинъ вариантъ занимаетъ какъ бы срединное положеніе. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ упоминаній, встрѣчающееся и въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, находимъ въ такъ наз. Академическомъ спискѣ Суздальской лѣтописи. Здѣсь читаемъ въ повѣствованіи о Калкскомъ побоищѣ: "и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ". "Слѣдовательно, по сказанію этой лѣтописи, Александръ Поповичъ жилъ въ 13 столѣтіи и принадлежалъ къ храбрымъ, которые выдѣлялись изъ ряда остальныхъ ополченій, составляли какъ бы особую дружину и погибли на Калкѣ". Это извѣстіе лѣтописи, несомнѣнно, основано на народныхъ сказаніяхъ, на что указываетъ контекстъ рѣчи, число 70 и извѣстность Александра.

"Въ XV столѣтіи, къ которому относится Академическій списокъ, не было иного повода приурочить Александра къ Калкской битвѣ и упомянуть о гибели его тамъ, кромѣ того, что участникомъ Калкскаго боя представляло Александра народное преданіе, которое говорило вмѣстѣ съ тѣмъ о гибели 70 богатырей. Это преданіе, видимо, обращалось въ Суздальской землѣ и выдающимся дѣяніемъ Александра считало участіе его въ Калкскомъ побоищѣ". /16 - 17

стр./ Далѣе, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ /Архангелогородской, Никоновской и др./ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ /Хронографъ I-ой редакціи/ существуетъ отрывочное упоминаніе о томъ, что Ал. Поповичъ предварительно гибели на Калкѣ служилъ вмѣстѣ съ Добрыней князю Константину Всеволодовичу Ростовскому и помогъ ему въ бою съ братомъ его Юриемъ въ лѣто в. 725. Источникъ его могъ быть двоякій: упоминаніе о Добрынѣ какъ бы указываетъ на былины, гдѣ Алеша ставится въ тѣсную связь съ Добрыней и при немъ также есть слуга Торопъ; но, съ другой стороны, могла быть отрывочная лѣтописная запись, въ которую потомъ было вставлено имя Добрыни и которою пользовался составитель т.н. Тверской лѣтописи". Въ другихъ спискахъ встрѣчаемъ другую подробность: "Александръ, "силенъ и славенъ богатырь", чуть - было не убилъ князя Мстислава и остановился только только тогда, когда тотъ назвалъ себя : "то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убиенъ будеши, камо другимъ дѣти". /18 стр./ Во всѣхъ приведенныхъ замѣткахъ Александръ является героемъ мѣстнымъ, суздальскимъ.

Но вотъ въ Тверской лѣтописи /1534г./ находитъ весьма замѣчательная цѣльная "Повѣсть о

Калкацкомъ побойцѣ, и о князехъ Рускихъ, и о храбрыхъ 70", гдѣ находимъ интересный разсказъ о дѣятельности Поповича въ Ростово - Суздальской области и о переходѣ его съ дружиной въ Кіевъ, на службу къ князю Владимиру. Эта повѣсть подтверждаетъ предположеніе, что въ Суздальской Землѣ обрадлись народныя преданія объ Ал. Поковичѣ /онъ же Олешка/, приурочивавшія его къ началу 13 вѣка, на основаніи которыхъ были составлены въ Ростовской землѣ особыя письменныя записи, или "описанія", на которыя ссылается составитель Тверской лѣтописи. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить въ повѣствованіи Тверской лѣтописи, наряду съ книжными извѣстіями, слѣдовъ ростовскихъ народныхъ сказаній, "записъ которыхъ вполне понятна, если вспомнимъ, что составителемъ сборника былъ ростовскій славянинъ, а Алеша также считался ростовцемъ совершающимъ свои подвиги главнымъ образомъ въ защиту этого старѣйшаго города". Въ сказаніи объ Александрѣ читаемъ о могилахъ воиновъ Юрія Всеволодовича, убитыхъ Александромъ: "Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихне кости насладены: могилы велики и донныѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по оную сторону рѣки Усіи... а иніи побіены отъ Александра же подъ Угодичами.

на Узѣ,..." Александръ "вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обречь подѣ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Грѣ, поже и нынѣ той сопъ /насыпь/стоитъ пустъ." /19 - 20 стр./ Мы видимъ, что лѣтописецъ, передавая сказанія объ Алешѣ, дѣлалъ собственныя вставки, что имя Александра было приурочиваемо къ нѣсколькимъ мѣстностямъ Суздальской земли. Такое приуроченіе вело начало, вѣроятно, съ 13 вѣка. Эти легенды не могли возникнуть книжнымъ путемъ, потому что древнѣйшія лѣтописи не говорили подробно объ Александрѣ и сказанія о немъ были составлены по народнымъ разговорамъ. Нельзя, конечно, думать, что всѣ эти преданія были справедливы, что они указывали мѣста дѣйствительныхъ подвиговъ Александра. Эти сказанія видимо получили въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже эпическую окраску въ тотъ моментъ, когда по нимъ была составлена повѣсть объ Александрѣ, что объясняетъ память народа о мѣстѣ совѣщанія Алеши съ другими храбрыми и о рѣшеніи отправиться на службу къ Кіевскому князю. Но самый фактъ не возбуждаетъ сомнѣнія: отъѣздъ существовалъ и въ позднѣйшее время, тѣмъ легче могъ случиться до татарскаго нашествія. Далѣе, Тверская лѣтопись говоритъ, что по смерти

князя Константина, Ал. Поповичъ созвалъ на совѣщаніе другихъ богатырей; рѣшено было оставить службу удѣльнымъ князьямъ "понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ," /21 стр./ какъ представителю общеземскихъ интересовъ Руси. Этотъ рассказъ пріобрѣтаетъ особую важность при сопоставленіи съ т. наз. Мезенской былиной, по которой Алеша отправился въ Кіевъ съ ростовской дружиной своего отца, освободилъ Кіевъ отъ Василя Прекраснаго, зятя Мамаю, и тогда только "поназванился" съ Ильей и Добрыней; последняя указываетъ, что рассказы очень древняго происхожденія. Отсюда-то, вѣроятно, двойкія извѣстія объ Ал. Поповичѣ въ Никоновской лѣтописи: онъ упоминается въ ней и при Владимирѣ I, и въ началѣ 13 вѣка. На основаніи историческихъ подробностей, профессоръ полагаетъ, что авторъ Никоновской лѣтописи, говоря объ Александрѣ при описаніи событій 13 столѣтія переписалъ извѣстія, а Поповича, какъ богатыря Владимира, заимствовалъ изъ былинъ.

"Говоря о княженіи Владимира, Никоновская лѣтопись приписываетъ также Александру вмѣстѣ съ Усмышвецомъ двѣ побѣды надъ печенѣгами и одну надъ

Половцами", чему въ былинахъ "соотвѣтствуетъ
разсказъ о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ, въ кото-
ромъ нѣкоторые не безъ основанія видятъ Тугоркана
половецкаго хана." Это тоже указываетъ на зави-
симость лѣтописнаго сообщенія отъ былинъ: мотивъ
борьбы со степью ясенъ въ обоихъ источникахъ.

"Разсказывая извѣстія объ Александрѣ и раздѣляя
ихъ промежуткомъ въ два столѣтія, называя Алек-
сандра богатыремъ Владимира, Никоновская лѣтопись
вводитъ насъ въ представленіе нынѣшнихъ былинъ,
приурочивающихъ Алешу ко времени Владимира и ко
временамъ татарщины, и указываетъ въ то же время
на связь былиннаго героя съ личностью, которая
по древнимъ лѣтописямъ, жила въ 13 вѣкѣ." /22 -
23 стр./ Первоначально былины объ Алешѣ не выстав-
ляли его постояннымъ богатыремъ Владимира, но по-
томъ въ нихъ явилось колебаніе: одни продолжали
изображать Алешу мѣстнымъ Ростовскимъ богатыремъ,
а другія включали его уже въ составъ богатырской
дружины Владимира. "Во всѣхъ лѣтописяхъ до Нико-
новской отразилось преимущественно первое предста-
вленіе, хотя и встрѣчаются намеки на связь Алеши
съ Добрыней, въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ
встрѣчаемъ отголоски того и другого извода." /24
стр./

На основаніи разсмотрѣнія этихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

" Въ 13 - 16 вѣкахъ въ Суздальской землѣ и преимущественно въ Ростовѣ обращались народныя эпическія /пѣсенныя и прозаическія/ сказанія о Ростовскомъ "храбромъ", первой четверти 13 вѣка - Александрѣ Поповичѣ". Эти сказанія представляли Алешу мѣстнымъ удальцомъ, главой цѣлой дружины храбрыхъ. Онъ былъ извѣстенъ подвигами личнаго мужества, какъ выдающійся дружинникъ Ростовскаго князя. Имя Александра было прикрѣплено къ могильнымъ насыпямъ въ различныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суздальскія преданія считали важнымъ подвигомъ Александра участіе въ Калкской битвѣ и гибель за общерусское дѣло въ сонмѣ храброй дружины, съ которою раньше онъ отправился на югъ служить Кіевскому князю. То былъ единственный не мѣстный подвигъ Алеши. "Популярность его имени и народныя преданія подали поводъ къ занесенію Александра въ Суздальскія лѣтописи." Судя по академическому списку въ 15 столѣтіи въ Суздальской землѣ держалось еще отчетливое преданіе о гибели цѣлой дружины суздальскихъ богатырей на Калкѣ и, слѣдовательно, они не стождествлялись съ богатырями Владимира, почему и первенство въ этой дружи-

нѣ усвоилось не Ильѣ, но Александру, а за нимъ Добрынѣ. Но къ началу 16 вѣка, какъ показываетъ хронографъ первой редакціи, Ал. Поповичъ вошелъ уже во Владимировъ циклъ и былъ поставленъ въ связь съ общерусской дружиной богатырей Владимірова времени, которые были представлены также погибшими на Калкѣ. Рѣшеніе Суздальскихъ храбрыхъ служить Кіевскому князю, какъ представителю общихъ интересовъ Русской земли, указываетъ, по мнѣнію автора, "на то, что очень рано (слева) эпосъ и въ Суздальской землѣ проникся отличительнымъ общерусскимъ земскимъ характеромъ." Имя Александръ уже замѣнено было въ нѣкоторыхъ пересказахъ именемъ Алешки, но Алеша еще не имѣлъ той дурной славы, какая досталась ему въ позднѣйшихъ былинахъ, хотя и упоминался въ связи съ Добрыней. Онъ былъ первымъ "храбрымъ" въ дружинѣ суздальцевъ, и еще не было отведено ему то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ позднѣйшихъ былинахъ: "полнаго включенія Александра въ кругъ богатырей Владиміра еще не было." Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ "повѣсть" объ Александрѣ Поповичѣ, занесенная въ Тверскую лѣтопись. /25 стр./

Теперь возникаетъ вопросъ: насколько эти народныя и лѣтописныя сказанія были согласны съ

дѣйствительностью и какъ понимали отношеніе общерусской и мѣстной стихіи этихъ сказаній. Проф. Н. П. Дашкевичъ полагаетъ, что Александръ Поповичъ былъ храбрымъ ростовскимъ дружинникомъ начала 13 вѣка. Личность его не возбуждаетъ сомнѣній; она въ высшей степени вѣроятна, насколько можетъ быть приписываемо историческое существованіе героямъ преданій, прикрѣпленныхъ съ самаго начала своего возникновенія къ мѣстнымъ памятникамъ крупныхъ историческихъ событій. "Должно признать" поэтому "за преданіемъ объ Александрѣ историческую основу и съ полнымъ правомъ можно думать, что сказанія о немъ возникли историческимъ путемъ и личность его историческая." Хотя "невозможно съ несомнѣнной достовѣрностью установить, участвовалъ ли Александръ Поповичъ въ Калкскомъ боѣ, такъ какъ нѣтъ современныхъ указаній," однако, "всѣ соображенія приводятъ къ утвердительному рѣшенію этого вопроса." "Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ рассказѣ о переходѣ Александра не задолго до Калкской битвы на службу къ Кіевскому князю." Точно неизвѣстно, гдѣ впервые возникли былины о гибели русскихъ витязей на Калкѣ, но несомнѣнно, что онѣ были извѣстны въ Суздальской Землѣ и сложились вскорѣ послѣ побоища.

Во время составленія Никоновскаго свода лѣтописей Александръ былъ рѣшительно причисленъ къ вѣтвямъ богатыремъ Владимира, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписывались и важные отдѣльные подвиги въ защиту Кіева отъ кочевниковъ. Разсказъ Никоновской лѣтописи, такимъ образомъ, представляетъ какъ бы переходъ къ современнымъ былинамъ объ Алешѣ, въ которыхъ имѣются очень скудные отголоски древнѣйшаго извода сказаній объ Ал. Поповичѣ, занесеннаго въ Тверскую лѣтопись.

Современныя былины представляютъ Алешу, въ большинствѣ случаевъ, однимъ изъ богатырей Владимира, притомъ не главнымъ; здѣсь Александръ сражается съ татарами въ дружинѣ, въ которой немного суздальцевъ, а по инымъ изводамъ и совсѣмъ нѣтъ. Нынѣшнія былины не знаютъ битвы на Калкѣ: онѣ говорятъ о боѣ богатырей съ татарами на Сафатъ - рѣкѣ и т.п. и приписываютъ этотъ подвигъ не 70 богатыремъ 13 вѣка, а богатыремъ Владимира: эти послѣдніе не устояли въ бою съ татарами.

Тѣмъ не менѣе, современныя "старинны" объ Алешѣ несомнѣнно связаны съ древними пѣснями и преданіями о немъ и представляютъ только дальнѣйшую переработку ихъ, на что указываетъ единство имени героя, одинаковость происхожденія, удалъ и

т.п. признаки. Равнымъ образомъ, въ нынѣшнихъ былинахъ о гибели богатырей можно признать позднѣйшую передѣлку древней пѣсни о Калкскомъ побойцѣ: и въ былинахъ и въ древнемъ сказаніи выступаетъ небольшая богатырская дружина; и тамъ и здѣсь выдаются Алеша и Добрыня, но современные бытны выводятъ еще Илью; оканчивается бой съ татарами гибелью возгордившихся витязей или ихъ кончиною; гнѣвъ Божій погубилъ, по лѣтописямъ, и Калкскихъ храбрцовъ. При разсмотрѣніи процесса сложенія современныхъ былинныхъ повѣствованій, остановимся прежде всего на былинахъ о кончинѣ богатырей, потому что онѣ "изначала имѣли первенствующее значеніе въ ряду сказаній объ Алешѣ и скрѣпили связь его съ богатырями Владимира;" онѣ же звели Алешу въ кругъ исконныхъ защитниковъ русской земли, чѣмъ положили начало новому направленію въ развитіи пѣсенъ о немъ. По этимъ былинамъ, богатыри Владимира /по новгор. изв. и Василій Буслаевичъ/ поразили силу басурманскую, но потомъ нѣкоторые /Алеша, Илья, Суздальцы/, возгордившись, стали похваляться, что могутъ справиться и съ силой невѣдѣнною /по др. вариантамъ - небесною/, и тотчасъ же воскресла сила побитая /явились двое воителей/ и сколько ни разили ее богатыри, она росла подъ

ихъ ударами, увеличивалась вдвое или внятеро и шла все на витязей съ боемъ. Богатыри не устояли. Судьба ихъ передается различно: то они побѣжали въ каменные горы и окаменѣли тамъ въ темныхъ пещерахъ, то "пересѣлися", то послѣ покаянiя въ "глупыхъ словахъ братьевъ Суздальцевъ", принесеннаго Ильей, "повалилась сила кроволитная," а "удалы сѣдѣли на добрыхъ коней, поѣхали ко городу Киеву, въ тѣже пещеры во Киевски; тамъ всѣ они представилися." Историческая основа этой былины ясно видѣется сквозь оболочку былевой фантастики. "Былина изображаетъ гибель всѣхъ русскихъ богатырей въ бѣсѣ съ татарами: даже въ тѣхъ вариантахъ, которые говорятъ о силѣ нездѣшной, предварительно упоминается татарченокъ или огромная сила; по нѣкоторымъ пересказамъ, подъ ударами богатырей увеличивалась сила татарская." До Куликовской битвы древняя Русь выступала противъ татаръ только одинъ разъ въ сплоченномъ ополченiи, именно въ 1223 году, и скорѣе всего этотъ погромъ могъ отразиться въ нашей былинѣ. Древнiя былины, какъ мы видѣли изъ разбора лѣтописныхъ показанiй, повѣствовали о гибели Александра и другихъ богатырей за Каякъ. "Многiя частности современной былины съ наибольшей вѣроятностью могутъ быть отнесены так-

же къ этому погрому. "Мнѣ кажется," говоритъ ученый, "можно признать разительное совпаденіе подробностей былины съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Калкскомъ побоищѣ." Какъ, "по лѣтописи при Калкѣ погибъ цвѣтъ южнорусскихъ дружинъ; лѣтописи говорятъ о многихъ храбрцахъ, падшихъ тамъ: "бысть побѣда на вси князи Русскыя, такоже не бывало никогда же"; по былинѣ сражались съ татарами или силокъ нездѣшекъ и окончили затѣмъ свою жизнь всѣ богатыри Владимира, и послѣ того на Руси не осталось богатырей." /33 - 34 стр./ Далѣе, по лѣтописямъ, причина Калкскаго пораженія - самонадѣянность и похвальба нѣкоторыхъ князей /Мстислава, Данила/; та же самонадѣянность и похвальба погубила и былинныхъ богатырей. Какъ позже татарское иго считалось карой, ниспосланной намъ за наши грѣхи, такъ и на Калкское пораженіе наши предки взглянули, какъ на несчастье, постигшее "грѣхъ ради нашихъ," за "прегрѣшеніе крестьянское." Татары представлялись неслыханной, невиданной ратью и т.п. Былинныя богатыри погибли отъ "силы нездѣшной", которая, какъ уже было сказано, въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо отождествляется съ силой татарской. Судя по лѣтописнымъ и былиннымъ указаніямъ, такое названіе - самое древнее былин-

ное представленіе, современное повѣсти о Калкскомъ побоищѣ. Съ теченіемъ времени, утративъ первоначальный смыслъ обозначенія, силу "нездѣшную" легко могли превратить въ "небесную", и тогда вза-мѣнь воскресшихъ супостатовъ были введены вѣтви небесныя. Важно также совпаденіе мелкихъ частностей. И по лѣтописямъ и по былинамъ бой происходилъ въ полѣ, продолжался нѣскольکو дней, закончился при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Даже отголоски названія рѣки Калки уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ. Итакъ, историческая основа былинъ о гибели богатырей несомнѣнна. Возникновеніе подобныхъ былинъ понятно: первое и второе татарскія нашествія страшно поразили народное воображеніе, что видно, между прочимъ, и изъ множества сказаній объ этомъ, и, какъ замѣчательныя событія народной жизни, естественно стали предметомъ разговоровъ, пѣсенъ, былинъ. Въ дальнѣйшемъ былины эти подверглись осложненію, привнесенію новыхъ подробностей, затемнившихъ первоначальную основу. Если разсматриваемая пѣсня о неудачѣ при Калкѣ возникла въ суздальской землѣ непосредственно вслѣдъ за побоищемъ, что весьма вѣроятно, то въ ней не могли сразу выступать богатыри Владимира, и вниманіе могло сосредоточиваться не столько на от-

дельных личностях, сколько на общей гибели
вождь бывших там русских витязей. Но сразу эта
былина могла украшиться обычными в таких случа-
ях поэтическими мотивами, составляющими принад-
лежность былевого стиля, общую многим народам.
Так как Калкское поражение русских современни-
ки объяснили их самоуверенностью, то эта же чер-
та была перенесена и на погибших богатырей, что
обусловило образное описание исхода боя, примене-
ние готовых эпических образов - приемов. Та-
ким общим эпическим приемом является упомина-
ние о силе нездешней, видоизменившейся потом
под влиянием христианства в "силу небесную",
карающую возгордившихся богатырей сверхъестествен-
ным образом - через увеличение /по др. - вос-
крешение/ враждебной им силы с каждым новым
ударом. На ряду с этим традиционным мотивом
христианской миеологии, пѣсня Калкская была укра-
шена еще одной эпической прибавкой, но до - хри-
стианского происхожденія. Витязи, не могшіе спра-
виться съ чудесно увеличивавшеюся невѣрной силою,
были представлены окаменѣвшими. Это окаменѣніе,
толкуемое нѣкоторыми былинами въ смыслъ удаленія
въ пещеры, вѣроятно, явилось по аналогіи и подь
вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, окончившемъ жизнь

свою въ Киевскихъ пещерахъ: на богатырей была перенесена біографическая черта Ильи.

Затѣмъ окаменѣніе получило христіанское примѣненіе въ смыслѣ удаленія въ монастырь въ тѣхъ изводахъ разсматриваемыхъ пѣсень, которые выводили Илью и приписывали ему первенствующее значеніе. Постепенно этотъ вариантъ началъ замѣщать первоначальный образъ такъ, что нѣкоторыя былины говорятъ объ общемъ удаленіи богатырей въ монастыри еще до нашествія силы невѣрной. — Сказаніе о гибели многихъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ и объ ихъ окаменѣніи доставило былевому творчеству возможность и удобный случай объяснить гибель и другихъ витязей занимавшихъ народное воображеніе. Народъ не любитъ сражать своихъ богатырей обычною смертью, и многіе богатыри были сокрыты, по народному преданію, въ горахъ. Такъ должны были окончить свой вѣкъ и наши богатыри время Владимира, а съ ними и Алеша Поповичъ, ставшій витяземъ Владимира. Введеніе ихъ въ былины о Калкскомъ боѣ было послѣднею ступенью въ развитіи этихъ пѣсень и произошло, вѣроятно, не раньше 16 вѣка. Таковы были послѣдовательныя видоизмѣненія былины о страшной Калкской невгодѣ 1223 года. Съ полной достовѣрностью можно выяснить исторію былины объ Але-

шѣ Поповичѣ съ того момента, когда этотъ витязь былъ включенъ въ кругъ богатырей Владимира. Алеша поставленъ былъ въ многообразныя соотношенія съ послѣдними. Народный эпосъ постепенно вырабатываетъ до мелочей личную и совмѣстную исторію любимыхъ героевъ и вноситъ при этомъ много такого матеріала, который не имѣлъ первоначально никакого отношенія къ древнѣйшимъ былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ сказывается потребность эпического развитія и восполненія разрозненныхъ первоначально исторій. Такъ случилось и съ Алешей, его породнили высшимъ родствомъ - названнымъ братствомъ съ Ильей Муромцемъ и Добрыней: "а въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ, а крестный отъ - братъ паче роднаго." Народный эпосъ заставилъ молодого Алешу служить Владимиру наравнѣ съ другими богатырями, сторожить на богатырской заставѣ и, не считаясь съ хронологіей, ввелъ его въ былинныя описывающія Батыево нашествіе. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого образа, его приключенія стали разрисовываться и украшаться привносными элементами введеніемъ постороннихъ личностей подъ вліяніемъ различныхъ сказаній, проникающихъ въ народъ и чуждыхъ первоначальной канвѣ эпоса. Алешѣ были приписаны подвиги полу - мифологическаго харак-

тера и похождения, не заключающія въ себѣ ничего героическаго. Къ числу первыхъ относится очень распространенная въ древнихъ сказаніяхъ легенда о борьбѣ со змѣемъ. Слава змѣборца досталась въ нашихъ былинахъ преимущественно Добрынь Никитичу, но нѣкоторые ревнители Алешиной славы сдѣлали и его героемъ подобнаго подвига и заставили бороться съ Тугариномъ. Если это Тугорканъ, то борьба происходила со змѣемъ - тугариномъ и эта приставка - отголосокъ Калкскяго боя. Въ очень нелестной, совсѣмъ не героической, обрисовкѣ предстаетъ Алеша въ былинѣ о короткомъ знакомствѣ съ сестрой Зародовичей, которые были опозорены признаніемъ въ томъ Алеша на одномъ пиру, когда похвастились благонамѣреніемъ своей сестры. Отъ Алеша бѣжали красны дѣвицы съ новыхъ сѣней и т.п. Еще больше нечестности выказываетъ онъ въ известныхъ пѣсняхъ о томъ, какъ онъ обвѣнчался съ женой Добрыни, уславъ послѣдняго въ далекую богатырскую поѣздку. Возвратившись во-время изъ поѣздки и узнавъ о поступкѣ своего названнаго брата, Добрыня помѣшала его замысламъ и стала "за калты кудри поваживать и гусельниками Олешеньку охаживать" /но другимъ изводамъ шалыгою подорожаню/. Исходъ этого пе-

чалькаго для Алеши приключенія былины передають
различно. По однимъ - "они съѣжались на смерт-
ный бой" и "туть Алеша только живъ бывалъ,"
"туть въ душахъ," или изувѣченъ, по другимъ пере-
сказамъ "со стыду со сраму со великаго уѣхалъ
онъ безвѣстно не знаютъ гдѣ," по третьимъ - за
Алешу заступился Илья, по нѣкоторымъ - дѣло кон-
чилось смѣхомъ Добрыни надъ Алешей, или Алеши
надъ самимъ собой. /см. стр. 46 и сл./ Тема о
принужденіи жены къ вступленію въ новый бракъ
во время долгаго отсутствія мужа, страстующаго
вдали, принадлежитъ къ числу весьма распростра-
ненныкъ и встрѣчается не только на востокѣ и у
грековъ /Одиссея/, но даже у сѣверо - американ-
скихъ дикарей.

Этотъ мотивъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ
нѣмецкихъ земляхъ и былъ приуроченъ къ нѣсколь-
кимъ личностямъ былевого эпоса - къ Карлу Вели-
кому, Генриху Льву, Рейнфриту Брауншвейгскому
/онъ же Брауншвейгъ, въ Чехіи - Браунсвикъ/. На-
ши былины объ Алешѣ, Добрынѣ и его женѣ Настасѣ
Микulichнѣ представляютъ значительныя черты сход-
ства въ мелкихъ частностяхъ съ нѣкоторыми изъ
средневѣковыхъ нижненѣмецкихъ и датскихъ обрабо-
токъ этой саги, зачесанными къ намъ либо съ За-

пада - черезъ Новгородъ, либо съ юго - запада - изъ Чехіи. Сказаніе объ неудачной попыткѣ принужденія жены къ браку было примѣнено къ Добрынь и Алешѣ въ періодъ отъ половины 13 до начала 16 вѣка, когда оба богатыря, судя по извѣстіямъ Хронографа и лѣтописей, были поставлены уже въ тѣсную связь; ранѣе конца 13 вѣка это примѣненіе не могло совершиться, потому что древнѣйшій нѣмецкій пересказъ саги объ утѣсненіи жены былъ записанъ Цезаріемъ Гейстербахскимъ въ 1222 году, а составленіе поэмы о Рейнфритѣ /Брунсвикѣ/ относится къ концу 13 вѣка. Любопытна разница въ примѣненіи этого бродячаго международнаго мотива въ германскомъ эпосѣ и въ нашемъ: именно, въ то время, какъ германскіе герои искали приключеній, побѣждали невѣрныхъ, боролись будто бы за гробъ Господень, но не забывали и себя, нашимъ витязямъ предстояла борьба съ ближайшими врагами и охраненіе отъ нихъ своей родной земли. Пѣсни о неудачной женитьбѣ Алеши показываютъ, какъ далеко былинный Алеша отошелъ отъ своего историческаго первообраза - "удала добра молодца," перваго витязя въ отборной дружинѣ храбрыхъ. Съ теченіемъ времени онъ лишился значительной доли уваженія и славы, какою была окружена память о немъ въ ростовской

земль до половины 16 вѣка. Нынѣшнія былины называ-
ютъ Алешу смѣлымъ, но не удалымъ, иной разъ изо-
бражаютъ его даже трусомъ, хвастуномъ и пр. Въ
битвѣ съ противникомъ змѣемъ, Добрыней/ Ал. не
соблюдаетъ должной чести и не брезгаетъ никакими
средствами для торжества надъ врагомъ. Вообще,
Алеша любитъ изворачиваться ложью и обманомъ, лю-
битъ нескромныя рѣчи, склоненъ къ любовнымъ по-
хожденіямъ; наглъ, почему получалъ прозвище "ба-
бьяго насмѣшника": "онъ охочъ смѣяться чужимъ же-
намъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ" и т.п.
Потому то теперешнія былины выражаются объ Але-
шѣ очень непочтительно, иногда даже называютъ его
воромъ - собакомъ, и заставляли такъ же относиться
къ нему и богатырей, что мы видѣли, напр., изъ
поступка Добрыни, пощелкавшего ростовскаго витязя
шалыгой подорожною. Древнія пѣсни объ Алексеандрѣ
не могли рисовать его въ такомъ видѣ. Мѣстныя рос-
товскія сказанія не могли бы прославлять подобную
непривлекательную личность и сохранять память о
ней предпочтительно предъ другими. Вслѣдствіе это-
го мы признаемъ нечестность Алешы и прочія качес-
тва - "повдѣе выработанной чертой." Какимъ пред-
ставляли Алешу древнія сказанія, показывается Твер-
ская лѣтопись. Вообще, замѣчается достоинная двой-

ственность въ былинныхъ изображеніяхъ Алеши: смѣлости его противорѣчить привычка прибѣгать къ изворотливости, а съ набожностью его и съ тѣмъ, что его "молитвы доходны ко Христу," не соедемъ согласуется его вольный нравъ. Ясно, что былинный типъ лишился первоначальной цѣльности и подвергся искаженію. Подобное удаленіе нашего эпоса отъ исторической правды, однако, нисколько не умаляетъ его оригинальности. "Въ настоящее время въ каждомъ былинномъ эпосѣ открыто столько эпизодовъ и мотивовъ общихъ другимъ, что не можетъ быть и рѣчи на основаніи ихъ о несамостоятельности содержанія какаго - нибудь народнаго эпоса и его частныхъ. Национальными во всякомъ эпосѣ являются преимущественно его построеніе, общее направленіе и типическія особенности героевъ". "Если жизнь былиннаго Алеши была прекращена въ дѣйствительности Калкской битвой, то ясно, что приуроченіе къ его имени разсмотрѣннаго бредячаго эпизода должно было произойти уже послѣ 1223 года.

Слѣдовательно, развитіе былинъ до - татарскаго времени продолжалось послѣ татарскаго нашествія. Тогда совершилось нарастаніе былинныхъ чертъ, благодаря которому Алеша былъ надѣленъ особенностями, отличающими, по народному представленію, то

сословіе, изъ котораго онъ вышелъ." Поводъ къ этому подало, вѣроятно, его прозвище. Теперь онъ сталъ "поповскимъ сыномъ" въ несобственномъ смыслѣ. Былины начали говорить объ Алешиныхъ "глазункахъ поповскихъ" и т. под. Переходъ былевыхъ героев въ типическіе бытовые образы встрѣчается и у другихъ народовъ, напр. въ эпосѣ финновъ Калевалѣ, а въ былевыхъ сказаніяхъ кавказскихъ народовъ герои уже совершенно лишены исторической обстановки. "Наше долгое странствованіе изъ вѣка въ вѣкъ вслѣдъ за Алешей и его сподвижниками въ Калкскомъ бою окончено", говоритъ профессоръ; "мы установили зарожденіе былинъ объ Алешѣ и о гибели богатырей изъ скорбныхъ пѣсень 13 столѣтія и ознакомились съ дальнѣйшей судьбой ихъ до нашихъ дней. Мы касались при этомъ отчасти и общаго хода развитія нашего былевого эпоса. Онъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ крупныхъ историческихъ событій, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній. Но основа не утрачивалась, и историческая наука можетъ отнести теперь съ большимъ довѣріемъ къ былевому эпосу: она найдетъ въ немъ не только правду идеальную, но немало также и правды дѣйствительной." /54/. Русскому народу на сѣверѣ

и востокѣ достался счастливый удѣлъ - сохранить въ древнихъ пѣсняхъ живую память о самыхъ отдаленныхъ временахъ своего историческаго существованія; южная Русь не можетъ похвалиться тѣмъ въ такой мѣрѣ, хотя и здѣсь сохранились былинныя воспоминанія и представленія. Но, повидимому, общерусскій былевой эпосъ началъ вымирать на югѣ съ половины 17 вѣка, когда южно - русскому народу пришлось направлять всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе съ окружающими его врагами. Подъ вліяніемъ этой усиленной борьбы, былины на югѣ стали переходить постепенно въ лирическій эпосъ думъ, гдѣ древніе герои стали замѣщаться новыми. Старый эпосъ могъ быть забытъ тѣмъ скорѣе, что новый являлся, по своей идеѣ, продолженіемъ его. Но при всемъ томъ и въ новомъ эпосѣ остались отголоски стараго, уцѣлѣли его эпизоды, его приемы изображенія, особенности и т.п. Замѣчательнѣе всего, что въ южно-русскомъ эпосѣ уцѣлѣло имя Алеши Поповича /оно же Олексій/. И въ новомъ эпосѣ онъ остался типическимъ образомъ гордости и молодечества въ соединеніи съ жестокосердіемъ. Слѣдовательно, общее разитіе стараго былеваго эпоса происходило на протяженіи всей русской земли. Извѣстность былинь объ Алешѣ ----- на югѣ послѣ татарскаго нашествія вполнѣ понятна:

вгь былъ родиною нашего древняго былевого эпоса; ему принадлежить слава созданиа большей части со-
держанія былины того періода, когда сосредото-
ченіемъ Руси былъ "олавный городъ Нїевъ", когда
здѣсь "заводился почестень пирь на многи князья,
многи бояра, а на воѣ поляницы на удалне". /62стр/
Поднаго критическаго разбора и оцѣнки вкратцѣ из-
ложеннаго труда проф. Н.П. Дашкевича, кажется,
нѣтъ совсѣмь. Въ критической литературѣ существу-
еть только нѣсколько общихъ замѣчаній о немъ.
Академикъ А.Н. Лыпинъ въ "исторіи русской этно-
графіи" /3 т./ и въ критическомъ разсмотрѣніи тру-
довъ по "изученію рус. народности" /В.Евр. - 96г.
XIIкн./ признаеть большое научное значеніе этой
монографіи. "Въ числу наиболѣе замѣчательныхъ ра-
ботъ въ историческомъ направленіи", говоритъ кри-
тикъ, "надо отнести вышедшую недавно книжку Дашке-
вича, который очень искусно пользуется лѣтописны-
ми дачными и указаніями самыхъ былинь, чтобы оты-
скать въ Алешѣ Поповичѣ историческое лицо, упомя-
нутое лѣтописью, и свести былины о гибели богаты-
рей къ преданіямъ о татарскомъ нашествіи и Калк-
скомъ побѣдѣ". Другой критикъ, А.М. Лобода /Рус.
бог. эпосъ, 26 стр./ также отзывается съ большей
похвалою объ этой работѣ: "критическій пересмотръ

матеріала привелъ профессора Н. Дашкевича къ выводамъ, котрые, покоясь на основаніяхъ, заложенныхъ г. г. Майковымъ и Яричемъ, являются достойнымъ завершеніемъ всей предыдущей разработки лѣтописныхъ и пѣсенныхъ матеріаловъ объ Алешѣ и представляють ясное, безспорное рѣшеніе вопроса о генезисѣ этого былевого лица". -

Т Е З И С Ы К Ъ Р Е Ф Е Р А Т У:

1/ Въ то время, какъ другія теоріи испытали вліяніе эпохи своего возникновенія, самобытная историческая теорія, возникшая раньше ихъ, стоитъ внѣ такой зависимости.

2/ Историческая теорія находитъ естественное приложеніе къ былинамъ общаго историческаго характера,

3/ Что указали и разработали ея главные представители.

4/ Н. П. Дашкевичъ подвергаетъ былины сравнительно - историческому анализу и раздѣляетъ ихъ слои, стоя на строгой - научной точкѣ зрѣнія.

Въ связи съ изслѣдованіемъ избранныхъ былинъ, профессоръ устанавливаетъ общія положенія теоріи:

5/ Зерно былевого эпоса - историческія сказанія;

6/ Они подвергались ватѣмъ переработкѣ, послѣдо-

вательному видоизмѣненію и осложненію подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ;

7/ въ былевомъ эпосѣ надо различать пѣсни двоякаго рода: о подвигахъ отдѣльныхъ витязей и объ общихъ предпріятіяхъ и при ихъ изслѣдованіи отправляться отъ частныхъ эпизодовъ, а не отъ цѣлаго;

8/ Источники позднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ необходимо искать въ представленіяхъ и сказаніяхъ тѣснаго круга культуры.

9/ Анализируя свидѣтельства Академическаго списка Суздальской лѣтописи и др., Хронографа I-й редакціи и сходныхъ съ нимъ, Тверской лѣтописи и подобныхъ, проф. Н.П. Дашкевичъ полагаетъ, что:

10/ Александръ Поповичъ былъ храбрымъ ростовскимъ дружинникомъ начала 13 вѣка;

11/ Какъ таковой, участвовалъ въ Калкской битвѣ;

12/ сказанія о немъ возникли историческимъ путемъ;

13/ въ 13 - 16 вѣкахъ въ Ростово - Суздальской землѣ обращались народныя эпическія сказанія объ Алешѣ,

14/ которыя послужили источникомъ лѣтописныхъ замѣтокъ;

15/ ватѣмъ богатырь Алеша былъ рѣшительно причисленъ къ витязямъ Владимира, откуда и въ Никоновской

лѣтоп. приуроченіе его къ II вѣку. Анализируя родственныя этимъ былинны о гибели богатырей, авторъ находитъ, что:

16/ основное содержаніе ихъ историческое и относится также къ Калкскому пораженію;

17/ но эта основа рано украсилась обычными эпическими прибавками и приемами, каковы, напр., возрастаніе враждебной силы, окаменѣніе богатырей и т.п.

18/ Древній образъ богатыря Алеши Поповича подвергся различнымъ видоизмѣненіямъ и прибавленіямъ, и съ теченіемъ времени превратился изъ Ростово - Суздальскаго "храбра" въ "бабьяго пересмѣшника", "поповскаго сына" и др. Эти бытовья наслоенія - послѣднѣйшаго происхожденія.

19/ Общее развитіе стараго былевого эпоса происходило и послѣ татарскаго нашествія, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ - его родинѣ.

20/ Критика въ лицѣ А.Н. Пыпина и А.М. Лободы привнесла большое научное значеніе труда проф. Н.П. Дашкевича. -

Бедзіо Владимира,
студ. - филолога III курса.

ВОСТОЧНЫЯ ВЛІЯНІЯ ВЪ РУССКОМЪ БЫЛИННОМЪ
ЭПОСѢ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ВСЕВОЛОДА МИЛЛЕРА.

" Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса" Вс. Миллера. "Русская мысль" 1891 г. кн. I - 12. "Иранскіе источники русской былинн" А.Н. Пыпина. "Вѣстникъ Европы" 1892 г. кн. VI.

-:--:-

Со времени появленія теоріи В.В. Стасова / въ 1868 г./, объяснявшаго происхожденіе русскихъ былинъ заимствованіемъ съ тюркскаго Востока, вопросъ о вліяніи восточнаго эпоса на наши былины до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія оставался нетронутымъ, точно находясь подъ какимъ-то запретомъ. Поставленный черезчуръ смѣло и исключительно Стасовымъ, онъ навлекъ на себя слишкомъ много нападокъ, слишкомъ былъ дискредитированъ его критиками, чтобы скоро привлечь къ себѣ вниманіе другихъ изслѣдователей. И только спустя слишкомъ 20 лѣтъ, когда улеглись возмущенныя страсти и къ выставленной гипотезѣ можно было отнестись "sine ira et studio", вопросъ о восточныхъ вліяніяхъ

въ русскомъ эпосѣ снова подвергся изслѣдованію, на этотъ разъ болѣе осмотрительному, а потому и болѣе основательному. Мы имѣемъ въ виду "экскурси въ область русскаго народнаго эпоса" Всеволода Миллера, появившіеся на страницахъ "Русской Мысли" въ 1891 г. Достоинно примѣчанія то обстоятельство, что авторомъ этихъ очерковъ, въ которыхъ доказывается несомнѣнное вліяніе восточнаго фольклора на русскій былевой эпосъ, явилось лице въ свое время бывшее въ числѣ критиковъ Стасова. Это обстоятельство дало возможность автору, хорошо знакомому съ постановкой даннаго вопроса у Стасова, избѣжать тѣхъ ошибокъ и недостатковъ, которые были допущены послѣднимъ. Дальнѣйшій обзоръ самыхъ очерковъ покажетъ, какова постановка вопроса у Миллера, каковы его выводы; чѣмъ отличается трудъ Миллера отъ изслѣдованія Стасова и въ чемъ превосходство перваго передъ послѣднимъ.

Уже въ предисловіи къ своему труду, изданному отдѣльно въ 1892 г., В. Миллеръ въ прекрасномъ фигуральномъ сравненіи излагаетъ свой взглядъ на словесной составъ нашего эпо-

са. ^x / "Нашъ былевой эпосъ, говоритъ оны, представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византийской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки, и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ замкахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византийская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, до деревянная крестьянская клѣтъ, а въ тайникахъ оны въ изумленіи находятъ цѣлый складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли

[^] / Не имѣя подъ руками отдѣльнаго изданія "Экскурсовъ", гдѣ и помѣщено данное предисловіе, цитируемъ его по статьѣ А. Н. Пылина: "Иранскіе источники русской быliny". Вѣст. Евр. 1892 г. УІ, 702.

греческой, и палица боевая въ 90 пудъ, и восточныя куякъ, и гусли яворчатые и трубки нѣмецкія и т. п. Не ставя себѣ задачей—"отгадать идею строителей этой удивительной постройки, такъ какъ для того по его мнѣнію, нужно предварительное детальное обследованіе отдѣльныхъ ея уголковъ, Вс. Миллеръ и взялъ на себя трудъ пролить свѣтъ на одинъ изъ нихъ— на уголокъ восточныхъ вліяній. Съ этой цѣлью онъ въ рядѣ очерковъ, носящихъ названіе "экскурсовъ", подвергъ разбору и сличенію нѣскольکو былинныхъ типовъ и сюжетовъ, группирующихся около нихъ, главнымъ образомъ, типы Ильи Муромца и князя Владимира Киевскаго. На этихъ примѣрахъ онъ и старается доказать, что русскій эпосъ, по крайней мѣрѣ въ отмежеванной имъ для изслѣдованія части, подвергся сильному вліянію Иранскихъ эпическихъ сказаній, прошедшихъ предварительно черезъ посредствующую тюркскую среду. Эта основная мысль красной нитью проходитъ по всѣмъ отдѣльнымъ экскурсамъ, носящимъ въ общемъ эпизодическій характеръ.

Точкой отправленія для В. Миллера въ его исканіяхъ восточныхъ параллелей для русскаго эпоса послужило рѣзко бросающееся въ глаза несоответствіе между историческимъ и былиннымъ изображеніемъ личности князя Владимира. Въ самомъ дѣлѣ, личность историческаго кн. Владимира и по дѣто-

писнымъ сказаніямъ, и по народнымъ преданіямъ рисуется въ весьма привлекательномъ видѣ. Военственный не менѣе своихъ предшественниковъ, энергичный, предприимчивый, онъ выступаетъ передъ лицомъ исторіи главнымъ образомъ "оберегателемъ и устройтелемъ" своей страны, княземъ "не дружиннымъ, а земскимъ", по выраженію Костомарова.

Такія черты, естественно, и должны были бы отложиться въ народной памяти и послужить поводомъ для идеализаціи князя въ эпическихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ, въ былинахъ кіевскій князь Владимиръ выступаетъ далеко не въ столь почтенномъ видѣ. Былинный Владимиръ — это праздный деспотъ жалкій трусъ, вообще недоброжелательный, заносчивый въ отношеніи къ своимъ богатырямъ, въ случаѣ же "бѣды неминуемой" комически заискивающей и унижающей передъ ними, какъ защитниками его и отечества. — Исходя изъ того положенія, что "никакими національно-историческими наслоеніями нельзя, въ концѣ концовъ, объяснить X / тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыми совершенно незаслуженно народная повѣя исказила личность энергическаго и мудраго русскаго князя"

какъ то пытался сдѣлать Орестъ Миллеръ

/Р.М. 91г. I кн. 68 стр./ В. Миллеръ находитъ единственно возможнымъ и необходимымъ объяснить такое странное противорѣчіе вліяніемъ восточныхъ эпическихъ сказаній, гдѣ нерѣдко изображаются подобныя цари- деспоты и трусы. Дѣйствительно, прототипъ такого царя Кейкауса, выведеннаго въ персидской поэмѣ "Шахъ-намѣ". Сличенію этихъ двухъ эпическихъ образовъ- кн. Владимира и царя Кейкауса, отчасти и ихъ женъ- Евпраксіи и Судабѣ- посвященъ первый экскурсъ "Владимиръ и Евпраксія". Резюмируя сопоставленія, которыя дѣлаетъ В. Миллеръ, отмѣтимъ слѣдующія черты сходства, какъ между самими царями, такъ и въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ богатырямъ и обратно.

Оба царя непомерно трусливы, что весьма невыгодно выдѣляетъ ихъ изъ среды окружающихъ богатырей

Оба вызывающе относятся къ своимъ богатырямъ-

Владимиръ къ Илью Муромцу, Кейкаусъ къ Рустему.

Оба вызываютъ раздраженіе богатырей и удаленіе ихъ изъ столицъ.

Оба "въ бѣдѣ неминуемой" униженно просятъ оскорбленныхъ ими богатырей вернуться къ защитѣ своей страны.

Оба нерѣдко попадаютъ въ комическое положеніе.

Обихъ богатыри неоднократно выручаютъ изъ бѣды.

Оба же оказываются неблагодарными и недоброжелательными къ своимъ защитникамъ, чѣмъ и вызываютъ со стороны послѣднихъ заслуженный ропотъ, негодование и даже брань и угрозы.

Не настаивая на абсолютномъ сходствѣ сравниваемыхъ типовъ и эпизодовъ, В.Миллеръ тѣмъ не менѣе находитъ указанныя параллели достаточными для заключенія, что на личности былагого Владимира "отложились нѣкоторыя черты того типа "эпическаго" или "сказочнаго" царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема" /I кн. 78 стр./.

Итакъ, одна половина того недоуменнаго вопроса, отъ котораго отправилъ ся нашъ исследователь: какимъ образомъ нашъ былинный кн. Владимиръ очутился съ такими непривлекательными чертами, получила разрѣшеніе для Миллера: на образѣ былиннаго русскаго князя отложились отрицательныя черты, не исторически дѣйствительныя а "эпическія", "сказанныя", и притомъ иноземныя, восточныя. Такое рѣшеніе, естественно, выдвигаетъ другую половину вопроса: почему же на свѣтлой личности князя Владимира отложились такія именно темныя черты, хотя бы и списанныя съ иноземныхъ оригиналовъ. Возможна ли какая-либо пси-

хологическая мотивировка столь явной погрѣшности противъ дѣятельности. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ у В.Миллера мы находимъ въ его дальнѣйшихъ "экскурсахъ"; посвященныхъ сопоставленіямъ главныхъ богатырей русскаго и иранскаго эпоса-Ильи и Рустема, эти сопоставленія и выводы изъ нихъ имѣютъ центральное значеніе для всей гипотезы В.Миллера. Не останавливаясь опять-таки на деталяхъ этихъ сличеній, представимъ ихъ результаты. 1/.

Сначала В.Миллеръ дѣлаетъ общее сравненіе типовъ обоихъ богатырей- Ильи и Рустема- и находитъ сходство, а иногда и тожество, какъ въ физиче-кихъ, такъ и въ нравственныхъ чертахъ. 2/.

Такъ, оба богатыря обладаютъ необычайной силой, дарованной имъ отъ Бога для совершенія полезныхъ своему отечеству и народу подвиговъ. У обоихъ сила эта по ихъ же просьбѣ уменьшена божествомъ такъ какъ обременяла ихъ и землю, въ критическій

1/. Пользуемся тѣмъ резюме, которое сдѣлалъ В.Миллеръ въ VII экскурсѣ.

2/. Эту работу В.Миллеръ производитъ въ экскурсѣ III "Илья и Рустемъ." - Замѣтимъ кстати, что экскурсы II "Добрыня-Змѣборецъ" иранскихъ вліяній не касается.

же для нихъ моментъ, въ борьбѣ съ другими богатырями / сыновьями/ сила эта, опять-таки по ихъ же просьбѣ, возстанавляется божествомъ въ прежнемъ объемѣ. Оба богатыря обнаруживаютъ свою силу подчасъ въ такихъ необычныхъ приемахъ, какъ вырваніе деревьевъ съ корнями, избіеніе цѣлаго войска схваченнымъ за ноги непріятелямъ и т.п. Оба богатыря отличаются продолжительностью жизни и всѣ главные свои подвиги совершаютъ въ преклонномъ возрастѣ. Оба одинаково любятъ бразничать. Сходны богатыри между собою и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Въ этомъ отношеніи оба они выдѣляются изъ среды прочихъ богатырей своимъ спокойнымъ мужествомъ, увѣренности въ своей миссіи. Оба богатыря не стяжательны, благочестивы, великодушны. Съ младшими богатырями они одинаково добродушны, руководятъ ими, за что и пользуются съ ихъ стороны заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ: въ своихъ столкновеніяхъ съ властителями, они всегда находятъ поддержку и сочувствіе въ младшихъ богатыряхъ. Какъ Рустемъ, такъ и Илья держатъ себя независимо и гордо передъ властителями / также сходными между собой/ не стѣсняются сказать имъ подчасъ горькую для нихъ правду. Однако въ моментъ опасности своимъ царямъ и на-

роду оба богатыря спѣшать на выручку и своимъ вмѣшательствомъ всегда устраняютъ опасность. За такія заслуги богатыри одиноково встрѣчаютъ одну лишь неблагодарность со стороны владыкъ, къ чему, впрочемъ, оба они относятся съ одинаковымъ пренебреженіемъ.

Указавъ на сходныя черты въ общемъ типѣ богатырей: Ильи и Рустема, В.Миллеръ далѣе старается сблизить и ихъ походы и подвиги. Такъ, первый подвигъ Ильи - поѣздку въ Кіевъ - изслѣдователь ставитъ въ параллель съ мазандеранскимъ походомъ Рустема. Сходство, по мнѣнію В.Миллера, здѣсь заключается лишь "въ главныхъ чертахъ плана походовъ Ильи и Рустема." /УІ кн. 2стр/
"какъ Рустемъ, отпущенный своимъ отцомъ Залемъ отправляется къ Кейкаусу /чтобы выручить его изъ плѣна/ и избираетъ изъ двухъ дорогъ - дальней и близкой - вторую, на которой встрѣчаетъ семь заставъ, такъ Илья, получивъ благословеніе отца, отправляется въ Кіевъ къ Владимиру, избравъ кратчайшую, но опасную дорогу, на которой встрѣчаетъ рядъ помѣхъ /обыкновенно три/.⁴ /УІ, 2/
Препятствія, встрѣчаемыя богатырями на пути, какъ въ русскихъ, такъ и въ иранскихъ сказаніяхъ бываютъ двухъ родовъ: физическія /горы, водныя

пространства/ и встрѣчи съ непріятелемъ въ видѣ чудовищъ и богатырей.

Если сходство поѣздки Ильи въ Кіевъ съ походомъ Рустема въ Мазандеранъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ планѣ, еще можетъ быть проведено съ достаточной основательностью, то сопоставленіе эпизодовъ остальныхъ трехъ поѣздокъ Ильи 1/ встрѣча съ разбойниками 2/ съ королевичной и 3/ нахожденіе Ильей клада/ съ подвигами Рустема для самого В. Миллера кажется "не вполне убѣдительнымъ," хотя нѣкоторыя черты сходства онъ устанавливаетъ и тутъ. Посему оставая въ сторонѣ эти гипотетическія сближенія, перейдемъ къ темъ о боѣ богатыря съ сыномъ, разборъ которой составляетъ у Миллера "цѣлый трактатъ" / по выраженію Пиппа'/.

Приступая къ обзорѣнію эпического разсказа о боѣ отца съ сыномъ /У. экск./, В. Миллеръ не скрываетъ того, что этотъ трагическій сюжетъ широко распространень, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Однако тутъ же замѣчаетъ, что "нигдѣ онъ не подвергся такой детальной и высоко - художественной обработкѣ, какъ подъ каламомъ великаго тусскаго поэта" /VIII кн. 88 стр./ . Бой Рустема съ сыномъ /Сохрабомъ/ былъ популярнѣйшимъ разсказомъ не только въ Иранѣ, онъ чрезвычайно распро-

страненъ въ народныхъ сказаніяхъ кавказскихъ племенъ, сохранивъ здѣсь даже имена иранскихъ героевъ /Ростомъ-Рустемъ, Зорабъ-Сохрабъ, Кекевозъ-Кейкаусъ/. Что касается русскихъ былинъ, то хотя онѣ въ данномъ сюжетѣ и не сохранили иранскихъ именъ, однако по числу сходныхъ деталей онѣ гораздо ближе къ сказаніямъ восточнымъ /и именно иранскимъ/, нежели къ Западнымъ /иѣмецкимъ и финскимъ, на сходство съ которыми указывалъ А.Н. Веселовскій/. Многія детали, общія русскому и иранскому сказаніямъ, вовсе не извѣстны однороднымъ западнымъ. "Такъ, напр., отецъ, бьющійся съ сыномъ, есть главная центральная фигура равно въ русскомъ и иранскомъ эпосѣ. Обои эпосамъ извѣстно царское /королевское/ происхождение женщины съ которою богатырь вступаетъ въ мимолетную связь въ обихъ отъѣжающей богатырь даетъ женѣ наставленіе на случай рожденія сына или дочери и оставляетъ примѣту. Далѣе, необыкновенно быстрое развитіе сына, рожденнаго въ отсутствіе отца, 12-ти лѣтній возрастъ при отъѣздѣ его на поиски отца, похищеніе сына съ амазонкой, полученіе отцомъ вѣсти о наѣздѣ богатыря /сына/ въ то время, когда отецъ стоитъ за воставъ /или на границѣ государства/, неудачная стычка съ прѣвжкимъ бога-

тыремъ /сыномъ/ перваго по силѣ богатыря послѣ Рустема /Ильи/, продолжительность боя отца съ сыномъ, три вида оружія, борьба и опрокинутіе отца сыномъ, возстановленіе силы отца по молитвѣ, трагическая развязка боя, — все это равно принадлежитъ русскимъ ^и иранскимъ рассказамъ." /XI кн. 67 стр./

Не станемъ болѣе приводить тѣхъ сопоставленій, какія дѣлаетъ В. Миллеръ въ области разсмотрѣнныхъ иранскихъ и русскихъ эпическихъ сказаній: полагаемъ, что и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы видѣть, на чемъ базируются выводы изслѣдователя. А выводы эти вкратцѣ таковы: 1/Сходство иранскихъ и русскихъ эпическихъ сказаній, касающихся главныхъ богатырей-Рустема и Ильи-, нельзя признавать случайнымъ эпическимъ совпаденіемъ.

2/Если такъ, то типъ главнаго русскаго богатыря Ильи Муромца не есть цѣльное созданіе эпическаго творчества русскаго народа: на немъ несомнѣнно отложились основныя черты иранскаго богатыря Рустема

3/ Въ связи съ этимъ и черты личности иранскаго царя Кейкауса, при которомъ подвизался Рустемъ, наложили отпечатокъ на былинный образъ русскаго князя Владимира, этимъ и объясняется рѣзкое противорѣчіе въ характерѣ былиннаго и историческаго Киев

скаго князя.

Самый процесс созданія нашихъ центральныхъ былинныхъ типовъ подъ вліяніемъ иранскихъ "отголосковъ" для Миллера представляется въ такомъ видѣ:

"Много вѣковъ тому назадъ, — говоритъ онъ, въ періодъ образованія Владимірова цикла, существовали въ южной Россіи эпическія сказанія съ сюжетами, сохранившими въ значительной свѣжести нѣкоторые наиболѣе популярныя иранскіе эпическіе мотивы. Эти иранскіе сюжеты вошли въ русскія эпическія сказанія, конечно, не непосредственно, а пройдя предварительно черезъ инородческую /туркскую,половецкую/ среду, подобно тому, какъ отголоски "Рустеміады" мы находимъ еще доселѣ въ болѣе яркихъ слѣдахъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ". Изъ этихъ иранскихъ сказаній наибольшее распространеніе далеко за предѣлы Азіи получили рассказы о подвигахъ Рустема. "Выдающееся положеніе Рустема среди другихъ пехлевановъ, его стояніе на защитѣ государства, благородство, великодушіе, презрѣніе къ смерти, независимое положеніе по отношенію къ властителю, сочувствіе молодымъ богатырямъ, наконецъ, почтительный возрастъ, —

все это такія черты, которыя русскій народъ хотѣлъ видѣть въ своемъ богатырѣ и которыми онъ въ изобиліи его украсилъ, не задаваясь вопросомъ о происхожденіи этого идеальнаго типа, интересующимъ изслѣдователей эпоса" /Изн. 90стр. Такъ созданъ идеальный типъ богатыря Ильи Муромца. "Чтобы отгнать эти высокія нравствен. нныя черты своего идеальнаго богатыря, - рассуждаетъ далѣе В.Миллеръ, - русскіе сказители X/ перенесли отрицательныя черты восточнаго влстителя на своего былевого князя и, такимъ образомъ, по недомыслию допустили историческую несправедливость относительно князя Владиміра", наградивъ его такими чертами, въ которыхъ вовсе не повиненъ историческій Владиміръ". /ivi 91 стр./

Къ такимъ выводамъ пришелъ В.Миллеръ на основаніи сходства типовъ и сюжетовъ въ иранскихъ сказаніяхъ о Рустемѣ и русскихъ объ Ильѣ.

Становясь на такую точку зрѣнія, В.Миллеръ сознаетъ, что прибѣгаетъ "къ опасной теоріи заимствованія", противъ которой /въ лицѣ Ста-

X/ Въ данномъ случаѣ искажители.

сова / онъ самъ выступалъ въ свое время. Однако эта теорія, "дискредитированная Стасовымъ и такъ блестяще прилагается ак. Веселовскимъ"... по мнѣнію В. Миллера, "имѣеть все права на вниманіе, но подъ двумя условіями: она приложена во I-ыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемые сказанія у разныхъ народностей представляють слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснить эпической случайностью, основанною на одиноковости психическихъ свойствъ людей вообще, во-2-ыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого найдется въ связи съ историческими данными, и можетъ быть преслѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой. Думаетъ, заключаетъ Миллеръ, что въ нашемъ случаѣ /рѣчь шла о бѣѣ отца съ сыномъ/ мы имѣемъ оба эти условія." /УІІІкн. II" стр./

Но то, что сказалъ изслѣдователь о частномъ случаѣ, можетъ быть распространено и на всю его гипотезу: Миллеръ добросовѣстно изслѣдовалъ, какъ а/сходныя мѣста, такъ и в/ историческія условія, при которыхъ происходило вліяніе иранскихъ сказаній на русскія.

Разсмотренію этихъ историческихъ условій

В. Миллеръ посвятилъ свой послѣдній /VIII/ экскурсъ "Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ". Исследуемъ вкратцѣ и ихъ.

Исследователь погружается въ то отдаленное историческое прошлое /IX-XIII в.в./, когда южно-русскія степи становятся ареной постоянныхъ столкновений туземныхъ русскихъ племенъ съ цѣлымъ рядомъ исторически смѣнявшихся кочевыхъ и тюркскихъ народовъ, каковы : хазары, печенѣги, половцы и, наконецъ, монголы. Борьбою съ этими беспокойными сосѣдами, защитой отъ набѣговъ съ стороны степи характеризуется вся древне-русская жизнь этой эпохи. Какъ народъ осѣдлый, занимавшійся преимущественно земледѣліемъ, русскіе были не приспособлены къ этой борьбѣ со степными набѣдниками. Однако, сама жизнь настоятельно требовала такого приспособленія. Правда, русскія племена нерѣдко пользовались услугами однихъ кочевниковъ для борьбы съ другими, такъ, напр. призывали половцевъ въ помощь противъ печенѣговъ. Однако, такое средство было не безопасно для самихъ же русскихъ. Послѣднимъ поэтому нужно было завести свою конницу, свои "дружины," которыя бы оберегали границы отечества отъ вторженія степняковъ.

Такъ историческія условія способствовали развитію въ жизни русскаго народа того "богатырства" /впослѣдствіи казачества/, эпическимъ олицетвореніемъ котораго явился богатырь /"старый казакъ" X//Илья Муромецъ. Слѣдовательно, общій типъ богатыря-стоятеля на стражѣ своей земли-могъ выработаться и на русской почвѣ, но не органически, ивъ нормальныхъ условій жизни русскихъ племенъ, а, такъ сказать, искусственно вслѣдствіемъ столкновеній съ восточными выходцами.

Что же касается его воплощенія въ русской былинѣ, тѣхъ детальныхъ чертъ, которыми онъ надѣленъ, той обстановки, въ какую онъ поставленъ, - словомъ, всего того, что оказалось такъ сходнымъ съ эпическимъ изображеніемъ восточнаго богатыря-Рустема, то въ этомъ /на основаніи отмѣченнаго выше сходства/ вполне возможно усмотрѣть вліяніе иранскихъ сказаній, занесенныхъ тѣми же степными кочевниками. Тутъ только возникаетъ вопросъ о томъ, возможно ли было, при такихъ враждебныхъ отношеніяхъ степняковъ

X/ Этотъ эпитетъ Ильи Муромца Миллеръ считаетъ позднѣйшимъ

къ русскимъ племенамъ, какое-либо культурное вліяніе первыхъ на послѣднія, и какіе именно кочевники способны были оказать такое вліяніе. В. Миллеръ путемъ экскурсій въ области исторіи и лингвистики доказываетъ, что такое вліяніе было возможно и именно со стороны половцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, отношенія южно-русскихъ племенъ къ степнымъ кочевникамъ не исчерпывались одною борьбой съ ними: тѣ и другіе нерѣдко приходили въ мирныя соприкосновенія: заключали союзы для взаимнаго обезпеченія мира или для совмѣстной борьбы съ врагомъ, и даже вступали въ родственныя связи. Такъ, извѣстно, что многіе князья породнились съ половецкими ханами и нерѣдко всю свою жизнь проводили въ средѣ своихъ степныхъ родственниковъ /Ивяславъ Владимировичъ/ примѣру князей, несомнѣнно, слѣдовали ихъ дружинники и подданные. Ясно, что такія постоянныя тѣсныя связи русскихъ племенъ съ кочевниками не могли остаться безъ взаимнаго культурнаго вліянія. Чтобы не быть голословнымъ, В. Миллеръ привлекаетъ къ разсмотрѣнію словарный составъ языковъ-русскаго и половецкаго. Въ русскомъ языкѣ онъ находитъ немало словъ тюркскаго происхожденія и притомъ до монгольскаго

періода, такі: яруга-хоругвь, япончица, жє-
нчугъ и мн.др. /Перечень въ XIIкн. на 90стр/
Съ другой стороны, и въ половецкомъ языкѣ есть
слова, заимствованныя у русскихъ, особенно обе-
значавшія названія такихъ предметовъ, которыхъ
не было въ ихъ быту, такі: изба /изба/, печь
/пѣц/, бревно /бюрѣн/, церковь /цѣркѣу/ и др.
/XIIкн. 87стр./ Конечно, вліяніе половець на
русскихъ было болѣе сильнымъ, такъ какъ послѣ-
дніе въ то время обладали сравнительно высокою
культурой, засвидѣтельствованною исторіейX/
Но что представляла собою эта половецкая куль-
тура. По мнѣнію Миллера, она восприняла въ се-
бя много элементовъ персидско-арабской мусуль-
манской цивилизаціи, что опять-таки видно изъ
разсмотрѣнія словарнаго матеріала половецкаго
языка: по счету В.Миллера въ немъ находится
болѣе 150-ти перс.-арабскихъ словъ, относящихся
къ понятіямъ , какъ матеріальной, такъ и духо-
вной культуры.XX/ Такія даннныя исторіи, культу-
ры и языка даютъ В.Миллеру "основаніе къ пред-
положенію, что въ до-татарскій

X/ Ссылка на Голубовскаго и арабскаго писате-
ля XIVв. Ибнъ-Яхія.

XX/ Перечень многихъ изъ нихъ на 88стр. XIIкн.

періодъ преимущественно эти тюрки /т.е. половцы/ должны были оказывать вліяніе и на русскую эпическую поэзію, если ихъ вліяніе мы найдемъ въ политической и бытовой исторіи Руси" /XIIкн. 89стр./.

Обращаясь къ самой эпической поэзіи, къ русскимъ былинамъ, В.Миллеръ, дѣйствительно, находитъ подтвержденіе своего предположенія въ цѣломъ рядѣ "степныхъ мотивовъ", характерныхъ чертъ кочевой жизни, которыя, конечно, не могли органически возникнуть на русской почвѣ, а были заимствованы изъ степи. Такъ, "наши богатыри почти живутъ въ степи, въ чистомъ полѣ, спятъ въ шатрахъ, не расстаются съ конемъ, употребляютъ въ обращеніи съ нимъ тѣ же приемы, какъ степняки..., вооружены восточнымъ оружіемъ, вносятъ восточныя черты въ расправу съ врагами /взрѣзываніе груди и выниманіе сердца съ печенью/ и т.п. /XIIкн. 94стр./

Съ особенною подробностью былины останавливаются на описаніи богатырскихъ коней и всего, относящагося къ нимъ: ухода, кормленія, сѣдланія, разсѣдыванья... Такой "культъ" коня, который въ жизни осѣдлыхъ русскихъ землепашцевъ не могъ имѣть исключительнаго значенія,

буквально скопированъ, какъ доказаль еще Стасовъ, съ пѣсенъ и пѣсмъ кочевыхъ народовъ, для которыхъ степь и конь составляли родную стихію. Оттуда же, изъ степи заимствовано и самое названіе героевъ кіевскихъ былинъ "богатыри". Восточнее по своему происхожденію /въ видѣ "bohatur"- но встрѣчается въ половецкомъ словарѣ/, это названіе выражало сложившееся на востокѣ же представленіе-о степномъ удалцѣ, лихомъ наѣздникѣ. Съ такимъ значеніемъ оно перешло и въ русскія былины, это видно изъ того что терминъ "богатырь" употребляется въ нихъ лишь въ примѣненіи къ людямъ, живущимъ въ чистомъ полѣ и при дворѣ князя, исполняющимъ его порученія, воюющимъ съ басурманами, другія лица, такой роли не играющія /Соловей Будимировичъ, Чурило, Дюкъ, Ставръ и др./ богатырями не называются. Но, что всего замѣчательнѣе, это названіе былинныхъ героевъ вовсе не извѣстно былинамъ Новгородскимъ, такъ какъ въ Новгородѣ не было условій для самаго богатырства.

Всѣ эти данныя, свидѣтельствующія о наличности въ русскихъ былинахъ степныхъ эпическихъ

мотивовъ, приемовъ, названій, придающихъ этимъ былинамъ, по выраженію акад. Веселовскаго, специфическій "ароматъ степи". - все это В.Миллера никакого сомнѣнія не оставляетъ, по мнѣнію въ томъ, что русскій эпосъ, по крайней мѣрѣ, Киевскій складывался подъ нѣкоторымъ вліяніемъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ, преимущественно половцевъ. А такъ какъ половцы, судя по даннымъ языка, сами были проникнуты вліяніемъ персидской культуры, съ которою они соприкасались до прибытія въ южно-русскія степи, то нѣтъ ничего удивительнаго, думаетъ Миллеръ, если эти кочевники "заимствовали нѣкоторые сюжеты изъ популярнѣйшаго на всемъ Востокѣ иранскаго эпоса, придали имъ свою степную окраску и затѣмъ передали ихъ далѣе на сѣверъ и западъ своимъ русскимъ сосѣдямъ." /XII кн. IOIстр./

Вотъ въ какой исторической перспективѣ, какимъ путемъ и черезъ какую среду проходили, по мнѣнію В.Миллера, иранскія вліянія на русскій эпосъ.

Такова гипотеза В.Миллера и таковы ея обоснованія.

Переходя къ вопросу о цѣнности и устояхъ -

чивости изложенной гипотезы въ ряду другихъ изслѣдованій, посвященныхъ русскому былинному эпосу, нельзя не отмѣтить важной въ рѣшеніи этого вопроса статьи А.Н.Пыпина: "Иранскіе источники русской быlinyX". Въ началѣ этой статьи Пыпинъ вкратцѣ отмѣчаетъ послѣдовательную эволюцію въ изученіи нашего эпоса, начиная съ момента собиранія былинъ, затѣмъ- мифологическаго истолкованія ихъ, вплоть до современныхъ историко-сравнительныхъ изслѣдованій. Въ ряду послѣднихъ труды В.Миллера, посвященные былинамъ въ частности его "Экскурсы", имѣютъ, по мнѣнію Пыпина, исключительное значеніе. Важно въ нихъ не то, что авторъ указалъ рядъ несомнѣнныхъ параллелей нашихъ былинъ съ восточными и сдѣлалъ отсюда выводъ о восточномъ вліяніи на русскій эпосъ: то и другое было сдѣлано до него, хотя бы въ извѣстномъ трудѣ Стасова, важно то, что В.Миллеръ, отмѣтивъ эти неоспоримые восточные элементы, указалъ, "хотя бы предполо-

X/Статья эта, помѣщенная въ Вѣст.Евр. за іюнь мѣсяць 1892 года, посвящена спеціально "Экскурсамъ" В.Миллера.

жительно, путь их проникновенія-согласно съ условіями исторической жизни, X/ и, такимъ образомъ, сдѣлалъ попытку обосновать свою гипотезу на прочной историко-бытовой почвѣ. Въ этомъ заключается дѣйствительность гипотезы В. Миллера, въ этомъ же и превосходство ея надъ теоріей Стасова. Хотя и В. Миллеръ допущаетъ заимствованіе въ нашемъ эпосѣ нѣкоторыхъ типовъ и мотивовъ съ Востока, но, то заимствованіе, какое предполагаетъ онъ, по существу совершенно различно отъ того, какое видѣлъ его предшественникъ /Стасовъ/: тамъ было какое-то непостижимое книжное заимствованіе, здѣсь шла рѣчь объ историческомъ бытовомъ явленіи. Богатырь быliny, по гипотезѣ В. Миллера, не былъ чисто литературно и отвлеченно скопированъ съ азіатскаго наѣздника богатыря, это былъ, напротивъ, живой типъ самой древней русской жизни, и сходство съ азіатскими типами и сказаніями заключалось въ двухъ вещахъ. Во I-ныхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе вѣковой борьбы южной Руси съ кочевыми тюркскими ордами, въ ней самой развилось богатырство - позднѣйшее казачество, съ чертами,

представлявшими тѣснѣйшую аналогію съ самимъ восточнымъ богатырствомъ... Во 2-хъ, сходство получалось оттого, что на эту бытовую основу налегли дѣйствительные отголоски восточныхъ сказаній: это были именно сказанія иранскія, прешедшія черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ они достигли русской почвы..." /івід.74/

Въ заслугу же В.Миллеру /прибавимъ съ своей стороны/ должно быть поставлено также отсутствіе исключительности въ его воззрѣніяхъ на нашу бытовую эпесъ. Въ то время, какъ большинство изслѣдователей до В.Миллера старалось хотя бы и съ большими натяжками, объяснять русскій эпесъ /въ его цѣломъ/ исключительно съ точки зрѣнія той или иной выдвинутой ими теоріи, не допуская вовсе какихъ-либо иныхъ истолкованій, В.Миллеръ чуждъ такой тенденціозной исключительности, свободенъ онъ также и отъ огульныхъ и подчасъ натянутыхъ выводовъ. Выдѣливъ извѣстную часть былины съ ихъ богатырями и сюжетами, группирующимися около нихъ, и отмѣтивъ въ нихъ нѣкоторую долю восточныхъ /иранскихъ/ вліяній, В.Миллеръ вовсе не склоненъ распространять восточныя вліянія на всѣ былинные сюжеты и ихъ героевъ, какъ это, напр-

сдѣлалъ Стасовъ. Вотъ что говоритъ Миллеръ въ одномъ мѣстѣ своихъ "Экскурсовъ", касаясь, между прочимъ, труда Стасова: "Мы, конечно, не согласимся съ нимъ /Стасовымъ/, что всѣ наши былины плохе скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ исключительно на Востокѣ, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но, именно въ силу ея указаній, признаемъ, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ должны были оказать вліяніе на русскій эпосъ". /XII кн. 93 стр./

Таковъ, дѣйствительно, приѣмъ автора "Экскурсовъ". Гдѣ онъ находитъ восточныя параллели въ нашихъ былинахъ и можетъ объяснить этотъ параллелизмъ въ согласіи съ данными русской древнѣйшей исторіи, тамъ только онъ и допускаетъ возможность вліянія либо заимствованія съ Востока. Такъ онъ поступилъ въ отношеніи къ былиннымъ типамъ князя Владимира и богатыря Ильи Муромца. Въ другихъ же случаяхъ В. Миллеръ, не прибегая ни къ какимъ натяжкамъ, прямо устанавливаетъ историческое и исконнорусское происхожденіе былины и ея героевъ.

Съ такой /исторической/ точки зрѣнія онъ разо-

мотрѣль во II экскурсѣ былины о Добрынѣ-Змѣборцѣ.

Благодаря такимъ безпристрастнымъ историко-сравнительнымъ изслѣдованіямъ, образецъ которыхъ представляютъ "Экскурсы" В.Миллера, изученіе русскаго былевого эпоса въ настоящее время поставлено на вѣрный путь. Пласть за пластомъ вскрываются многовѣковыя наслоенія въ русскомъ эпосѣ, постепенно освѣщаются разные уголки того лабиринта, какой обрисованъ В.Миллеромъ въ предисловіи къ "Экскурсамъ", улавливаются различные тона, какими переливаются гусли былиннаго пѣсельника Ставра Годиновича, который

"Струночку натягивалъ отъ Кіева,

Другу отъ Царя-града,

Третью отъ Ерусалима

Припѣвки-то припѣвалъ изъ-за синя моря^{ря}!"^X

И если только суждено изслѣдователямъ эпоса разгадать самую идею строителей этого лабиринта воспроизвести изъ отдѣльныхъ тоновъ цѣлую мелодію русской былевой пѣсни, то, въ ряду час-

X/ Заимствовано изъ "Бесѣды о русской словесности" А.П.Сиротинина, стр.32-33.

тичныхъ работъ, направленныхъ къ этой общей цѣли. "Экскурсы" В.Миллера, отмѣчающіе восточные мотивы этой мелодіи, должны занять заслуженное ими мѣсто.

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ:

"ВОСТОЧНЫЯ ВЛІЯНІЯ ВЪ РУССКОМЪ БЫЛИННОМЪ ЭПОСѢ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ВСЕВОЛОДА МИЛЛЕРА"

1/Русскій былевой эпосъ, по возрѣнію В.Миллера, заключаетъ въ себѣ элементы многихъ эпохъ и самыхъ разнообразныхъ вліяній.

2/Въ частности:—въ типахъ богатыря Ильи Муромца и Кіевскаго кн. Владимира, а также въ связанныхъ съ ними былинныхъ сюжетахъ онъ усматриваетъ вліянія иранскія, дошедшія до Руси при посредствѣ тюрскихъ кочевниковъ/главнымъ образомъ половцевъ./

3/Именно: на личности былиннаго кн. Владимира отложились черты иранскаго царя Кейкауса, и типъ богатыря Ильи Муромца сложился не безъ вліянія образа иранскаго богатыря Рустема — обоихъ героевъ персидской поэмы "Шахъ-наме".

4/Эти основныя положенія подтверждаются,

а/ указаніемъ цѣлага ряда сходныхъ чертъ между кн. Владиміремъ и богатыремъ Ильей Муромцемъ, съ одной стороны /въ русскихъ былинахъ/

и царемъ Кейкаусомъ и богатыремъ Рустемомъ, — съ другой /въ иранскихъ сказаніяхъ/.

в/нѣкоторыми общими соображеніями автора относительно былиннаго типа Ильи Муромца: 1/высокое, родовитое, быть-можетъ, даже княжеское происхожденіе богатыря /по первоначальному изображенію въ былинахъ /даетъ тѣмъ большую возможность сближать его съ богатыремъ Рустемомъ, владѣтельнымъ княземъ Сейестана, а 2/его идеальный, неисторическій характеръ дѣлаетъ допустимымъ предположеніе о заимствованіи этого идеальнаго типа богатыря изъ чужого /иранскаго/ эпоса.

5/Допуская эпическое заимствование, В.Миллеръ старается оправдать его историческими данными дабы доказать, что это заимствование носило характеръ явленія не отвлеченно-литературнаго /какъ у Стасова/, а историко-бытового.

Для этого онъ а/ анализируетъ взаимныя отношенія русскихъ племенъ и степныхъ кочевниковъ этой передаточной среды для иранскихъ сказаній, и в/ изъ этихъ взаимоотношеній выводитъ необходимость — сначала возникновенія въ тогдашней русской жизни богатства, а затѣмъ и созданія въ былевомъ эпосѣ
Рефер. по народ. слов. Листъ 14. Лит. Б. А. Букаты

идеальнаго типа богатыря, какимъ явился Илья Муромецъ.

6/ Последнее, т.е. эпическое изображение богатырства, произошло не безъ вліянія иранскихъ сказаній о Рустемѣ, съ которыми познакомили русскихъ половцы, оказавшіе вообще несомнѣнное культурное вліяніе на своихъ туземныхъ сосѣдей.

7/ Сравнительную цѣнность изложенной гипотезы В.Миллера отмѣтилъ А.Н.Пытинъ: онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что В.Миллеръ свою гипотезу обосновалъ на прочной историко-бытовой почвѣ, такъ какъ онъ не только отмѣтилъ восточныя вліянія въ русскомъ эпосѣ, но даже "указалъ, хотя бы предположительно, пути ихъ проникновенія, — согласно съ условіями исторической жизни".

8/ Цѣненъ трудъ В.Миллера еще и тѣмъ, что онъ чуждъ исключительности, не обоснованныхъ обобщеній, и хотя носитъ характеръ частичнаго изслѣдованія, онъ, несомнѣнно, полезенъ для дѣла изученія русскаго эпоса, чѣмъ всякія другія широкія, смѣлыя, но шаткія и узко-одностороннія теоріи

Марковъ Аеанасій,
студ.- фѣл. III курса.

ЗАВЪЗЖІЕ БОГАТЫРИ

/ По изслѣдованію А.Н. Веселовскаго: " Южно -
русскія былины "/.

Изслѣдованіе академика А.Н.Веселовскаго: "Южно -
- русскія былины" представляетъ рядъ эпизоди-
ческихъ изысканій объ отдѣльныхъ богатыряхъ
русскаго былевого эпоса въ связи съ средневѣко-
вой литературой и народной поэзіей, Три изъ
этихъ эпизодовъ, именно: "Богатыри - Сурожцы",
"Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣс-
нямъ о немъ", "Илья Муромецъ и соловей Будими-
ровичъ въ письмѣ XVI в.", я и хочу предложить
вашему вниманію, объединивъ ихъ подъ общимъ
заглавіемъ: "Завъзжіе богатыри". И богатыри -
сурожцы /Суровець - Суздалецъ, Чурила Пленко-
вичъ/, и Дюкъ Степановичъ, и Соловей Будими-
ровичъ - всѣ они являются для насъ людьми чужды-
ми не только по мѣсту своего происхожденія -
завъзжими изъ другихъ странъ, но и по самому ха-
рактеру своей жизни, рѣзко отличающъ въ этомъ
отношеніи отъ богатырей кіевскаго цикла, вся
жизнь и подвиги которыхъ имѣютъ своей цѣлью
благородной земли. Не уступая послѣднимъ силою

и богатствомъ, заѣзжіе богатыри не находятъ имъ полезнаго примѣненія, расточаютъ ихъ на никому ненужныя удалство, щегольство и молодчество. Изъ этихъ богатырей прежде всего остановимся на богатырѣ Суровцѣ - Суздальцѣ.

Въ трехъ былинахъ о Суровцѣ - Суздальцѣ, сохранившихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, рассказывается о томъ, - "Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ, - Суровецъ богатырь, онъ Суроженинъ. - По роду города Суздаля, - Сынъ отца гостя богатаго, - Охочъ онъ ѣздить за охотою, - За гусями, за лебедями, - За сѣрыми за утицами. - Ѣздить день до вечера, - А покушать молодцу нечего." /Сборникъ отдѣл. русскаго яз. и словесн. импер. Академіи Наукъ. Т.36 ст.72/ Ѣздилъ онъ въ полѣ три /или тридцать три / года и ничего не наѣзживалъ. Наконецъ, наѣзжаетъ въ полѣ на сырой, "кривистый", "не простой - корокольчестой" дубъ съ "булатнымъ кореньицемъ", съ "позлаченными сучьями - вѣтвями". "На дубу-то сидитъ птица вѣщая, - Птица вѣщая, перелетная, - Птица младъ черенъ воронъ, - Перо его какъ смола кипитъ, - А очи его какъ свѣчи горятъ воску ярова, - А ноги его какъ лучи свѣтятъ, - Какъ лучи свѣтятъ, лучи солнечные, - Лучи солнечные и подвосточные". /72/. Богатырь хочетъ застрѣлить ворона. Воронъ ос-

танавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ, указыва-
етъ на бесполезность убійства, совѣтуя ему
лучше поѣхать "во чисто поле", гдѣ "стоитъ
Кумбаль /Курбанъ, Курганъ/ царь, - Кумбаль царь
Самородовичъ, - Со многими татарами со уланами,
- Хочетъ онъ тебя погубити, - Погубити и со-
рубити". /74/. Суровецъ поступаетъ по совѣту
ворона, наѣзжаетъ на татаръ и вступаетъ съ ни-
ми въ бой. Перескочивъ черезъ первый и второй
ровъ, онъ падаетъ въ третій; "но тутъ разыгра-
лось его молодецкое сердце: схватилъ онъ та-
тарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ
- тамъ и улица, куда ни повернется - переуло-
чекъ". /74/. Схваченный царь Кумбаль проситъ
Суровца отпустить его, предлагая богатый вы-
купъ, "быть братомъ названымъ", или указывая
на то, "что въ книгѣ написано - не казнить
царей и князей." /75/.

Кромѣ трехъ былинъ сборника Кирѣевскаго,
мелкихъ упоминаній и отрывковъ, о Суровцѣ со-
хранился одинъ отрывокъ былины съ двумя за-
пѣвами: 1/ "Высока ли высота поднебесная"... и
2/ "При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ, - При старцѣ
Макарѣ Захарьевичѣ, - Было беззаконство вели-
кое: - Старицы по кельямъ - родильницы, -
Черницы по дорогамъ - разбойницы, - Сынъ съ
отцемъ на судъ идетъ, - Братъ на брата съ

боемъ идетъ, - Братъ сестру за себя емлетъ" /77/
Второй залѣвъ интересенъ тѣмъ, что напоминаетъ мотивы Иерусалимскаго стиха и эсхатологическаго пророчества Андрея Юродиваго. Въ самомъ же отрывкѣ рассказывается о томъ, какъ "Суровець, богатырь Суздалецъ, - Богатаго гостя Заморенинь сынъ", ища себѣ "сопротивника", заѣхалъ въ славный городъ Покидошь". Тамъ онъ попадаетъ на "почестной пиръ" къ великому князю Михайлу Еримонтьевичу. Будучи спрошенъ княземъ объ имени, "изотчествѣ", нашъ богатырь отвѣчаетъ: "А меня зовутъ, добра молодца, - Суровець богатырь, Суздалецъ, - Богатаго гостя Заморенинь сынъ" /78/ Князю то слово полюбилось, и онъ приглашаетъ Суровца "за столы убранные".

Разсмотрѣнныя былины о Суровцѣ - Суздальцѣ представляютъ отголосокъ византийскихъ былинъ, которыя могли проникнуть на югъ Россіи, благодаря сосѣдству ея съ греческими колоніями Крымскаго полуострова. Съ этими колоніями у южной Руси были культурныя, религіозныя, а затѣмъ, быть можетъ, и народно - поэтическія связи. Отзвукомъ народно-поэтическихъ связей и представляется роль Сурожа въ нашемъ былевомъ эпосѣ.

Сурожъ - древняя Сурдая, Сурдея, именовъ

которой некогда назывался весь Крымъ, теперь Судакъ, въ средніе вѣка Солдадія, Солдая, Содая - былъ основанъ около 212 года. Съ VII в. онъ находился въ церковномъ отношеніи въ зависимости отъ Византіи; однимъ изъ епископовъ его былъ св. Стефанъ Сурожскій, въ житіи котораго рассказывается о завоеваніи полуострова Крыма отъ Корсуни до Керчи русскимъ княземъ "бранливомъ". Брунъ предполагаетъ, что подъ Сугровомъ "Слова о полку Игоревѣ", который въ IIII году былъ сожженъ русскими, во время похода противъ половецкаго хана Шаракуну, владѣнія котораго находились въ Крыму, нужно разумѣть Сурожъ. Это предположеніе Бруна, по мнѣнію Веселовскаго, "объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ мечь Шараканю - на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ IIII года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи - до самаго Рима" /70/ Въ 1229 и 1239 годахъ Сурожъ попадаетъ подъ власть татаръ, а съ 1253 г. платитъ имъ дань. Въ древности онъ имѣлъ важное торговое значеніе, являясь складочнымъ мѣстомъ для заморскихъ товаровъ, привозимыхъ византійскими и итальянскими купцами. На важность для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ указываетъ арабское названіе Чернагс

моря Сурожскимъ. Гость-Сурожанинъ сдѣлалось у насъ нарицательнымъ именемъ для купцовъ, преимущественно шелковыми товарами. Еще не такъ давно употреблялись у насъ такія выраженія какъ "суровскій товаръ", "суровскій рядъ". Но связь древней Руси съ Сурожемъ едва ли ограничивалась только торговлей: "гости - сурожане" вмѣстѣ съ заморскими товарами завозили къ намъ "заморскія пѣсни и чудные рассказы о видѣнномъ въ тридесятomъ государствѣ ./71/. Къ намъ такимъ образомъ могли проникнуть византійскія былины и занять извѣстное мѣсто въ былевомъ эпосѣ.

Разсматривая былины о Суровцѣ-Суздальцѣ, Веселовскій расходится съ обычнымъ пониманіемъ значенія имени богатыря: Суровецъ - это гость, а Суздалецъ указываетъ на связь его съ сѣвернымъ Суздалемъ. "Суровецъ" нашихъ былинь", говоритъ Веселовскій, "не что иное, какъ дублетъ къ Сурожанину; Суровецъ - Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе извѣстнымъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожъ: Суздалецъ вмѣсто Судалецъ, Сугдалецъ"./70/ Названіе Суровца - Суздальца въ изложенномъ выше отрывкѣ "Заморенинымъ сыномъ"

говорить за происхождение его изъ Сурожа, а не Суздаля. Заморенинъ - это торговецъ за моремъ, что едва ли можетъ быть приложимо къ торговцу изъ Суздаля. Здѣсь, впрочемъ, Веселовскій дѣлаетъ оговорку, говоря, что "название "гостей - сурожанъ" имѣло болѣе общее значеніе, его переносимости, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII вѣка" /71/. Наконецъ, происхождение Суровца - Суздальца изъ Сурожа подтверждается тѣмъ, что былины о немъ не примыкаютъ къ владимировскому циклу, въ составъ котораго вошелъ весь, такъ называемый, суздальскій періодъ нашего эпоса. Вмѣстѣ съ былинами о Саулѣ Леванидовичѣ былины о Суровцѣ представляютъ нѣчто обособленное: мы не встрѣчаемъ Суровца при дворѣ ласковаго князя Владимира, чего не могло бы случиться, если бы былины о немъ входили въ составъ владимировскаго цикла.

Суровецъ - Суздалецъ - это заѣзжій "гость - сурожанинъ", который былъ внесенъ въ русскій богатырскій эпосъ, будучи превращенъ народной фантазіей изъ купца въ богатыря - охотничка. Это превращеніе обуславливалось, съ одной стороны, требованіями народной идеализаціи, съ другой стороны, условіями торговли: необходи-

мостью защищать товары от нападений кочевниковъ.

Если мы согласимся признать Суровца - Суздальца за Сурожанина, то намъ станетъ понятна общая основа былинъ о немъ и ихъ историческая подкладка - враждебное отношеніе татаръ къ Сурожу и завоеваніе его въ XIII вѣкѣ. Только въ былинахъ о Суровцѣ татары оказываются не побѣдителями, а побѣжденными, что встрѣчается и въ другихъ нашихъ былинахъ: "народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы". /75/.

Изслѣдуя былины о Суровцѣ, Веселовскій отмѣчаетъ черты сходства ихъ съ былинами о другихъ богатыряхъ и произведеніями другихъ народовъ. Охота Суровца напоминаетъ охоту Михаила Казарянина, который такъ же "наѣхалъ въ полѣ на сирѣ кряковистый дубъ", а "На дубу сидитъ тутъ черной воронъ, - Съ ноги на ногу переступываетъ, - Онъ правильно перушко поправливаетъ -- А и ноги, носъ - что огонь горять". /72/.

Вѣщаніе ворона находитъ соотвѣтствіе въ былинахъ о томъ же Михайлѣ Казарянинѣ, Добрынѣ, Алешѣ и Джукѣ.

Описаніе вѣщаго ворона напоминаетъ изображеніе чудеснаго ворона въ поэмѣ объ Осваль-

дѣ и въ мусульманской легендѣ о рожденіи Salih'a: "у него туловище черное, голова бѣлая, спина отливаешь изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза - что два драгоценныхъ камня; темный покой освѣщается ими, только взошло солнце". /72/. Въ греческой поэзіи встрѣчается изображеніе "золотокрылаго орла", а въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ - "образъ разукрашеннаго сокола". Подробность одной былины о Суровцѣ, что Курбанъ, царь татарскій, "перевозится онъ и переносится - Черезъ матушку черезъ Неву /вм. Непру?/ рѣку", находить себѣ параллель въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ: "А вталоры Кунгуръ царь, перевозится - Со тѣми татары со поганами". /74/.

Имена татарскаго царя былины о Суровцѣ - Кумбаль, Курбанъ, Курганъ - очень похожи на имя татарскаго князя былины о Саулѣ Леванидовичѣ, не говоря уже о томъ, что имѣютъ одинъ и тотъ же эпитетъ - Смородовичъ, напоминающій эпитетъ Сарацина дубровинской легенды о Роландѣ Smardo-duxzi. Кумбаль, Курбанъ, вѣроятно, такія же эпонемическія имена, какъ и Кунгуръ, и указываютъ на начавшееся приуроченіе былины о Суровцѣ къ кіевскому /владимировскому/ цик-

лу.

Чурила Пленковичъ является вторымъ ваѣз-
жимъ богатыремъ изъ Сурожа, но уже не гречес-
каго, а итальянскаго. На происхождение Чурилы
изъ итальянскаго Сурожа указываетъ его прозви-
ще по отчеству - Пленковичъ.

"Пленковичъ", говоритъ Веселовскій, есть "не
что иное, какъ народная перегласовка изъ Фран-
ковичъ, т.е. сынъ Франка - Пленка"; /79/ онъ
приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, гдѣ греческое
φ переходитъ въ слав. и рус. п, а греч. φφ
въ слав. и рус. пр, и на основаніи этихъ при-
мѣровъ допускаетъ уравненіе: "франкъ, френкъ
/АКЪ /- пранкъ, пренкъ - и далѣе съ из-
вѣстнымъ переходомъ р въ л - пленкъ". /71/.
Отчество Чурилы - Пленковичъ, Пеленковичъ и
имя его отца - Пленкъ, Пленко предполагаютъ
форму пеленкъ, которая соотвѣтствуетъ татарско-
му наименованію осѣдлыхъ генуэзцевъ въ Крыму:
Frenk, Ferenk, Felenk-т.е. Франкъ. Самое же имя
"Чурила" представляетъ народную форму "Кирил-
ла" съ переходомъ звука к въ ч. Въ былинѣ
у Рыбника мы и встрѣчаемъ Чирилушка и Кирилушка
Пленковичъ; Чурилья игуменья вмѣсто Кирилья -
въ одной шутиливой пѣснѣ. Сдѣлавъ подробный фи-
лологическій разборъ имени и отчества богатыря

Веселовскій приходитъ къ тому заключенію, что Чурило Пленковичъ, т.е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ грекогерманскихъ гостей - Сурожанъ, которыя, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суровецъ - Суздалецъ нашихъ былинъ или франки старыхъ румынскихъ пѣсень отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами Крыма и Молдавіи".

/71/.

Возражая Теодореску, который, основываясь на упоминаніи румынскихъ пѣсень о франкахъ на ряду съ турками, ставитъ эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 г. и съ разгромомъ генуэзскихъ колоній турками, Веселовскій затрогиваетъ вопросъ о древности былинъ о Чурилѣ. "Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ", говоритъ Веселовскій по поводу утвержденія Теодореску: "и точная хронологія здѣсь такъ - же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинъ. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти - рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственно

имя и прозвище по отчеству". /84/.

Сличивъ нѣсколько /22/ пересказовъ былинь о Чурилѣ, Веселовскій устанавливаетъ известную послѣдовательность его "пѣсенной біографіи, которая ни въ одномъ изъ этихъ пересказовъ не сохранилась въ цѣломъ видѣ. Послѣдовательность эта такова: а/ Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы; б/ Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира; с/ Эпизодъ съ Апраксіей на пиру; д/ впечатлѣніе Чурилыной красоты; е/ Чурила и Катерина.

Въ первомъ эпизодѣ: "Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы" рассказывается о томъ, какъ къ Владимиру во время пира явилось триста охотниковъ "избитыхъ - израненныхъ" съ жалобой на молодцовъ, на которыхъ они "наѣхали въ чистомъ полѣ" что "Они соболи, куницы поывловили, - И печерски лисицы повыгнали, - Туры, олени выстрѣлили, - И насъ избили - изранили; - А тебѣ, о сударь, добычи нѣтъ". /85/ Вслѣдъ за охотниками являются къ Владимиру съ аналогичными жалобами рыбаки и сокольники - кречетники, при чемъ послѣдніе называютъ обидчиковъ "дружиною Чуриловою". На вопросъ Владимира: "кто это Чурила есть таковъ." отвѣчаетъ "старой Бермята Васильевичъ": "Чурила живетъ не въ Кіевѣ, - А живетъ онъ пониже Малаго Кіезца. - Дворъ у него на се-

ми верстахъ. - Около двора желѣзный тынъ, - На всякой тычинкѣ по маковкѣ, - А и есть по жемчужинкѣ; - Среди двора свѣтлицы стоятъ, - Гридни бѣлодубовья, - Покрты сѣдмь бобромъ, - Потолокъ черныхъ соболей, - Матица - то валженая, - Поль - середа одного серебра, - Крюки да пробой по булату злачены; - Первые у него ворота валыщатые, - Другіе ворота хрустальные, - Третьи ворота оловянные". /86/. Владимиръ съ княгиней, Бермятою и боярами отправляется проѣхать Чурилу; ихъ встрѣчаетъ старшій Пленкъ /Пленка/ Сароженинъ и устраиваетъ для нихъ пиръ. Во время пира пріѣзжаетъ Чурила съ своею дружиною. "Ѣдетъ Чурила по двору своему, - Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, - Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица". /87/. Чурила даритъ князю и княгинѣ богатые подарки и получаетъ отъ Владимира приглашеніе служить ему въ Кіевѣ.

Передавъ содержаніе перваго эпизода, Веселовскій отмѣчаетъ нѣкоторыя отличія и особенности въ отдѣльныхъ былинахъ, сохранившихъ этотъ эпизодъ, и приводитъ параллели къ нему. Въ нѣкоторыхъ былинахъ, вмѣсто третьей толпы челобитчиковъ - сокольниковъ - кречетниковъ, являются "купцы торговые и мужики по-

садскіе", вмѣсто Бермяты, рассказывающаго Владимиру, гдѣ живетъ Чурила, въ этой роли выступаютъ или князья и бояре, или Иванъ да Ивановичь.

Вотчина Чурилы помѣщается то на Сарогѣ -- рѣкѣ, то "на Почай рѣкѣ", то просто дѣлается общее указаніе: "не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ", "не въ Кіевѣ, а пониже Малаго Кіевца" и т. д. "Всего этого слишкомъ мало для какихъ бы то ни было заключеній", говоритъ Веселовскій. "Подъ Малымъ Кіевомъ, очевидно, нельзя подразумевать что -- нибудь географически опредѣленное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живетъ гдѣ- то далеко за Кіевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога -- не указываютъ ли на Сурожъ. Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ", /89/ прозвище отца Чурилы.

Чудесное описаніе дворца Чурилы, кромѣ приведеннаго выше, имѣетъ еще нѣсколько вариантовъ, напр., "Въ терему полъ -- середка одного ее ребра, -- Стѣны -- потолокъ красна золота, -- На неби сонце и въ тереми сонце, -- На неби мѣсяць и въ тереми мѣсяць, -- На неби звѣзды разсыплются, -- Въ тереми звѣзды разсыплются". /90/. Подробности о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ въ описаніи терема находятъ себѣ

соотвѣтствіе въ другихъ былинахъ /о Солов. Буди мировичѣ, Садкѣ и Джкѣ/, малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Это общее мѣсто имѣетъ, можетъ быть "реальное основаніе въ какихъ-нибудь деталяхъ средневѣковой архитектурнѣ". /91/ Подобныя чудесныя описанія мы встрѣчаемъ въ византийскомъ романѣ о Каллимахѣ и Хризорѣ въ изображеніи палаты драка, въ описаніи чудесъ Индійскаго царства - въ посланіи Пресвитера Іоанна, и дворца Хосроя - въ старофранцузской поэмѣ объ Иракліи, а именно: "въ его дворцѣ - искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками". /91/.

Обращаетъ на себя вниманіе описаніе возвращенія Чурилы съ своими молодцами во время пира, устроеннаго Пленкомъ при посѣщеніи Владиміромъ Чурилиной вотчины: "Съ коня да на коня перескакиваетъ, - Черезъ третье да на четвертое, - Въ верхъ копые да подбрасываетъ, - Изъ ручки въ ручку подхватываетъ", /93/. Или другой вариантъ: "Съ коня на коня перескакиваетъ - У молодцевъ шапочки подхватываетъ, - На головушки шапочки подкладываетъ," /93/ Подбрасываніе и подхватываніе копыя, являясь выраженіемъ молодецкой удали, служитъ общимъ мѣстомъ славяно-русскаго, румынскаго и греческаго /пѣснь объ Рефер. по народ. словес. Листъ 15.

Армури/ эпосовъ.

"Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ /и румынскихъ/ пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко подъ облака, свою палицу, копье либо саблю", замѣчаетъ Веселовскій, говоря о швырнаніи сабли и подхватываніи ея на лету Армури въ греческой пѣснѣ того же имени. Перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ напоминаетъ подобныя упражненія Турпина въ поэмѣ о хожденіи Карла Великаго въ Константинополь и Иерусалимъ. Вообще же своею ловкостью и хваткостью Чурила отчасти напоминаетъ юношей старофранцузской поэмы объ Иракліи Gautier, играющихъ на арфѣ и щеголяющихъ ловкостью передъ Асинойдой.

Эпизодъ съ подсолнечникомъ, который несутъ предъ Чурилой, чтобы не загорѣло лицо его, находитъ себѣ соответствіе, съ одной стороны, въ былинѣ о Дикѣ, гдѣ передъ Диковой матерью такъ же несутъ подсолнечникъ, "чтобы отъ краснаго солнца не залеклось ея лицо бѣлое"; /94/ съ другой стороны, - въ двухъ кипрскихъ пѣсняхъ: въ одной "Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина"; /94. въ другой выводится, въ окруженіи Дигениса,

какой - то паликаръ, "маленькаго роста съ длинными волосами и зонтикомъ на плечахъ". /94/.

Послѣдовательность содержанія эпизода: "Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира" не во всѣхъ былинахъ одинакова; Веселовскій придерживается послѣдовательности Рыбниковскаго текста. Сначала Чурила служить при дворѣ Владимира "въ курятникахъ. По просьбѣ княгини Опраксіи Чурила назначается постельничкомъ, потомъ позовщикомъ. Въ нѣкоторыхъ же былинахъ Чурила станвится позовщикомъ, служа раньше гашникомъ и стольникомъ. Къ этому эпизоду тѣсно примыкаетъ эпизодъ съ Апраксіей на пиру, гдѣ рассказывается, какъ "Прекрасная княгиня та Апраксія - Да рушала мясо лебединое, - Смотрячись - де на красоту Чурилову, - Обрѣвала да руку бѣлу правую". /96/.

Передавъ кратко содержаніе послѣдняго эпизода, Веселовскій указываетъ, что подобный эпизодъ встрѣчается въ былинѣ о Тугаринѣ; онъ дѣлаетъ предположеніе, что туда эпизодъ съ Апраксіей на пиру былъ перенесенъ изъ быliny о Чурилѣ. Древняя пѣсня о Тугаринѣ была искажена: Тугаринъ, вмѣсто Константинополя, попадаетъ въ Кіевъ, ко двору Владимира; здѣсь онъ являет

ся насильникомъ и не красавцемъ по преимуществу, какимъ всегда изображается Чурила. Что Апраксія заглядывается на Тугарина - это объясняется позднѣйшимъ искаженіемъ пѣсеннаго преданія на сѣверѣ, заставившимъ ее влюбляться во всякаго мужчину. "Равсказъ" о порѣзаніи рукъ" болѣе у мѣста при Чурилѣ", говоритъ Веселовскій, "и интересно наблюдение, что большая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области апокриеовъ; откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелеры Тимофеевны, и Сафать рѣку, и Леванидовъ крестъ - и чашу Михаила". /97/. Какъ параллель къ данному эпизоду, Веселовскій приводитъ раввинское преданіе объ Іосифѣ изъ двѣнадцатой суры Корана: Іосифъ "отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ. Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотой: Это не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ, сказали онѣ, и - порѣзали себѣ руки". /98/. Въ еврейскомъ *Sepher Najjschar* рассказывается, какъ жены порѣзали себѣ пальцы вмѣсто апельсиновъ заглядѣвшись

на Иосифа. Исторія Иосифа и Зулейки не разъ пересказывалась арабскими поэтами; между прочимъ, она послужила источникомъ староиспанской поэмы объ Иосифѣ. Кроме того, любовь Апраксіи къ Чурилѣ напоминаетъ любовь Аеинаиды, жены императора, къ Париду въ старо-французской поэмѣ XII в. Gautier изъ Арраса объ Иракліи, въ основѣ которой лежитъ византійское сказаніе о мудромъ юношѣ. /X/.

Въ этой поэмѣ разсказывается, какъ на одномъ празднествѣ Аеинаида увидѣла прекраснаго Париду и влюбилась въ него, такъ какъ "онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своей ловкостью". /64/.

За эпизодомъ съ Апраксіей на пиру слѣдуетъ эпизодъ: "Впечатлѣніе Чурилиной красоты". Всѣ удивляются Чурилѣ - позовищнику:

/X/ За византійскій источникъ поэмы Gautier говоритъ "обликъ" собственныхъ именъ / Athenais, Parides и др./, "но главнымъ образомъ, изображеніе общественныя и нравственныя отношеній, которыя отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ Floire и Blanceflor". /66/.

"Встааеть Чурива ранехынько, - Умываается /Цы/
Пленковиць бѣлехынько, - Надѣвааеть саложки - зе-
лень сафьянь, - Пятки гладки, носки плоски, -
Кругъ пята хоть ицомъ прокати, - Подъ пята во-
робей проскочи. - Поѣхаль Чуривушка по городу
по Кѣеву, - Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди -
тѣ: Гдѣ дѣвушки глядятъ - заборы трешкати, -
Гдѣ молодушки глядятъ - лишь оконенки звенять,
- Гдѣ стары глядятъ - манатки на сеѣ деруть".
Или: "Какъ стары старухи кастыли грызуть, - А
молоды молодцы мошны деруть" и др. /99/ Спи-
саніе Чурилиной красоты и впечатлѣнія отъ нея
встрѣчается и въ другихъ былинахъ. Въ былинѣ,
напримѣръ, о Добрынь говорится о "цепливой
походкѣ" Чурилы: въ былинѣ о Днѣпрѣ Королеви-
чѣ и Донѣ Ивановичѣ - "Нѣтъ молодцовъ поход-
кой, пощипкой - Противъ Чурилища Оепенковича:
Идетъ то Чурилище по Кіеву - Дѣвки - бабы въ
окошко по поясу бросаются". /100/

Всѣ описанія красоты Чурилиной и впечат-
лѣнія отъ нея отличаются грубоватымъ шаржемъ,
которому Веселовскій придаетъ культурно - ис-
торическое значеніе. Разбирая былинку объ Ива-
нѣ Гостиномъ въ связи съ старофранцузской поэ-
мой объ Иракліи, онъ приходитъ къ такому вы-
воду: "Византійская сказка проникла въ кругъ

южно - русских былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, въ болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятное, необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы. Таково неловкое "цапленье" и лубочное щегольство Чурилы - по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Аинаидой; тѣмъ же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣснѣ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это на столько - же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого". /68/.

Впечатлѣніе Чурилиной красоты Веселовскій сравниваетъ съ впечатлѣніемъ красоты Дозиклея въ византійскомъ романѣ Эсодора Подрома.

Эпизодъ: "Впечатлѣніе Чурилиной красоты" въ нѣкоторыхъ былинахъ заканчивается предложениемъ Владимира Чурилѣ удалиться отъ двора, жить въ Кіевѣ или уѣхать домой. Чурила уѣзжаетъ. Такой конецъ объясняется тѣмъ, что эти былины еще не знаютъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Обыкновенно же за описаніемъ

Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія ея слѣдуетъ свиданіе Чурилы съ Катериной.

Катерина знакомится съ Чурилой, когда онъ въ роли позовщика приходитъ звать на "почестенъ пиръ" мужа ея "старога Бермяту Василевича". Зайдя въ домъ Бермяты, Чурила "позамѣшкался", такъ что на пиру долго пришлось ждать его возвращенія. На утро вовлѣ дома Бермяты былъ виденъ свѣжій слѣдъ. Въ былинахъ же, обособившихъ эпизодъ: "Чурила и Катерина", дѣло представляется нѣсколько иначе. Чурила ѣздитъ по городу щеголемъ; Катерина, пользуясь тѣмъ, что мужа нѣтъ дома, зазываетъ къ себѣ Чурилу, угощаетъ его и "зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей". Въ нѣкоторыхъ былинахъ этому приглашенію предшествуетъ игра въ шахматы; Катерина три раза проигрываетъ, послѣ чего ведетъ его "въ ложни во тепля". /105/ Любовной бесѣдѣ Катерины мѣшаетъ "сѣнная дѣвушка" /"черная дѣвченочка челядинка" и др. названія/, которая доноситъ обо всемъ Бермятѣ. Мужъ спѣшитъ домой, стучитъ въ ворота; ему отворяетъ Катерина, съ растрепанными волосами, въ одной рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ. Войдя въ домъ, Бермята догадывается по какой - нибудь забытой

принадлежности Чурилина туалета, что въ его домѣ непрощенный гость. Дѣйствительно, онъ находитъ Чурилу или на кровати, или за печкой, или въ ларцѣ. Былина кончается тѣмъ, что Бермята убиваетъ Чурилу и Катерину, или убиваетъ Чурилу, а Катерина сама лишаетъ себя жизни, или убиваетъ обоихъ любовниковъ, дѣвку - доносчицу и себя.

Передавъ содержаніе, Веселовскій и для этого эпизода такъ же, какъ и для предыдущихъ указываетъ параллели. Игра Чурилы "во доску гусельню" "противу дому Бермятова" напоминаетъ своими подробностями подробности былинъ о Добрынь и Садкѣ, которыя, можетъ быть, перенесены оттуда; положеніе же Чурилы напоминаетъ Харикла ночью у терема Каллигоны, играющаго на киеарѣ, и Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой.

Самый эпизодъ: "Чурила и Катерина" былъ очень популярень и нѣсколько разъ перепѣвался. Такой "искаженный перепѣвъ" представляетъ эпизодъ о Добрынь Микитичѣ, замѣнившемъ или Чурилу, или Бермяту, и Маринѣ, а именно: Чурила ухаживаетъ за Катериной, Добрыня за Мариной; Чурила служитъ при дворѣ Владимира чашникомъ, кмочникомъ и позовщикомъ, Добрыня по три года

"столничаль и приворотничаль" и девять лѣтъ "чашничаль" "Съ другой стороны", замѣчаетъ Веселовскій, "трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Годиновичемъ, но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ". /II2/.

Въ большинствѣ "искаженныхъ перепѣвовъ" былина о Катеринѣ и Чурилѣ порвала связь съ Кіевомъ и Владимиромъ, и только въ двухъ редакціяхъ эта связь восстанавливается. Въ одной редакціи рассказывается о зазываніи Катериной Чурилы, кормленіи коня, игрѣ въ шахматы и т. д., но Чурила остается въ живыхъ и ѣдетъ "Ко городу ко славному ко Кіеву; - Ко тому - то царю ко Владимиру". Такъ же кончается и вторая редакція, въ связь съ которой Веселовскій ставитъ пѣсни о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ, о "Молодцѣ и Королевнѣ" и былинѣ о Дунаѣ.

Въ пѣснѣ о Ванькѣ Ключникѣ князь Волконскій узнаетъ отъ служанки, что жена живетъ съ ключникомъ, казнить его, а жена умираетъ. Въ пѣсняхъ о "Молодцѣ и Королевнѣ" рассказывается, какъ молодецъ "изъ орды въ орду" "отъ худой молодой жены онъ къ гульбу пошелъ".

Молодецъ заходитъ въ Литовку къ князю Литовскому / Литонскому, Политовскому/, у котораго послѣдовательно служить конюхомъ, стольникомъ, ключникомъ и, наконецъ, кроватникомъ влюбившейся въ него королевы Настасьи. Молодецъ проговаривается во хмелю о своей связи съ королевой, его велено казнить. Королева видитъ, какъ молодца ведутъ на казнь, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татаринкомъ, а самого отпускаетъ во -- своей. Съ пѣснями о "молодцѣ" почти тождественна одна изъ былинъ о Дунаѣ. Въ ней такъ же рассказывается, что "Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, три года служилъ конюхомъ, три года стольничалъ, три года конюшничалъ, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на диру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кобалькому, а Дуная отпустить". /118/ Во второй редакціи былины о Чурилѣ рассказывается, какъ онъ идетъ скитаться, подобно Ванькѣ Ключнику, "отъ худой женишки, изъ орды въ орду", нанимается на службу къ Литовскому королю. Стосковавшись по родинѣ, Чурила возвращается домой, идетъ "по городу Скѣанову /Кіа-

нову/, заходить въ кабакъ и хвастается здѣсь своей связью съ королевой. Чурилу схватываютъ и осуждаютъ на казнь, но его освобождаетъ Королева. Возвратясь къ родителямъ и отдохнувъ у нихъ три дня, Чурила отправляется въ Кіевъ, желая поступить на службу "ко солнышку князю ко Владимиру".

Указавъ на сходство послѣдней былины съ пѣснями о ключникѣ, молодцѣ и Дунаѣ, Веселовскій замѣчаетъ, что "послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсень, представлявшихъ сходныя положенія /120/; имѣя же въ виду конецъ приведенныхъ выше редакцій, говорить, что онѣ "являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былины изъ кіевской связи и вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ". /121/.

Касаясь вопроса, что древнѣе былина о Чурилѣ или указанныя параллели, Веселовскій оставляетъ его "безъ прямого отвѣта". "Мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини - королевы встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество большей древности и возможно - ли здѣсь предположеніе заимствования или только вліянія, съ той или другой

стороны. Я не рѣшусь", продолжаетъ Веселовскій, "въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на "общіе эпическіе мотивы, которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно - бы допустить, а priori развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынь и Маринѣ". /121/.

Въ заключеніе главы о Чурилѣ, Веселовскій приводитъ двѣ былины: одну - о пагубѣ "молодого дѣтинушки Гусина /Чурила/ Пленковича Басурьманищемъ Шаркомъ великаномъ", другую - о побѣдѣ Дюка надъ тѣмъ же Шаркомъ. Въ этихъ былинахъ обращаетъ на себя вниманіе борьба Чурилы и Дюка съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, но съ различнымъ исходомъ: Чурила побѣжденъ, Дюкъ - побѣдитель. "Это отличіе", по мнѣнію Веселовскаго, "лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ". /125/. Дюкъ выходитъ изъ страны чудесъ - Индіи, оттого у него все чудесное /конь, нарядъ и т. п./; эта чудесность и оттѣняется сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, въ которомъ, наоборотъ, нѣтъ ничего баснословнаго. Весьма возможно, что поѣздка Владимира къ Чурилѣ на Сарогу сложилась по подобію поѣздки пословъ его въ царство Дюковой матери "подъ вліяніемъ

сопоставленія Дюка съ Чурилой". /123/.

Все существенное въ былинахъ о Чурилѣ - появленіе въ Кіевѣ, блескъ красоты, культурное "цѣлленіе", впечатлѣніе красоты на женщинъ, любовь къ Катеринѣ - все это, по мнѣнію Веселовскаго, "матеріаль новеллы, не фабль о невѣрной женѣ гостя Терентьица, наставляемаго скомо-рохами /Кирша №2, Рыбн. III, №43/, а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giraldi Cinto". /123/. "Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былинну; такимъ же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

"Ітовъ Чурило з міста,

За нимъ дівочокъ триста". /124/.

Третій заѣзжій богатырь - Дюкъ Степановичъ. Веселовскій содержаніе былинъ о Дюкѣ передаетъ по слѣдующему плану:

1/ выѣздъ Дюка; 2/ Дюкъ въ Кіевѣ; его похвалба и состязаніе съ Чурилой; 3/ послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. Дюкъ отправляется на охоту; онъ ѣздитъ "подлѣ синя моря и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ", разстрѣливаетъ всѣ стрѣлы и возвращается домой. Онъ проситъ свою мать Мамелфу Тимоѣевну отпустить его въ

далеко чисто поле "поразмять своего плеча богатырського". Мать отговаривает Дюка ѣхать "во чисто поле", совѣтуя ему поѣхать лучше "ко славному ко городу ко Киеву - Ко стольному ко князю ко Владимиру". /133/. при этомъ онъ долженъ миновать "Палаць - гору Аенасъеву".

Она завѣщаетъ Дюку: "На честномъ пиру не хвастай сиротскимъ имѣнницемъ, - Имѣнницемъ сиротскимъ, богатствомъ. - Не хвастай мною матушкой" /133/ ; или, по другому варианту, предупреждаетъ объ опасностяхъ на пути въ Киевъ: о трехъ заставахъ, напоминающихъ своею баснословностью заставы греческой сказки о Безсмертной водѣ и - духовнаго стиха о Егоріи храбромъ "горахъ толкуціихъ", "птицахъ клевуцихъ" и "Замѣщѣ - Горыничѣ". Дюкъ отправляется, счастливо минуешь заставы и прѣзжаетъ въ Киевъ. Въ другой группѣ былинъ дѣло представляется нѣсколько иначе. Мать не совѣтуетъ Дюку ѣхать, "во чисто поле", но Дюкъ ѣдетъ, наѣзжаетъ "во сыромъ дубу черна ворона, птицу вѣщую" и хочетъ его застрѣлить. Воронъ совѣтуетъ Дюку не проливать его крови, а ѣхать въ чисто поле, гдѣ найдетъ себѣ супротивника. Въ полѣ Дюкъ наѣзжаетъ на шатеръ Ильи Муромца и будить его. Не успѣли богатыри "крестами побрататься"

и выпить вина, какъ является Идолице поганый, котораго и побиваетъ Илья. Илья, отправляя Дюка въ Кіевъ, повторяетъ ему завѣтъ матери не хвастаться и общаетъ свою помощь. /X/. Приѣхавъ въ Кіевъ, Дюкъ застаётъ Владимира въ церкви у обѣдни. На вопросъ Владимира, откуда онъ, Дюкъ отвѣчаетъ: "Я - есть изъ Индіи богатый, - Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ -, Отстоялъ дома раннюю заутреню - И сюда приѣхалъ ко обѣднѣ де". /141/. здѣсь же онъ хвастается своимъ конемъ, которому и цѣны нѣтъ. Хвастовство Дюка продолжается на пути изъ Церкви: онъ охорашивается, поглядывая на сапожки и шубку, и на пиру, гдѣ кичится своимъ богатствомъ, откладывая верхнюю корочку колача, либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару вина: все это у него дома лучше.

/X/. Эпизодъ съ Ильей, по мнѣнію Веселовскаго, объясняется тѣмъ, что, кромѣ заставъ баснословныхъ, была еще застава богатырская, во главѣ съ Ильей Муромцемъ, которую нельзя было миновать проѣзжему витязю; нѣкоторыми былинами эта богатырская застава впоследствии была присоединена къ баснословнымъ.

Во всѣхъ случаяхъ Чурила уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ и предлагаетъ ему ударить "во великъ залогъ", ѣздить съ нимъ въ теченіе трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Дюкъ посылаетъ въ Индію къ матери за одеждой коня. Въ теченіе трехъ лѣтъ Дюкъ съ Чурилой взапуски щеголяютъ своимъ платьемъ съ чудесными пуговками и петельками. Дюкъ оказывается здѣсь побѣдителемъ, какъ и въ скачкѣ черезъ "Матушку Нѣпру рѣку". Въ то время какъ

Дюкъ и Чурила состязались въ щегольствѣ, Владиміръ посылаетъ посольство въ царство Дюковой матери, чтобы оцѣнить богатство Дюково. Здѣсь снова выступаетъ пособникомъ Илья: получивъ отъ Дюка ярлыки, онъ посылаетъ въ Кіевъ Добрыню, котораго Дюкъ и проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. На первыхъ же порахъ посольство поражается богатствомъ Дюка: Добрыня невольно принимаетъ за мать Дюка сначала портомойницу, потомъ божатушку: такъ онѣ роскошно были одѣты. Мать Дюка приняла пословъ, угостила ихъ, а узнавъ о цѣли пріѣзда, предложила имъ переписать богатство. Богатства оказывается такое множество, что послы отказываются описывать его, сознаваясь, что если продать Кіевъ и Черниговъ, купить на эти деньги бумаги для

описи, то и бумаги не хватить. Похвальба Дюка, такимъ образомъ, подтверждается, и онъ убака-
еть во - свояси, недовольный приѣмомъ Влади-
мира, несмотря на приглашеніе остаться и тор-
говать беспошлинно. Онъ говоритъ Владимиру,
уѣзжая: "Владиміръ ты князь да столень - кіев-
ской. - Какъ вѣдь съ утра солнышко не спекло, -
Подъ вечеръ солнышко не огрѣе - На приѣздѣ
молодца ты не угостоваль, - А теперь на поѣздѣ
не учоствовать, - А будь - ко свинья да ты
безшорстная." /167/.

Веселовскій, разбирая былины о Дюкѣ,
прежде всего останавливается на имени бога-
тыря и названіяхъ мѣстностей, откуда онъ при-
ѣзжаетъ. Имя Дюкѣ, византийское
/дожѣ/, - невѣстный титулъ, ставшій собствен-
нымъ именемъ. Приѣзжаетъ же Дюкѣ то изъ Ин-
діи, то изъ Волинца Галицкаго, то изъ Коре-
лы; всѣ эти мѣста, очевидно, служатъ обозна-
ченіемъ чего-то неопредѣленнаго. "Древняя
до - кіевская пѣсня, во всякомъ случаѣ, не
знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ ка-
кой-нибудь другой царь, и ея молодець Дюкѣ
приѣзжалъ издалека: изъ Индіи". /172/ Въ
Кіевѣ былина о Дюкѣ могла быть занесена изъ
Галича въ XII в. ведшаго обширную торговлю

съ греческими колоніями Черноморья. Получивъ былину изъ Галича, пѣвцы сдѣлали заключеніе, что и Дюкъ выѣзжаетъ отуда, и внесли этотъ фактъ въ былину; этимъ и объясняется, что на ряду съ Индіей появляется Волынецъ Галицкій. Къ этимъ двумъ названіямъ родины Дюка впоследствии, когда былина была перенесена далѣе на сѣверъ, было присоединено названіе - Кореда. "Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ", по мнѣнію Веселовскаго, "можетъ быть, на пути, по которымъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе на сѣверныя окраины". /172/.

Индія, откуда пріѣзжаетъ Дюкъ, изображается въ былинахъ о немъ страной баснословнаго богатства, какою представляетъ ее средне-вѣковый человѣкъ подъ вліяніемъ Посланія Пресвитера Іоанна XII в., изостаря переведеннаго чуть ли ни на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ на русскій. Веселовскій и устанавливаетъ вліяніе этого посланія на былины о Дюкѣ не только въ отдѣльныхъ эпизодахъ, но и въ содержаніи.

Описаніе роскошной пекарни Пресвитера напоминаетъ глумленіе Дюка на пиру у Владими-

ра, его рассказъ о муравленыхъ пещкахъ и шелковыхъ помелочкахъ.

Описаніе великолѣпныхъ хоромъ Пресвитера, являясь преувеличеннымъ отголоскомъ придворной византійской дѣйствительности, находитъ соотвѣтствіе въ былинахъ о Дюкѣ: въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце, луна и семь небесныхъ свѣтилъ - то же и въ теремахъ Дюка; у Пресвитера на драгоценныхъ колоннахъ горятъ карбункулы - самосвѣты - у Дюка - крыши серебряныя, "Шарики самоцвѣтные камешки"; въ дворцѣ Пресвитера на каждой колоннѣ изображено по царю и царицѣ, въ рукахъ съ музыкальными инструментами и кубками, точно подносятъ другъ другу вина - у Дюка они перенесены въ пуговицы и петельки: "Во пуговицы-то было влито по доброму молодцу, - А въ петельки - то было вплетено по красной дѣвушкѣ: По петелькамъ какъ поведеть, - Такъ красны дѣвушки наливають зелена вина - И подносятъ добрымъ молодцамъ; - А по пуговкамъ поведеть, - Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты, - Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ". /191/.

Пресвитера окружаютъ 72 царя, князя и т.д. въ качествѣ чашниковъ, стольниковъ и т.д.; народъ замѣнилъ царей - чашниковъ, царей - столь-

никовъ просто чашниками, стольниками, служилыми людьми, которые представляются въ такомъ блескѣ, что носолъ принимаетъ ихъ за царя; Добрыня принимаетъ за Дюкову мать портомойницу, божатушку, служанокъ, которыя сидятъ въ теремахъ въ золотѣ и серебрѣ.

Торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатью драгоценными крестами и блестящей военной свитой, народъ могъ понять, какъ шествіе изъ церкви, во время котораго Добрыня видитъ мать Дюка, окруженную дѣвушками, метельщиками, людьми, несущими надъ ней золотникъ - подсолнечникъ.

О трехъ драгоценныхъ камняхъ посланія, изъ которыхъ одинъ возбуждаетъ и направляетъ видѣніе, другой чувство, третій опытъ, существуютъ цѣлыя легенды, напр.: Въ исландской рукописи XIV в. говорится о трехъ камняхъ, присланныхъ королю изъ Индіи какимъ то скабиномъ, ихъ которыхъ одинъ удваиваетъ золото, взятое въ одинаковомъ съ нимъ вѣсѣ, другой охраняетъ во время сраженія отъ ранъ, а держа въ рукѣ третій, можно мгновенно перенестись въ Индію. Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV в. рассказывается о трехъ камняхъ, посланныхъ Іоанномъ императору Фридриху II.

Одинъ изъ нихъ не даетъ погибнуть человѣку въ водѣ, даже если бы онъ пробылъ въ ней цѣлый годъ; другой дѣлаетъ человѣка неуязвимымъ а третій невидимымъ. Дюкова матушка показыва-етъ посламъ три камешка, отъ которыхъ "они го-ря, лучи пекутъ"; послы отказываются оцѣни-вать ихъ. Разница былинъ о Дюкѣ съ поселе-ніемъ только въ томъ, что чудесные камни за-мѣняются камнями - самосвѣтами. Впрочемъ, такіе камни мы встрѣчаемъ въ Индіи Пресвитера въ византийскомъ дворцѣ Гугона, въ дворцѣ Дарія сербской Александрии; палаты Дигениса освѣщаетъ башня "большимъ круглымъ камнемъ"; въ русскихъ былинахъ камни - самосвѣты быва-ютъ вплетены въ лапотцы, шалку, у коня меж-ду ушей и т.д. Пресвитеръ награждаетъ сво-ихъ людей лошадьми-мать Дюка посылаетъ свое-му сыну для состязанія съ Чурилой "добрыхъ коней стады - стадами, шерстью равной".

Въ одномъ древне - русскомъ текстѣ по-сланія Пресвитеръ говоритъ: "Да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебряныхъ, поволоченныхъ, и во всякомъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякаго кольца привязано по 40 коней"; /190/ въ былинѣ о Дюкѣ также гово-рится о серебряныхъ столбахъ и поволочен-

ныхъ кольцахъ, къ которымъ привязаны кони.

Въ заключеніи посланія Пресвитера говорится: "Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram" /188/ или въ русскихъ пересказахъ "Аще хочешь, вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да приѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своея". /189/. Съ другой стороны, въ былинѣ о Дюкѣ читаемъ: "Продай ка свой стольно - Киевъ градъ - На эти на бумаги на гербовныя, - Да на чернила, перья продай еще Черниговъ градъ, - Тогда можешь Дюково имѣнье описывать". /189/ Веселовскій отмѣчаетъ разницу между латинскимъ текстомъ и русскими пересказами посланія, близкими къ былинамъ; эта близость объясняется вліяніемъ былинъ на пересказы посланія.

Отмѣтивъ сходство былинъ о Дюкѣ съ посланіемъ Пресвитера Іоанна, Веселовскій устанавливаетъ его съ старофранцузской поэмой первой половины XII вѣка о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константино-

поль, сохранявшейся въ нѣскольکو редакціяхъ и переводахъ. /X/ Взаимоотношеніе между походомъ Карла и былинами о Дюкѣ Веселовскій кратко выражаетъ такъ:

"А. а/ Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

б/ Въ Кіевѣ похваляется

с/ Послы Владимира ѣдутъ въ Индію, встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка,

/X/. Веселовскій указываетъ на кумрійскій, старосѣверный переводъ и оригиналь старофранцузскаго Galien, всѣ тексты котораго восходятъ къ предполагаемой редакціи Хожденія XII в., чрезъ посредства вторичной переработки, вѣроятно XIII в. Эта переработка послужила источникомъ для франко-италійской поэмы XIII-XIV в., къ которой восходятъ итальянскіе пересказы, въ родѣ эпизода "псхвальбы" въ Libro del Danese, отчасти старо-англійская поэма, отрывки которой напечатаны Madden'омъ. Старосѣверный переводъ вошелъ, между прочимъ въ Karlamagnus - saga, отъ него же зависятъ шведскій и датскій пересказы. Есть обработки хожденія фарейская и исландская.

которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. д., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

В. а/ Карль хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величіи и могуществѣ котораго говоритъ ему жена.

б/ На пути въ Константинополь онъ и его паладины встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинопасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. - Видитъ самого императора въ торжественномъ шествіи /балдахинъ/, чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцевъ на пелястрахъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу и т. п.

с/ Карль и его паладины хвастаются". /197/

Указавъ кратко на сходство хожденія Карла съ былинами, Веселовскій подробно передаетъ содержаніе хожденія, по временамъ останавливаясь на сходныхъ чертахъ его и его пере-

сказовъ съ посланіемъ Пресвитера, былинами и др. произведеніями:

Медвѣди и псы у воротъ дворца фарейскаго Geira - tattur /x/ напоминаютъ гигантовъ и львовъ въ описаніи дворца Пресвитера, диковинки византійскихъ палатъ у Лиутпранда и заставы на Джиковомъ пути изъ Индіи.

Гугоиъ пашеть—это для него такое же *monste mori* какъ сосудъ съ землею для Пресвитера Іоанна, который несутъ передъ нимъ.

Подробности описанія дворца въ кимрійскомъ пересказѣ встрѣчаются и въ посланіи Пресвитера Іоанна и въ былинахъ о Джукѣ: а/ Чудесная колонна встрѣчается въ описаніи дворца Гугона и Пресвитера Іоанна. б/ Солнце, луна и звѣзды палаты Гугона встрѣчаются въ дворцѣ Пресвитера, въ палатахъ драка и Хосроя поэмы объ Иракліи, въ теремахъ Джика, Чурилы и Соловья Будимировича. с/ Подобіе моря, со всѣми обитателями, внизу, у входа дворца Гугона, являясь отраженіемъ "средневѣковой поэтической архитектуры, устраивавшей стеклянные полы, дѣлавшіе впечатлѣніе воды, водоема", /222/ въ которомъ, казалось, двигались рыбы и животныя, относить

/x/ Обработка Хожденія.

насъ, съ одной стороны, къ былинѣ о Дюкѣ, гдѣ тоже говорится о стеклянныхъ полахъ, подъ которыми "вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя"; съ другой стороны, - къ французской поэмѣ XI в., гдѣ въ описаніи Іерусалимскаго собора встрѣчается такая подробность: "Вверху ходитъ луна, внизу, подъ поломъ, течетъ вода и рѣзвятся рыбы". / 222/ д/ Мѣдныя статуи людей у пилястровъ дворца Гугона, играющія на трубахъ, кивающія другъ другу, напоминаютъ царей и царицъ на колоннахъ дворца Пресвитера, играющихъ и угощающихъ другъ друга изъ кубка, и причудливыя изображенія на Дюкѣвыхъ петелькахъ и пуговкахъ.

Паденіе присутствующихъ о земь отъ крика и голосованія птицъ пѣвучихъ и звѣрей рычущихъ, когда Дюкъ проводитъ плеткой по пуговкамъ и петелькамъ, напоминаетъ паденіе и присѣданіе Карла и его перовъ отъ движенія дворца Гугона на оси; подулъ сильный вѣтеръ, дворецъ завертѣлся на оси, статуи затрубили, Карлъ присѣлъ со страха и его спутники попадали, а въ былинахъ рассказчикъ опустилъ вращеніе дворца и объяснилъ паденіе крикомъ птицъ, но не на пилястрахъ, а на пуговкахъ

и петелькахъ Дюка.

Хвастовство Дюка и вообще въ русскихъ былинахъ во полу - столѣ, какъ и хвастовство Карла и его перовъ передъ сномъ, послѣ пира, находятъ соотвѣтствіе въ цѣломъ рядѣ французскихъ и итальянскихъ памятниковъ. "Хвастовство на пиру", говоритъ Веселовскій, "вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ". /225/.

Наконецъ, Веселовскій отличаетъ, что удивленіе оцѣнщиковъ Владимира въ былинѣ о Дюкѣ соотвѣтствуетъ удивленію Карла славѣ и мудрости Арихиса въ Салернской легендѣ, до - французской наиболее древней рецензій Хожденія.

Отмѣтивъ всѣ эти сходства и параллели, Веселовскій заключаетъ/ что "разборъ былинъ о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами Посланія Пресвитера Іоанна". /238/ Этотъ предполагаемый византийскій оригиналъ, легши въ основу былинъ о Дюкѣ и Хожденія, претерпѣлъ различныя измѣненія, соотвѣтственно различнымъ степенямъ народнаго самосознанія.

Первичная былина о Дюкѣ представляетъ архаическій типъ, доказательствомъ чего служить слабое приуроченіе ея къ Кіеву: связь Ильи, занимающаго центральное положеніе въ кіевскомъ циклѣ, съ Дюкомъ чисто внѣшняя; Дюкъ не остается въ Кіевѣ, а уѣзжаетъ на свою родину.

Такое же чисто внѣшнее приуроченіе къ кіевскому циклу представляютъ былины о Соловѣ Будимировичѣ. Соловей Будимировичъ съ Иліей и другими богатырями приѣзжаетъ въ Кіевъ на роскошно обдѣланномъ кораблѣ - Соколѣ свататься за племянницу Владимира Запаву Путьтишну. Онъ является къ Владимиру и его супругѣ съ богатыми подарками. Владимиръ предлагаетъ Соловью Будимировичу поселиться въ одномъ изъ боярскихъ или княжескихъ дворцовъ, но онъ отказывается и проситъ отвести ему "загонъ земли" въ "зеленомъ саду, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ" Запавы, чтобы построить тамъ "снаряденъ дворъ". За ночь въ саду Запавы вырастаютъ диковинные терема. На утро Запава удивлена появленіемъ теремовъ, идетъ въ зеленый садъ осматривать ихъ. Въ это время Соловей играетъ на гусляхъ, но завидѣвъ Запаву, бросаетъ ихъ, "подхватываетъ дѣвицу за

бѣлы ручки, клалъ на кровать слоновыхъ костей". Былина кончается помолвкой, послѣ заявленія Запавы: "А и я, де, дѣвица на выданѣ - Пришла, де, сама за тибя свататься" По другому варианту помолвкѣ предшествуетъ игра въ шахматы.

Въ своей основѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ содержатъ рассказъ о брачной поѣздкѣ заморскаго молодца, прельщающаго невѣсту различными диковинками. Брачный же характеръ сюжета далъ поводъ пѣвцамъ разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символики. Въ доказательство этого Веселовскій и приводитъ рядъ аналогій.

Зеленый садъ Запавы съ вишеньемъ - орѣшьемъ, который хочетъ вырубить Соловей и построить дворець, является такимъ же символическимъ представленіемъ дѣвчества, какъ и садъ - виноградъ свадебныхъ пѣсенъ, который садить и холить дѣвушка и который грозитъ вытѣптать женихъ. Въ малорусской пѣснѣ поется: "Ой ходила Маркся по новимъ двору, - Сіяла садъ - виноградъ съ приполю... - Якъ приде Иванъ зъ боярами, - То витопче садъ - виноградъ кониками". Сбор. отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. Т XXII ст. 67.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ въ "зеленый садъ - виноградъ" залетаетъ соловей - женихъ, топчетъ траву, портитъ садъ. Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ Ганулька сѣетъ въ "зяленъ" саду васильки, которые топчутъ кони жениха - Сопроньки. Образъ сада, попорченной лови извѣстенъ эротической поэзіи другихъ народовъ, напримѣръ: сорванная роза лежитъ въ основѣ аллегоріи Roman de la Rose.

Мѣсяць, солнце и звѣзды въ теремѣ Соловья Будимировича находятъ соотвѣтствіе въ колядкахъ /Веселовскій приводитъ бѣлорусскую колядку/ и свадебныхъ пѣсняхъ. Игра на гусяхъ и въ шахматы встрѣчается опять же въ свадебныхъ пѣсняхъ /"Молодой Ивашко въ гуслі гравъ - И свою Марусю підмовлявъ". "Я пришла къ вамъ разгулятися, - Во игры играть, во шахматы". //73/

Игра въ шахматы, такъ замѣчаетъ Веселовскій, "нерѣдко служила средневѣковымъ поэтамъ для любовной символики; нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко и реально, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи Вильгельма IX, графа Пуату" /73/.

Запава сама просватываетъ себя, какъ Петруша сербской пѣсни. Петруша на кораблѣ

напоминающемъ своею чу-

десностью корабль Соловья, отправляется изъ Ледяна въ Бѣлградъ, чтобы достать себѣ въ мужья Стояна. Это ей удается: Стоянь приходитъ осматривать корабль, его напаваютъ пьянымъ и увозятъ; на третій день онъ проснулся уже женихомъ.

За вышеизложенномъ содержаніемъ былины о Соловьѣ у Кирши слѣдуетъ эпизодъ, не встрѣчающійся въ другихъ пересказахъ былины.

Мать Соловья, узнавъ о помолвкѣ сына, не позволяетъ ему жениться, прежде чѣмъ онъ не распродастъ товары за моремъ. Въ отсутствіе Соловья Владимиръ хочетъ отдать Запаву за "голога шапа Давида Попова". Въ день свадьбы является Соловей, Запаву узнаетъ своего жениха, хотя онъ и былъ одѣтъ въ калическое платье, идетъ съ нимъ за столы бѣлодубовне, насмѣхаясь надъ Давидомъ: "зраствуй женимши, да не съ кѣмъ спать." Приведа этотъ эпизодъ и отмѣтивъ тождественность окончанія его съ былинами о Добрынь, гдѣ съ такими же словами обращается жена Добрыни къ Алешѣ Поповичу, Веселовскій дѣлаетъ предположеніе, что этотъ эпизодъ былъ перенесенъ сюда изъ былинъ о Добрынь. Поводомъ могло послужить имя Запавы, общее былинамъ о Соловьѣ и о Добрынь.

На вопросъ, откуда прѣзжаетъ Соловей Будимировичъ, Веселовскій не даетъ отвѣта. Приведа цѣлый рядъ названій мѣстностей, упоминаемыхъ въ былинахъ /Леденець, Кодольскій островъ, Дунайское море и др./, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что "свести эти показанія, съ цѣлью доискаться настоящихъ названій, едва - ли возможно. Синее, Турецкое, Дунайское море указываютъ на югъ; Леденець и Веденецкая земля стоять одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вм. Венедецкое." /77/.

Собраніе Ильи Муромца и другихъ богатырей на кораблѣ Соловья Будимировича Веселовскій рассматриваетъ, какъ позднѣйшій синкретизмъ, свидѣтельствующій объ упадкѣ народной поэзіи. Возможно, что одной изъ такихъ синкретическихъ былинъ было навѣяно упоминаніе Ильи и Соловья Будимировича въ отпискѣ Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Васовичу, кастеляну Троцкому, изъ орши, 1574 г., Августа 5 дня", и что, слѣдовательно, "въ концѣ XVI вѣка былина о Соловьѣ была уже древнею", такъ какъ должно было пройти много времени "прежде чѣмъ Ильи Муромецъ и другіе богатыри собраны были Рефер. по народ. словесности, листъ 17.

на корабль - Соколъ, т.е. сдѣлался возможнымъ синкретизмъ". /78/.

Веселовскій, сдѣлавъ массу сличеній эпизодовъ русскихъ былинъ съ византийско - славянской и средневѣковой западной поэтической литературой, отмѣчаетъ чужеземные элементы въ нашихъ былинахъ. По его мнѣнію, въ составѣ русскаго эпоса, кромѣ своихъ, заходили чужія странствующія темы. "Свои или чужія - все равно", говоритъ Веселовскій, "ибо народный эпосъ всякаго народа по необходимости международный." / Сбор. отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXXVI ст. 401. /.

Какимъ образомъ проникали къ намъ чужеземныя сказанія, точно сказать труд - но. "Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня черѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими -нибудь историческими или географическими условіями, напр. сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія: я имѣю главнымъ образомъ въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религіозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народ-

но - поэтическія связи, говорить Веселовскій.

/70/.

Прейдя къ намъ, византійскія сказанія, подверглись измѣненіямъ: теряли свою цѣльность; подробности, попавъ въ новую, болѣе простую бытовую обстановку, облекались, какъ полупонятное, въ болѣе грубыя формы, но освоившись на новой почвѣ, они сливались съ произведеніями ея "Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвернуться византійская сага, примкнувъ къ Владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись помелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символически воплотившееся въ лицѣ князя Владимира - и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ", продолжаетъ Веселовскій, разбирая былинку объ Иванѣ Гостинемъ сынѣ, "многія другія привилія сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ цѣлаго, не въ случайныхъ матеріалахъ, пошедшихъ на его созданіе". /68/

О П Е Ч А Т К И.

стр.	Напечатано:	Должно быть:
I	взглядъ Миллера	взгляда Миллера
4	изъ села Качарова	изъ села Карачарова
-	игноруя	игнорируя
-	что дальше ранній	что ранній
-	Хоровъ, о лишеніи	хоривъ, омщеніи
6	съ установленія между миеологическимъ со- держаніемъ древнѣй- шихъ былинъ отъ бы- товыхъ факторовъ...	съ установленія свя- зи между миеологи- ческимъ содержа- ніемъ древнѣйшихъ былинъ и бытовыми факторами....
-	о предметахъ природы и о различныхъ явле- ніяхъ	о различныхъ пред- метахъ и явленіяхъ природы
7	несторъ	Несторъ
-	они являлись	онѣ являлись
-	мысль приномать	мысль пригисать
-	Донъ и Днѣстръ	Донъ и Днѣпръ
8	т.е. Днѣстры /вм.м.р.- Днѣстръ	т.е. Днѣпры /вм.м.р. Днѣпръ/
-	состояніе	состязаніе
-	потекла рѣка Днѣстръ	потекла рѣка Днѣпръ
9	тѣмъ глаголяу	тѣмъ глаголаху

- 10 основавшими -- основывавшими
-- прозвая -- прозвася
-- и на горахъ -- на горахъ
- 11 которая -- которая
-- городѣйка -- чародѣйка
-- на связь съ горою -- на связь его съ горою
- 12 нечувствительны -- нечувствительны
-- Обращаясь -- Обратившись
-- не удержать -- не держать
- 13 английскихъ боговъ -- олимпійскихъ боговъ
-- какъ побѣжить -- какъ подбѣжить
-- на всегда -- навсегда
- 14 одно имя называлось -- одно племя называлось
- 15 отъ какъ обыкновенный -- онъ какъ обыкновен-
ный
- 16 тогда еще -- когда еще
-- бартничествомъ -- бортничествомъ
- 19 другою не видать -- другого не видать
- 23 дружитья съ простородьемъ -- дружитья съ
простомъ.
- 25 матернымъ казакомъ -- матернымъ казакомъ
-- Мы уже отличали -- Мы уже отиѣчали
- 26 вѣковечное -- вѣковѣчное
-- прежде Аниселія -- прежде Антонія
-- гдѣ же донскѣ -- идѣ же донскѣ
-- принимать всѣ слои -- принимать участіе всѣ
слои

28. и отвѣчающимъ исто- - и не отвѣчающимъ ист-
рической правдѣ исторической правдѣ
31. раздѣлявшихъ поселенія - раздѣлявшимъ посе-
ленія
33. убить украдкою. - убить украдкою.
- составную черту - существенную черту
34. промѣняетъ званіе - промѣнялъ званіе
- издавна славится - издавна славился
- соговорищами - сокровищами
35. героевъ -мужинъ - героевъ мужинъ
- онѣ ѣдутъ - онѣ ѣздятъ
- о особенно - и особенно
36. во время какъ - въ то время какъ
37. былины отличаютъ - былины отмѣчаютъ
40. только сбрую - одну только сбрую
- разбогатѣвшисъ - разбогатчвши
- онъ не скупалъ - онъ ни скупалъ
41. тагаться - тягаться
- съ садко - съ Садко
- тамъ много - такъ много
42. опрославляютъ - прославляютъ
43. самознаніе - самосознаніе
- традиціонную лѣтописью - традиціонною
лѣтописью
- ниспровергать - ниспровергаетъ

- 43 для острастки - для острастки
44 миѣической теоріи - миѣической теоріи
- миѣическія образы - миѣическіе образы
46 оказало вліяніе - не оказало вліяніе
- междусобій - междоусобій
47 одинако главное - одинако главное.
50 Муромца" - Муромецъ"
- далѣе - даже
51 выдѣленныхъ - изъ выдѣленныхъ.
52 неощнѣйше - неощнѣйше"
53 своего - самъ своего
- Приотростимъ /Самсона/ - Приотростилъ Самсонъ
55 что - "что
59 "Домишечкѣ - "Домишечкѣ
60 - - "сватать ю
- свабоды - свадьбы
62 горбатой - къ горбатой
69 gegenden - legenden
71 ложится на одинъ гробъ - вычеркнуть
72 опредѣлилось - опредѣлилось
- и мы - мы и
- памятиковъ - намятниковъ
74 богатыря - богатыря".
Правдъ - Правда
75 полности - полноты

- 75 остановится - остановиться
77 твоего и будетъ есть - твоего будешь ѣсть
79 он - но
- своей - отъ своей
- предѣлку - передѣлку
87 Послѣ богатырях пропущено и богатырях
89 - живого - Потока
91 - распазъ - въ сборникѣ Су-
мадевы. Причемъ распазъ

Страницы 95 и 96 перепутаны

- 99 рдными - родными
106 попадали - подпадали
113 не доказываль - не доказаль
- восточномымъ - восточнымъ
114 по крайнѣй - по крайней
- впечатлѣнiю - впечатлѣнiю
117 по мѣрѣ - по мѣркѣ
- извѣстной - извѣстной
126 демоны - демона
128 употребленiя - уподобленiя
129 Вставка послѣ словъ: "представитель громо-
носныхъ облаковъ" - "вмѣстѣ съ тѣмъ ему
придаются"...
130 не приходится - не приходится
131 приатомъ - при этомъ

- 134 неужемительностю - неутомимостью
135 божественноаго - божественнаго
- проливаемыя - проливаемые
138 ту же - ту же
139 привлекали - привлекли
145 былинь - былинь и
151 по святой.. - на святой....
153 въ лѣто в. 725 - въ лѣто 6725.
155 на рѣцѣ Грѣ, ноже - на рѣцѣ Гдѣ, иже
156 извѣстія пропущено : встрѣченныя въ болѣе
древнихъ лѣтописяхъ,
157 Разскаывая .. - Разводя..
160 понимали - понимать
- сказаній. - сказаній.
175 новыми пропущ.: /объ этомъ см. стр. 56-61
цит. кн./.
176 о немъ. пропущ. далѣе: Приведемъ главныя.
176 /3 т./.... - /2 томъ/....
178 въ Нуконовской лѣтоп. - въ Никоновской
лѣтописи...
185 пропущена цѣлая строка: послѣ словъ -
"такого царя"... надо прибавить: "какими
рисуетъ былинный кн. Влад., найденъ имъ
въ лицѣ иранскаго царя"....
186 "сказанья" - "сказочныя"
187 дѣятельности - дѣйствительности

- 190 останавляя - оставляя
- 195 надится - находится
- думаетъ - думаемъ
- 198 голосковымъ - голословнымъ
- 204, для обозначенія предѣловъ цитать, должно
поставить к а в н ч к и: I/во 2-ой стр.
сверху - послѣ слова: жизни /замыкающія/
2/ въ 9-ой сверху - передъ словомъ то
/начало новой цитаты/.
- 211 благородной - благо родной
- 214 переносимости - переносили
- 219 только -- точно
- эпонесмическія - эпонимическія
- 220 италянскаго - итальянскаго
- Рыбника -- Рыбникова
- 222 о сударь - осударь
- 224 подробности - подробность
- 225 возвращенія - возвращенія
- съ коня на коня - съ коня де на конь
- 227 гашникомъ - чашникомъ
- 228 Амелеры - Амелфры
- 229 обжественныхъ - общественныхъ
- позовицику -- позовцику:
- 230 молодцы -- молодицы
- 231 приуроченій - приуроченій

- 231 предложе предложениемъ - предложениемъ
233 подробноссями - подробностями
- кмочникомъ - ключникомъ
235 конюшничаль - ключничаль
236 князью - князю
238 Итов - Ишовъ
239 клевуцикъ - клевуцихъ
- замѣищѣ - змѣищѣ
240 .здѣсь - ; здѣсь
242 угостоваль - участоваль
242 проручено послѣ византий-
ское
243 былына - былина
245 волотникъ - зонтикъ
246 поселениемъ - посланиемъ
248 кумрійскій - кимрійскій
- посредства - посредство
250 **momento** - **memento**
252 отличаетъ - отмѣчаетъ
253 приѣзжаетъ - приѣзжаетъ
254 тнбя - тебя
256 вышеизложенномъ - вышеизложеннымъ

- 1 1 Русск. Писемъ замъ в оубрѣ Буенова
- 2 41 Тамъ же о Соло-Словоупъ к оубрѣ
- 3 86 Миръ Соловѣ в оубрѣ Буенова
- 4 103 Миръ Соловѣ в оубрѣ Буенова
- 5 144 Миръ Соловѣ в оубрѣ Буенова
- 6 140 Миръ Соловѣ в оубрѣ Буенова
- 7 211 Миръ Соловѣ в оубрѣ Буенова

250	оубрѣ	-	оубрѣ
251	оубрѣ	-	оубрѣ
252	оубрѣ	-	оубрѣ
253	оубрѣ	-	оубрѣ
254	оубрѣ	-	оубрѣ
255	оубрѣ	-	оубрѣ